

2025. Vol. 18. Is. 1

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2025. Т. 18. № 1

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦC77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн: *Д. В. Татнинов*

Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*

Ответственный секретарь: *И. Б. Манджиева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design: *Dz. Tatminov*

Page layout: *A. Kogdanov*

Executive Secretary: *I. Mandzhieva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Мелконян А. А., Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мкртчян К. Г.</i> Гилян в начале XX вв. (1900–1908 гг.): экономический потенциал и перспективы развития торговых отношений с Россией.	8
	<i>Корноухова Г. Г., Токтамысов С. Ж.</i> Развитие российско-персидской торговли по среднеазиатской границе на рубеже XIX–XX вв.	25
	<i>Рязанцев С. В., Храмова М. Н., Смирнов А. В.</i> Русская миграция в Сиам (Таиланд) в контексте развития двусторонних отношений в XIX–XXI вв.	40
	<i>Тургунбаев И. Е., Сайлан Б. С., Тургунбаев Е. М.</i> Декомпозиция религиозных институтов в контексте секуляризации Турецкой Республики: анализ закрытия текке как ключевого элемента государственной трансформации	59
Отечественная история	<i>Назаренко К. Б.</i> Калмыки — офицеры петровского флота	71
	<i>Стамшалов Е. И.</i> Деятельность Особой комиссии при Центральном исполнительном комитете Туркестанской АССР по резвакуации семиреченских мигрантов	87
	<i>Бояджян А. Г., Амбарцумян К. Р., Майтесян Г. Ш.</i> Влияние этнического фактора на политические процессы в Баку 1917 г.	100
	<i>Алпыспаева Г. А., Джумагалиева К. В., Жуман Г. Ж., Аубакирова Х. А.</i> Сектантские общины в Казахской ССР (1940–1980-е гг.)	119
Источниковедение	<i>Хамидуллин С. И.</i> Рассказ о башкирах географической школы ал-Балхи: содержание, источники, верификация	139
	<i>Цендина А. Д., Овчинникова М. А.</i> Устные «предтексты» монгольских летописей XVII в.	152
	<i>Кожан М. Б., Ильясова З. С., Сиздинов Б. С.</i> Планы городов Туркестана и Бухары по материалам экспедиции Д. Г. Мессершмидта	169
Лингвистика	<i>Нуриева Ф. Ш., Галиуллина Г. Р., Юсупов А. Ф.</i> Словари Г. Ф. Миллера как источник для изучения истории диалектов татарского языка (на материале платформы LingvoDoc)	191
	<i>Курилова С. Н.</i> Якутская лексика в живой речи современных тундровых юкагиров	212
	<i>Сянлин Е.</i> Специфика описания событий движения в русских и китайских письменных повествованиях: анализ данных носителей языка и учащих	231
	<i>Чжу Хуэй, Митрофанова О. А.</i> Сопоставительный анализ вероятностных тематических моделей китайско-русского корпуса политических текстов	247

CONTENTS

General History	<i>Melkonyan A. A., Kryuchkov I. V., Kriuchkova N. D., Mkrtchyan K. G.</i> Gilan in the Early Twentieth Century (1900–1908): Economic Potential and Trade Development Prospects with Russia	8
	<i>Kornoukhova G. G., Toktamysov S. Zh.</i> Development of Russian-Persian Trade along the Central Asian Border at the Turn of the Twentieth Century	25
	<i>Ryazantsev S. V., Khramova M. N., Smirnov A. V.</i> Russian Migration to Siam (Thailand) in the Context of Bilateral Relations Development, Nineteenth to Twenty First Centuries	40
	<i>Turgunbayev I. Ye., Sailan B. S., Turgunbayev Ye. M.</i> Secularization in the Republic of Turkey and Decomposition of Religious Institutions: How Closures of Tekkes Served a Key State Transformation Element	59
National History	<i>Nazarenko K. B.</i> Kalmyk Officers of Peter the Great’s Fleet	71
	<i>Stamshalov Ye. I.</i> Central Executive Committee of the Turkestan ASSR: Activities of the Special Commission for Re-evacuation of Semirechye Migrants	87
	<i>Boyardjyan A. G., Ambartsumyan K. R., Mahtesyan H. Sh.</i> Baku in 1917: Impacts of the Ethnic Factor on Political Processes	100
	<i>Alpyspaeva G. A., Dzhumagaliyeva K. V., Zhuman G., Aubakirova H. A.</i> Sectarian Communities in the Kazakh SSR, 1940s–1980s	119
Source Studies	<i>Khamidullin S. I.</i> The Narrative of Bashkirs by the Balkhī School: Essentials, Sources, Verification	139
	<i>Tsendina A. D., Ovchinnikova M. A.</i> Oral ‘Pretexts’ of Seventeenth-Century Mongolian Chronicles	152
	<i>Kozha M. B., Ilyasova Z. S., Sizdikov B. S.</i> City Plans of Turkistan and Bukhara: Analyzing Materials of D. G. Messerschmidt’s Expedition	169
Linguistics	<i>Nurieva F. Sh., Galiullina G. R., Yusupov A. F.</i> G. F. Müller’s Dictionaries as a Source for Insights into Tatar Dialect History: A LingvoDoc-Based Analysis	191
	<i>Kurilova S. N.</i> Yakut Lexemes in Modern Spoken Tundra Yukaghir	212
	<i>Hsiang-lin Yeh.</i> Specifics of Motion Event Descriptions in Russian and Chinese Written Narratives: Analyzing Data of Native Speakers and Language Learners	231
	<i>Zhu Hui, Mitrofanova O. A.</i> Chinese-Russian Corpus of Political Texts: A Comparative Analysis of Probabilistic Topic Models	247

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 8–24, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-8-24

Гилян в начале XX в. (1900–1908 гг.): экономический потенциал и перспективы развития торговых отношений с Россией

*Ашот Агасиевич Мелконян^{1,2}, Игорь Владимирович Крючков³,
 Наталья Дмитриевна Крючкова⁴, Карен Гургенович Мкртчян⁵*

- ¹ Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24/4, ул. маршала Баграмяна, 0025 Ереван, Республика Армения)
 доктор исторических наук, академик, директор
- ² Ереванский государственный университет (д. 1, ул. Алека Манукяна, 0025 Ереван, Республика Армения)
 доктор исторических наук, профессор
 0000-0002-2579-0286. E-mail: [ashamelk\[at\]yahoo.com](mailto:ashamelk[at]yahoo.com)
- ³ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017 Ставрополь, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор
 0000-0002-1224-1341. E-mail: [igory5\[at\]yandex.ru](mailto:igory5[at]yandex.ru)
- ⁴ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017 Ставрополь, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, доцент
 0000-0003-3068-8865. E-mail: [intist08nk\[at\]yandex.ru](mailto:intist08nk[at]yandex.ru)
- ⁵ Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (д. 24/4, ул. маршала Баграмяна, 0025 Ереван, Республика Армения)
 кандидат исторических наук, научный сотрудник
 0009-0006-2376-0215. E-mail: [k86mkrtchyan\[at\]gmail.com](mailto:k86mkrtchyan[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Мелконян А. А., Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мкртчян К. Г., 2025

Аннотация. *Введение.* Экономические связи России с Персией в XIX – начале XX вв. получили широкое отражение в отечественной и зарубежной историографии, однако из поля зрения исследователей ускользает региональная специфика данного процесса, развитие торговли России с разными провинциями государства Каджаров, в том числе с ее северо-западными регионами, являвшимися зоной экономического доминирования России. Проблема экономического проникновения России в Гилян относится к малоизученным темам в современной историографии. *Цель* исследования является на основе анализа донесений российских дипломатов рассмотрение специфики развития народного хозяйства Гиляна и его экспортный потенциал в начале XX в. *Результаты.* Проанализированы динамика внешнеэкономических связей России с Гиляном, проблемы организации экономического сотрудничества между ними. Большое внимание авторы уделяют значению армянской общины России и Персии и других поданных

империи Романовых в экономическом диалоге России с Гиляном. Отдельной исследовательской проблемой становится проникновение российского капитала в Гилян и перспективы его развития. Политическая нестабильность в России и Персии самым негативным образом сказывалась на развитии экономических связей России с Гиляном. В заключении отмечается, что российские дипломаты указывали на ведущие позиции России в торговых отношениях Гиляна с иностранными государствами, контролируя значительную часть экспорта сахара и импорт из Гиляна риса. Существенную помощь российским экспортерам оказывало отделение Учетно-Ссудного банка в Реште, в том числе через кредитование купечества Гиляна. Российские дипломаты видели перспективы дальнейшего укрепления экономических позиций России в Гиляне в активизации деятельности частного предпринимательства и в дальнейшей помощи им со стороны правительства страны.

Ключевые слова: Гилян, Персия, внешняя торговля, экспорт, армянские купцы, революция, таможенные тарифы

Для цитирования: Мелконян А. А., Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мкртчян К. Г. Гилян в начале XX в. (1900–1908 гг.): экономический потенциал и перспективы развития торговых отношений с Россией // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 1. С. 8–24. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-8-24

Gilan in the Early Twentieth Century (1900–1908): Economic Potential and Trade Development Prospects with Russia

Ashot A. Melkonyan^{1,2}, Igor V. Kryuchkov³, Natalia D. Kriuchkova⁴, Karen G. Mkrtchyan⁵

- ¹ Institute of History, Armenian National Academy of Sciences (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0025 Yerevan, Republic of Armenia)
Dr. Sc. (History), Academician, Director

- ² Yerevan State University (1, Alex Manoogian St., 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Professor

- 0000-0002-2579-0286. E-mail: ashamelk[at]yahoo.com

- ³ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

- 0000-0002-1224-1341. E-mail: igory5[at]yandex.ru

- ⁴ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

- 0000-0003-3068-8865. E-mail: intist08nk[at]yandex.ru

- ⁵ Institute of History, Armenian National Academy of Sciences (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Research Associate

- 0009-0006-2376-0215. E-mail: k86mkrtchyan[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2025

© Melkonyan A. A., Kryuchkov I. V., Kriuchkova N. D., Mkrtchyan K. G., 2025

Abstract. Introduction. Nineteenth- and early twentieth-century Russia-Persia economic relations have been widely described in domestic and foreign historiographies. However, some regional features of the process, development of Russian trade with various provinces of the Qajar Empire — including its northwestern regions economically dominated by Russia — have escaped researchers' attention. So, the problem of Russia's economic penetration into Gilan also remains an understudied topic in modern historiography. **Goals.** The paper shall analyze reports by Russian diplomats for insights into how the national economy of Gilan would specifically develop and for evaluations of its export potential in the early twentieth century. **Results.** The article examines the dynamics of Russia-Gilan economic relations and challenges of economic cooperation faced by the former. Considerable attention is given to the significance of Russia and Persia's Armenian communities (and other subjects of the Romanov Empire) in the economic dialogue between Russia and Gilan. Another research problem is that of how

Russian capital would penetrate into Gilan and further develop therein. The political instabilities in Russia and Persia had most negative impacts on Russia-Gilan economic contacts. *Conclusions.* The work resumes Russian diplomats emphasized Russia's dominant role in trade relations with Gilan since the former asserted control over a considerable portion of sugar exports and rice imports from the region. Russian exporters were substantially assisted by the Rasht office of the Discount and Loan Bank, including via granting credits to merchants of Gilan. Russian diplomats tended to conclude it was the intensification of private entrepreneurship and further assistance from the government that would secure further strengthening of Russia's economic positions in Gilan.

Keywords: Gilan, Persia, foreign trade, exports, Armenian merchants, revolution, customs tariffs

For citation: Melkonyan A. A., Kryuchkov I. V., Kriuchkova N. D., Mkrtchyan K. G. Gilan in the Early Twentieth Century (1900–1908): Economic Potential and Trade Development Prospects with Russia. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 8–24. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-8-24

1. Введение

Персидская провинция Гилян занимала исключительное место в экономических связях России и Персии в XIX – начале XX вв.

В результате похода Петра I в 1722 г. Гилян оказался почти на десять лет в составе Российской империи [Мельгунов 1874: 5–60]. Провинция не относилась к самым крупным и многонаселенным регионам страны. Однако Гилян занимал исключительное экономическое и стратегическое место в российской политике в Персии. Гилян имел благоприятный климат и обладал значительными ресурсами, вызывавшими интерес в России. Провинция фактически являлась воротами из России в Персию. Северная ее часть — Астара — граничила с сухопутной границей России на реке Аракс. Порт Энзели стал морскими форпостом, соединявшим государство Каджаров с морскими портами России в Каспийском море и прежде всего с Баку, Астраханью и далее с волжскими портами вплоть до Нижнего Новгорода. Несколько другую миссию выполнял порт Астара, обеспечивавший торговые связи России с персидским Азербайджаном, причем объемы перевозок товаров через порт постепенно нарастали, несмотря на негибкую тарифную политику монополиста — судоходной компании Г. З. Тагиева [Введенский 1907: 472]. Географическая близость создавала предпосылки для развития контрабандной торговли, с чем пытались бороться российские и персидские власти. В начале XX в. периодически обсуждались перспективы строительства

железной дороги через Гилян, которая соединила бы Россию с Персией и создавала новые перспективы для экономических связей двух стран.

2. Материалы и методы исследования. Историографический обзор

В качестве основного исторического источника при подготовке данной статьи послужили донесения российских дипломатов, занимавших, главным образом, различные должности в консульствах России в Персии или ранее трудившиеся в дипломатических миссиях в этой стране.

Исследование опирается на основные принципы исторической науки — историзма, системности и объективности, — позволяющие всесторонне и разнопланово проанализировать поставленную научную проблему. В процессе анализа применялся историко-сравнительный метод, предоставляющий возможность сопоставить различные секторы народного хозяйства Гиляна и позиции основных участников внешнеэкономических связей Гиляна. Историко-генетический метод позволил описать экономику Гиляна и его внешнюю торговлю как некую единую структуру, несмотря на разновекторность развития отдельных экономических процессов в регионе.

Развитие экономических связей России и Персии в целом широко отражено в современной российской историографии. Л. М. Калугина и С. А. Сухоруков в своих монографиях рассматривают факторы, способствовавшие увеличению торговых отно-

шений между двумя странами, и специфику проникновения российского капитала в страну в начале XX в. [Калугина 2010; Сухо-руков 2009]. Ряд аспектов взаимной торговли России и Персии в XIX – начале XX вв. поднимается в публикациях Ш. С. Галбацова [Галбацов 2012]. Политику правительства России в области развития экономического сотрудничества России и Персии анализирует Г. Г. Корноухова [Корноухова 2019]. А. А. Абрамов изучает проблемы модернизации порта Энзели при самом активном участии России, что позволило упрочить ее позиции в Гиляне и в других регионах Северной и Центральной Персии [Абрамов 2018]. Деятельность Учетно-Ссудного банка Персии исследована И. К. Павловой [Павлова 2017]. Роль портов Дагестана в развитии торговли с Россией раскрывает С. И. Мусаева [Мусаева 2019]. Среди зарубежных авторов следует выделить работу Р. Одельсона, где, помимо прочего, рассматривается экономическая конкуренция России и Великобритании в Персии [Adelson 1995].

3. Этнополитические и исторические условия укрепления экономических связей России с Гиляном в начале XX в.

В торговле с Гиляном Россия имела важное преимущество. Закавказская железная дорога выходила к Баку и Джульфе, удешевляя перевозку товаров. В 1903 г. Россия и Персия подписали новый торговый договор, взаимно отменявший или снижавший тарифы на ряд товаров, что благоприятно сказалось на развитии торговли России с Персией. В силу географической близости российские предприниматели проявляли интерес к Гилян, создавая предпосылки для расширения экономического присутствия России в этой провинции.

Вместе с тем в начале XX в. различные факторы тормозили развитие экономических связей России с Персией, в том числе с ее северо-западными регионами. В 1903–1904 гг. в Персии вспыхнула эпидемия холеры, негативно сказавшаяся на деловой активности в стране и фактически парализовавшая на три месяца всю деловую жизнь. 8 февраля 1904 г. началась русско-японская война, что также не способствова-

ло развитию внешнеэкономических связей России с Персией. Затем в связи с ситуацией, сложившейся в результате Первой русской революции, наблюдалось подорожание российского экспорта и его сокращение [Введенский 1907: 477]. Свою роль в кризисе 1904–1906 гг. сыграло падение курса персидского крана к рублю с 1 руб. 75 коп. за 10 кранов до 1 руб. 65 коп. за 10 кранов [Введенский 1906: 339]. В 1906–1907 гг. курс крана продолжал снижаться, что отрицательно сказывалось на экономике страны и ее внешней торговле. Важную роль в падении курса крана сыграла политическая нестабильность в России и разорение многих персидских купцов, связанных торговыми операциями с Россией [Олферьев 1908: 62]. Этот факт привел к резкому спросу на золотые монеты. В декабре 1905 г. в Персии вспыхнула революция, продлившаяся до конца 1911 г., что привело к дестабилизации ситуации во многих регионах страны.

Важное место в торговле России с Гиляном играли народы Закавказья, хорошо знавшие специфику местной экономики и устои персидского общества. Особо выделим значение армянской общины Гиляна в данном процессе. По сведениям армянского историка XVII в. Аракела Даврижеци (Тавризского), часть армян, переселившихся в 1604 г. в Персию по приказу шаха Аббаса, поселилась на южных берегах Каспийского моря в провинциях Гилян и Мезендаран [Даврижеци 1990: 371, 462]. Число армян в Энзели увеличилось в XVIII в. за счет поселившихся здесь армян из Закавказья, в частности из Акулиса, Гандзака, Арцаха, Шамахи, а также из Астрахани и из разных регионов Персии (Тавриза, Лахиджана, Гарадага, Мужамбара). Уже в 1874 г. в Энзели проживало 370 армян. В начале XX в. в городе численность армян составила 775 чел., здесь действовали церковь Св. Аствацацин (Богородицы) и школа Св. Вардананц [Армянская 2003: 242]. В 1850-е гг. в Реште проживало 800 армян, а в соседних сельских поселениях (Лахиджане, Ленгеруде и др.) — 400 чел. В начале XX в. их численность также увеличилась. В Реште действовали церковь Св. Месропа, школа «Мариаман», спортивно-культурный союз «Арарат». Об-

щины армян проживали и в других городах и населенных пунктах Гиляна [Армянская 2003: 246]. Армянские церкви провинции подчинялись Армянской епархии Тегерана [Бадалян 2011: 270–271].

В начале XX в. Энзели и Решт становятся важными центрами деятельности отдельных купеческих домов (Туманиан, Асланян, Иорданян, Кусикян и др.), занимавшихся торговлей шелком и рисом. Торговые дома «Лиазанов» и «Туманян» имели широкие внешнеэкономические связи, особенно с Россией [Армянская 2003: 242].

4. Экономика Гиляна в начале XX в.: взгляд из России

В силу благоприятных природно-климатических условий долгое время основу экономики Гиляна составляли рисоводство и шелководство. В средние века и в раннее новое время провинция стала одним из центров производства шелка на Ближнем Востоке, принося значительный доход местному населению и казне шаха. Поэтому в XVI–XVIII вв. интерес России к Гилянскому шелку, который через Астрахань поступал в страну. Гилянский шелк получил хорошую репутацию в Персии и за ее пределами. В 60-е гг. XIX в. шелководство Гиляна оказалось в глубоком кризисе, вызванном распространением различных заболеваний, затронувших шелковичных червей. К 1864 г. погибли все местные шелковые гренны (кладки яиц шелкопряда) [Олферьев 1904: 324]. Поэтому их пришлось завозить из других провинций Персии, из Японии, но качество привозимой гренны вызывало серьезные нарекания [Олферьев 1904: 324–325]. В 1893 г. происходит прорыв в производстве шелка с появлением качественной гренны, произведенной в одном из центров шелковой промышленности Османской империи в Бурсе. В 1893 г. фирма «Pascalidis» раздала шелководам Гиляна грену из Бурсы, которая хорошо приспособилась к местным условиям, давая высокий урожай довольно высокого качества. Данным успехом Гилян во многом был обязан греческому купцу из Бурсы Безаносу, прибывшему в провинцию в 1888 г. В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в.

в Гилян приехало большое количество греческих торговцев, поданных Османской империи из Бурсы и Гемлека, сыгравших большую роль в производстве и экспорте шелковых коконов [Олферьев 1908: 66]. Неплохие результаты показывала гренна из с. Акулис Эриванской губернии, но она стоила дороже гренны, приобретенной в Бурсе. Российские дипломаты полагали, что развитие шелководства на Кавказе со временем могло укрепить внешнеэкономические позиции России в Персии и в других регионах Ближнего Востока [Олферьев 1908: 66–67].

В последней трети XIX в. шелководство в провинции быстро восстанавливается, ориентируясь на вывоз значительной части продукции за границу. В начале XX в. примерно 25 % шелковых коконов оставалось для нужд местной промышленности [Штриттер 1907: 317]. Поэтому вывоз шелка из Гиляна рос впечатляющими темпами с 34,5 тыс. кг в 1893 г. до 1 млн 529 тыс. кг в 1903 г. [Олферьев 1904: 326]. Успехи отрасли оказались возможными из-за активного проникновения иностранного капитала, главным образом французского и итальянского. Вместе с ними в шелководство пришли новые технологии и необходимые инвестиции. К концу XIX в. французам удалось взять под контроль основную часть экспорта шелка из Гиляна [Олферьев 1904: 322]. Кроме того, значительная доля производства и экспорта шелка оказалась в руках армянских и греческих торговых домов, внесших свой вклад в развитие отрасли. Кредитование крестьян под гарантии будущего урожая оказалось очень выгодной практикой, хотя и приводившей к значительному числу злоупотреблений с их стороны. Торговые дома охотно кредитовали местных крестьян при условии расширения садов, занятых тутовыми деревьями. В 1905–1906 гг. покупатели шелковых коконов отказываются от политики кредитования под будущий урожай. Они выбрали два варианта оплаты коконов: наличными при получении товара на сушилках или в кредит под гарантии местного помещика [Штриттер 1907: 316].

Гилянские крестьяне, заинтересованные в получении прибыли при минимальных затратах ресурсов, охотно расширяли произ-

водство шелка. Экспортеры также получали высокие доходы от вывоза гилянского шелка, продавая его в Милане, Генуе и Марселе в 2–3 раза дороже по сравнению с закупочными ценами в Гиляне. Торговые дома «Bonnet et Cie», «Pascalidis», «Terrail», «Payen et C^{ic}», «Toumaniantz», «Sevan et Cie», «Koussis», «Amin Zarbe» заслужили хорошую репутацию среди местных производителей и потребителей в Европе [Олферьев 1904: 323]. В начале XX в. позиции европейских компаний начинают теснить армянские и персидские предприниматели, включая поданных России. В 1906 г. европейские компании контролировали всего 7,55 % вывоза шелковых коконов из Гиляна, армяне — 10 %, персы — 32 %, греческие торговые дома удерживали лидерство — 50,5 % [Штриттер 1907: 317].

Зарубежные инвесторы прикладывали усилия для использования последних достижений технического прогресса в отрасли, создавая паровые сушилки для шелка, что значительно ускоряло данный процесс и положительно отражалось на качестве продукции и ее себестоимости. Особенно в этом отношении преуспели торговые дома «Bonnet» и «Pascalidis» [Олферьев 1904: 323]. Активная деятельность европейских предпринимателей привлекла внимание местных купцов. Одни из них Эмин Доруж Зерб в окрестностях Решта построил современную шелкомотальную фабрику, ее продукция оказалась востребованной в Марселе, Лионе и Милане [Штриттер 1907: 316–317].

В сложившейся ситуации, учитывая давний интерес России к гилянскому шелку, следовало ожидать проникновения в отрасль российского капитала. Однако на практике оказалось все сложнее. Российские предприниматели в начале XX в. не смогли найти свою нишу в шелководстве Гиляна. Появление в столице провинции Реште отделения «Учетно-Ссудного банка Персии» должно было стимулировать интерес российских предпринимателей к шелководству Гиляна. Эти ожидания не оправдались. Главная причина заключалась в ограниченности спроса в России на сырой шелк из провинции и отсутствие предприятий

по его переработке (шелкомотален). Поэтому первые попытки некоторых российских предпринимателей оказались обречены на провал [Олферьев 1904: 323].

В сложившейся ситуации отделение банка самостоятельно выступило в качестве экспортера шелка в Марсель. Оно выдавало кредиты в целом на приемлемых условиях местным производителям под обеспечение будущего урожая [Олферьев 1904: 324]. Банк продавал урожай, возвращая кредит и получая небольшую комиссию на экспортных операциях, а остальную часть прибыли передавал крестьянам. Данная схема в принципе устраивала всех ее участников. Банк получал прибыль и за счет того, что он выдавал кредиты местному населению в серебряных кранах, а в Марселе за реализацию продукции на его счета приходи французские франки [Олферьев 1904: 324]. На первых порах у отделения возникли проблемы с приобретением грены. Ее пришлось покупать у зарубежных конкурентов в Гиляне, а надежды на селекционную станцию в Тифлисе себя не оправдали. Со временем эту задачу удалось решить за счет покупки грены в Османской империи и в Европе [Олферьев 1904: 325].

Следует отметить, что деятельность отделения вызвала большой резонанс в Гиляне [Павлова 2017: 48–49]. По аналогичной схеме оно начало работать с производителями риса и сухофруктов в этой провинции. За короткий промежуток времени отделение стало пользоваться доверием у местного населения. То, что оно выдавало кредиты под меньший процент, чем другие иностранные компании, в результате привело к снижению процентных ставок в Гиляне в целом и к недовольству некоторых торговых домов. Для расширения российского присутствия в отрасли российское консульство в Реште предлагало создать в городе шелководческую станцию, которая могла стать одним из инструментов закрепления позиций России в шелководстве Гиляна [Олферьев 1904: 325].

В начале XX в. российские предприниматели стали проявлять определенный интерес к шелководству в Гиляне. Бакинский торговый дом Расулова в округе Ленгерд

построил собственные сушилки и склады для шелковых коконов, потеснив позиции французских, итальянских и греческих конкурентов в данном районе. Это начинание получило высокую оценку у российских дипломатов [Олферьев 1906: 472]. Они понимали необходимость объединения усилий государства и частного предпринимательства для закрепления позиций России в Персии и на Ближнем Востоке в целом.

Значительную часть посевных площадей Гиляна занимали рисовые чеки. В то же время следует отметить, что до 1860 г. рисоводство играло незначительную роль в экономике провинции и она зависела от поставок риса из других районов Персии [Олферьев 1908: 67]. Больших достижений рисоводы Гиляна достигли в последней четверти XIX в. Рис, отличавшийся хорошим качеством, направлялся в другие провинции Персии и за ее пределы. Гилянский рис имел более высокое качество, чем рис из соседнего Мазендарана [Никольский 1909а: 314]. Высоким качеством отличался рис, прежде всего произведенный в Талышской области. В районе Ленгеруда крестьяне выращивали рис дешевых сортов [Олферьев 1906: 339]. К началу XX в. в Гиляне производилось около 5 % риса высших сортов, предназначенных для внутреннего потребления, а позже и для экспорта в Россию [Цейдлер 1904: 372]. Рис низших сортов шел как на внутренний рынок, так и на экспорт в Россию. В Гиляне культивировали до 15 сортов риса.

Производство риса составляло основу местной экономики, определяя и повседневную жизнь гилянцев. Они предпочитали потреблять из зерновых культур рис, что существенно снижало экспортный потенциал российских мукомолов и соседнего Казвина. Правда, на рубеже XIX–XX вв. в городах Гиляна средний класс стал расширять потребление российской пшеничной и ячменной муки, отличавшейся высоким качеством по сравнению с персидской продукцией.

В конце XIX в. начинает сказываться ограниченность ресурсов в дальнейшем расширении посевов риса, в то время как шелководы располагали значительным количеством пригодных земель для увеличения производства. Рисоводы столкнулись с

дефицитом и водных ресурсов, более того, отрасль затронуло подорожание воды и рабочей силы, в то время как в высаживании тутовых садов таких проблем не возникало [Цейдлер 1904: 367]. К тому же производство риса отличалось высокой трудоемкостью и вредностью для здоровья человека, что также способствовало переходу крестьян на выращивание тутовых садов. Занимаясь шелководством, они могли параллельно заниматься и другими видами деятельности. В шелководстве крестьяне получали более высокую прибыль по сравнению с рисоводством. Шелководы имели еще одно важное преимущество. Они получали наличные средства под будущий урожай, а рисоводы только после реализации риса в Баку, а иногда через год после сбора урожая [Цейдлер 1904: 366]. Однако у рисоводов также было важное преимущество, их продукция стабильно пользовалась спросом, а шелководство было подвержено сильному влиянию конъюнктуры на внешних рынках.

Спасением для производства риса в Гиляне могли стать отказ от традиционных методов ведения хозяйства и привлечение современных достижений, что могло существенно увеличить производительность труда в отрасли и объемы получаемой продукции. В качестве первого шага могло быть осуществлено совершенствование ирригационной системы, так как рисоводы Гиляна сильно зависели от обилия осадков. Любые изменения климата отрицательно сказывались на объемах производства риса [Введенский 1906: 351]. Отделение Учетно-Ссудного банка в Реште предприняло в этом направлении серьезные усилия по поддержке рисоводов Гиляна, обеспечивая их дешевыми кредитами [Цейдлер 1904: 368–369]. Банк и российские экономические круги проявляли заинтересованность в обеспечении России стабильными поставками дешевого гилянского риса.

Еще одной важной частью народного хозяйства Гиляна на всем протяжении его истории являлось рыболовство. Данный сектор экономики Гиляна к началу XX в. полностью контролировался российским капиталом. В 1873 г. фирма С. М. Лианозова получила от персидского правительства кон-

цессию на монопольное право рыбной ловли в реках, впадающих в Каспийское море, в том числе в Гиляне. Срок монополии заканчивался в 1918 г. В провинции фирма имела крупные промыслы в районе Энзели, Астары и в устье реки Сефидруд. Ее рыболовные пункты располагались практически на всем побережье Гиляна. Компания вылавливала известные сорта рыбы: осетр, сом, судак, севрюга. Часть рыбы засаливали, часть вылавливали ради получения икры. В основном компания использовала труд наемных рабочих, предоставляя им все необходимое для ловли и обработки рыбы. В районе Энзели она привлекала для ловли рыбы местных рыбаков, приобретая у них продукцию по фиксированным ценам [Цейдлер 1904: 370]. Внутренние водоемы также отказались под контролем компании. Она предпочитала их сдавать в аренду местным рыбакам. Компания, осознавая важность рыбы в качестве продовольственной базы для значительной части населения Гиляна, проводила сбалансированную политику между внутренним потреблением и экспортом, чтобы не нарушить баланс интересов.

В 1907 г. компания Лианозова имела на побережье Каспийского моря 7 больших промыслов и 27 небольших промысловых пунктов, где трудились 700 россиян из центральных губерний России и 3 тыс. поданных Персии. Она имела собственный флот, в том числе для перевозки продукции в Россию. Компания в Гиляне строила мосты и дороги, протянула телефонную линию, оказывала своим рабочим бесплатную медицинскую помощь. Она тратила большие средства на социальные программы для своих рабочих, стремясь завоевать расположение местного населения, видя в этом один из залогов своей успешной деятельности в Гиляне. Ее активность способствовала приобщению жителей Гиляна ко многим достижениям русской культуры потребления и как следствие этого к российским товарам [Олферьев 1908: 77]. Данный пример демонстрирует важную роль частного предпринимательства, социально ответственного по отношению к местным жителям, в продвижении российского экспорта и закрепления позиций на Ближнем Востоке.

Перспективным направлением развития экономики Гиляна могла стать деревообрабатывающая промышленность с учетом наличия в провинции богатых лесных угодий, особенно в Талышской области. В Персии ощущался острый дефицит древесины, поэтому Гилян мог заполнить данный пробел. Однако в начале XX в. в этом направлении предпринимались только первые усилия. Российский торговый дом «Кусис и Теофилактос» получил концессию на освоение лесных ресурсов провинции. Российская компания в основном заготавливала древесину пальмовых деревьев (букс), ореховых деревьев и кипарисов. Персидское государство контролировало объемы заготовки древесины, чтобы не допустить серьезных экологических проблем. Древесина и древесный уголь вывозились в Баку и в Астрахань. В 1902 г. объемы вывоза составили 178 тыс. руб. [Цейдлер 1904: 371]. Это были явно невысокие показатели, регион имел значительно больший потенциал.

В Гиляне на протяжении многих веков развивалось садоводство, в том числе выращивание апельсинов, лимонов и других культур. Некоторая часть продукции поставлялась в другие регионы Персии и даже в Россию. Садоводство при правильной организации дела имело значительный экспортный потенциал. Однако местные крестьяне мало уделяли внимания садам, абсолютно не используя современные технологии коловки деревьев и другие интенсивные технологии [Олферьев 1908: 76].

Постепенно в Гиляне набирало силу табаководство, благодаря усилиям греческого предпринимателя из Османской империи Х. Фаноса, завезшего в провинцию семена знаменитого адрианопольского табака. Эту инициативу поддержало правительство шаха. Первые результаты оказались неплохими, и табаководство набирало силу в Гиляне в последней трети XIX – начале XX вв. В среднем в год Гилян производил около 200 тыс. пудов табака. Большая часть продукции шла на внутренний рынок. Только небольшая ее часть экспортировалась в Россию и Османскую империю (3–4 тыс. пудов) [Олферьев 1908: 72]. Местные армяне и персы активно подключились к занятию

табаководством и реализации готовой продукции.

В начале XX в. Россия проявляла интерес еще к одному сектору народного хозяйства Гиляна. В силу природно-климатических условий в провинции в больших объемах произрастал кенаф (гибискус каннабиновый), из него делали веревки, которые отличались прочностью, даже после длительного нахождения в воде. Первоначально гилянцы изготавливали веревки для личного потребления, а затем для реализации в других регионах Персии. В 1900–1901 гг. «Южно-Русское акционерное общество пеньковой и канатовой промышленности» из Харькова проявляет интерес к кенафу, приобретая собственные плантации и организовывая закупки продукции у местного населения. В 1902 г. общество направило в Россию первые 4 тыс. пудов кенафа со своих плантаций [Олферьев 1908: 73]. Однако на этом дело и застопорилось.

Российский фактор при всех выгодах для Гиляна мог принести и негативные последствия для народного хозяйства провинции. В 1890 г. торговый дом «Кусис и Теофилактос» получил от персидского правительства концессию на постройку фабрики по производству оливкового масла и маслин на 25 лет. Фирма вместе с поданными Османской империи — братьями Паскалиди вложила 100 тыс. руб. в создание современного производства в районе Рудбара, где использовалось европейское оборудование. В 1895 г. предприятие произвело 25 тыс. пудов оливкового масла и 30 тыс. пудов маслин. Значительная часть продукции экспортировалась в Россию, где действовал выгодный таможенный тариф — 40 коп. за пуд ввозимой продукции. Но после подписания нового торгового договора в 1903 г. пошлина на ввоз оливкового масла выросла до 3,30 руб., а маслин до 4,5 руб. за пуд [Олферьев 1908: 75]. Это имело катастрофические последствия для предприятия, после чего оно разорилось, не найдя компенсации после потери российского рынка. Поэтому плантации оливок в Гиляне сокращались, а местные крестьяне возвращались к производству оливкового масла по традиционным технологиям, их масло нельзя было использовать

в пищу. Оно применялось для производства гилянского масла, пользовавшегося спросом в Персии. Данный пример показывает, какой урон интересам России на Ближнем Востоке может нанести несогласованность действий правительства и частного бизнеса.

5. Проблемы и перспективы развития экономического сотрудничества России и Гиляна в донесениях российских дипломатов

Российские дипломаты стремились осмыслить опыт продвижения экономических интересов России в Гиляне и перспективы развития его народного хозяйства. В 1903 г. российский консул в Реште Л. Цейдлер в целом положительно оценивал экономическое развитие Гиляна и уровень жизни местного населения, особенно в сравнении с персидскими провинциями, расположенными на Иранском нагорье. Показателем стабильности положения дел в народном хозяйстве Гиляна, по его мнению, являлось отсутствие ухода населения на отхожие промыслы в зимний период, в том числе в Россию [Цейдлер 1904: 374]. Более того, в весенне-летний период в Гилян на заработки приезжали жители из других регионов Персии. Л. Цейдлер полагал, что значительной проблемой для Гиляна становится недостаток рабочих рук, что затрудняло его развитие. По свидетельству С. Олферьева, дефицит рабочих рук в Гиляне приводил к самовольному переходу крестьян от одного помещика к другому, нередко сами помещики переманивали крестьян для развития своего хозяйства [Олферьев 1906: 471–472]. Почти треть пригодных для ведения сельского хозяйства земель в провинции не использовалась, прежде всего из-за того, что их не было кому обрабатывать.

Российские дипломаты, рассуждая о перспективах развития экономики Гиляна и его торговли с Россией, отмечали некоторые факторы, которые тормозили данные процессы. Во-первых, по их мнению, гилянцы не отличались трудовым усердием и желанием повысить производительность труда. Ведение хозяйства на традиционных началах без использования новых технологий их вполне устраивало. К тому же все нововве-

дения требовали значительных кредитных средств. Во-вторых, крестьяне Гиляна значительно ограничивали собственное потребление, предпочитая максимально все необходимое производить в собственном хозяйстве и только в исключительных случаях приобретать импортные товары [Олферьев 1906: 471]. Это создавало проблемы для расширения экспорта российских товаров в Гилян. В-третьих, сложившаяся система земельных отношений между помещиками и крестьянами также не создавала предпосылки для расширения хозяйства и его интенсификации. В-четвертых, вся существовавшая экономическая система в Персии не способствовала экономическому прорыву страны. Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX вв. в Гиляне при содействии специалистов из российского Закавказья создали первые чайные плантации, данный проект, несмотря на очевидную перспективность, развивался из-за недостатка кредитных средств и существенной поддержки правительства шаха [Олферьев 1906: 469]. Кроме указанных обстоятельств, существовали и другие причины, тормозившие развитие экономических связей России с Гиляном. С. Олферьев среди них выделял доминирование в торговле Гиляна с Россией российских мусульман с Кавказа, главным образом из Баку, лишенных, по его мнению, предпринимательской инициативы [Олферьев 1906: 475].

Кроме этого, в провинции отсутствовала хорошая транспортная инфраструктура. В значительную часть районов Гиляна можно было попасть по тропам, по которым могли пройти только выючные животные. Власти Гиляна предприняли попытку строительства ряда современных дорог, но вскоре они забросили данный проект, несмотря на регулярные дорожные сборы с жителей Персии и иностранцев. Единственной транспортной артерией, находившейся в хорошем состоянии, являлась дорога Энзели – Тегеран, построенная российской концессией. Плохие дороги вели к росту транспортных издержек, что отрицательно сказывалось на стоимости перевозимой продукции [Олферьев 1906: 475]. В отличие от большинства других провинций Персии Гилян имел судоходные реки. Это обстоятельство несколько

сглаживало данную проблему. Главный порт провинции Энзели, несмотря на усилия российской стороны, не отвечал современным стандартам организации выгрузки / погрузки товаров, особенно во время штормов, что вело к порче товара и росту его стоимости [Никольский 1909б: 123].

Рассматривая перспективы производства и экспорта в Россию кенафа в Гиляне, С. Олферьев обратил внимание на несовершенство всей системы внешнеэкономических связей России с Персией. Россия, имея возможность получать прекрасную продукцию в Гиляне, тратила огромные деньги на приобретение джута в Британской Индии. Косность мышления бюрократии и предпринимателей не раз мешала принятию прагматичных решений в России в процессе выстраивания экономических связей с государствами Ближнего Востока, в то время как в торговле с Гиляном импортируемая продукция была дешевле и ее приобретение компенсировалось поставками российских товаров в провинцию. Судоходные компании на Каспийском море и железнодорожные общества сильно завышали тарифы (это касалось и других товаров), поэтому перевозка кенафа и джута из Гиляна в Харьков обходилась очень дорого, и обществу пришлось свернуть свою деятельность в провинции. Дипломат призывал частный бизнес России вернуться к производству кенафа и джута в Гиляне. Это гарантировало получение большой прибыли при налаживании выгодных для производителей маршрутов доставки продукции в Россию по приемлемым тарифам [Олферьев 1908: 74–75]. Однако данную проблему можно было решить на основе партнерства государства и частного предпринимательства.

6. Торговля Гиляна с Россией в начале XX в.

Гилян в последней трети XIX в. стал одним из крупнейших потребителей российских товаров. Во многом данное обстоятельство объяснялось высоким уровнем доходов местного населения в сравнении с большинством провинций Персии. Одновременно Гилян приобретает статус ведущего центра транзита российских товаров,

которые направлялись через провинцию в Северо-Западную Персию, в том числе в Тегеран и Исфахан. Особое место в торговле Гиляна с Россией приобрел порт Энзели, через него проходило около 85 % торгового оборота, в том числе 93 % российского экспорта и 76 % вывозимой из Гиляна продукции. В 1908 г. значимость Энзели во внешней торговле Гиляна еще больше возрастает. На него приходится 94,7 % импорта товаров в Гилян и 90,1 % всего гилянского экспорта [Никольский 1909б: 110]. Вывоз из Энзели товаров в России с 1888 г. по 1902 г. увеличился с 1 млн 668 тыс. пудов до 2 млн 609 тыс. пудов, почти половина персидского экспорта (45 %) приходилась на гилянский рис [Цейдлер 1904: 358].

Российский экспорт за это время увеличился с 1 млн 295 тыс. пудов до 3 млн 75 тыс. пудов [Цейдлер 1904: 361]. В экспорте из России доминировали сахар (42,6 %) нефть и керосин (28,2 %). В стоимостном выражении российский экспорт достиг 8 млн 278 тыс. руб., а импорт России из Персии — 5 млн 334 тыс. руб. [Цейдлер 1904: 359]. Необходимо подчеркнуть важную роль России в транзитных поставках товаров из Персии в Европу через Гилян (около 3 млн руб., включая 2,4 млн руб. шелковых коконов). В то же время транзит европейских товаров в страну через Россию и Гилян составил всего 434 тыс. руб.: Санкт-Петербург не был заинтересован в завозе в Гилян товаров его прямых конкурентов из Европы через территорию империи [Цейдлер 1904: 361–362].

Весьма показательна статистика объемов взаимной торговли в рублях. В российском экспорте преобладали сахар (49,2 %) и текстиль, в основном хлопчатобумажные ткани (28,7 %). Успехи экспорта российского сахара в Гилян впечатляют. Только с 1888 г. по 1892 г. его вывоз вырос на 137 % [Цейдлер 1904: 361]. Значительная часть сахара через Гилян поступала в Тегеран и Центральную Персию. Российская продукция (как рафинад, 81 % от всего экспорта сахара, так и сахарный песок) отличалась низкой ценой и высоким качеством. Многие российские фирмы организовали прямые поставки сахара в Персию. Российские

производители рафинада учли французский опыт и стали поставлять рафинад, форматированный в небольшие сахарные головки, что соответствовало потребительским вкусам жителей Персии. Особенно в данном отношении преуспело «Александровское товарищество сахарных заводов» [Введенский 1906: 343]. К сожалению, производители сахарного песка в этом плане сохраняли инертность, что привело к незначительному росту объемов сахарного песка, поставляемого в Персию, в том числе в Гилян.

Эталоном успеха стран-экспортеров в стране являлись объемы ввезенного в нее текстиля. Россия в данном отношении достигает впечатляющих успехов. С 1888 г. по 1892 г. поставки хлопчатобумажных тканей из империи в Гилян увеличились на 271 %. В последующие годы они только росли. Российские текстильщики в конце XIX в. стали внимательно относиться к запросам персидских потребителей, учитывая их требования к цвету такни, узорам, изображаемым на них, плотности материала [Панафидин 1900: 124]. Для этих целей они выписывали образцы тканей из Персии, пользовавшиеся большой популярностью на местных рынках. В то же время, здесь не все так было безоблачно для России. В частности в 1902 г. экспорт российского текстиля по сравнению с 1901 г. сократился почти 750 тыс. руб. [Цейдлер 1904: 374]. Важную роль в увеличении экспорта российского текстиля сыграло отделение Учетно-Ссудного банка в Реште. Оно не проявляло интереса к экспорту сахара, поскольку российские производители и так добились огромных успехов без внешней поддержки. Отделение банка финансировало поставки российского текстиля в Гилян.

На рынке текстиля в Гиляне и в Персии в целом складывалась сложная ситуация, связанная с активным проникновением на их рынки ведущих европейских производителей. В 1902 г. Россия в Гилян поставила 5 тыс. пудов текстиля, а ее конкуренты через Трабзон и Басру — 20 тыс. пудов. Следовательно, Россия контролировала только 20 % текстильного рынка Гиляна. Важно подчеркнуть, что на рубеже XIX–XX вв. сами производители текстиля понимали

необходимость принятия новых решений для увеличения экспорта тканей в Гилян и Персию. Учитывая опыт других европейских стран, они отправляли своих представителей в государство Каджаров, которые в поисках оптовых покупателей направлялись в Гилян и в другие провинции Персии с образцами тканей. Учетно-Ссудный банк представителям компаний и коммивояжерам в Гиляне оказывал широкую поддержку [Цейдлер 1904: 362].

В экспорте Гиляна преобладал вывоз риса и шелка в коконах. Традиционно экспорт риса составлял основу внешней торговли провинции. Однако с 1892 г. по 1902 г. в этом отношении наметилась противоречивая динамика. За этот период экспорт риса вырос на 12 %, а шелка в коконах — на 56 %, и впервые в 1902 г. экспорт шелка (2 млн 436 тыс. руб.) превзошел экспорт риса (2 млн 353 тыс. руб.). Таким образом, на экспорт шелка в коконах приходилось 45,7 % всего экспорта Гиляна, а 44,1 % — на вывоз риса [Цейдлер 1904: 361]. Основная часть шелковых коконов шла в Европу, а рис, главным образом, поставлялся в Россию (более 95 % всего вывоза) [Введенский 1906: 351]. В 1905–1906 гг., несмотря на кризис во взаимной торговле, в Россию направляются большие объемы гилянского риса — на 26,6 млн кран, из этого объема 59,8 % продукции поставлялось через порт Энзели [Олферьев 1908: 72].

Еще одной важной статьёй экспорта Гиляна становится вывоз рыбы, икры и рыбного клея. Данный вид продукции составлял 13,3 % экспорта Гиляна. Соленая рыба и небольшая часть икры поставлялись в Россию через Баку и Астрахань, а основная часть икры вывозилась в другие государства Европы. Большим спросом в Персии и у мусульман Кавказа пользовалась рыба кутум из семейства карповых. Ее готовили по особым торжественным случаям, в том числе на Новруз. Ежегодно на территорию российского Кавказа ее вывозили в объеме около 20 тыс. пудов или более 90 % поставляемой в Россию соленой рыбы [Цейдлер 1904: 371]. Компания Лианозова, несмотря на высокую арендную плату, выплачиваемую правительству шаха, получала высо-

кую прибыль. Неслучайно, что ее конкуренты неоднократно предпринимали попытки перекупить аренду.

Несмотря на очевидные успехи, экспорт рыбы и икры из Гиляна с 1888 г. по 1902 г. сократился на 29 % [Цейдлер 1904: 370]. Объемы улова компании упали, но его качество даже повысилось, что наряду с ростом цен на рыбу и икры не позволило уменьшиться прибыли фирмы Лианозовых. Сокращение улова, в основном, произошло из-за постоянных изменений русла реки Сефидруд, доставлявших много проблем как компании, так и местным жителям. Попытки проведения работ по укреплению русла, финансировавшихся компанией, не привели к радикальному улучшению положения дел [Цейдлер 1904: 370].

В 1904 г. в торговых отношениях России и Персии проявляются серьезные проблемы, сокращается экспорт из России в Персию, включая экспорт в Гилян сахара, хлопчатобумажных тканей, муки и других товаров. Следует отметить, что и экспорт других стран Европы и Османской империи в 1904–1905 гг. переживает не лучшие свои времена. В Персии сокращается потребление импортных товаров из-за падения курса крана к основным мировым валютам. В то же время увеличился ввоз из России керосина, шелковых тканей, чая и т. д. [Введенский 1906: 339].

Несмотря на проблемы в нефтедобыче в Баку, поставки керосина в Энзели увеличились в 4 раза. Данный успех позволил порту несколько улучшить собственное финансовое положение. На специальных судах керосин доставлялся в Энзели, здесь он фасовался в специальные металлические емкости, обшитые деревянной решеткой, и на выючных животных отправлялся в разливные районы Гиляна и в Центральную Персию. В гилянском порту Чамкхале строились большие резервуары для хранения нефтепродуктов, завозимых из России. Российский керосин оказался дешевле продукции из США и других стран. Это предопределило его успех в Северной и Центральной Персии [Введенский 1906: 346].

В 1904–1905 гг. очень сильно пострадал экспорт из Персии в Россию, который напрямую затрагивал интересы экономики Гиляна. Так, вывоз в Россию риса сократился более чем на треть. Несколько снизился экспорт рыбы, икры (10 %) и древесины, но здесь сокращение было не столь значительным [Введенский 1906: 357]. Снижение экспорта рыбы из провинции в Россию в 1904–1905 гг. связывается с очередным изменением русла р. Сефидруд. В результате улов рыбы сокращается, как и производство икры, а их стоимость увеличивается. Это обстоятельство вызывало большую озабоченность у представителей фирмы Лианозова.

Политическая и экономическая нестабильность в России негативно повлияла на всю ее торговлю на Ближнем Востоке. В Гиляне разорилось большое количество местных предпринимателей, ориентированных на импорт товаров из России и экспорт в империю продовольствия и сырья. Во время кризиса пострадали российские экспортеры, в том числе сахарозаводчики, им приходилось при ликвидации запасов сахара продавать его в убыток за 20–25 % от реальной стоимости [Олферьев 1908: 62].

В 1906 г. ситуация в торговле России с Гиляном оставалась сложной. Российский экспорт после некоторого увеличения в 1905 г. до 14,9 млн руб. сократился до 14,1 млн руб. В 1907 г. падение продолжилось до 13,7 млн руб. Однако экспорт товаров из Гиляна вырос с 11,1 млн руб. до 14 млн руб., достигнув в 1907 г. 14,8 млн руб. Впервые Россия получила отрицательное сальдо в торговле с Гиляном. В 1906–1907 гг. наблюдаются некоторые новые явления в торговле Гиляна с Россией. Увеличиваются поставки в провинцию российской муки, которая вытеснила продукцию персидских производителей из Казвина и Зенджа. Если в 1901–1902 гг. в Гилян завезли муки из России на 154,4 тыс. руб., то в 1906–1907 гг. — на 604,4 тыс. руб. [Олферьев 1908: 66]. В целом структура взаимной торговли не претерпела значительных изменений.

7. Результаты 1908 г. в экономических связях России и Гиляна

Революционные события в 1908 г. не затронули Гилян и его экономические отно-

шения с другими государствами. В 1908 г. он наращивает объемы внешнеэкономической деятельности, превзойдя показатели предыдущих лет. Данному обстоятельству способствовали стабилизация курса крана, хороший урожай риса в Гиляне и желание местного населения в условиях нестабильности увеличить запасы на случай непредвиденной ситуации. Российский экспорт в 1908 г. в Гилян достиг 15,3 млн руб., он немного не дотянул до рекорда 1903 г. (15,9 млн руб.), но это был успех после падения в 1904 г. до 12,5 млн руб. Гилян продолжил динамику предыдущих лет, нарастив экспорт товаров в Россию до 16,8 млн руб. [Никольский 1909б: 110]. Это был максимальный показатель за все время торговли Гиляна с Россией. Следует отметить, что и другие страны в 1908 г. наращивали торговлю с Гиляном, особенно больших успехов в этом направлении достигли Великобритания и Германия. В то же время итоги 1908 г. подтвердили доминирующие позиции России в торговле с Гиляном, несмотря на все неурядицы, с которым пришлось столкнуться империи. На нее приходилось 73,5 % поставок импортных товаров в Гилян и 80,1 % его экспорта. Великобритания находилась на втором месте — 11,1 % и 7,4 % соответственно, и на третьем месте находилась Франция — 4,1 % и 4,1 % соответственно [Никольский 1909б: 111].

В 1908 г. 36,7 % гилянского импорта¹ составил ввоз сахара (4 млн 723 тыс. руб., + 564 тыс. руб. по сравнению с 1907 г.) [Никольский 1909б: 111]. Практически весь ввоз сахара в Гилян приходился на Россию. Его поставками занимались ведущие российские фирмы Бродского, Киселевского, Терщенко, Харитоненко. Как и на рубеже XIX–XX вв., Россия главным образом поставляла рафинад.

Вторыми по значению в импорте Гиляна являлись поставки текстиля. Они составляли 15,9 % импорта (5 млн 722 тыс. руб.) провинции. Доля России на текстильном рынке Гиляна снизилась по сравнению с 1900–1903 гг. (менее 15 % рынка) [Никольский 1909б: 111]. Лидирующих позиций в

¹ Проценты привязаны к объемам ввоза продукции, а не к ее стоимости.

поставках российского текстиля добились фирмы Ребенек и Кукушкина, поставлявшие ситец, отвечавший запросам гилян-ского потребителя с точки зрения ширины ткани, ее плотности, цвета и рисунка. Господствовала на текстильном рынке Гиляна Великобритания, поставлявшая в основном дешевый текстиль из Манчестера.

Новой тенденцией в 1908 г. в импорте провинции становится ввоз оружия (4,2 % или 643 тыс. руб.), что очевидно было связано с ростом нестабильности в Персии. Но эту нишу полностью занимала Франция. Россия взяла под контроль (около 95 %) поставки железа и других металлов (4 место в импорте Гиляна, 3,2 % или 502 тыс. руб.). В остальных статьях гилянского импорта Россия смогла добиться успехов в поставках керосина (466 тыс. руб.), чая (434 тыс. руб.), муки (230 тыс. руб.), галош и резины (228 тыс. руб.), древесины (207 тыс. руб.) [Никольский 1909б: 113].

Важные изменения в 1907–1908 гг. происходят в экспорте российского керосина в Гилян. Существовавший до 1907 г. синдикат поставщиков керосина из России развалился, и фактически всю торговлю монополизировала компания Нобеля. Демпингуя с ценами на продукцию, она смогла вытеснить с рынка Гиляна не только российских конкурентов, но и местных поставщиков керосина. Покончив с конкурентами, она вновь повысила цены на керосин. В 1908 г. компания Нобеля разрабатывает проект создания собственного автомобильного парка для перевозки керосина по Гиляну и в Тегеран из Решта [Никольский 1909б: 113].

В 1907 г. и 1908 г. Россия ввозит 17 тыс. и 18 тыс. пудов чая в Гилян, хотя первые его партии в провинцию были завезены в 1890 г. Россия не имела возможностей существенно увеличить поставки чая из-за особенностей его потребления в Гиляне. Высшие слои и средний класс употребляли российский чай, а широкие слои населения в местных чайханах употребляли дешевый чай низкого качества из Индии и Явы [Никольский 1909а: 316]. Поставки чая в Гилян осуществляли различные российские компании, но лидером на гилянском рынке стала фирма Высоцкого. По сравнению с 1907 г. сокра-

тились поставки муки из России с 532 тыс. руб. до 230 тыс. руб. [Никольский 1909б: 114]. Данное обстоятельство было связано с хорошим урожаем в Казвине. Мука из этого региона Персии стоила дешевле, имея плохое качество, но в условиях низкого уровня жизни местного населения главным критерием при приобретении товара являлась его стоимость. Компания «Проводник» создает оптовый склад в Реште и берет под контроль рынок галош и резины, охотно предоставляя товар гилянским купцам в кредит, что являлось спецификой торговли на Ближнем Востоке. Поставки леса (доски) контролировали в Реште поданные России Алиев и Рамазанов. В 1907 г. от российских производителей местные купцы получили большой кредит, но они не смогли его вернуть, что принесло лесопромышленникам России большие убытки и привело к снижению экспорта в Гилян. По мнению российских дипломатов, для избегания таких ситуаций в будущем российским предпринимателям следовало направить своего представителя в Решт [Никольский 1909б: 114].

В экспорте товаров из Гиляна также произошли некоторые изменения. В связи с проблемами, возникшими в шелководстве, на первое место вновь вышел экспорт риса. В 1907 г. в Гиляне шелководы получили большой урожай при высоких ценах на шелковые коконы. В 1908 г. очередная эпидемия поразила тутового шелкопряда, что негативно сказалось на производстве. Внутренние проблемы совпали с падением мировых цен на шелк [Никольский 1909б: 118]. Это привело к значительным потерям гилянских шелководов.

Вывоз риса по сравнению с 1907 г. увеличился с 1 млн 524 руб. до 3 млн 398 тыс. руб. Почти весь рис вывозился в Россию. На втором месте по объемам экспорта оказались шелковые коконы (1 млн 843 тыс. руб., сокращение почти в два раза в сравнении с 1907 г.). Больше всего коконов вывозилось в Италию (1 млн 160 тыс. руб.) и во Францию (661 тыс. руб.) [Никольский 1909б: 116]. В Россию коконы экспортировались всего на 23 тыс. руб. Из других товаров гилянского происхождения в Россию через Баку вывозили куриные яйца (10 млн штук, в 1907 г. 6,4 млн штук).

Местные производители, получив в распоряжение емкий рынок сбыта, стали уделять птицеводству большое внимание, его центром стали районы, примыкающие к Энзели. Существенных успехов добилась компания Лианозова. Если в 1907 г. она вывезла в Россию 193 тыс. пудов рыбы и икры на 235 тыс. руб., то в 1908 г. уже 250 тыс. пудов на 576 тыс. руб. [Никольский 1909б: 117]. В Россию прекратили поставлять лес из Гиляна из-за роста спроса на него компании Лианозова и местных потребителей.

При всех позитивных результатах 1908 г. проявляются тревожные симптомы, связанные с персидской революцией, она начинает затрагивать и Гилян. Основная часть внешней торговли осуществлялась в кредит через местных мелких и средних торговцев. Около половины из них разорилось или несло большие убытки, поэтому они не смогли погасить кредиты российским предпринимателям. Это обстоятельство могло негативно сказаться на итогах 1909 г. В феврале – марте 1909 г. революционные выступления происходят в

Реште. Гилян на время становится одним из центров революционного движения.

8. Заключение

В начале XX в. Россия сохраняла экономическое доминирование в Гиляне, несмотря на неблагоприятные факторы, связанные с русско-японской войной и Первой русской революцией. В Гилян в последней трети XIX в. проникает российский капитал, расширяя свое присутствие в начале XX в. Вместе с тем просчеты и недостатки в организации торговли России с Гиляном, наряду с общими проблемами экономического развития Персии, создавали трудности в наращивании объемов взаимной торговли. По мнению российских дипломатов, объединение усилий правительства и частного предпринимательства могли создать необходимую основу для дальнейшего экономического проникновения России в Гилян, без чего было невозможно укрепление геополитических позиций России в Персии.

Литература

- Абрамов 2018 — Абрамов А. А. Реконструкция энзелийского порта и ее значение в освоении Ирана русским капиталом (1895–1914 гг.) // Манускрипт. 2018. № 7. С. 22–27.
- Армянская 2003 — Армянская диаспора. Ереван: Армянская энциклопедия, 2003. 725 с. (На арм.).
- Бадалян 2011 — Бадалян Г. Иран. Ереван: авторское издание, 2011. 880 с. (На арм.).
- Введенский 1906 — Введенский П. Торговля Персии в 1904–1905 гг. (донесение состоящего при миссии в Тегеране П. Введенского) // Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. IV. СПб.: Худ. печ., 1906. С. 339–353.
- Введенский 1907 — Введенский П. Торговля порта Астары (донесение драгомана генерального консульства в Тавризе) // Сборник консульских донесений за 1907 г. Вып. VI. СПб.: Худ. печ., 1907. С. 472–477.
- Галбацова 2012 — Галбацова Ш. С. К вопросу об истории политических и экономических связей России и Ирана в XIX – начале XX веках // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 4. С. 75–79.

References

- Abramov A. A. Anzali port reconstruction and its importance for the Russian capital to capture Iran (1895–1914). *Manuscript*. 2018. No. 7 (93). Pp. 22–27. (In Russ.) DOI: 10.30853/manuscript.2018-7.2
- The Armenian Diaspora: An Encyclopedia. Yerevan: Armyanskaya Entsiklopediya, 2003. 725 p. (In Arm.)
- Badalyan G. Iran. Yerevan: G. Badalyan, 2011. 880 p. (In Arm.)
- Vvedensky P. Persia's trade in 1904–1905: A report by P. Vvedensky, executive officer in Tehran. In: *Collected Consular Reports for the Year 1906*. Vol. 4. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1906. Pp. 339–353. (In Russ.)
- Vvedensky P. Trade in the port of Astara: A report by [P. Vvedensky], translator of Russia's Consulate General to Tabriz. In: *Collected Consular Reports for the Year 1907*. Vol. 6. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1907. Pp. 472–477. (In Russ.)
- Galbatsova Sh. S. More on Russia-Iran political and economic contacts, nineteenth to early twentieth centuries. *Herald of Dagestan State University. Humanitarian Sciences*. 2012. No. 4. Pp. 75–79. (In Russ.)

- Даврижецы 1990 — *Даврижецы А.* Книга Истории. Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1990. 596 с. (На арм.).
- Калугина 2010 — *Калугина Л. М.* Россия и Иран (XIX – начало XX вв.). М.: Ключ-С, 2010. 272 с.
- Корноухова 2019 — *Корноухова Г. Г.* Роль российского правительства в развитии каспийской морской торговли с Персией во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2019. № 3. С. 661–682.
- Мельгунов 1874 — *Мельгунов Г. В.* Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. 1874. Т. 110. С. 5–60.
- Мусаева 2019 — *Мусаева С. И.* Приморский Дагестан в истории культурно-экономического сотрудничества России и Ирана // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2019. Вып. 34. С. 73–83.
- Никольский 1909а — *Никольский М.* Производство чая и риса в Гиляне (донесение драгомана политического агентства в Бухаре) // Сборник консульских донесений за 1909 г. Вып. IV. СПб.: Худ. печ., 1909. С. 310–316.
- Никольский 1909б — *Никольский М.* Торговля Гиляна в 1908 г. (донесение и.о. секретаря консульства в Реште) // Сборник консульских донесений за 1909 г. Вып. II. СПб.: Худ. печ., 1909. С. 110–124.
- Олферьев 1904 — *Олферьев С.* Шелководство в Гиляне (донесение управляющего консульства в Реште) // Сборник консульских донесений за 1904 г. Вып. IV. СПб.: Худ. печ., 1904. С. 322–326.
- Олферьев 1906 — *Олферьев С.* Округ Ленгеруда (донесение консула в Реште) // Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. VI. СПб.: Худ. печ., 1906. С. 468–475.
- Олферьев 1908 — *Олферьев С.* Торговля Гиляна в 1906–1907 гг. (донесение управляющего консульством в Реште) // Сборник консульских донесений за 1908 г. Вып. I. СПб.: Худ. печ., 1908. С. 60–77.
- Павлова 2017 — *Павлова И. К.* Из истории деятельности Учетно-Ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. № 2. С. 47–60.
- Davrizhetsi A. The Book of Histories. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences, 1990. 596 p. (In Arm.)
- Kalugina L. M. Russia and Iran: Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Moscow: Klyuch-S, 2010. 272 p. (In Russ.)
- Kornoukhova G. G. The role of the Russian government in the development of Caspian Sea trade with Persia in the second half of the 19th – early 20th century. *RUDN Journal of Russian History*. 2019. Vol. 18. No. 3. Pp. 661–682. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682
- Melgunov G. V. Peter the Great and his Persian Campaign. *Russkiy vestnik*. 1874. Vol. 110. Pp. 5–60. (In Russ.)
- Musaeva S. I. The role and significance of coastal Dagestan in developing cultural and economic cooperation of Russia and Iran. *Izvestiya SOIGSI*. 2019. No. 34 (73). Pp. 73–83. (In Russ.) DOI: 10.23671/VNC.2019.73.43107
- Nikolsky M. Tea and rice production in Gilan: A report by [M. Nikolsky], translator of Russia's Political Agency to Bukhara. In: Collected Consular Reports for the Year 1909. Vol. 4. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1909. Pp. 310–316. (In Russ.)
- Nikolsky M. Trade of Gilan in 1908: A report by [M. Nikolsky], consular secretary in Rasht. In: Collected Consular Reports for the Year 1909. Vol. 2. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1909. Pp. 110–124. (In Russ.)
- Olferyev S. Silk farming in Gilan: A report by [S. Olferyev], executive consular officer in Rasht. In: Collected Consular Reports for the Year 1904. Vol. 4. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1904. Pp. 322–326. (In Russ.)
- Olferyev S. Langarud district: A report by [S. Olferyev], Consul to Rasht. In: Collected Consular Reports for the Year 1906. Vol. 6. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1906. Pp. 468–475. (In Russ.)
- Olferyev S. Trade of Gilan in 1906–1907: A report by [S. Olferyev], executive consular officer in Rasht. In: Collected Consular Reports for the Year 1908 g. Vol. 1. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1908. Pp. 60–77. (In Russ.)
- Pavlova I. K. From the history of the Loan and Account Bank of Persia (From the Russian archives). *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2017. Vol. 22. No. 2. Pp. 47–60. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.2.5

- Панафидин 1900 — *Панафидин П.* К вопросу о русском ввозе в Персию (донесение консула в Мешхеде) // Сборник консульских донесений за 1900. Вып. II. СПб.: Худ. печ., 1900. С. 124–126.
- Сухоруков 2009 — *Сухоруков С. А.* Иран между Британией и Россией от политики до экономики. СПб.: Алетейя, 2009. 173 с.
- Цейдлер 1904 — *Цейдлер Л.* Торговля Гиляна (донесение консула в Гиляне) // Сборник консульских донесений за 1904 г. Вып. V. СПб.: Худ. печ., 1904. С. 357–374.
- Штриттер 1907 — *Штриттер А.* Шелководство в Гиляне в 1906 г. (донесение генерального консула в Реште) // Сборник консульских донесений за 1907 г. Вып. IV. СПб.: Худ. печ., 1907. С. 316–318.
- Adelson 1995 — *Adelson R.* London and the Invention of the Middle East: Money, Power, and War, 1902–1922. New Haven, CT: Yale University Press. 1995. 244 p.
- Panafidin P. More on Russian export to Persia: A report by [P. Panafidin], Consul to Mashhad. In: Collected Consular Reports for the Year 1900. Vol. 2. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1900. Pp. 124–126. (In Russ.)
- Sukhorukov S. A. Iran — between Britain and Russia: From Politics to Economics. St. Petersburg: Aletheia, 2009. 173 p. (In Russ.)
- Ceidler L. Trade of Gilan: A report by [L. Ceidler], Consul to Gilan. In: Collected Consular Reports for the Year 1904. Vol. 5. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1904. Pp. 357–374. (In Russ.)
- Stritter A. Silk farming in Gilan in 1906: A report by [A. Stritter], Consul General to Rasht. In: Collected Consular Reports for the Year 1907. Vol. 4. St. Petersburg: Khudozhestvennaya Pechat, 1907. Pp. 316–318. (In Russ.)
- Adelson R. London and the Invention of the Middle East: Money, Power, and War, 1902–1922. New Haven, CT: Yale University Press. 1995. 244 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 25–39, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 93/94

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-25-39

Развитие российско-персидской торговли по среднеазиатской границе на рубеже XIX–XX вв.

Гадия Гизатуллаевна Корноухова¹, Сакен Жаугаитович Токтамысов²

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

 0000-0002-7553-1856. E-mail: [kornoukhova-gg\[at\]rudn.ru](mailto:kornoukhova-gg[at]rudn.ru)

² Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник

 0000-0003-4284-9638. E-mail: [toktamysov-szh\[at\]rudn.ru](mailto:toktamysov-szh[at]rudn.ru)

© КалмНИЦ РАН, 2025

© Корноухова Г. Г., Токтамысов С. Ж., 2025

Аннотация. Введение. Рассматривается история инфраструктурного сотрудничества между Российской империей и Персией на рубеже XIX–XX вв., которое предусматривало строительство шоссированной дороги между двумя важными экономическими центрами юго-восточного Прикаспия — Ашхабадом и Мешхедом. Проект был призван активизировать торговые процессы между Россией и Хорасанской провинцией Персии через Закаспийскую область. *Целью* исследования является показать роль шоссированной дороги между Ашхабадом и Мешхедом в развитии двусторонних торгово-экономических отношений в позднеимперский период. Для этого предусматривается решение ряда задач: рассмотреть ход и особенности строительства российско-персидского транспортного пути, его влияние на рост взаимного товарооборота в рамках указанного временного диапазона, уточнить влияние финансовых, организационных, геополитических факторов в ходе реализации данного российско-персидского инфраструктурного проекта. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе анализа широкой источниковой базы, включающей неопубликованные материалы из трех федеральных архивов, а также опубликованные источники. В научной работе используются структурно-исторический, сравнительный, системный методы исторического исследования. *Результаты и выводы.* Дорога между Ашхабадом и Мешхедом вместе с закаспийской железной дорогой и с другими транспортными маршрутами создавала систему единой транспортной инфраструктуры, связавшей территорию среднеазиатского региона с северо-восточной Персией. Это способствовало интенсификации взаимного товарообмена в конце XIX — начале XX в. Вместе с тем низкое качество строительных работ на персидском участке дороги, отсутствие действенных рычагов контроля у российской стороны по сооружению данного транспортного пути на

территории Персии, противодействие со стороны Великобритании, другие факторы привели к затягиванию дорожного строительства, дополнительным финансовым расходам и снижению эффективности от его использования. Это подтолкнуло российское правительство к осознанию необходимости полной передачи имеющейся магистрали в руки российского концессионера с целью масштабной модернизации важной транспортной артерии. Речь шла, в том числе, и о возможном строительстве железнодорожной линии за счет российских финансовых средств. Однако участие России в Первой мировой войне не дало возможности правительству приступить к реализации задуманного проекта.

Ключевые слова: российско-иранское транграничье, российско-иранские отношения, внешняя торговля России по азиатской границе, П. Е. Панафиндин, П. М. Власов, колесная дорога, экономическая история

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Развитие экономической инфраструктуры российско-иранского транграничья (вторая половина XIX – начало XX в.)» (№ 24–28-00648, <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>).

Для цитирования: Корноухова Г. Г., Токтамысов С. Ж. Развитие российско-персидской торговли по среднеазиатской границе на рубеже XIX–XX вв. // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 1. С. 25–39. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-25-39

Development of Russian-Persian Trade along the Central Asian Border at the Turn of the Twentieth Century

Gadilya G. Kornoukhova¹, Saken Zh. Toktamysov²

¹ RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Associate

 0000-0002-7553-1856. E-mail: kornoukhova-gg[at]rudn.ru

² RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Research Associate

 0000-0003-4284-9638. E-mail: toktamysov-szh[at]rudn.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Kornoukhova G. G., Toktamysov S. Zh., 2025

Abstract. Introduction. The paper examines the history of infrastructure cooperation between the Russian Empire and Persia at the turn of the twentieth century, which included the construction of a cart road between two important economic centers of the Southeastern Caspian — Ashgabat and Mashhad. The project was intended to intensify trade processes between Russia and Persia's Khorasan through Transcaspian Oblast. **Goals.** The article seeks to show the role of the Ashgabat–Mashhad road in the shaping of bilateral trade and economic relations in the late imperial era. To facilitate this, the work shall consider the road's construction progress and features, articulate its impacts on mutual trade turnover within the specified period, reveal roles of financial, organizational, geopolitical factors during the Russian-Persian infrastructure project's implementation. **Materials and methods.** The study analyzes quite a variety of sources, including both published and unpublished ones (the latter discovered in federal archives). The study employs the structural historical, comparative and systems methods. **Results and conclusions.** The Ashgabat – Mashhad road, Transcaspian Railway and other transport routes constituted a unified transport infrastructure system that connected Russia's Central Asian territories to Northeast Persia. This did contribute to the intensification of mutual trade in the late nineteenth and early twentieth centuries. However, the low quality of construction works on the Persian section, Russia's lack of efficient construction control tools in the territory of Persia, resistance from Great Britain, and other factors led to delays, additional financial costs and decreased efficiency. These prompted the Russian Government to completely convey the existing route to a Russian concessionaire for the latter to arrange a large-scale modernization of the required transport corridor. Inter alia, the discussion included a possibility of constructing a railway to be funded by Russian subjects. Still, Russia's participation in World War I deprived the Government of any opportunity to begin implementing the designed project.

Keywords: Russia-Iran cross-border territories, Russia-Iran relations, Russian foreign trade along Asian frontiers, P. Panafindin, P. Vlasov, cart road, economic history

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00648 ‘Economic Infrastructure Development of Russia-Iran Cross-Border Territories, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Centuries’. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-00648>.

For citation: Kornoukhova G. G., Toktamysov S. Zh. Development of Russian-Persian Trade along the Central Asian Border at the Turn of the Twentieth Century. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 25–39. 10.22162/2619-0990-2025-77-1-25-39

1. Введение

Россия и Иран имеют многовековую историю взаимоотношений. При этом долгое время контакты между государствами осуществлялись через Закавказье и отчасти Каспийское море. В связи с этим торгово-экономические связи охватывали главным образом северо-западные и прикаспийские районы Персии. Лишь в конце XIX в. Россия открыла себе путь к торговле с северо-восточной частью Персии — Хорасанской провинцией. Первоначально движение торговых караванов велось по направлению в Мешхед из каспийского порта Бендер-Гяз через города Шахруд и Сабзевар, но в дальнейшем, с открытием в 1888 г. Закаспийской железной дороги, торговое движение в Хорасан стало осуществляться преимущественно через Закаспийскую область [Губаревич-Радобильский 1912: 117]. В средствах массовой информации того времени подчеркивались две основные функции новой трассы — усиление безопасности границ благодаря более быстрому перемещению военного контингента и положительное значение для экономического развития [Васильев, Мазаев 2020: 19–20].

В отечественной и зарубежной литературе восточная Персия уже получила свое научное внимание, как с точки зрения российского политического [Andreeva 2007; Kazemzadeh 2013; Ларин 2020; Ищенко 2021; Арабаджян 2023], так и тесно связанного с ним экономического проникновения [Маннанов 1964; Атаев 1989; Алимджанов 2015; Наумова 2020; Крючков и др. 2022; Арабаджян 2024]. При этом рассматривая

вопрос российско-персидской торговли через Закаспийскую область исследователи традиционно сосредотачивают свое внимание на роли Закаспийской железной дороги, совершенно справедливо указывая на нее как на ключевой фактор роста показателей товарооборота [Родзевич 1891; Надеждин 1927; Сапарова 1991; Тестов 2011; Токтамисов 2024]. В то же время без внимания остается вопрос о транспортировке товаров по сухопутным маршрутам, по которым грузы перевозились от железной дороги в сторону российско-персидского рубежа и далее вглубь северо-западной территории Персии.

В настоящей статье ставится цель определить особенности развития российско-персидской торговли по среднеазиатской границе, осуществлявшейся по такой важной торговой магистрали как дорога между столицей Хорасанской провинции Персии, Мешхедом, и главным торговым пунктом Закаспийской области Российской империи, Ашхабадом, на рубеже XIX–XX вв.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования опирается на неопубликованные материалы фондов «Персидский стол» (Ф. 144), «Среднеазиатский стол» (Ф. 147) Архива внешней политики Российской империи и документы фонда «Департамент государственного казначейства министерства финансов» (Ф. 565) и «Учетно-ссудный банк Персии Министерства финансов» (Ф. 600) Российского государственного исторического архива.

Ценные статистические материалы со- держаться в сборниках «Обзор Закаспий- ской области» и в работе А. Ф. Губаре- вич-Радобильского «Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами Азии» [Губаревич-Радобильский 1912]. В данных источниках приводятся показатели товарооборота между Россией и Персией через Закаспийскую область по отдельным таможенным пунктам и заставам, а также по отдельным видам товаров.

Ключевыми методами исследования выступают системно-исторический подход и количественные методы. Количествен- ные методы исследования важны при ана- лизе объемов и товарного ассортимента российско-персидских экспортно-импорт- ных внешнеторговых операций в рамках вышеуказанного периода. Представление о транспортных путях как о системе рос- сийской геоэкономической стратегии, вы- ступавшей инструментом «мягкой силы» и способствовавшей усилению российского влияния в северо-восточной части Персии раскрывается в рамках системно-историче- ского подхода.

3. Мешхед, Асхабад и строительство колесной дороги

Экономическое развитие северо-вос- точной части Персии началось только в 1880-е гг., после присоединения Закаспий- ской области к русским владениям и усми- рения кочевых туркменских племен, совер- шавших периодические набеги на персид- ские земли. Вследствие этого пригранич- ная сторона Персии постепенно пустела и огромные плодородные площади земель по Атреку, Гюргену и в Мешхедской долине превращались в пустыни. Торговля же меж- ду Персией и сопредельной территорией была развита крайне слабо. Только с заво- еванием российскими войсками текинского оазиса, положение всего персидского насе- ления разом изменилось и Хорасан ожил [Логофет 1909: 61].

Политическим и экономическим цент- ром Хорасанской провинции являлся город Мешхед, сюда же стекались мусульмане на поклонение гробнице Имама Али Резы. Осознавая важность провинции, Россия в

1879 г., учредила пост нештатного торгово- го агента в Мешхеде, а затем, в 1889 г., его сменило генеральное консульство в Меш- хеде. Очень скоро после этого британцы также поспешили открыть аналогичное уч- реждение [Ищенко 2021: 171–172].

Персия в целом и ее Хорасанская про- винция в частности традиционно являлась аренной напряженной борьбы за влияние между Россией и Великобританией. Если в дипломатической сфере российско-британ- ское соперничество выражалось в действи- ях генеральных консульств, то в экономиче- ской — в виде работы банков. При этом с российской стороны выступал Учетно-ссуд- ный банк Персии, а с британской — был Шахиншахский банк. Оба они находились в столице Хорасанской провинции. Таким об- разом, в Мешхеде соперничество двух дер- жав приобрело институциональную форму.

Что касается Закаспийской области, то здесь также до присоединения ее к Россий- ской империи торговля носила мелочный характер и общий оборот был совсем незна- чительным. Небольшие персидские карава- ны приходили крайне редко и каждый раз под охраной вооруженных конвоев [Обзор 1892: 168–169].

С введением российского управления караванное движение оживилось и размеры торговли год от года стали увеличиваться, особый импульс чему придало проведение линии Закаспийской железной дороги [Об- зор 1893б: 168–169].

Центральным городом Закаспийской области стал Асхабад (ныне — Ашхабад), получивший свое развитие с 1881 г., когда был выбран в качестве передового опорного пункта российских войск. К 1884 г. укреп- ление Асхабада утратило оборонительное значение и стало использоваться как часть формировавшегося европейского города. В 1885 г. к нему была подведена линия же- лезной дороги, связавшая его через море с европейской частью Российской империи и усилившая транзитное значение Закаспия [Мурадов 2021].

Вывозная торговля в Асхабадском уезде в первое время его нахождения в составе Рос- сийского государства почти не существовала. Весь торговый оборот в 1881 г. едва дости-

гал 200 тыс. руб. Значительное увеличение привозной и отпускной торговли стало заметным с 1884 г., когда усилился спрос персидских торговцев на русские промышленные товары. В 1889 г. их было привезено на сумму 2 700 709 руб., а вывезено на сумму 1 308 321 руб. [Обзор 1892: 174–175]

Основными перевозчиками выступали персидские купцы из Мешхеда. Они либо приезжали закупать товар в Асхабад, либо сами ежегодно ездили на Нижегородскую ярмарку и в Москву одновременно вывозя из Персии для сбыта там персидские товары: овечьи, козьи, лисьи шкуры, мерлушку, сафьян, овечью шерсть, хлопок и сухофрукты [АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 187. Л. 649].

Что касается вопроса транспортировки товаров между Хорасаном и Асхабадским уездом, то дороги здесь находились в плохом состоянии. Они представляли собой бесчисленное количество тропинок, расходившихся по всем направлениям и перерезавших собой всю территорию российско-персидского трансграничья.

После присоединения Закаспийской области к России встала проблема его экономического оживления, в том числе за счет развития торговых отношений с Персией. В связи с этим 26 апреля 1885 г. Государственный совет Российской империи рассмотрел вопрос о необходимости строительства колесной дороги от Асхабада к Мешхеду [РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Д. 4438. Л. 2]. К сожалению, из-за закулисной борьбы внутри шахского окружения по поводу прохождения возможного маршрута транспортного пути и условий его реализации, начало сооружения дороги откладывалось. Только в 1886 г. между российской и персидской сторонами было заключено соглашение, по которому дорога была поделена на две части: Россия взяла на себя строительство участка размером 45 верст от Асхабада до Гаудана (пограничного пункта в горах Копетдаг), а от Гаудана колесный путь должен был быть продолжен персидскими силами до Кучана и далее до Мешхеда. Общая протяженность магистрали насчитывала 260 верст¹ [Губаревич-Радобыльский 1912: 222].

¹ Верста — старинная русская путевая мера длины, которая равнялась 500 сажням (в метрической системе это 1066,8 метра).

Российский участок дороги был построен оперативно в течение чуть более одного года усилиями военно-инженерного ведомства. Движение по нему началось уже в 1888 г. Смета расходов на сооружение российского участка составила 191 056,24 руб. [РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Д. 4438. Л. 3–3об.].

Что касается конструктивных особенностей пути, то местность, занятая Закаспийской областью, представляла собой равнину. Однако именно в ее южной части она, незаметно повышаясь, переходила постепенно в горы Копетдаг [Обзор 1892: 197]. По отзывам современников, их крутизна превосходила подъемы Военно-грузинской дороги. Это в свою очередь вызвало дополнительные технические сложности и подъему пришлось придать винтообразную конструкцию длиной более 6 верст. Русский генерал и военный публицист Д. Н. Логофет следующим образом описал свое путешествие по этому маршруту: *«Извиваясь винтообразно по склонам гор, дорога поднималась все выше и выше. С левой стороны от нас виднелись обрывы с очень крупными скатами. Через час езды мы незаметно поднялись на огромную высоту, с которой открывался перед нами вид на равнину, не имеющую, казалось, конца. <...> Поднявшись несколько раз на значительные перевалы и с них снова спустившись мы, наконец, достигли главного хребта, по которому подъем продолжался еще больше полутора часов. Поднявшись на высшую точку хребта, мы перевалили через него и, спустившись немного вниз, въехали в небольшую долину, среди которой расположен русский поселок Гаудан»* [Логофет 1909: 147, 150–151].

Д. Н. Логофет оставил также описание этого поселка. По его словам, он представлял собой около трех десятков домов полугородского типа, построенных по обеим сторонам шоссированной дороги, соединявшей Персию и Россию. На самом выезде из поселка по направлению к границе был расположен двор отделения Асхабадской таможни, который был завален *«огромным количеством мешков с кишмишем и другими товарами»* [Логофет 1909: 155]. Далее Д. Н. Логофет дает следующую зарисовку: *«Положенные на землю верблюды и сидя-*

щие около них погонщики терпеливо ожидают, пока окончится выполнение чиновниками таможи осмотра и по уплате пошлины будут выданы документы. Невдалеке от таможи у рогатки помещается пост пограничной стражи, охраняющий границу вооруженною силою» [Логофет 1909: 155].

Что касается персидского участка, то его строительство не было таким же оперативным. Прокладка дороги была поручена подрядчику Мелик-Туджару, который получил от персидского правительства сумму в 6 тыс. туманов, а также один пехотный полк в качестве вспомогательной рабочей силы [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1316. Л. 42об.]. Строительство началось в конце 1887 г. и продвигалось крайне медленно, а с наступлением холодов оно и вовсе остановилось. Весной же 1888 г. российской императорской миссии пришлось неоднократно напоминать о необходимости возобновления работ. Причинами такого затягивания строительного процесса являлись усилия англичан повлиять на персидское правительство, чтобы оно не спешило с постройкой дороги из опасения, что новая трасса в будущем облегчит российским войскам вступление в Хорасан [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1316. Л. 26]. С другой стороны, не последнюю роль играла личность самого подрядчика, который, по донесению российского генерального консула в Мешхеде Петра Михайловича Власова, отличался очевидной недобросовестностью. При этом им не исключался факт сговора между британскими представителями и Мелик-Туджаром по вопросу затягивания строительных работ и их некачественному выполнению [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1316. Л. 124].

В этих обстоятельствах к марту 1889 г. дорога была готова лишь наполовину в то время, как согласно плану, она должна была быть завершена уже в конце сентября того же года [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1316. Л. 43об., 95]. Как и следовало ожидать, в срок дорога не была открыта, а летом 1890 г. российский коллежский советник П. М. Лессар провел осмотр персидского участка, зафиксировав в своей докладной записке многочисленные недоработки: недостаточную ширину полотна, отсутствие

парапетов и других необходимых элементов. Даже самые хорошо проработанные участки данного транспортного маршрута были грунтовыми, а не шоссированными, что в период дождей делало их непригодными для проезда. На многих участках было невозможно движение экипажей и груженых фургонов, что требовало перегрузки товаров на верблюдов для их дальнейшего движения. П. М. Лессар отмечал, что завершение горного участка дороги потребует несколько месяцев и это противоречило заверениям Мелик-Туджара об окончании всех работ в сорокодневный срок [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1316. Л. 107, 108, 108об., 110об.].

4. Условия российско-персидская торговли через закаспийскую границу в первой половине 1890-е гг.

Некачественно выполненные работы на отдельных участках дороги вскоре проявили себя — весной 1891 г. произошло разрушение почти всех мостов на протяжении от Кучана до Мешхеда. Мелик-Туджар, начавший ремонтные работы, вскоре прекратил их, введя подорожный налог: сначала с каждого персидского, а затем и с российского транспортного средства взыскивались от 9 до 12 кранов на ремонт транспортного пути [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1316. Л. 121, 123об.]. Российский генеральный консул в Мешхеде П. М. Власов потребовал его отмены, но получил отказ с отсылкой на российскую практику взимания такового на участке между Гауданом и Асхабадом [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1316. Л. 130об.].

Тем не менее показатель по вывозу российских товаров в Персию через Асхабадский уезд дал прирост, поднявшись с 1 712 059 руб. в 1890 г. до 2 111 825 руб. в 1891 г. [Обзор 1893а: 238]. Очевидно, что даже в таком несовершенном виде дорога была востребована коммерсантами, перевозившими товары из Закаспийской области в Хорасан и обратно. Ее неоспоримым преимуществом была скорость перевозки грузов — расстояние от Асхабада до Мешхеда преодолевалось всего за 8 дней, в то время как передвижение грузов по наиболее востребованным караванным путям было за-

метно дольше. Так, прохождение по дорогам Нишапур – Асхабад и Сабзевар – Асхабад длилось 20 дней. Хотя продолжительность пути по маршруту Мешхед – Душак была короче и составляла только 12 дней [Атаев 1991: 298], эта дорога представляла собой выучный путь, по которому передвигаться можно было только в летние месяцы. Зимой перевал Чахча заносило снегом, а грузы, направленные по Душакской дороге, при попадании в снежную бурю, сбрасывались верблюдицами прямо в снег и так лежали и гнили по месяцу и более [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 70].

В 1892 г. российский грузопоток через Закаспийскую область в Хорасан несколько снизился: если в 1891 г. из Асхабадского уезда в Персию было перевезено товаров на сумму 4 029 149 руб., то в 1892 г. только на сумму 2 583 658 руб. [Обзор 1893б: 127]. Такое сокращение экспорта было связано с отменой 12 июля 1892 г. безакцизного ввоза сахара через Узун-ада, количество которого в российском товаропотоке значительно снизилось: если в 1891 г. в Асхабад было ввезено сахара в количестве 207 тыс. пудов¹, в 1892 г. — 78 тыс. пудов [Губаревич-Радобильский 1912: 184]. В 1893 г. вывоза сахара из Асхабадского уезда в Персию вовсе не было [Обзор 1895: 271]. Предприниматели стали вывозить сахар через персидский порт Бендер-Гяз, поскольку в этом случае товары проходили через Бакинскую таможенную и возврат акциза сохранялся. В то же время усложнялись логистические условия: от Гязского берега товары перевозились горными тропами до Шахруда, потом до Сабзеваара и только оттуда попадали в Мешхед. Этот фактор не позволял компенсировать сокращение ввоза сахара через Асхабад. За 1891–1892 гг. (с 1 июня по 1 июля) его было вывезено из Асхабада в Мешхед 130 тыс. пудов, а с 1 июля 1892 г. по 1 июля 1893 г. через Бендер-Гяз и Астрабад только 38 тыс. пудов [Губаревич-Радобильский 1912: 184–185].

Такая ситуация продолжилась до 1895 г., пока не был образован Закаспийский тамо-

женный округ. С этого времени по границе Закаспийской области было открыто 8 таможен, что дало возможность освобождать там сахар от акциза, выдавая зачетные квитанции, а на ткани возвращать пошлину за хлопок, использованный для ее производства (эта мера была установлена на всех границах Российской империи уже в 1892 г., но на Закаспийскую область она тогда еще не получила распространение) [Обзор 1898: 178; Губаревич-Радобильский 1912: 185].

Спад грузопотока через Закаспий в первой половине 1890-х гг. был также связан и с «серебряным кризисом» 1892 г. на американских рынках, вызвавшего обесценивание персидского крана (ходовой денежной единицы страны) [Гоков 2019: 58]. Продолжительное падение цены на серебро привело к тому, что котировка персидского серебряного крана на Лондонской бирже определилась в 27 ½ пенсов за унцию, что соответствовало падению более чем на 54 % против условной его ценности [АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 1852. Л. 25]. Тегеранский монетный двор часто стал выпускать в обращение монету не только не полновесную, но даже заведомо фальшивую. Ответом российского правительства стал запрет на ввоз в пределы России персидских кранов, что законодательно было оформлено указом российского правительства от 16 июля 1893 г. [Атаев 1991: 294].

Эта, на первый взгляд, правильная мера внесла свой негативный вклад в сокращение российского товаропотока в Персию через закаспийскую границу. В ноябре 1894 г. в своем отчете министру финансов начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин сообщал, что до запрещения ввоза персидской монеты торговые расчеты российских экспортеров с персидскими купцами велись исключительно в кранах. Товары обыкновенно отпускались иранцам в кредит на 12 месяцев, по прошествии которых они погашали свои долги кранами, или приказчики российских торговцев отправлялись в Персию производить расчеты. Затем иранцам выдавались товары опять в кредит на 12 месяцев и т. д. Иранцы, совершавшие расчеты за наличные деньги, привозили в Асхабад краны и, купив на них

¹ Пуд — устаревшая единица измерения массы русской системы мер. С 1899 г. один пуд равен 16,3805 кг.

товары, вывозили их в Персию. С запрещением ввоза кранов в Асхабад для покупки товаров стало являться гораздо меньше торговцев — не более 16 % коммерсантов от прежнего их числа в предшествовавшие годы. Торговцы из Кучана и Себзевара, покупавшие прежде товары в Асхабаде, с запрещением ввоза кранов начали приобретать в Мешхеде товары английского происхождения (чай, индиго, кофе, текстиль) [АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 1852. Л. 34].

Для российских торговцев необходимость в кранах ощущалась при покупке товаров в персидских городах, так как ни русские кредитные билеты, ни русское разменное серебро там не принимались. С запрещением ввоза кранов кредиторы, опасаясь, что краны, которые при отсутствии запрещения привозились бы для уплаты за товары, взятые в кредит, будут конфискованы на границе, просили самих кредиторов прибыть в Персию за получением долга. Не собрав же прежних долгов, российские торговцы нового товара в кредит не отпускали.

Одним из примеров упадка торговли в Асхабаде служит фирма Тер-Микиртичевых, ведшая торговлю в Персии. До запрещения ввоза кранов фирма эта имела в Москве двух приказчиков, которые с большим трудом успевали удовлетворять запросы из Асхабада; после же запрещения ввоза кранов фирма уволила своих приказчиков за неимением для них дела, а прежде привезенный в Асхабад товар лежал на складе непроданным. Годовой оборот торговли Тер-Микиртичевых, до запрещения ввоза кранов составлявший до 800 тыс. руб., после не достигал и 30 тыс. руб. [АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 1852. Л. 34об., 35].

Набиравшая обороты кризисная ситуация в Закаспийской области не могла не вызвать тревогу у представителей российской власти. Поэтому царское правительство отменило запрет и вновь разрешило ввоз иранских кранов в пределы империи. В результате в торговых операциях Средней Азии с Персией краны оставались основным расчетным знаком до 1 мая 1899 г., то есть до вторичного запрета [Атаев 1991: 295].

5. Состояние дороги и движение грузов во второй половине 1890-х – начале XX в.

Во второй половине 1890-х гг. состояние дороги между Гауданом и Мешхедом по-прежнему не улучшилось. Аренда в это время находилась в руках нового владельца — Нусрет-уль-Мулька. Однако дело он вел по-старому. В 1898 г. персидские фургоны обращались с жалобой в российское Генеральное консульство в Хорасане, что дорога после выпавших весной обильных дождей, во многих местах была разрыта в следствие же небрежного содержания канав, служивших для орошения полей и пересекавших дорогу во многих местах, довольно большие площади ее были затоплены. Из-за этого колеса фургонов вязли в липкой грязи и застревали. Мосты во многих местах обрушились, а дорога на перевалах обсыпалась. С наступлением же осенних дождей существовала угроза того, что дорога могла оказаться и вовсе непроезжей [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1319. Л. 37–37об.].

В этих обстоятельствах Пётр Егорович Понафидин, заступивший в 1897 г. в должность генерального консула в Мешхеде, посчитал себя обязанным обратиться внимание хорасанского генерал-губернатора Рукн-уд-Дауле на необходимость немедленного и капитального ремонта этого важного для российско-персидской торговли пути. В случае же бездействия П. Е. Понафидин пригрозил «*возбудить вопрос об отмене дорожного сбора*» с российских поданных в пользу персидского арендатора [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1319. Л. 38].

Несмотря на грозные предупреждения, исходившие от самого персидского шаха, дорога так и не была исправлена ни прежним арендатором, ни сменившим его Мелик-уд-Туджаром. Хотя последний и произвел ремонт, однако сделал его столь поверхностно, что уже после первых дождей полотно вновь испортилось. Что же касается мостов, то их починка была настолько скверной, что они тоже вскоре стали разваливаться [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1319. Л. 81].

Описываемая ситуация приобрела модель замкнутого круга: на отдельных участках происходили разрушения — их наскоро и очень плохо восстанавливали, потом дороги разрушались вновь, и процедура продолжалась до бесконечности.

17 июня 1898 г. арендатор дороги Мелик-уд-Туджар скончался, так и не доведя восстановление дорожного сообщения до конца. Аренда же была унаследована его сыном Раис-уд-Туджаром [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1319. Л. 86об.—87]. П. Е. Понафидин продолжил настойчиво требовать проведения ремонта Мешхед-Гауданской дороги и мостов на ней, разрушенных окончательно в мае 1900 г. горным потоком, что грозило прекращением с наступлением дождей всякого сообщения с Асхабадом. Наконец, это возымело действие — ремонт полотна и постройка мостов на разрушенном участке были проведены. Остальная часть дороги при этом оставалась в прежнем положении: на горном участке отсутствовали парапеты, полотно дороги во многих местах оставалось избитым, из 169 мостов 27 были разрушены. Однако П. Е. Понафидин добился главного: сообщение северо-восточной Персии с Закаспийской областью к наступлению дождливого времени сохранилось [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1319. Л. 97–97об.].

К середине 1890-х гг. была решена проблема, связанная с возвратом пошлин по саха-

ру и тканям. Это дало свой положительный эффект. Товарооборот между Закаспийской областью и Хорасаном через Асхабадскую таможню продемонстрировал свой значительный рост: если в 1895 г. он составлял 3 872 926 руб., то в 1900 г. — 5 886 983 руб. [Губаревич-Радобильский 1912: 204, 208].

Выросли также показатели по отправке в Хорасан через Асхабадскую таможню сахара и хлопчатобумажных тканей. Конкретные цифры по этим видам товаров приведены в табл. 1.

В начале XX в. динамика товарооборота продолжала сохранять свой положительный характер, но при этом ей была свойственна и определенная неустойчивость. Ниже представлена таблица 2 с показателями по вывозу товаров из России в Хорасан через Асхабадскую таможню.

Как видим из табл. 1 и 2, по сравнению с 1900 г., когда вывоз из России в Хорасан через Асхабадскую таможню составил 2 561 333 руб., в 1905 г. показатель заметно подрос, увеличившись на 510 709 руб. Однако уже со следующего года он сократился на 88 644 руб. и в дальнейшем продолжал свое колебание вплоть до 1910 г., когда он вновь продемонстрировал свой рост. Рассматриваемый период был очень непростым в политическом отношении для обоих государств — и в России, и в Персии бушевали революции, пагубно отражавшиеся на эко-

Таблица 1. Вывоз товаров из России в Хорасан через Асхабадскую таможню (в руб.)

[Table 1. Exports from Russia to Khorasan via Ashgabat customs (in rubles)]

	1895 г.	1900 г.
Всех товаров, в том числе:	1 595 376	2 561 333
сахар	132 964	304 340
хлопчатобумажные ткани	18 683	21 863

Источник: [Губаревич-Радобильский 1912: 204].

Таблица 2. Вывоз товаров из России в Хорасан через Асхабадскую таможню (в руб.)

[Table 2. Exports from Russia to Khorasan via Ashgabat customs (in rubles)]

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.
Всех товаров, в том числе:	3 072 042	2 983 398	3 325 650	2 776 770	2 979 019	3 274 911
сахар	224 197	244 449	365 476	283 876	333 685	250 139
хлопчатобумажные ткани	57 511	41 979	58 478	50 855	41 937	53 769

Источник: [Губаревич-Радобильский 1912: 204, 208].

номике обеих стран. Россия смогла выйти из революционной бури уже в 1907 г., в то время как в Персии общественно-политический кризис продолжался до 1909 г. Лишь 1910 г. стал первым мирным годом для обоих государств, что не замедлило отразиться на их товарообороте. Как и у России, у Персии показатель по вывозу товаров из Хорасана в Россию через Асхабадскую таможенную сокротился после 1907 г. (3 356 367 руб.) до 2 725 433 руб. в 1908 г. Но он вновь вырос в 1909 г. до 3 178 788 руб., когда началась стабилизация внутривосточной ситуации, и продолжил свой рост в мирный 1910 г., достигнув 4 855 169 руб. [Губаревич-Радобильский 1912: 211].

Между тем не только политическая ситуация выступала сдерживающим фактором развития товарооборота между Россией и Персией, но и состояние путей сообщения, а именно Мешхедо-Гауданской дороги.

В 1909 г. один из современников дал такое описание российского и персидского участков дороги: *«Дорога из Асхабада в Мешхед на протяжении 46 верст идет в пределах России, в горной своей части довольно широка, снабжена парапетами, спуски не круты, закругления неопасны; содержалась в порядке <...>. С переходом на персидскую территорию характер дороги резко изменяется: она узка, закругления малы, в большинстве случаев не снабжены парапетами, спуски чрезвычайно круты, коротки; во многих случаях совершенно не очищена от камней, так что даже в рессорном экипаже путника бросает из стороны в сторону; фургоны же, на которых главным образом перевозятся товары, подпрыгивают на ходу, раскачиваясь при каждом толчке; на крутых поворотах при спусках фургоны сплошь и рядом опрокидываются»* [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 68].

Плохие условия перевозки сказывались на сохранности грузов: при тряске на ухабистой дороге клади терлись друг об друга, теряя свой привлекательный вид, а хрупкие товары и вовсе ломались, и разбивались, что наносило большой ущерб купечеству. Понесенные издержки предприниматели, естественно, закладывали в цену товара. Это приводило к его удорожанию, а, следо-

вательно, увеличивало сроки реализации. В период же дождей и снега дорога становилась почти непроезжей от грязи, и чтобы не застрять в ней фургоны вынуждены были поднимать лишь половинное количество груза, вследствие чего фрахт серьезно дорожал, что также вкладывалось в цену привезенного в пункт назначения товара [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 68об.].

Плачевное состояние Мешхедо-Гауданского участка была постоянным предметом озабоченности российского правительства, которое чувствовало свою беспомощность в решении проблемы ее приведения в надлежащее состояние. В 1906 г. такое правительство как Учетно-ссудный банк Персии даже пошел на выдачу крупной ссуды арендатору дороги Раис-ут-Туджару для ее исправления. Однако тот, по обыкновению, ограничился самым незначительным ремонтом и ссуды банку не вернул [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 43–44].

Было понятно, что в случае сохранения дороги в персидских руках она так и будет оставаться в прежнем неприглядном виде и только при передаче ее в концессию российскому подданному дороге можно будет полноценно модернизировать.

Невозврат долга Раис-ут-Туджаром позволила банку вступить с владельцем дороги в переговоры, продлившиеся весьма значительное время. Однако в итоге в 1914 г. банку удалось заключить с ним соглашение, согласно которому Раис-ут-Туджар обязывался уступить банку концессию, как на дорогу Гаудан – Мешхед, так и на ее ветку, шедшую от Кучана к Сабзевару. Кроме того, Раис-ут-Туджар принял на себя обязательство исходатайствовать у персидского правительства издание трех указов: а) о праве передачи концессии на дорогу иностранным подданным; б) о праве переустройства шоссе под железнодорожное, автомобильное и др. рода сообщение и об образовании для этой цели акционерной компании; в) о праве изменения направления пути и отчуждения у населения необходимых для нужд дороги участков земли [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 44].

Как и следовало ожидать, даже по прошествии двух лет, Раис-ут-Туджар так и не

предпринял ничего для получения указа от персидского правительства. Последнее, правда в свою очередь отобрало концессию у Раис-ут-Туджара, ссылаясь на несоблюдение им обязательств о ремонте дороги [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 44].

Таким образом, в 1916 г. вопрос о модернизации и собственности Мешхед-Гауданской дороге оставался подвешенным в воздухе. Тем временем информационное поле вокруг него настолько сильно разросло, что вовлекло в свое пространство уже высшее лицо России — Николая II. В своей «особой» телеграмме министру финансов П. Л. Барку император, указывая на неудовлетворительное состояние путей сообщения в Хорасане, испросил его заключения по вопросу о мерах к улучшению дорог в целях упрочения российского *«экономического влияния в этой части Персии»* [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 40].

В свою очередь П. Л. Барк очертил круг проблемных вопросов, которые необходимо было решить до того, как приступить к модернизации дороги Мешхед – Гаудан – Асхабад, которую предполагалось трансформировать в железнодорожную магистраль. Он указал, что прежде всего важно установить в каком направлении следует вести будущую железную дорогу, поскольку участок от Кучана до Асхабада проходил по достаточно гористой местности, так что прокладка здесь рельсов могла быть сопряжена с большими техническими затруднениями. Таким образом, вероятно, было предпочтительней выбрать для этой цели более подходящую местность [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 40].

Вторым выступал вопрос, кем будет осуществлена постройка железной дороги, поскольку, хотя на Мешхед-Гауданскую дорогу, а равно и на ветвь от Кучана к Сабзевару, и была уступлена персидским коммерсантом Раис-ут-Туджаром Учетно-ссудному банку Персии, передача эта по-прежнему оставалась неутвержденной персидским правительством, которое одновременно не признавало более и прав Раис-ут-Туджара в виду содержания им дороги в неисправности. При таких условиях министр финансов считал наиболее целесообразным испро-

сить у персидского правительства новую концессию на имя Учетно-ссудного банка Персии. Последний в свою очередь мог бы передать саму постройку одному из российских дорожных предприятий в Персии. Например, Обществу Энзели-Тегеранской дороги, во главе которой стоял инженер К. С. Подгурский, уже руководивший в это время постройкой в Персии железной дороги от Джульфы до Тавриза [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 41].

Наконец, был сформулирован вопрос, касавшийся срока осуществления строительства будущей железнодорожной магистрали. Здесь П. Л. Барк сослался на мнение председателя правления Общества Энзели-Тегеранской дороги К. С. Подгурского, который уже успел высказать сомнение по поводу возможности выполнить постройку до окончания Первой мировой войны, поскольку при потребности рельсов и шпал для западного фронта и для проектировавшейся в то время дороги Джульфа – Алят в Закавказье, едва ли было возможно достать необходимые материалы для Мешхедской дороги. В связи с этим П. Л. Барк рекомендовал в концессии, которая будет выдана персидским правительством, оговорить право российской стороной приступить к строительным работам *«лишь после восстановления нормальных условий»* [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 41]. Такое отдаление срока начала железнодорожных работ, министр финансов объяснял следующим образом: *«в настоящий момент российские дорожные предприятия в Персии не обладают средствами на постройку новых дорог, а привлечение частных капиталов в данное дело, которое потребует по приблизительным подсчетам более 30 млн руб., раннее окончания войны представляется мне едва ли возможным»* [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 269. Л. 41].

6. Заключение

К моменту вхождения Закаспийской области в состав Российской империи между данной территорией и Хорасанской провинцией не существовало хороших путей сообщения. В связи с этим в российском правительстве было решено поднять вопрос о

строительстве шоссированной дороги между Асхабадом и Мешхедом для передвижения по ней колесных экипажей. Это должен был стать совместный, российско-персидский проект. Его реализация затянулась персидской стороной и так и не была доведена до нужного качественного уровня. В результате дорога не оказала того положительно-го эффекта, на который была рассчитана. Персидский участок требовал постоянного ремонта, движение по нему было проблематичным и периодически вообще грозило остановиться. При этом сама персидская сторона не спешила делать требуемые вложения в ремонтные работы и лишь усилия со стороны российских генеральных консулов в Мешхеде — П. М. Власова и П. Е. Понафидина — позволяли сохранять движение по дороге между ее двумя крайними пунктами назначения.

Хотя российская казна не вкладывала средств в строительство пути от Гаудана до Мешхеда, но именно благодаря энергичным действиям представителей российского дипломатического корпуса, заключавшихся в неустанном обращении к персидским властям и к самому шаху, позволяли сохранять колесное движение и не дать дороге превратиться в караванную тропу. Продолжение ее функционирования в совокупности с положительным разреше-

нием вопроса о возврате пошлин на вывозимый сахар и распространение этого закона на экспортировавшуюся ткань позволял, несмотря на все возникавшие проблемы, не только сохранять, но и наращивать товарооборот между Россией и Персией. Вероятно, его показатели были бы выше, если бы дорога была в хорошем состоянии. Очевидно, это мнение получило широкое распространение в российских правительственных кругах, что и побудило царскую бюрократию в начале XX в. приступить к поиску способа передачи прав на дорогу российскому концессионеру, поскольку к этому времени совершенно очевидным стало, что сохранение дороги в персидских руках не позволит добиться желаемой цели — повысить ее товаропроводящие показатели за счет серьезной модернизации.

В 1916 г. на самом высшем уровне стал даже обсуждаться вопрос о возможности строительства между Асхабадом и Мешхедом железнодорожной магистрали. Участие России в Первой мировой войне не позволило российскому правительству приступить к реализации проекта немедленно, хотя у него и существовало осознание острой потребности в строительстве железной дороги для активизации российско-персидского товарооборота.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
- Обзор 1893а — Обзор Закаспийской области за 1891 год. Асхабад: Типография штаба Закаспийской области, 1893. 496 с.
- Обзор 1893б — Обзор Закаспийской области. За 1892 год. Асхабад: Типография штаба Закаспийской области, 1893. 226 с.
- Обзор 1895 — Обзор Закаспийской области за 1893 год. Асхабад: Типография штаба Закаспийской области, 1895. 413 с.
- Обзор 1896 — Обзор Закаспийской области. За 1895 год. Асхабад: Типография штаба Закаспийской области, 1896. 195 с.
- Обзор 1898 — Обзор Закаспийской области. За 1896 год. Асхабад: Типография штаба Закаспийской области, 1898. 346 с.

Sources

- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
- Overview of Transcaspian Oblast for the Year 1891. Ashgabat: Executive Office of Transcaspian Oblast, 1893. 496 p. (In Russ.)
- Overview of Transcaspian Oblast for the Year 1892. Ashgabat: Executive Office of Transcaspian Oblast, 1893. 226 p. (In Russ.)
- Overview of Transcaspian Oblast for the Year 1893. Ashgabat: Executive Office of Transcaspian Oblast, 1895. 413 p. (In Russ.)
- Overview of Transcaspian Oblast for the Year 1895. Ashgabat: Executive Office of Transcaspian Oblast, 1896. 195 p. (In Russ.)
- Overview of Transcaspian Oblast for the Year 1896. Ashgabat: Executive Office of Transcaspian Oblast, 1898. 346 p. (In Russ.)

Поездка 1887а — Поездка по Закаспийской области // Всемирная иллюстрация. 1887. 14 марта. № 948. С. 238.

Поездка 1887б — Поездка по Закаспийской области // Всемирная иллюстрация. 1887. 21 марта. № 949. С. 259.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Travels in Transcaspian Oblast. *Vsemirnaya illyustratsiya*. 1887, March 14. No. 948. P. 238. (In Russ.)

Travels in Transcaspian Oblast. *Vsemirnaya illyustratsiya*. 1887, March 21. No. 949. P. 259. (In Russ.)

Russian State Historical Archive.

Литература

Алимджанов 2015 — Алимджанов Б. А. Таможенная и торговая политика Российской империи в Русском Туркестане // Клио. 2015. № 9 (105). С. 106–110.

Арабаджян 2023 — Арабаджян З. А. Восточная Персия как арена соперничества и возможного сотрудничества России и Великобритании в конце XIX – начале XX в. // Восточный курьер. 2023. № 4. С. 196–206. DOI: 10.18254/S268684310029242-4

Арабаджян 2024 — Арабаджян З. А. Николай Нотович — энтузиаст российских железнодорожных концессий в Персии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 451–462. DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-4-451-462

Атаев 1989 — Атаев Х. А. Политические и торгово-экономические отношения Северо-Восточного Ирана в России в начале XX века (1900–1917). Ашхабад: Ылым, 1989. 149 с.

Атаев 1991 — Атаев Х. А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в VIII–XIX вв. М.: Наука, 1991. 392 с.

Васильев, Мазяев 2020 — Васильев Д. В., Мазяев Н. А. Закаспийская железная дорога как фактор региональной политики российской империи в Центральной Азии (по материалам прессы) // Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня открытия Туркестано-Сибирской железной дороги. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. С. 14–23.

Гоков 2019 — Гоков О. А. Русская политика в Иране в начале 1890-х гг.: смена приоритетов // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 4. С. 40–100.

Губаревич-Радобильский 1912 — Губаревич-Радобильский А. Ф. Материалы для изучения хлопководства. Вып. II. Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами Азии. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 127 с.

References

Alimdjano B. A. Customs and trade policy of the Russian Empire in Russian Turkestan. *Klio*. 2015. № 9 (105). Pp. 106–110. (In Russ.)

Arabadzhyan Z. A. Eastern Persia as an arena of rivalry and possible cooperation between Russia and the United Kingdom in the late 19th – early 20th centuries. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 196–206. (In Russ.) DOI: 10.18254/S268684310029242-4

Arabadzhyan Z. A. Nikolai Notovich is an enthusiast of Russian railways concessions in Persia. *RUDN Journal of Russian History*. 2024. Vol. 23. No. 4. Pp. 451–462. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-4-451-462

Ataev Kh. A. Northeastern Iran and Russia, 1900–1917: Political, Trade and Economic Relations. Ashgabat: Ylym, 1989. 149 p. (In Russ.)

Ataev Kh. A. Iran–Russia Trade and Economic Relations, Eighth to Nineteenth Centuries. Moscow: Nauka, 1991. 392 p. (In Russ.)

Vasilyev D. V., Mazaev N. A. Trans-Caspian Railway as a factor of the regional policy of the Russian Empire in Central Asia (Based on periodical publications). In: Zemlyukov S. V. (ed.) *Industrial Construction in Central Asia: Historical Significance for the Region*. Jubilee conference proceedings. Barnaul: Altai State University, 2020. Pp. 14–23. (In Russ.)

Gokov O. A. Russian policy in Iran in the early 1890s: Change of priorities. *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2019. No. 4 (16). Pp. 40–100. (In Russ.)

Gubarevich-Radobilsky A. F. Materials on Cotton Growing. Vol. 2: Significance of Turkestan in Russia's Asian Trade. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1912. 127 p. (In Russ.)

- Ищенко 2021 — *Ищенко Н. С.* Открытие российского генерального консульства в Хорасане в 1889 г. Афганский аспект // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2021. Вып. 6. С. 168–178. DOI: 10.31857/S086919080015284-9
- Ищенко N. S. Opening of the Russian Consulate General in Khorasan in 1889. The Afghan aspect. *Oriens*. 2021. No. 6. Pp. 168–178. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086919080015284-9
- Крючков и др. 2022 — *Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мелконян А. А.* Керман и Систан в экономической конкуренции России и Великобритании в Восточной Персии на рубеже XIX–XX вв. // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 919–929. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-919-929
- Kryuchkov I. V., Kriuchkova N. D., Melkonyan A. A. Russian-British economic rivalry in Eastern Persia at the turn of the 20th century: Kerman and Sistan. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 919–929. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-919-929
- Ларин 2020 — *Ларин А. Б.* «В самом же городе Мешехе господствует ныне полное спокойствие»: Россия и мешхедский инцидент 1912 г. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. № 3(89). С. 1–20. DOI: 10.18254/S207987840009204-3
- Larin A. B. “Complete calm reigns now in the city of Mashhad”: Russia and the Mashhad Incident of 1912. *ISTORIYA* (online journal). 2020. Vol. 11. No. 3(89). Pp. 1–20. (In Russ.) DOI: 10.18254/S207987840009204-3
- Логофет 1909 — *Логофет Д. Н.* Персидская граница. СПб.: В. Березовский, 1909. 245 с.
- Logofet D. N. Persian Border. St. Petersburg: V. Berezovsky, 1909. 245 p. (In Russ.)
- Маннанов 1964 — *Маннанов Б.* Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука, 1964. 156 с.
- Mannanov B. Russia–Iran Relations in the Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries: Glimpses of History. Tashkent: Nauka, 1964. 156 p. (In Russ.)
- Мурадов 2021 — *Мурадов Р.* История Ашхабада: с чего все начиналось // *Туркменистан: Золотой век [электронный ресурс]*. 28.04.2021. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/53915/istoriya-ashhabada-s-chego-vsyo-nachinalos> (дата обращения: 04.08.2023).
- Muradov R. History of Ashgabat: Where it all began. On: Turkmenistan. Golden Age. Posted on 28 April 2021. Available at: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/53915/istoriya-ashhabada-s-chego-vsyo-nachinalos> (accessed: 4 August 2023). (In Russ.)
- Надеждин 1927 — *Надеждин В.* Транспорт в торговле Средней Азии: сборник статей. Ташкент: [б. и.], 1927. 158 с.
- Nadezhdin V. Transport in Central Asian Trade. Collected papers. Tashkent, 1927. 158 p. (In Russ.)
- Наумова 2020 — *Наумова Н. А.* Состояние экономики и внешней торговли Хорасана и Южной Персии накануне Первой мировой войны в донесениях российских дипломатов (на примере генерального консульства в Мешехе и вице-консульства в Бендер-Бушире) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 2. С. 73–79.
- Naumova N. A. The state of the economy and foreign trade of Khurasan and South Persia on the eve of World War I in the reports of Russian diplomats (The case of Consulate General in Meshed and Vice-Consulate in Bandar Bushehr). *Humanities and Law Research*. 2020. No. 2. Pp. 73–79. (In Russ.)
- Родзевич 1891 — *Родзевич И.* Очерк постройки Закаспийской военной жел. Дороги и ее значение для русско-среднеазиатской промышленности и торговли. СПб.: Тип. Миллер и Богильман, 1891. 77 с.
- Rodzevich I. Transcaspian Military Railway: Its Construction and Significance for Russia's Central Asian Industries and Trade. Essay. St. Petersburg: Muller & Bohelman, 1891. 77 p. (In Russ.)
- Сапарова 1991 — *Сапарова Д. Ч.* Влияние Закаспийской железной дороги на развитие русско-иранских торговых связей (90-е гг. XIX в.). Ашхабад: Ылым, 1991. 141 с.
- Saparova D. Ch. Transcaspian Railway and Its Influence of the Development of Russian-Iranian Trade Relations, 1890s. Ashgabat: Ylym, 1991. 141 p. (In Russ.)

- Тестов 2011 — *Тестов В. Н.* Влияние Закаспийской железной дороги на развитие Среднеазиатского края в период правления императора Александра III (1881–1894) // Сборник научных трудов 201 и 205 кафедр ВАИУ. Воронеж: ВЦНТИ, 2011. С. 71–75.
- Токтамысов 2024 — *Токтамысов С. Ж.* Правительственная дискуссия об участии частного капитала в строительстве Закаспийской железной дороги в конце XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 109–121. DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121
- Andreeva 2007 — *Andreeva E.* Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. Abingdon; New York: Routledge, 2007. 273 p.
- Kazemzadeh 2013 — *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia: Imperial ambitions in Qajar Iran. New York: I. B. Tauris, 2013. 711 p.
- Testov V. N. Influence of the Transcaspiian Railway on the development of Russia's Central Asia during the reign of Emperor Alexander III (1881–1894). In: Collected Papers of Departments 201 and 205 at Military University of Aviation and Engineering. Voronezh: Center for Scientific and Technological Information, 2011. Pp. 71–75. (In Russ.)
- Toktamysov S. Zh. Governmental discussion on the private capital participation in the Trans-Caspian Railway construction in the late XIX century. *RUDN Journal of Russian History*. 2024. Vol. 23. No. 1. Pp. 109–121. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-1-109-121
- Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. Abingdon, New York: Routledge, 2007. 273 p. (In Eng.)
- Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia: Imperial Ambitions in Qajar Iran. New York: I. B. Tauris, 2013. 711 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 1, Pp. 40–58, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 314

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-40-58

Русская миграция в Сиам (Таиланд) в контексте развития двусторонних отношений в XIX–XXI вв.

Сергей Васильевич Рязанцев^{1,2}, Марина Николаевна Храмова³, Алексей Викторович Смирнов⁴

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

² Институт народонаселения и социальных исследований Университета Махидол (4, Пхуттхамонтхон Сай ул., Салайя, 73170 Накхон Патхом, Таиланд)

приглашенный профессор

 0000-0001-5306-8875. E-mail: [riazan\[at\]mail.ru](mailto:riazan[at]mail.ru)

³ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 6, корп. 1, ул. Фотиевой, 119333 Москва, Российская Федерация)

кандидат физико-математических наук, директор

 0000-0002-0893-3935. E-mail: [kh-mari08\[at\]yandex.ru](mailto:kh-mari08[at]yandex.ru)

⁴ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 6, корп. 1, ул. Фотиевой, 119333 Москва, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-6559-1679. E-mail: [sofetel\[at\]mail.ru](mailto:sofetel[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Рязанцев С. Г., Храмова М. Н., Смирнов А. В., 2025

Аннотация. *Введение.* Исторически Сиам (Таиланд) в силу своего географического положения и религиозной терпимости являлся открытой страной для представителей разных наций. *Цель исследования* — выявить влияние фактора двусторонних международных отношений на исторические и современные детерминанты и особенности миграции русских в Таиланд. Новизна исследования состоит в рассмотрении феномена туризма и форм миграции русских в Таиланд через призму развития международных двусторонних отношений в сравнительном контексте исторической ретроспективы и современной ситуации. *Источниковой базой* исследования стали материалы дореволюционных российских изданий, научная литература, статистика по миграции и туризму, представленные в источниках Таиланда (Управление по туризму, Иммиграционная служба) и Российской Федерации (Пограничная служба, Агентство по

туризму). Авторами был проведен социологический опрос в социальной сети «ВКонтакте» в июле 2024 г. среди российских граждан старше 18 лет, которые проживают в Таиланде не менее двух лет. Анкета содержала 19 вопросов для выявления социально-демографических характеристик, особенностей адаптации и трудоустройства, доступа к социальным сетям и средствам массовой информации в Таиланде. *Результаты.* После визита цесаревича Николая II в Бангкок и установления дипломатических отношений в 1897 г. между Россией и Таиландом, в периодической печати появилось много упоминаний о загадочной стране «белого слона». К 1899 г. численность населения Таиланда оценивалась в 9 млн чел., в том числе около 27 тыс. иностранцев, включая только 7 русских. В конце XIX века Россия развивала активные политические и торгово-экономические связи с Таиландом. Новый ренессанс в отношениях двух стран отмечается в 2000-е гг. и проявляется через феномен туризма и миграции. По данным Министерства туризма Таиланда, в 2023 г. страну посетили около 1,5 млн россиян, заняв пятое место после Малайзии, Китая, Республики Корея и Индии. Туризм из Российской Федерации в Таиланд в 2023 г. превысил допандемический уровень. Граждане Российской Федерации, наряду с гражданами Китая, стали основными покупателями недвижимости (особенно вилл на Пхукете) в Таиланде. Россияне, временно или постоянно проживающие в Таиланде, развивают объекты «русскоязычной экономики», создают рабочие места для местных жителей, платят налоги в бюджет.

Ключевые слова: миграция в Таиланд, эмиграция в Таиланд, Таиланд, русские в Таиланде, международные отношения, Сиа́м

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов» (№ 22-68-00210, <https://rscf.ru/project/22-68-00210/>).
Для цитирования: Рязанцев С. В., Храмова М. Н., Смирнов А. В. Русская миграция в Сиа́м (Таиланд) в контексте развития двусторонних отношений в XIX–XXI вв. // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 1. С. 40–58. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-40-58

Russian Migration to Siam (Thailand) in the Context of Bilateral Relations Development, Nineteenth to Twenty First Centuries

Sergey V. Ryazantsev^{1,2}, *Marina N. Khramova*³, *Alexey V. Smirnov*⁴

¹ RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russian Federation)

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Economics), Professor

² Mahidol University, Institute for Population and Social Research (Phutthamonthon Sai 4 Rd., Salaya, Phutthamonthon, 73170 Nakhon Pathom, Thailand)

Lecturer

 0000-0001-5306-8875. E-mail: riazan[at]mail.ru

³ Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (6/1, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Physics and Mathematics), Associate Professor, Director

 0000-0002-0893-3935. E-mail: kh-mari08[at]yandex.ru

⁴ Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (6/1, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-6559-1679. E-mail: sofetel[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Ryazantsev S. V., Khramova M. N., Smirnov A. V., 2025

Abstract. Introduction. Historically, Siam (Thailand) has been an open country for representatives of different nations due to its geographical location and religious tolerance. **Goals.** The study seeks to evaluate impacts of bilateral international relations on the past/present determinants and features of Russian migration to Siam (Thailand). The paper is first to consider the phenomenon of tourism and forms of Russian migration to Siam (Thailand) through the prism of bilateral relations development in comparative retrospective and present-day contexts. **Materials and methods.** The work focuses on pre-revolutionary Russian publications, scholarly editions, available statistical data on migration and tourism (Tourism Authority and Immigration Bureau of Thailand, Border Service and Federal Agency for Tourism of Russia). The work involves a VK-based survey held in July 2024 among Russian citizens aged 18 and over who have been residing in Thailand for at least two years. The questionnaire contains a total of 19 questions to identify sociodemographic characteristics, features of adaptation and employment, access to social networks and media in Thailand. **Results.** The 1897 visit of Tsesarevich Nicholas II to Bangkok and establishment of diplomatic relations between Russia and Siam (Thailand) were followed by a variety of messages about the mysterious 'Land of White Elephants'. As of 1899, the population of Siam (Thailand) was ca. 9 million, including 27 thousand foreigners and only 7 Russians. However, the late nineteenth century witnessed Russia's active efforts aimed at developing political, trade and economic ties with Siam (Thailand). The 2000s relations renaissance has been largely manifested through the phenomenon of tourism and migration. According to the Tourism Authority of Thailand, about 1.5 million Russians visited the country in 2023, which ranks Russia fifth after Malaysia, China, South Korea and India. So, the 2023 tourist flow from the Russian Federation to Thailand did exceed the pre-pandemic levels. Russian and Chinese citizens have become major real estate buyers in Thailand (with utmost demand for villas in Phuket). Temporary or permanent Russian residents tend to develop objects of 'Russian-speaking economy', produce jobs for locals, and pay taxes.

Keywords: migration to Thailand, emigration to Thailand, Thailand, Russians in Thailand, international relations, Siam

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-68-00210 'Emigration and the status of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region facing of new global challenges'. Available at: <https://rscf.ru/project/22-68-00210>.

For citation: Ryazantsev S. V., Khramova M. N., Smirnov A. V. Russian Migration to Siam (Thailand) in the Context of Bilateral Relations Development, Nineteenth to Twenty First Centuries. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 40–58. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-40-58

1. Введение

Российский историк И. П. Филевич, читая публичную лекцию «Россия и азиаты» в Императорском Варшавском университете, рассуждал о том, что судьба России, европейских и азиатских стран тесно переплетены друг с другом [Филевич 1904: 5]. Неслучайно взгляд двуглавого орла на государственном символе России направлен и на Европу, и на Азию.

Считается, что первые российские суда посетили Сиам (Таиланд) в 1863 г. [Максимов 1876: 473]. В феврале 1874 г. после прибытия корвета «Аскольд» в Бангкок тайское правительство заявило: «...король сиамский, очень рад приходу русского военного судна и очень сожалеет, что до сих пор не имел с Россией никаких официальных отношений» [Максимов 1876: 463].

Азиатское путешествие Николая II активно освящалось в русской прессе. Так, 8 марта 1890 г. наследник прибыл в Бангкок, проведя там шесть дней [Завершение 1891: 2]. Приветственная надпись на русском языке в Бангкоке была написана курляндцем: «...прибывшим искать счастья в Сиаме» [Ухтомский 2010: 303].

В 1897 г. были установлены дипломатические отношения между Российской империей и Сиамом (Таиландом) [Россия – Сиам 1997: 4]. В газетах сообщалось, что после визита сиамского короля Чулалонгкорна в Россию появилась «мода на Сиам» [Листок 1897: 2].

В настоящее время Королевство Таиланд с 2000-х гг. стало очень популярным направлением для туристов и мигрантов из Российской Федерации. Таиландские влас-

ти рассматривают поток российских туристов как очень значимый, способствующий восстановлению и развитию национальной туристической индустрии после пандемии COVID-19.

По данным Управления по туризму Таиланда (Tourism Authority of Thailand — TAT), в 2023 г. Таиланд полностью восстановил российский туристический поток, потерянный во время пандемии COVID-19, и даже немного превысил его. Российская Федерация занимает пятое место по количеству туристов среди всех стран мира (уступая Малайзии, Китаю, Республике Корея и Индии), а за пределами Азии — первое (опережая Великобританию, Германию, Францию и Швецию).

Учитывая важность российского рынка для Таиланда, в 2008 г. в Москве был открыт один из 15 зарубежных офисов TAT. В 2023 г. Таиланд посетили 1,48 млн россиян (количество прибытий), что выше, чем в 2019 г. (1,47 млн). При этом объем общего иностранного туристического потока пока не достиг уровня до пандемии COVID-19: в 2023 г. Таиланд принял 28,04 млн иностранных туристов (39 млн в 2019 г.) [[สถิตินักท่องเที่ยว](#)]. Но количество российских туристов восстанавливается гораздо быстрее, чем в среднем по рынку.

Туристические компании прогнозируют рост спроса на поездки россиян в 2024 г. и согласны с позицией TAT о необходимости продвижения новых направлений, россияне хотят узнать больше о новых направлениях отдыха в Таиланде [[Полянская 2024](#)].

2. Материалы и методы

Цель настоящего исследования: выявить влияние фактора двусторонних международных отношений на исторические и современные детерминанты и особенности миграции русских в Сиам (Таиланд).

Источниковой базой исследования стали материалы дореволюционных российских изданий («Правительственный вестник», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Новости и биржевая торговля», Сборник консульских донесений), научная литература, данные статисти-

ки по миграции и туризму, представленные в источниках Таиланда (Управление по туризму, Иммиграционная служба) и Российской Федерации (Пограничная служба, Агентство по туризму).

Авторами был проведен социологический опрос в социальной сети «ВКонтакте» в июле 2024 г. среди российских граждан старше 18 лет, которые проживают в Таиланде не менее двух лет. Выборка случайная (N=134 респондента). Анкета содержала 19 вопросов для выявления социально-демографических характеристик, особенностей адаптации и трудоустройства, доступа к социальным сетям и средствам массовой информации в Таиланде. Обработка анкет проводилась с использованием пакета SPSS. В исследовании также анализируются социологические данные, полученные российскими центрами и компаниями (Всероссийский центр изучения общественного мнения — ВЦИОМ, Российское общественное мнение и исследование рынка — РОМИР, Мобильные телесистемы — МТС) в ходе опросов российских граждан — туристов в Таиланде. ВЦИОМ проводит регулярные социологические опросы о туристических предпочтениях российских граждан (выборка 1 600 граждан Российской Федерации старше 18 лет). РОМИР регулярно публикует аналитические обзоры по международному туризму российских граждан.

Новизна исследования состоит в рассмотрении форм миграции русских в Сиам (Таиланд) и феномена современного российского туризма через призму развития двусторонних отношений между странами в сравнительном контексте исторической ретроспективы конца XIX в. и современной ситуации конца XX – начала XXI вв.

3. Обсуждение

Историография вопроса русско-тайландских отношений и миграции между странами начинается еще в дореволюционное время. В некоторых источниках встречается информация о заходах русских кораблей в Королевство Сиам (Таиланд) [[Максимов 1876: 462–480](#); [Симоненко 2011: 6](#)], освещается

путешествие Николая II и визит короля Чулалонгкорна в Россию в 1897 г. [Ухтомский 2010: 301–314; Хантер, Чакрабон 2004: 29], обучение тайского наследника в Санкт-Петербурге, переезд в Сиам (Таиланд) и адаптация в тайском обществе русской супруги принца Е. И. Десницкой [Хантер, Чакрабон 2004: 34–40, 76–86]. В дореволюционной историографии также описываются торгово-экономические отношения между странами в контексте конкурентной борьбы на некоторых потребительских рынках того времени. Однако в русской дореволюционной историографии Сиам (Таиланд) остается недостаточно подробно описанной, экзотической и загадочной страной.

В советской историографии начинаются исследования отношений между странами в контексте экономической и политической конкурентной борьбы в регионе Юго-Восточной Азии. В научном труде Ю. Л. Сергаева рассматривается роль российского императорского флота в развитии отношений России и Сиам [Сергаев 2020].

Фундаментальные труды российского ученого Н. В. Ребриковой посвящены торгово-экономическим и социально-политическим отношениям Сиам (Таиланда) и охватывают значительный исторический период со средних веков до новой истории [Ребрикова 1957; Ребрикова 1966]. Э. О. Берзин описывает отношения Сиам (Таиланда) с различными странами в контексте конкурентной борьбы, прежде всего, европейских держав за тайский потребительский рынок [Берзин 1962]. Е. А. Фомичева анализирует историческую роль России в сохранении автономности Таиланда в контексте геополитических преобразований в мире и регионе Юго-Восточной Азии [Фомичева 2018]. Советский ученый Ю. Г. Мандрыкин подготовил фундаментальный труд с комплексным описанием торгово-экономического положения Таиланда в XX в. [Мандрыкин 1959]. Советский исследователь Н. П. Малетин рассматривает историю отношений Таиланда со странами Запада, АСЕАН и СССР [Малетин 1986].

Достаточно детальный анализ межгосударственных отношений Таиланда принят в исследованиях А. В. Симоненко из

Восточного Института Дальневосточного государственного университета. Автор собрала достаточно детальные сведения о взаимных визитах государственных персон и проанализировала развитие торгово-экономических и политических отношений между странами в контексте геополитических трансформации в XX в. [Симоненко 2011; Симоненко].

Современная ситуация с российским туризмом в Таиланде пока изучена недостаточно как с российской, так и тайландской сторон, но можно отметить некоторые исследования.

Российскими и вьетнамскими социологами был проведен общий анализ состояния туристической отрасли, количественных и качественных характеристик российского туристического потока в страны Юго-Восточной Азии, включая Таиланд. В исследовании анализируются тенденции российского туризма, положение российских экспатов, а также состояния туристической отрасли в Таиланде до и во время пандемии COVID-19 в контексте мер, предпринятых властями [Ryazantsev et al. 2021]. В исследовании российских демографов С. В. Рязанцева и М. Н. Храмовой рассматриваются особенности формирования и тесные связи между русскоязычными общинами и «русскоязычной экономикой» в Таиланде. Авторы отмечают, что «русскоязычная экономика» в Таиланде представлена различными экономическими объектами и связями с Россией и ориентирована на потребителей из русскоязычных сообществ [Ryazantsev, Khranova 2023].

В серии публикаций ученых Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН рассматривается эволюция прироста российского туристического потока в Таиланд, значительный рост которого происходит после отмены статуса пандемии и изменения геополитической ситуации. На основе данных статистики проанализирована географическая и социально-демографическая структура туристического потока из России. Была описана также стратегия восстановления туристического

бизнеса в Таиланде [Рязанцев 2023; Рязанцев и др. 2024].

Исследование тайского ученого Сини Санкрусме из Университета Рамкхамхаенг, построенное на основе модели структурных уравнений, изучает воспринимаемую ценность и удовлетворенность в связи с повторным посещением туристических мест в Таиланде на основе выборки 100 российских туристов в Бангкоке. Разработана модель, которая в свою очередь расширяет литературу, объединяя ряд ключевых переменных в единую теоретическую структуру. Для сбора глубоких данных на широкой территории использовался смешанный метод исследования, что повысило надежность и валидность анализа. Полученные результаты подтверждают важность удовлетворенности туризмом и воспринимаемой ценности как детерминант повторного посещения пункта назначения [Sankrusme 2017].

4. Результаты

4.1. Демографическое развитие и миграция в Сиаме (Таиланде) во второй половине XIX в.

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1834 г. приводятся выписки из донесений католического миссионера, где сообщалось о высокой смертности населения Сиам (Таиланда) (до 10 % в год), которая компенсировалась за счет миграции китайцев [Нечто 1834: 231–232]. В страну преимущественно эмигрировало население из Южного Китая [Берзин 1962: 7], причем в первой половине XIX в. приезжали только мужчины, которые нередко вступали в брак с местными женщинами [Ребрикова, Калашников 1984: 62].

Переписи населения в Сиаме (Таиланде) в XIX в. не проводились [Оларовский 1899]. По примерным оценкам численность населения Сиам (Таиланда) в первой половине последнего десятилетия XIX в. могла составлять около 8 млн чел., в том числе 3 млн приходилось на тайцев, а «...остальное население состоит из лаосцев (около 3 млн), малайцев и камбоджийцев (до 1,5 млн) и китайцев (около полумиллиона). Последние составляют городской промышленный элемент; они сосредоточили в своих

руках все ремесла, всю сиамскую торговлю» [Сиам 1897: 2]. К 1899 г. численность населения Сиам (Таиланда) оценивалась в 9 млн чел., в том числе проживало около 27 тыс. иностранцев (около 14 тыс. французов, 12 тыс. подданных Великобритании, 7 русских и др.) [Оларовский 1899: 366–367]. Министр-резидент Бангкока А. Оларовский писал в донесении: «...численность собственно французских и великобританских подданных, вследствие постоянных передвижений их через границы страны, подвергается весьма значительным изменениям» [Оларовский 1899: 367].

Необходимо отметить географические особенности расселения этнических групп по территории Сиам (Таиланда) в конце XIX в.: «Господствующая народность — сиамцы (называют себя «таи», т. е. — свободные); они населяют преимущественно южную часть государства; северную же занимают лаосы... Южнее на полуострове живут малайцы... Любопытнейшим явлением представляются потомки португальцев, имевших некогда здесь свои фактории; их насчитывается до пяти тысяч человек; они сохранили свою религию и находятся под ведением католического епископа» [Сиам 1897: 2].

В 80–90-е гг. XIX в. в Сиаме (Таиланде) происходит активный процесс накопления капитала, появляются фабрики и заводы, расширяется рынок труда и потребления. В 90-е гг. XIX в. Сиам (Таиланд) становится крупной принимающей трудящихся-мигрантов страной в регионе Юго-Восточной Азии: ежегодно в страну приезжают на работу более 17 тыс. китайцев, а также множество рабочих из Индии и Бирмы (нынешней Мьянмы) [Ребрикова 1966: 186–187].

В Сиаме (Таиланде) проживали европейские экспаты. Они подчинялись законам своей страны, а консул выполнял одновременно административную и судебную функцию. Например, в трактате с Данией сообщалось: «...в случае обвинения датского подданного, последний арестуется местными властями и наказывается консулом, согласно датским законам, или отсылается для отбытия наказания в Данию...» [Лысковский 1903: 58]. Аналогичные по смыслу

статьи были в трактатах Австро-Венгрии, Германии, Италии, Великобритании и др. [Лысаковский 1903: 59].

Европейская культура оказывала значительное влияние на развитие страны и повседневную жизнь как Сиам (Таиланда), так и соседних стран Юго-Восточной Азии. Обеспеченные европейцы охотились на слонов 3–4 раза в год: «Французский резидент в Камбодже де-Верневиль часто приглашал своих друзей на облавы, устраиваемые против слонов, по его распоряжению, в королевских лесах и длившиеся нередко пять, шесть недель, при участии многих сотен загонщиков, направлявших зверя под выстрелы охотников» [Ри 1900: 2].

Численность населения Бангкока в конце XIX в. составляла до 500 тыс. чел., причем значительная доля приходилась на китайцев [Ри 1893: 3]. Европейцы столицу Сиам (Таиланда) называли «Венецией Индо-Китая». Современники отмечали: «Немного лет тому назад, по улицам Бангкока встречались только паланкины сиамских мандаринов, в настоящее же время по тем же улицам проложены рельсы конно-железных дорог, вагоны которых снуют целый день по всем разнообразным направлениям с самой разнохарактерной публикой, состоящей из европейцев, коренных сиамцев, китайцев и малайцев» [Ри 1893: 3].

Здесь уместно провести параллели с сегодняшним днем. В середине 2024 г. численность населения Таиланда, включая мигрантов, составила около 72 млн чел. (18-е место в мире) [Population], а Бангкока, включая пригороды — около 11 млн чел. [Bangkok]. В 2018 г. численность мигрантов в Таиланде составляла около 3,9 млн чел., а в 2023 г. оценивалась от 4 до 5 млн чел. [Arphattananon 2022; Migration].

На сегодняшний день, по данным Международной организации по миграции (МОМ), проблемой для Таиланда становится большое количество нелегальных мигрантов из Мьянмы. Политическая и экономическая ситуация в стране исхода выступают выталкивающими факторами для бирманцев. От 1 до 2,5 млн мигрантов находятся незаконно или без разрешения на работу в Таиланде. Для устойчивого мигра-

ционного коридора Мьянма-Таиланд отмечены такие явления, как незаконный ввоз и торговля людьми [Пью, Кузнецов 2023].

4.2. Отношения России и Сиам (Таиланда) в XIX в.: роль аристократической миграции в развитии отношений между странами

В 1897 г. король Сиам (Таиланда) Чулалонгкорн посетил Россию, в результате визита были установлены дипломатические отношения между странами. 4 декабря 1897 г. А. Е. Оларовский был назначен генеральным консулом России в Сиаме (Таиланде) [Россия – Сиам 1997: 4].

Отец Чулалонгкорна король Хао-Фамонгкут открыл страну для европейцев. При нем были заключены договоры с Англией, Францией и США [Сиам и сиамцы 1897: 5]. История короля Монгкута получила известность благодаря книге А. Леоноуэнс «Английская гувернантка при дворе короля Сиам» и фильму «Анна и король».

Чулалонгкорн был воспитан английской гувернанткой, знал английский язык и продолжал реформы отца [Сиам и сиамцы 1897: 5]. Объединил Сиам (Таиланд) в одну страну, отменил долговое рабство, реорганизовал армию и флот [Ребрикова 1957: 13–14]. Благодаря его указам в Бангкоке появились улицы, телеграф, который связал Сиам (Таиланд) со столицами европейских городов, проведено электрическое освещение и конно-железная дорога [Сиам и сиамцы 1897: 5; Оларовский 1899: 380]. Король был первым монархом из стран Юго-Восточной Азии, который знал в совершенстве английский язык [Хантер, Чакрабон 2004: 26].

У короля Чулалонгкорна было одиннадцать сыновей, из которых десять были воспитанниками аристократической школы Этона. Второй сын Чакрабон по приглашению российского императора Николая II в 1898 г. приехал на обучение в Пажеский корпус в Санкт-Петербург [Хантер, Чакрабон 2004: 34]. Принц Чакрабон познакомился с русской культурой и обществом: посещал музеи и выставки [ВИ 1904: 3]. Принимал участие в социальной жизни города, в частности посещал санкт-петербургское училище глухонемых детей, где наблюдал за их

обучением и изготовлением предметов из жести и меди [ВИ 1900: 2]. После завершения обучения в Пажеском корпусе Чакрабон продолжил учебу в Академии Генерального штаба и дослужился до звания полковника.

В 1905 г. принц познакомился с Екатериной Десницкой. Истории отношений сиамского принца Чакрабона с Е. И. Десницкой посвящены книги, статьи и выставки [Хантер, Чакрабон 2004: 52–53].

25 января 1906 г. принц Чакрабон, получивший образование в Пажеском корпусе и отслуживший в гусарском полку Его Величества, уехал на родину с Варшавского вокзала в сопровождении сиамского посланника в Петербурге [ВИ 1906: 2]. В том же году сиамский принц и Е. И. Десницкая поженились в Константинополе, затем переехали в Сиам. В 1908 г. у них родился сын Чула. После смерти короля в 1910 г. страной начинает править старший брат Чакрабона — Чакрапонг. Новый король утверждает в качестве наследника престола принца Чакрабона, объявляет Е. И. Десницкую его законной женой, а их маленького сына Чула — Его Королевским Высочеством. Впоследствии принц Чакрабон и Екатерина расторгли брак. После развода Е. И. Десницкая покинула Сиам, переехала в Китай, затем в Париж. В возрасте 37 лет скоропостижно скончался принц Чакрабон. Е. И. Десницкая пережила его надолго. Она ушла из жизни в 1960 г. во Франции.

4.3. Международные торгово-экономические отношения Сиам (Таиланда) в XIX в.: развитие коммерческой миграции

В 1518 г. Таиланд заключил первый торговый договор с европейской страной — Португалией [Берзин 1962: 22]. Но в начале XVII в. Голландия, Англия и Франция сместили Португалию с арены торговли в южных морях со странами Востока. Из-за выгодного географического расположения, на путях из Индии в Китай и Японию, Сиам (Таиланд) становится одной из богатых стран Ост-Индийской кампании [Берзин 1962: 3].

Сиам (Таиланд), как страна, открытая для иностранцев, проводила политику терпимости. Данное явление, вероятно, обу-

словлено религиозными представлениями, которые сформировались в силу многих факторов, в том числе географического расположения, этнических и религиозных особенностей: в стране можно было встретить разные восточные народы, что оказалось благодатной почвой в том числе для появления христианских миссионеров [Берзин 1962: 34, 58].

Стоит отметить, что во второй половине XVII в. Сиам (Таиланд) становится «закрытой» страной для торговли с европейскими странами как ответ на попытку Франции подчинить себе страну. Но в конце XVIII в. в Сиаме (Таиланде) снова торгуют купцы из Голландии, Англии, Португалии, США и Франции [Ребрикова 1966: 21, 126].

В конце XIX в. торговля Сиам (Таиланда) была сосредоточена преимущественно в столице в Бангкоке [Оларовский 1899: 373]. Самыми крупными фирмами были китайские. Основным продуктом экспорта была сельскохозяйственная продукция: рис, тиковое дерево, перец, шкуры буйвола и соленая рыба [Сиам 1897: 2; Извлечение 1893: 351–352]. Первое место по статье доходов от экспорта занимал рис [Извлечение 1894: 198; Оларовский 1899: 365]. Импортировался керосин, хлопчатобумажные и шелковые изделия, железо, сталь, машины, ювелирные изделия, спички, опиум [Извлечение 1893: 351–352]. В 1897 г. в Сиам (Таиланд) было ввезено товаров на 40 млн руб., а экспортировано на 80 млн руб.

В 1891 г. значительную долю керосинового рынка занимал русский керосин марки «Якорь». Ежемесячно в Бангкоке продавали до 13 тыс. ящиков керосина «Якорь», 6 тыс. — американского керосина «Devoo» и 1 тыс. — «Stella». Немецкая фирма «Самуэль и К» построила в трех милях от Бангкока две цистерны вместимостью 1 500 тонн каждая для продажи керосина в розлив [Извлечение 1893: 351–352]. Но уже в 1894 г. русский керосин, выработанный в Батуми, стал доставляться наливным способом, что снизило его себестоимость. 10 галлонов разливного керосина «Якорь» продавались за 50 центов, а 1 галлон в «жестянке» стоил 7,5 центов. До ввоза разливного порционный керосин американского производства

стоил 25 центов за галлон, а русского — 19. Но консервативное население предпочитало покупать керосин в «жестяных посудинах». Тогда бангкокская фирма стала порционно разливать керосин после прибытия его из Батуми [Извлечение 1894: 902]. В 1893 г. появляется конкурент на керосиновом рынке с острова Суматра. В 1894 г. керосина американского происхождения было ввезено 32,1 тыс. ящика, с индонезийского острова Суматры — 116,4 тыс. ящиков, а русского керосина 135 тыс. ящиков [Извлечение 1895: 1119].

Помимо керосина, Россия экспортировала в Сиам (Таиланд) через Германию и Сингапур рыбные консервы, водку, икру, пеньку и пеньковые канаты [Оларовский 1899: 375]. Из-за антисанитарии в Бангкоке консервы среди европейцев пользовались большим спросом [Оларовский 1899: 381].

4.4. Двусторонние отношения СССР (Российской Федерации) и Сиам (Таиланда) в XX в.

События 1917 г. изменили архитектуру двусторонних отношений между странами. После расстрела Николая II и его семьи дипломатические отношения были прерваны по инициативе Таиланда.

Между СССР и Таиландом соглашение об установлении дипломатических отношений было подписано 12 марта 1941 г. [Симоненко 2011: 29]. Но Вторая мировая война внесла свои коррективы и обмен дипломатическими представительствами между государствами состоялся в 1947 г. [Симоненко 2011: 32].

В 1967 г. страны упрощают порядок выдачи виз. В 1970 г. заключается торговое соглашение между странами. Через год открывается воздушное сообщение Москва-Бангкок — торговый оборот между странами составлял 1,7 млрд долларов США [Симоненко].

В 1975 г. СССР впервые посещает член королевской семьи принцесса Кальяни Ваттана. Спустя четыре года прибыл премьер-министр Таиланда К. Чаманан. В 1983 г. в столицу Таиланда приезжает заместитель министра иностранных дел СССР

М. С. Капица. В 1989 г. состоялся визит в Москву наследного принца Маха Вачира-лонгкорна.

После распада СССР тайское правительство 28 декабря 1991 г. признало Россию в качестве суверенного государства. В 1993 г. Москву посещает принцесса Маха Чакри Сириндон. В том же году создается российско-тайландская комиссия по двустороннему сотрудничеству.

В декабре 2005 г. подписано Соглашение между Россией и Таиландом об условиях отказа от визовых формальностей для обыкновенных загранпаспортов (вступило в силу 24 марта 2007 г.). В результате у тайцев и россиян появилась возможность безвизового пребывания до 30 дней в России или Таиланде. Туристический бум последних лет подтолкнул российские власти к открытию Генерального консульства на Пхукете в 2023 г.

4.5. Миграция из Российской Федерации в Таиланд после пандемии COVID-19: туризм и постоянная миграция

Пандемия COVID-19 вызвала миграционный коллапс, в том числе и в Таиланде. Число иностранных туристов в 2020–2023 гг. резко сократилось. В 2017 г. в Таиланд приехали 35,5 млн туристов (доля россиян составила 4%), в 2018 г. — 38 млн (4%), 2019 г. — 39,9 млн (4%), 2020 г. — 6,7 млн (9%), в 2021 г. — 0,5 млн (6%), в 2022 г. — 11 млн (4%), в 2023 г. — 28 млн (доля россиян — 5,3%). В 2023 г. и первой половине 2024 г. россияне заняли первое место по числу прибывших туристов из-за пределов Азии — 1,5 млн и 921 тыс. чел. соответственно [สถิตินักท่องเที่ยว]. В общем рейтинге туристов в Таиланде по итогам 2023 г. Россия находилась на пятом месте (рис. 1).

МТС Travel и МТС Research провели исследование, посвященное российскому туризму. В исследовании были проанализированы обезличенные данные абонентов МТС, которые выезжали из своего региона после 1 декабря и возвращались до 1 марта в 2021–2023 годах. Учитывались только поездки продолжительностью более трех не-

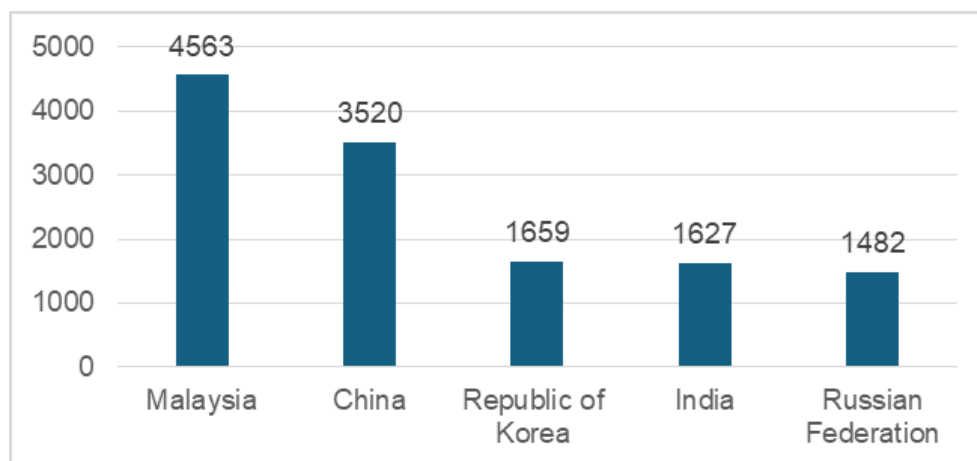

Рис. 1. Количество туристических посещений Таиланда гражданами пяти основных стран в 2023 г., тыс. въездов

[Fig. 1. Numbers of tourist visits to Thailand by nationals of the five major countries in 2023, thousand entries]

дель. По данным исследования, каждый десятый российский путешественник выбрал Таиланд для длительной поездки зимой 2022–2023 гг. В среднем путешественники проводили в Таиланде месяц, около 45 % россиян проводят в Таиланде зимой одну неделю [Таиланд 2023а].

Российский туризм в Таиланд имеет ярко выраженный сезонный характер, пик туристов приходится на декабрь. В декабре 2023 г. страну посетили 205 тыс. граждан Российской Федерации (рис. 2). Основная масса туристов приезжает с ноября по март, когда в большинстве российских ре-

гионов устанавливается холодная погода. Наиболее популярными направлениями для российских туристов являются курортные зоны: Паттайя, Пхукет, Самуи, Краби. Популярен также Бангкок, поездки в который российские туристы совмещают с основной поездкой на курорты и пляжи. По данным Министерства туризма и спорта страны, более половины российских туристов прилетают в аэропорт Пхукета [สถิตินักท่องเที่ยว].

Преимущественно «точками притяжения» российских туристов в Таиланде являются Пхукет и Паттайя, в меньшей степени

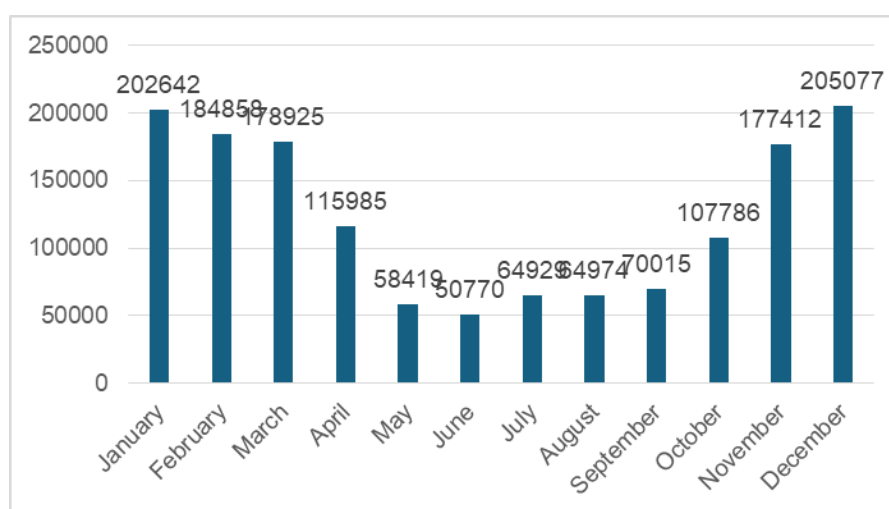

Рис. 2. Поток туристов из Российской Федерации в Таиланд в 2023 г. по месяцам, количество въездов

[Fig. 2. Tourist flow from the Russian Federation to Thailand in 2023 by month, numbers of entries]

Бангкок и остров Самуи [Россияне стали 2024]. По данным тайских властей в 2014 г., в Таиланде постоянно проживало русских около 100 тыс. чел. На Пхукете по состоянию на май 2024 г. постоянно проживало около 60 тыс. россиян [Thai]. При этом генеральный консул РФ на Пхукете отметил, что по долгосрочным визам (бизнес-визы, учебные, семейные и пенсионные) проживало только 9,8 тыс. россиян [Генконсул]. Разница данных в 6 раз объясняется тем, что значительная доля россиян выезжает из Таиланда на короткий срок, а затем въезжает по безвизовому штампу («бордер-ран»), тем самым легализуя свое постоянное проживание. Многочисленная реклама на русском языке «бордер-ран» и «виза-ран» (выезд из Таиланда за визой) в социальных сетях, мессенджерах и на улицах Паттайи и Пхукета демонстрирует востребованность данных услуг. Поскольку большая доля россиян предпочитает жить в Таиланде, имея в паспорте туристический штамп, то данные об их численности ограничены.

В Таиланде действует система долгосрочных виз программы «Thailand Elite», самая дешёвая виза стоит 900 тыс. бат по которой можно жить в стране пять лет. Самая дорогая виза «Reserve» стоимостью 5 млн бат, дает право на проживание на 20 лет [Таиланд 2023б]. От 5 тыс. до 10 тыс. россиян приобрели элитные визы и стали резидентами Пхукета [Thai].

Таиланд является страной, где наиболее ярко видны признаки «русскоязычной экономики» из-за сложностей полной интеграции россиян в новое общество по причине трудности изучения тайского языка, этнокультурных религиозных отличий и пр. С. В. Рязанцев под «русскоязычной экономикой» понимает: «...систему экономических институтов и экономических отношений, в основе которых лежит русский язык, он же — основной интеграционный фактор, а также движущей силой ее развития являются удовлетворение потребностей русскоговорящего населения и туристов, а также экономические связи с Россией» [Рязанцев 2017: 128].

В Таиланде трудовое законодательство запрещает заниматься иностранцам многи-

ми профессиями (парикмахеры, туристические гиды, фотографы, строительство и др.) [Генконсул]. В результате русские вынуждены нелегально работать гидами-экскурсоводами, сдавать в прокат автомобили и мотоциклы, парикмахерами и даже секс-работниками, размещая рекламу своих услуг в интернете, преимущественно в мессенджере «Telegram» [Thailand's].

В 2023 г. только на Пхукете было зарегистрировано россиянами около 1 600 компаний. При этом за предыдущие семь лет ежегодно регистрировалось русскими около 30 компаний. Стоит отметить, что по тайским законам иностранцы могут владеть только 49 % акциями компании, а 51 % должен принадлежать тайским гражданам [Thai].

В 2024 г. тайские граждане, проживающие на Пхукете, пожаловались премьер-министру на иностранцев, преимущественно россиян, ведущих нелегальный бизнес, занимающих рабочие места и покупающих много недвижимости, тем самым увеличивая цены [More 2024].

Россияне создали «условно закрытую экономику» в местах наибольшей концентрации (Пхукет и Паттайя), в Таиланде данное явление называют «Russian only». Например, президент клуба фургонов на Пхукете сообщил: «Они [русские. — Р. С., Х. М., С. А.] ездят на личных автомобилях, которые не были зарегистрированы в транспортном департаменте Таиланда в качестве служебных, и подбирают туристов, которые заказывают их через российское приложение, предлагая почти на 20 процентов меньшую плату, чем мы» [Russian-only 2023].

Появились фирмы, работающие только на русском языке: туристические агентства, агентства недвижимости и фирмы, предлагающие развлечения [Russian-only 2023]. Основными клиентами являются русские. Таец, собственник бизнеса на Пхукете, заявил в интервью про русских: «Они как будто владеют страной... Они скупили так много земли, подняли цены на недвижимость... Правительство должно пресечь всю незаконную деятельность» [Thai].

Количество покупок недвижимости в 2023 г. выросло на 25 % по сравнению с 2022 г., а общая стоимость квартир увеличилась на 23,5 %. Количество купленных квартир (кондоминиумов) в Таиланде в 2023 г. составило 14 449, из них китайские граждане купили — 6614 (45,8 %), граждане Российской Федерации — 1260 (8,7 %), граждане США — 631 (4,4 %), граждане Мьянмы — 564 (3,9 %) и граждане Тайваня — 532 (3,7 %) [REIC 2024]. По данным информационного центра недвижимости в 2023 г., русские приобрели около 40 % кондоминиумов на Пхукете [Thai].

За первые три месяца 2024 г. россияне купили в Таиланде 9,3 тыс. объектов недвижимости, это на 13 % больше аналогичного периода годом ранее. Около 57 % всех сделок пришлось на Пхукет, около 15 % купили недвижимость в Паттайе и 9 % на острове Самуи. Средняя стоимость покупки составляет около 150 тыс. долларов США [Россияне 2023]. Обеспеченные люди покупают и арендуют виллы. Например, более половины жителей пляжного комплекса вилл на Пхукете «Laguna» — русские [Thailand's].

По данным издания «Bangkok Post», стоимость долгосрочного жилья, сдаваемого на Пхукете в 2023 г., выросла в три раза, преимущественно из-за россиян. По мнению бывшего президента Ассоциации недвижимости Пхукета Пхаттанан Пхисутви-мола, самые востребованные квартиры для аренды стоимостью от 10 млн бат [Russians 2024].

В январе 2024 г. правительство Таиланда заявило о рассмотрении предложения увеличить долю владения иностранцами в кондоминиумах с 49 % до 75 % и увеличения сроков аренды земли до 99 лет. В настоящее время иностранец может арендовать землю для жилых целей максимум на 30 лет, с возможностью продления аренды еще на 30 лет при согласии собственника [Real 2024]. Но в некоторых случаях аренда может составлять 90 или 120 лет [Buyers 2024].

Брокер яхт «Simpson marine Phuket» отмечает, что после событий в феврале 2022 г. число российских покупателей увеличилось на 10–20 % [Russian-only 2023].

Из-за введенных санкций против России не работает глобальная система платежей SWIFT. Но россияне пока используют китайскую систему UnionPay. Также россияне, имеющие счета в Таиланде, занимаются обменом денег. Туристы из России совершают банковский перевод на российский банк, а в обменном пункте им выдают уже тайские баты (см. фото 1).

Многие российские туристы ежегодно отдыхают в Таиланде, способствуя росту спроса на туристические услуги. Это привело к появлению и развитию русскоязычной экономики в местах концентрации туристов из стран бывшего СССР, что повлияло на социально-экономическую ситуацию на местном уровне. Лишь ограничения во время пандемии COVID-19 затормозили ее развитие. Однако и это обстоятельство доказывает прямую связь между туризмом из России и развитием «русскоязычной экономики» в Таиланде. Из всех стран Юго-Восточной Азии наиболее масштабно «русскоязычная экономика» представлена именно в

Фото 1. Вывеска на русском языке. Фото авторов 08.06.2024, г. Паттайя (Таиланд)

[Photo 1. Russian-language currency exchange billboard in Pattaya (Thailand). 8 June 2024. Photo by authors]

Таиланде, что вполне естественно, учитывая популярность этой страны среди туристов из стран бывшего СССР. Туризм зачастую перерастает в длительное пребывание, сопровождающееся покупкой недвижимости и открытием бизнеса.

Рост туризма из России в Таиланд повышает спрос на услуги, привычные для российских туристов. В интервью с экспертами отмечается, что туризм из России является драйвером для развития «русскоязычной экономики», в первую очередь в местах концентрации российских туристов (например, Пхукет и Паттайя в Таиланде, Сиануквиль в Камбодже, Нячанг во Вьетнаме). Объекты русскоязычной экономики стали привычным пейзажем Пхукета. В центральной части острова мы нашли не менее 20 объектов (агентства недвижимости, туристические офисы, рестораны, кафе). По мнению экспертов, русские объекты на Пхукете влияют на социально-экономическую ситуацию на местном уровне.

На объемы русскоязычной экономики напрямую влияет численность русскоязычного населения: временного и постоянного. Первые создают спрос на товары и услуги, а вторые приспосабливаются к новой социальной реальности находят работу в секторах русскоязычной экономики.

Например, контекстный анализ объявлений о найме персонала из русскоязычных групп в различных социальных сетях показывает, что спрос на русскоязычных специалистов есть в сфере миграционного права, недвижимости, образования, ухода за детьми и пожилыми людьми. Опросы экспертов и анализ социальных сетей показывают, что число российских преподавателей и ученых, работающих в университетах Таиланда, растет.

4.6. Социально-демографический портрет и адаптация русскоязычного сообщества в Таиланде: результаты социологического опроса

Миграционная привлекательность Таиланда для русскоязычных мигрантов связана с благоприятными природно-климатическими условиями, низкой стоимостью

жизни, безвизовым въездом на относительно длительный период времени и дружелюбным отношением местного населения к россиянам.

В ходе анкетирования в социальной сети «ВКонтакте» было опрошено 134 информанта. Доля женщин в выборке составила 40 %, а мужчин — 60 %. Распределение по возрасту было следующим: на возрастную группу 18–29 лет — 24 %, 30–39 лет — 32 %, 40–45 лет — 22 %, 50–59 лет — 13 %, 60–69 лет — 5 %, 70–79 лет — 4 %. В интернет-опросе произошло некоторое смещение выборки, поскольку социальными сетями пользуются преимущественно в молодых и средних возрастах. В данных возрастах отмечается наибольшая вероятность к смене места жительства. Повышенная доля мужчин в выборке связана с массовым выездом из России в 2022 г.

На вопрос «В какой стране Вы получаете доход?» было получено следующее распределение: 36 % ответили, что работают удаленно, их работодатель находится в России; 46 % заявили, что работают в Таиланде, а 18 % ответили, что не работают. Респонденты, работающие в Таиланде, заявили, что преимущественно работают в секторе услуг (продавцами, гидами, официантами, поварами, преподавателями английского, переводчиками и др.).

Более 95 % респондентов отметили, что общаются с российскими соотечественниками, проживающими в Таиланде. На вопрос: «Укажите Вашу форму общения с соотечественниками?» можно было дать несколько вариантов ответов. Более 67 % общаются через социальные сети (только онлайн), около 74 % периодически встречаются (оффлайн) и 7 % посещают мероприятия, которые устраивают Посольство Российской Федерации, Россотрудничество и Координационный совет российских соотечественников.

Около 74 % респондентов отметили, что читают русскоязычные СМИ (печатные и электронные), издаваемые в Таиланде. При этом 90 % отметили, что читают новости в мессенджере «Telegram», оставшиеся 10 % поровну распределились между ресурсами,

посвященными работе, недвижимости и досугу. При этом 37 % респондентов, работающих в Таиланде, отметили, что находят клиентов через социальные сети, преимущественно мессенджер «Telegram» и «ВКонтакте». В Таиланде множество различных русскоязычных площадок и форумов в сети Интернет, по сути, помогают русскоговорящим мигрантам адаптироваться в принимающем обществе. На этих площадках и форумах размещаются материалы на самые разные темы, включая работу, покупку или аренду недвижимости, рекламу товаров и услуг, а также информация о культурных событиях.

Около 43 % респондентов заявили, что планируют остаться на постоянное место жительства в Таиланде, 32 % — хотят вернуться в Россию, 13 % — планируют переехать в другую страну, а 12% — затруднились с ответом. На основе результатов опроса можно утверждать, что основная миграционная стратегия мигрантов из Российской Федерации — путь «от туриста до постоянного жителя».

Миграция россиян в Таиланд становится очень разнообразной. Основными каналами въезда и пребывания мигрантов являются туризм, трудовые контракты, бизнес, покупка недвижимости, получение образования, жизнь на пенсии, заключение брака. Для долгосрочного пребывания необходима виза, разрешение на работу и вид на жительство. Но в условиях безвизового режима некоторые российские граждане въезжают в страну как туристы и остаются на длительный срок, выезжая каждые 30 дней (90 дней в 2023–2024 гг.) из страны. Это позволяет им получить новый штамп в паспорте и остаться на новый срок без визы. Некоторые работают удаленно или без трудового договора, нарушая тайское трудовое законодательство. В 2024 г. власти Таиланда ужесточили проверки и выявили, что россияне работают без разрешений на работу в сфере такси, туризма и операций с недвижимостью. Например, стандартный прием, когда в русскоязычную экскурсию формально входит тайский гид, но ведет экскурсию один из «туристов».

5. Заключение

По данным Министерства туризма Таиланда, в 2023 г. страну посетили около 1,5 млн чел. из России, заняв пятое место после Малайзии, Китая, Республики Корея и Индии. Туризм из Российской Федерации в Таиланд в 2023 г. превысил допандемический уровень. Граждане Российской Федерации, наряду с гражданами Китая, стали основными покупателями недвижимости (особенно вилл на Пхукете) в Таиланде.

В связи с закрытием Европы после 2022 г. для российских туристов происходит переориентация туристического потока. Таиланд стал новым полюсом притяжения для российских туристов. Туризм из России становится существенным фактором экономического развития Таиланда как на национальном, так и на местном уровнях, особенно после пандемии COVID-19, а новые направления также получают импульс для развития, например Хуа Хин. В то же время рост туризма имеет и негативные последствия для жителей: например, рост цен на продукты питания и услуги, увеличение неформальной занятости.

Российские граждане, временно или постоянно проживающие в Таиланде, также играют важную экономическую и социокультурную роль. Они основывают и развивают объекты «русскоязычной экономики», создают рабочие места для местных жителей, платят налоги в бюджет. Необходимо отметить социокультурную деятельность русских в Таиланде, а именно открытие школ, выставок, клубов, социальных объектов.

«Русскоязычная экономика» и русскоязычные общины могут выступать прочной платформой для развития социально-экономического сотрудничества между Россией и Таиландом. В перспективе целесообразно развивать прямые авиарейсы национальных компаний между столицами и наиболее значимыми городами, создавать и развивать совместные компании и предприятия в ключевых отраслях экономики. В Таиланде следует активнее развивать программы адаптации и интеграции российских граждан, которые развивают бизнес, инвестируют в недвижимость и работают в течение несколь-

ких лет. Адаптационные программы могут включать бесплатные курсы местного языка

и курсы по изучению традиций и истории страны.

Литература

- Берзин 1962 — Берзин Э. О. Борьба европейских держав за сиамский рынок. М.: Вост. лит., 1962. 263 с.
- ВИ 1900 — Внутренние известия // Правительственный вестник. 1900. №70. 29 март. С. 2.
- ВИ 1904 — Внутренние известия // Правительственный вестник. 1904. № 235. 23 ноября. С. 3.
- ВИ 1906 — Внутренние известия // Правительственный вестник. 1906. № 22. 27 января. С. 2.
- Генконсул — Генконсул РФ заявил, что на Пхукете проживают около 10 тыс. россиян на долгосрочной основе [электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/19895545> (дата обращения: 18.07.2024).
- Завершение 1891 — Завершение путешествия Наследника Цесаревича // Правительственный вестник. 1891. № 169. 3 августа. С. 2.
- Извлечение 1893 — Извлечение из донесений российских и иностранных консулов // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1893. № 33. С. 351–353.
- Извлечение 1894 — Извлечение из донесений российских и иностранных консулов // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1894. № 4. С. 196–198.
- Извлечение 1895 — Извлечение из донесений российских и иностранных консулов // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. № 52. С. 1119.
- Листок 1897 — Листок // Петербургский листок. 1897. № 176. 30 июня. С. 2.
- Лысаковский 1903 — Лысаковский А. Иностранная юрисдикция в Сиаме (Донесение управляющего генеральным консульством в Бангкоке). Сборник консульских донесений. Вып. I. СПб.: Товарищество художественной печати, 1903. С. 57–71.
- Максимов 1876 — Максимов А. Я. Вокруг света: Плавание корвета «Аскольд»: из записок Максимова: От Кронштадта до Бангкокка. СПб.: Общественная польза, 1876. 480 с.
- Малетин 1986 — Малетин Н. П. Внешняя политика Таиланда 1945–1983 гг. М.: МГИМО, 1986. 120 с.

References

- Berzin E. O. Struggle of European Powers for the Markets of Siam. Moscow: Oriental Literature Press, 1962, 263 p. (In Russ.)
- Domestic news. *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1900, March 29. No. 70. P. 2. (In Russ.)
- Domestic news. *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1904, November 23. No. 235. P. 3. (In Russ.)
- Domestic news. *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1906, January 27. No 22. P. 2. (In Russ.)
- Russia's Consul General confirms ca. 10 thousand Russians reside in Phuket on long-term basis. On: Russian News Agency TASS. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/19895545> (accessed: 18 July 2024). (In Russ.)
- Tsesarevich to arrive home. *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1891, August 3. No 169. P. 2. (In Russ.)
- Extract from reports of Russian and foreign consuls. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 1893. No 33. Pp. 351–353. (In Russ.)
- Extract from reports of Russian and foreign consuls. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 1894. No 4. Pp. 196–198. (In Russ.)
- Extract from reports of Russian and foreign consuls. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 1895. No 52. P. 1119. (In Russ.)
- Fact sheet. *Peterburgskiy listok*. 1897, June 30. No. 176. P. 2. (In Russ.)
- Lysakovsky A. Foreign jurisdiction in Siam (Report by Chief Officer of [Russia's] Consulate General in Bangkok). In: Collected Consular Reports. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoy Pechati, 1903. Vol. 1. Pp. 57–71. (In Russ.)
- Maksimov A. Ya. Around the World: Voyage of the Corvette Askold (Collections from Maksimov's Notes: From Kronstadt to Bangkok). St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1876. 480 p. (In Russ.)
- Maletin N. P. Foreign Policy of Thailand, 1945–1983. Moscow: MGIMO University, 1986. 120 p. (In Russ.)

- Мандрыкин 1959 — Мандрыкин Ю. Г. Таиланд экономика и внешняя торговля. М.: Внешторгиздат, 1959. 167 с.
- Мандрыкин Yu. G. Economy and Foreign Trade of Thailand. Moscow: Vneshtorgizdat, 1959. 167 p. (In Russ.)
- Нечто 1834 — Нечто о религии и образе жизни Сиама // Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 60. 14 марта. С. 231–234.
- Some notes about Siamese religion and lifestyle. *Sankt-peterburgskie vedomosti*. 1834, March 14. No. 60. Pp. 231–234. (In Russ.)
- Оларовский 1899 — Оларовский А. Очерк Сиам (Донесение министра-резидента в Бангкоке) // Сборник консульских донесений. Вып. V. СПб.: Товарищество художественной печати, 1899. С. 365–382.
- Olarovsky A. Sketch of Siam (Report by [Russia's] Resident Minister in Bangkok). In: *Collect-ed Consular Reports*. St. Petersburg: *Tovari-shchestvo khudozhestvennoy pechati*, 1899. Vol. 5. Pp. 365–382. (In Russ.)
- Полянская 2024 — Полянская А. Российский турпоток в Таиланд за 2023 год превзошел показатели 2019 года [электронный ресурс] // Ассоциация туроператоров. URL: <https://www.atorus.ru/node/55304?ysclid=lywggf13hu342308257> (дата обращения: 22.07.2024).
- Polyanskaya A. Russian tourist flow to Thailand in 2023 breaks records of 2019. On: Russian Association of Travel Agencies (website). 2024. Available at: <https://www.atorus.ru/node/55304?ysclid=lywggf13hu342308257> (accessed: 22 July 2024). (In Russ.)
- Пью, Кузнецов 2023 — Пью А. Х., Кузнецов Н. Г. Трудовая миграция между Мьянмой и Таиландом: подходы к легализации и интеграции мигрантов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 134–143. DOI 10.19181/demis.2023.3.2.10
- Phyo A. H., Kuznetsov N. G. Labor migration between Myanmar and Thailand: Approaches to the legalization and integration of migrants. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 134–143. (In Russ.) DOI 10.19181/demis.2023.3.2.10
- Ребрикова 1957 — Ребрикова Н. В. Таиланд (Сиам). М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 102 с.
- Rebrikova N. V. Thailand (Siam). Moscow: Gospolitizdat, 1957. 103 p. (In Russ.)
- Ребрикова 1966 — Ребрикова Н. В. Очерки новой истории Таиланда (1768–1917). М.: Наука, 1966. 302 с.
- Rebrikova N. V. Essays on the Modern History of Thailand (1768–1917). Moscow: Nauka, 1966. 303 p. (In Russ.)
- Ребрикова, Калашников 1984 — Ребрикова Н. В., Калашников Н. И. Таиланд общество и государство. М.: Наука, 1984. 270 с.
- Rebrikova N. V., Kalashnikov N. I. Thailand: Society and State. Moscow: Nauka, 1984. 270 p. (In Russ.)
- РИ 1893 — Разные известия // Правительственный вестник. 1893. № 148. 9 июля. С. 3.
- Miscellaneous. *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1893, July 9. No. 148. P. 3. (In Russ.)
- РИ 1900 — Разные известия // Правительственный вестник. 1900. № 45. 27 февраля. С. 2–3.
- Miscellaneous. *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1900, February 27. No. 45. Pp. 2–3. (In Russ.)
- Россия – Сиам 1997 — Россия – Сиам. 1863–1917: Документы и материалы / сост. Ю. В. Басенко, Г. М. Прыткова, Е. А. Фомичева. М.: Международные отношения, 1997. 317 с.
- Basenko Yu. V., Prytkova G. M., Fomicheva E. A. (comps.) *Russia – Siam, 1863–1917: Documents and Materials*. Moscow: *Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 1997. 317 p. (In Russ.)
- Россияне 2023 — Россияне шокировали рынок, заняв уже 40 % квартир на Пхукете. Турпром [электронный ресурс] // URL: <https://www.tourprom.ru/news/59099/> (дата обращения: 18.07.2024).
- Russians shockingly occupy 40% of Phuket's rental housing market. On: *Turprom*. Available at: <https://www.tourprom.ru/news/59099/> (accessed: 18 July 2024). (In Russ.)
- Россияне стали 2024 — Россияне стали чаще покупать жилье в Таиланде [электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/business/13/06/2024/666871119a79472a41a5bc3d?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 05.07.2024).
- Russians tend to purchase more housing in Thailand. On: *RBC*. Available at: https://www.rbc.ru/business/13/06/2024/666871119a79472a41a5bc3d?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (accessed: 5 July 2024). (In Russ.)

- Рязанцев 2017 — Рязанцев С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер.: Экономика. 2017. Т. 25. № 1. С. 122–136. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136
- Рязанцев 2023 — Рязанцев Н. С. Международный туризм в Таиланде: тренды и восстановление потока российских туристов после пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 1. С. 83–91. DOI: 10.19181/demis.2023.3.1.6. EDN GDXBKU
- Рязанцев и др. 2024 — Рязанцев Н. С., Лукашенко Е. А., Смирнов А. В. Социально-экономические и демографические аспекты российского туризма в Таиланде в 2023 г. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 1. С. 85–100. DOI: 10.19181/demis.2024.4.1.6
- Сергаев 2020 — Сергаев Ю. Л. Сиам и российский императорский флот. История становления дипломатических отношений. СПб.: Гангут, 2020. 88 с.
- Сиам 1897 — Сиам или страна «белого слона» // Правительственный вестник. 1897. № 137. 21 июня. С. 2–3.
- Сиам и сиамцы 1897 — Сиам и сиамцы // Петербургский листок. 1897. № 168. 22 июня. С. 5.
- Симоненко — Симоненко А. В. Россия – Таиланд. История продолжается // BKK-TOUR.RU. URL: <https://bkk-tour.ru/ru-th/?ysclid=m0cbb60xtq947018771> (дата обращения: 05.07.2024).
- Симоненко 2011 — Симоненко А. В. Таиланд – СССР: точки соприкосновения. Владивосток: Дальневосточный ун-т, 2011. 264 с.
- Таиланд 2023а — Таиланд — лидер по количеству зимующих туристов из России [электронный ресурс] // URL: <https://travel.mts.ru/media/news/tailand-stal-liderom-po-kolichestvu-zimuyushhih-turistov-iz-rossii> (дата обращения: 18.07.2024).
- Таиланд 2023б — Таиланд предложил туристам элитные визы [электронный ресурс] // URL: <https://www.tourdom.ru/news/tailand-predlozhit-turistam-elitnye-vizy.html> (дата обращения: 18.07.2024).
- Ухтомский 2010 — Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Николая II на Восток. Том 1. [Б. м.]: Китеж, 2010. 389 с.
- Филевич 1904 — Филевич И. Россия и азиаты (окончание) // Правительственный вестник. 1904. 24 марта. № 72. С. 4–5.
- Ryazantsev S. V. “Russian–Russian” economy as the mechanism of the integration of Russian-speaking migrants in the receiving countries. *RUDN Journal of Economics*. 2017. Vol. 25. No. 1. Pp. 122–136. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136
- Ryazantsev N. S. International tourism in Thailand: Trends and recovery of the flow of Russian tourists after the COVID-19 pandemic. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3. No. 1. Pp. 83–91. (In Russ.) DOI 10.19181/demis.2023.3.1.6
- Ryazantsev N. S., Lukashenko E. A., Smirnov A. V. Socio-economic and demographic aspects of Russian tourism in Thailand in 2023. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4. No. 1. Pp. 85–100. (In Russ.) DOI:10.19181/demis.2024.4.1.6
- Sergaev Yu. L. Siam and the Russian Imperial Navy: A History of Diplomatic Relations. St. Petersburg: Gangut, 2020, 88 p. (In Russ.)
- Siam or the ‘white-elephant’ country. *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1897, June 21. No. 137. Pp. 2–3. (In Russ.)
- Siam and the Siamese. *Peterburgskiy listok*. 1897, June 22. No. 168. P. 5. (In Russ.)
- Simonenok A. V. Russia – Thailand: History goes on. On: BKK-TOUR.RU. Available at: <https://bkk-tour.ru/ru-th/?ysclid=m0cbb60xtq947018771> (accessed: 5 July 2024). (In Russ.)
- Simonenok A. V. Thailand – USSR: Points of Contact. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2011. 264 p. (In Russ.)
- Thailand leads in numbers of winter tourists from Russia. On: MTS Travel. Available at: <https://travel.mts.ru/media/news/tailand-stal-liderom-po-kolichestvu-zimuyushhih-turistov-iz-rossii> (accessed: 18 July 2024). (In Russ.)
- Thailand offers elite visas to tourists. On: TOUR-DOM.RU. Available at: <https://www.tourdom.ru/news/tailand-predlozhit-turistam-elitnye-vizy.html> (accessed: 18 July 2024). (In Russ.)
- Ukhomsky E. E. Eastern Journey of His Majesty Nicholas II. Vol. 1. Kitezh, 2010. (In Russ.)
- Filevich I. Russia and Asians (ending). *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1904, March 24. No. 72. Pp. 4–5. (In Russ.)

- Фомичева 2018 — Фомичева Е. А. Из истории российско-тайландских отношений. М.: Белый ветер, 2018. 284 с.
- Хантер, Чакрабон 2004 — Хантер Э., Чакрабон Н. Катя и принц Сиам. М.: Горец, 2004. 254 с.
- Arphattananon 2022 — Arphattananon T. Education of Migrant Children from Myanmar in Thai Government Schools // *Manusya: Journal of Humanities*. 2022. № 24(3). Pp. 409–425. DOI: 10.1163/26659077-24030008
- Bangkok — Bangkok. Thailand Population. PopulationStat. World Statistical Data [электронный ресурс] // URL: <https://populationstat.com/thailand/bangkok> (дата обращения: 20.06.2024).
- Buyers 2024 — Buyers without borders. Bangkok Post [электронный ресурс] // URL: <https://www.bangkokpost.com/property/2820684/buyers-without-borders> (дата обращения: 05.07.2024).
- Migration — Migration Context // IOM Thailand. URL: <https://thailand.iom.int/migration-context> (дата обращения: 10.07.2024).
- More 2024 — More than 200 arrested in Phuket nominee crackdown. Bangkok Post [электронный ресурс] // URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2802954/more-than-200-arrested-in-phuket-nominee-crackdown> (дата обращения: 08.07.2024).
- Population — Population of Thailand [электронный ресурс] // URL: <https://database.earth/population/thailand> (дата обращения: 27.06.2024).
- Real 2024 — Real estate execs back steps to boost foreign investment. Bangkok Post [электронный ресурс] // URL: <https://www.bangkokpost.com/property/2815789/real-estate-execs-back-steps-to-boost-foreign-investment> (дата обращения: 04.07.2024).
- REIC 2024 — REIC records 25 % jump in foreign condo purchases in 2023 [электронный ресурс] // URL: <https://www.nationthailand.com/business/property/40036969> (дата обращения: 05.07.2024).
- Russians 2024 — Russians control residential leasehold segment in Phuket. Bangkok Post [электронный ресурс] // URL: <https://www.bangkokpost.com/property/2758939/russians-control-residential-leasehold-segment-in-phuket> (дата обращения: 05.07.2024).
- Fomicheva E. A. Russia – Thailand Relations: Glimpses of History. Moscow: Belyi Veter, 2018. 284 p. (In Russ.)
- Hunter E., Chakrabongse N. Katya and Prince of Siam, Moscow: Gorets, 2004. 254 p. (In Russ.)
- Arphattananon, T. Education of migrant children from Myanmar in Thai government schools. *Manusya: Journal of Humanities*. 2022. No. 24(3). Pp. 409–425. (In Eng.) DOI: 10.1163/26659077-24030008
- Bangkok. Thailand population. On: PopulationStat. World Statistical Data. Available at: <https://populationstat.com/thailand/bangkok> (accessed: 20 June 2024). (In Eng.)
- Buyers without borders. On: Bangkok Post (website). Available at: <https://www.bangkokpost.com/property/2820684/buyers-without-borders> (accessed: 5 July 2024). (In Eng.)
- Migration context. On: IOM Thailand. Available at: <https://thailand.iom.int/migration-context> (accessed: 10 July 2024). (In Eng.)
- More than 200 arrested in Phuket nominee crackdown. On: Bangkok Post (website). Available at: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2802954/more-than-200-arrested-in-phuket-nominee-crackdown> (accessed: 8 July 2024). (In Eng.)
- Population of Thailand. On: DATABASE.EARTH. Available at: <https://database.earth/population/thailand> (accessed: 27 June 2024). (In Eng.)
- Real estate execs back steps to boost foreign investment. On: Bangkok Post (website). Available at: <https://www.bangkokpost.com/property/2815789/real-estate-execs-back-steps-to-boost-foreign-investment> (accessed: 4 July 2024). (In Eng.)
- REIC records 25% jump in foreign condo purchases in 2023. On: Nation Thailand. Available at: <https://www.nationthailand.com/business/property/40036969> (accessed: 5 July 2024). (In Eng.)
- Russians control residential leasehold segment in Phuket. On: Bangkok Post (website). Available at: <https://www.bangkokpost.com/property/2758939/russians-control-residential-leasehold-segment-in-phuket> (accessed: 5 July 2024). (In Eng.)

- Russian-only 2023 — «Russian-only» businesses in Thailand's Phuket spark backlash [электронный ресурс] // Aljazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2023/9/6/russian-only-businesses-in-thailands-phuket-spark-backlash> (дата обращения: 08.07.2024).
- Ryazantsev et al. 2021 — Ryazantsev S., Dang N., Ruban L., Ananjin M. Russian Tourism in Southeast Asia as a Form of Migration before and during the COVID-19 Pandemic // South East Asia: Actual problems of Development. 2021. Vol. 4. Iss. 53. Pp. 37–54. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054
- Ryazantsev, Khramova 2023 — Ryazantsev S., Khramova M. The Russian-Speaking Economy in Southeast Asia: Scale, Dynamics and Contribution to the Development of Host Societies // Vietnam Journal of Sociology. 2023. Vol. 11. № 2. Pp. 2–18.
- Sankrusme 2017 — Sankrusme S. Tourism Management of Russian Behavioral Intention toward Thailand // SSRN. 2017. Pp. 1–9. DOI: 10.2139/ssrn.2977048
- Thai — Thai police crack down on Russian investors on holiday island of Phuket [электронный ресурс] // URL: <https://www.rfa.org/english/news/china/phuket-s-05312024225430.html> (дата обращения: 18.07.2024).
- Thailand's — Thailand's tourist towns deal with their own Russian invasion. Time [электронный ресурс] // URL: <https://time.com/6965713/russian-invasion-thailand-tourists-ukraine-war-exiles-phuket/> (дата обращения: 08.07.2024).
- สถิตินักท่องเที่ยว — สถิตินักท่องเที่ยว. Ministry of tourism and sports [электронный ресурс] // URL: <https://www.mots.go.th/news/category/411> (дата обращения: 18.07.2024).
- 'Russian-only' businesses in Thailand's Phuket spark backlash. On: ALJAZEERA. Available at: <https://www.aljazeera.com/economy/2023/9/6/russian-only-businesses-in-thailands-phuket-spark-backlash> (accessed: 8 July 2024). (In Eng.)
- Ryazantsev S., Dang N., Ruban L., Ananjin M. Russian tourism in Southeast Asia as a form of migration before and during the COVID-19 pandemic. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2021. Vol. 4. No. 4 (53). Pp. 37–54. (In Eng.) DOI: 10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054
- Ryazantsev S., Khramova M. The Russian-speaking economy in Southeast Asia: Scale, dynamics and contribution to the development of host societies. *Vietnam Journal of Sociology*. 2023. Vol. 11. No. 2. Pp. 2–18. (In Eng.)
- Sankrusme S. Tourism management of Russian behavioral intention toward Thailand. *SSRN*. 2017. Pp. 1–9. (In Eng.) DOI:10.2139/ssrn.2977048
- Thai police crack down on Russian investors on holiday island of Phuket. On: Radio Free Asia. Available at: <https://www.rfa.org/english/news/china/phuket-s-05312024225430.html> (accessed: 18 July 2024). (In Eng.)
- Thailand's tourist towns deal with their own Russian invasion. On: Time. Available at: <https://time.com/6965713/russian-invasion-thailand-tourists-ukraine-war-exiles-phuket/> (accessed: 8 July 2024). (In Eng.)
- Ministry of Tourism and Sports (Thailand). Available at: <https://www.mots.go.th/news/category/411> (accessed: 18 July 2024). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 59–70, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(100)

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-59-70

Декомпозиция религиозных институтов в контексте секуляризации Турецкой Республики: анализ закрытия текке как ключевого элемента государственной трансформации

*Избасар Ерланулы Тургунбаев¹, Болат Санабайулы Сайлан²,
 Ерлан Мухамеджанович Тургунбаев³*

- 1 Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
 магистр искусств, старший преподаватель
 0000-0002-1997-7829. E-mail: [izbasar136\[at\]mail.ru](mailto:izbasar136[at]mail.ru)
- 2 Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
 доктор исторических наук, профессор
 0000-0003-4432-4616. E-mail: [b_sailan1967\[at\]mail.ru](mailto:b_sailan1967[at]mail.ru)
- 3 Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
 кандидат исторических наук, старший преподаватель
 0009-0000-1448-6273. E-mail: [turgunbaev_63\[at\]mail.ru](mailto:turgunbaev_63[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Тургунбаев И. Е., Сайлан Б. С., Тургунбаев Е. М., 2025

Аннотация. *Введение.* Религиозные учреждения Османской империи текке, начиная с XIX в., препятствовали модернизации религиозной сферы государства, проводимой М. К. Ататюрком. В Стамбуле насчитывалось более 600 текке, что втрое превышало количество медресе. Изначально предназначенные для дервишей и паломников, текке стали центрами политической и социальной жизни, особенно такие, как Султантепе, Бюльбюльдере, Султанахмет и Эйюп, которых поддерживала османская власть. Важную роль они играли и в других регионах, обслуживая тюрко-мусульманских паломников из Центральной Азии. *Цель статьи* — исследовать роль текке в социально-политической структуре Османской империи и их трансформации в условиях становления Турецкой Республики, выявить влияние реформ на религиозные и культурные практики в стране. *Материалы и методы.* Исследование основано на анализе турецких, западных и российских работ. В качестве источников использовались работы М. Оздамара, М. Кара, а также труд Р. А. Николсона, посвященные распространению суфизма. Исследование опирается на междисциплинарный подход, включая методы историко-социологического и сравнительного анализа, а также концепции теории секуляризации и культурной трансформации. *Результаты.* Закрытие текке в 1925 г. стало ключевым моментом в переходе к светскому государственному устройству, постулировались радикальные меры по нейтрали-

зации религиозных влияний, которые могли угрожать стабильности нового порядка. Этот шаг был частью более широких усилий по демонтажу традиционных религиозных институтов, которые оставались значимыми как для духовной, так и для политической сферы империи. Однако закрытие текке не означало полного устранения их культурного и социального воздействия. Они продолжали функционировать на уровне культуры и общественных практик, несмотря на официальную ликвидацию. Несмотря на успехи в области юридической и институциональной секуляризации, в турецком обществе продолжали сохраняться элементы религиозного контроля, что требовало дальнейшего осмысления и разработки стратегий интеграции религиозных и политических сфер в рамках нового государственного порядка.

Ключевые слова: узбекские текке, Османская империя, культура, суфизм, дервиши, ислам, шейх

Для цитирования: Тургунбаев И. Е., Сайлан Б. С., Тургунбаев Е. М. Декомпозиция религиозных институтов в контексте секуляризации Турецкой Республики: анализ закрытия текке как ключевого элемента государственной трансформации // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 1. С. 59–70. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-59-70

Secularization in the Republic of Turkey and Decomposition of Religious Institutions: How Closures of Tekkes Served a Key State Transformation Element

Izbassar Ye. Turgunbayev¹, Bolat S. Sailan², Yerlan M. Turgunbayev³

- 1 Al-Farabi Kazakh National university (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) MA, Senior Lecturer

 0000-0002-1997-7829. E-mail: izbasar136[at]mail.ru

- 2 Al-Farabi Kazakh National university (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0003-4432-4616. E-mail: b_sailan1967[at]mail.ru

- 3 Al-Farabi Kazakh National university (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Senior Lecturer

 0009-0000-1448-6273. E-mail: turgunbaev_63[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Turgunbayev I. Ye., Sailan B. S., Turgunbayev Ye. M., 2025

Abstract. Introduction. Having been important religious institutions in the Ottoman Empire, *tekkes* (*takya*) posed an obstacle to Mustafa Kemal Atatürk's modernization of the religious sphere since the nineteenth century. Istanbul used to host over 600 tekkes, which was thrice the number of madrasas. Once established for dervishes and pilgrims, tekkes would become centers of political and social life, especially those of Sultantepe, Bülbüldere, Sultanahmet and Eyüp that received support from the Ottoman authorities. They also played an important role in other regions serving the needs of Turkic Muslim pilgrims from Central Asia. **Goals.** The article seeks to investigate the role of tekkes in the context of Mustafa Kemal Atatürk's spiritual modernization policy, and identify the impact of reforms on religious and cultural practices in the country. **Materials and methods.** The study focuses on Turkish-, Russian- and English language sources and scholarly papers dealing with the Ottoman imperial policy towards tekkes. Special attention is paid to works by M. Özdamar, M. Kara, and that of R. Nicholson examining the spread of Sufism. The interdisciplinary approach proves central herein and includes tools of sociological and comparative analyses, with due regard of the conceptual framework of secularization and cultural transformation. **Results.** The 1925 closures of tekkes proved a major aspect in the transition towards a secular state system, and they would undertake drastic measures aimed at neutralizing religious impacts that could ever put the new order's stability in question. The former were integral to widest efforts invested to dismantle the traditional religious institutions that remained essential both for spiritual and political spheres of the empire. However, those never eradicated the cultural and social influence of tekkes that kept functioning as part of

cultural and social practices. Despite the success in legal and institutional secularization arrangements, Turkey's society was characterized by persistent elements of religious control, which required further understanding and elaborating certain strategies to integrate religious and political realms within the newly shaped state order.

Keywords: Uzbek tekkes, Ottoman Empire, culture, Sufism, dervishes, Islam, sheikh

For citation: Turgunbayev I. Ye., Sailan B. S., Turgunbayev Ye. M. Secularization in the Republic of Turkey and Decomposition of Religious Institutions: How Closures of Tekkes Served a Key State Transformation Element. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 59–70. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-59-70

1. Введение

Текке, как важные религиозные институты Османской империи, играли ключевую роль в религиозно-политической жизни тюркских народов, выполняя духовные и социальные функции. Они способствовали укреплению культурных, политических и межрегиональных связей между сообществами Османской и Российской империй. В турецкой историографии влияние текке на развитие Центральной Азии освещено частично, тогда как в отечественной науке эта тема остается слабоизученной. Углубленный анализ вклада текке в историко-культурные процессы Центральной Азии и Османской империи актуален для понимания интеграции региона.

В период становления Турецкой Республики реформы М. К. Ататюрка в сфере образования и религии привели к систематической ликвидации суфийских орденов и текке, радикально трансформировав их институциональное значение. Изначально функционируя как убежища для дервишей и паломников из Центральной Азии, текке эволюционировали в центры суфийской метафизики, интегрируя эзотерические практики с культурно-религиозной составляющей. В связи с полиэтнической структурой Османской империи они выполняли функции этноконфессиональной мобилизации, способствуя укреплению коллективной идентичности и легитимации социальных властных структур. Текке становились узловыми элементами трансрегиональных взаимодействий, формируя динамичные социокультурные и политико-религиозные пространства [Kara 1990: 18].

Стамбул, известный как «Дарюссаадет» и «Астана», олицетворял сакральный

и административный центр Османской империи, объединяя политические и религиозные пространства. Наименования «Астана-и Саадет» и «Астана-и Алиейе» акцентируют статус города как сакрального центра, в котором происходили зикры. Здесь не только духовно обогащались, но и создавались условия для удовлетворения потребностей паломников [Alper 1995: 38–43]. Как важный культурный элемент исламской цивилизации текке синтезировали и усиливали духовный статус города. Так, в Стамбуле функционировало пять узбекских текке, три из которых расположены в Эюпе, Ускюдаре и на склоне Шехит Мехмет Паша в районе Бинбирдирек Султанахмета, стали центрами духовной жизни и культурной консолидации тюркских сообществ [Tanman 1994: 9–11].

В Османской империи правительство активно поддерживало развитие текке. Это выражалось как в финансировании их строительства, так и в обеспечении их содержания за счет выделения специальных средств, что укрепляло легитимность власти, интегрируя религиозные и социальные функции в административную систему. Однако с началом реформ М. К. Ататюрка в период становления Турецкой Республики текке стали рассматриваться как препятствие на пути модернизации. В 1925 г. их деятельность была официально прекращена, а управление религиозными учреждениями передано Департаменту по делам религий. Эта мера отражала стремление новых властей к секуляризации и централизации религиозной сферы, чтобы устранить автономные центры влияния и усилить контроль государства над духовной жизнью общества [Smith 1980: 17].

Статья посвящена переосмыслению роли текке в социально-политической структуре Османской империи и их трансформации в условиях становления Турецкой Республики. Основной акцент делается на анализе влияния текке как религиозных институтов, которые не только способствовали консолидации духовной и культурной жизни, но и играли важную роль в формировании межгосударственных связей и укреплении политической стабильности империи. Особое внимание уделяется трансформации текке в контексте реформ М. К. Ататюрка, направленных на секуляризацию и модернизацию государства, что повлекло за собой ликвидацию автономии суфийских орденов и их интеграцию в государственную систему через Департамент по делам религий.

2. Материалы и методы исследования

Исследование текке в Османской империи основано на работах турецких, российских и западных ученых. Труды турецких исследователей, таких как Мехмет Кара и Мехмет Оздамар, пролили свет на интеграцию узбекских текке с Османской империей. Мехмет Кара отмечал, что эти учреждения служили не только местами духовного наставничества, но и инструментами политического контроля, в частности в отношении паломников и дервишей, прибывавших из Центральной Азии [Kara 2005: 29]. В свою очередь Мехмет Оздамар подчеркивал связь текке с накшбандийским орденом, который стал ключевым в духовной жизни Османской империи [Özdamar 2007: 312].

Исследование опирается на междисциплинарный подход, включая методы историко-социологического и сравнительного анализа, а также концепции теории секуляризации и культурной трансформации. Это позволяет проследить эволюцию религиозных институтов от инструментов социальной и духовной интеграции в Османской империи до объектов государственной политики в условиях модернизирующейся Турции, реконструировать генезис и эволюцию текке в контексте религиозных, социальных и политических изменений. Методология исследования также включает контекстуальный анализ и историко-социологический метод.

3. Текке в дореформенный период

Становление текке в Османской империи представляет собой сложный процесс, обусловленный духовными и социально-политическими факторами. С конца XV в., когда османская империя укрепила свои позиции на Ближнем Востоке, текке стали играть ключевую роль в распространении суфийских учений и духовной практики. Суфийские ордена, включая Накшбандийский, Мевлевийский и другие, обосновались в крупных городах империи, таких как Стамбул, Бурса и Эдирне, где активно развивались центры суфийской деятельности. Так, успешно сочетались духовное наставничество и образовательные практики, конкурируя с более традиционными учебными заведениями, такими как медресе [Knysh 2017: 141].

С момента активной государственной поддержки суфизма в XVI в. текке стали местами, где не только передавались религиозные знания, но и происходил обмен культурными, философскими и теологическими идеями. Поддержка султанов, например Сулеймана Великолепного, укрепила статус текке как духовных и культурных центров, что подтверждается различными исследованиями [Nicholson 1906: 333–348]. С точки зрения социальной и политической функции, текке становились важными оплотами османской идеологии, распространявшей моральные и религиозные нормы среди широких слоев населения [Дроздов 1995: 12].

Среди наиболее известных текке того периода выделяются такие учреждения, как текке Ибрахима Гюльшени, Шейха Вефа, Хаджыбекташа, Мевланы и Эрдебиля [Özdamar 2007: 312]. Эти текке могли быть частными, официальными или полуправовыми, при этом их духовные лидеры, шейхи, назначались и находились под контролем османской администрации [Özdamar 2007: 312]. После окончательного институционализования текке стали исполнять широкий спектр социальных функций. В первую очередь они осуществляли преподавание религиозных и научных дисциплин, являясь центрами исламской науки и духовного образования, где обучали теоретическим аспектам религии и практи-

ческим навыкам повседневной жизни. Эти учреждения активно занимались оказанием материальной помощи социально уязвимым слоям населения, предоставляя финансовую и продовольственную поддержку, а также поддержку в случае природных катастроф или эпидемий [Ocak 2010: 85]. Важной функцией текке было медицинское обслуживание, что связано с применением исламо-сирийской медицины, с акцентом на использование травяных препаратов и практик психоэмоциональной терапии, основанных на суфийских методах [Ocak 2010: 85]. Они служили местами культурного обмена, организуя спортивные и общественные мероприятия, которые способствовали интеграции различных слоев населения, а также предоставляли приют для странников, поддерживали традицию хосписов, что связано с исламскими представлениями о гостеприимстве и социальной ответственности [Ocak 2010: 85].

Текке, будучи ключевыми институциональными узлами в исламской образовательной и духовной инфраструктуре, выступали ареной активного обсуждения религиозно-теологических вопросов, включая разрешение экзегетических и догматических противоречий, что обеспечивалось усилиями высококвалифицированных улемов. Со временем данные центры утвердились как центры авторитетного религиозного знания, оказывая влияние на формирование образовательной политики, в рамках которой текке становились предпочтительными местами обучения как для локальной, так и для трансрегиональной аудитории. Наряду с религиозными дисциплинами, такими как фикх, текке предоставляли доступ к междисциплинарному образованию, охватывающему естественные науки, включая химию и астрономию, а также искусства, такие как музыка, что способствовало интеграции сакрального и светского знания [Kara 2005: 30]. Отличительной чертой образовательной парадигмы текке являлась менторская система, основанная на персонализированном выборе учениками своих наставников, что способствовало формированию глубоких дидактических связей и выходу образовательного процесса за рамки

формалистского религиозного инструктажа, превращая его в комплексное формирование индивидуальной и интеллектуальной идентичности в контексте суфийской традиции [Kara 2005: 30].

Образовательная система текке характеризовалась высокой степенью вариативности и индивидуализированным подходом, исключавшими жесткие временные и возрастные ограничения, что позволяло интегрировать в процесс обучения представителей различных возрастных групп, от детей до взрослых, независимо от их начального уровня подготовки [Uçman 1985: 16]. Продолжительность образовательного цикла определялась исключительно когнитивными способностями ученика, а сам процесс структурировался в виде иерархически упорядоченных ступеней, последовательное освоение которых являлось необходимым условием образовательного прогресса [Uçman 1985: 16]. Педагогическая модель предусматривала два основных формата: групповую форму, ориентированную на трансляцию универсальных религиозных знаний, и индивидуальные занятия, нацеленные на коррекцию специфических пробелов и развитие персональных компетенций ученика. Образовательный процесс органично сочетался с активным включением студентов в функционирование текке, включая участие в зикрах, ночных духовно-интеллектуальных беседах и материальной поддержке института. Инфраструктура текке была полностью адаптирована для проживания и учебы, включая жилые помещения, кухни, залы для омовений и коллективных собраний. Академическая деятельность велась преимущественно на персидском, арабском и турецком языках, что формировало транснациональное интеллектуальное пространство, обеспечивая интеграцию религиозного и светского знания в многоязычной культурной среде [Kara 2008: 122].

Образовательный процесс в текке основывался на принципе непрерывности, при котором завершение формального этапа обучения не прерывало связи ученика с институциональной и духовной средой. Даже после получения уведомления об окончании образовательного цикла ученики продолжа-

ли активно участвовать в жизни текке, регулярно посещая ночные дискуссии и зикры, которые функционировали как платформы для постоянного интеллектуального, духовного и социального развития. Этот подход отражал фундаментальный принцип суфийской традиции, акцентирующий необходимость непрерывного самосовершенствования, охватывающего как религиозно-теологические, так и художественно-культурные сферы. Особое внимание в текке уделялось музыке и поэзии, которые выступали не только в качестве средств эстетического выражения, но и как инструменты эмоционально-сенсорной аккультурации в суфийские практики. Рецитация зикров в сопровождении музыкальных и поэтических композиций формировала синкретическое переживание, способствующее углубленному внутреннему преобразованию и интеграции индивида в сакральный дискурс суфизма, что отражает ключевые принципы эстетико-духовного синтеза, присущие данной традиции [Demirci 2007: 110].

4. Реформы М. К. Ататюрка

М. К. Ататюрк стремился создать современное государство, интегрируя принципы науки, образования и свободной мысли, что отражает его желание внедрить в общество ценности цивилизации и прогресса. Он утверждал, что нация, не способная создавать «цивилизованные произведения», обречена на поражение, что подчеркивает связь между культурным развитием и национальной независимостью. Призыв к движению вперед, а не к сохранению старых форм демонстрирует критику консерватизма и застойных элементов, поддерживая концепцию прогресса как основного условия выживания и успеха в глобальной цивилизации. Закрытие суфийских орденов, включая текке, в XX в. было обусловлено противоречием их традиционных религиозных структур идеям модернизации и секуляризации, предложенным М. К. Ататюрком в Турции и советским режимом в Центральной Азии. Ататюрк, стремясь построить светское государство, рассматривал текке как препятствие на пути научного прогресса

и рационализма, что повлекло за собой их ликвидацию [Eroglu 1982: 323].

3 марта 1924 г. в рамках реформ в Турецкой Республике, направленных на секуляризацию и централизованное управление религиозными учреждениями, был принят закон № 429, который упразднил Шариатский и Вакуфный департамент, передав функции контроля за текке ново-созданному Управлению по делам религии [Güvenç 1998: 51–52]. Этот шаг отражал стремление турецкого государства к консолидации религиозных институтов в рамках светского порядка. Однако в ходе судебных разбирательств по восстанию Шейха Саита в 1925 г. было установлено, что текке играли ключевую роль как политические и идеологические центры, что подтверждает их важность не только как духовных, но и как социальных и политических институций в контексте периода пост-Османской трансформации. Это обстоятельство подчеркивает их потенциальное влияние на формирование антигосударственных настроений и их участие в конструировании политической культуры того времени.

18 июня 1925 г. Восточный независимый суд (Doğu İstiklal Mahkemesi) принял решение о ликвидации текке и других религиозных организаций, расположенных в районах восстания. Позднее, 30 ноября 1925 г., был принят закон № 677 «О закрытии текке, а также запрете использования ряда титулов». Согласно этому нормативному акту, закрытию подлежали все суфийские ордена и мавзолеи, за исключением мечетей [Smith 1980: 131]. В рамках данного закона было установлено, что использование титулов, таких как шейх, дервиш, мурид, сеид, челеби, эмир, накып, халиф и других, незаконно и подлежит запрету. Этот закон вступил в силу 13 декабря 1925 г. В соответствии с его положениями, лица, которые открывали закрытые текке проводили религиозные обряды или давали разрешения на их проведение, подвергались уголовной ответственности, включая тюремное заключение сроком не менее трех месяцев и штраф. В соответствии с распоряжением Кабинета министров от 2 сентября 1925 г. было закрыто 773 текке,

которые были переданы Министерству образования с целью преобразования в образовательные учреждения [Kara 1999: 269].

М. К. Ататюрк, стремясь к построению современного, прогрессивного и независимого государства, поднимал вопрос реформирования общественного сознания через радикальные изменения в политической и культурной сферах. Его инициатива по закрытию суфийских орденов, таких как текке (в том числе и узбекских текке), была не просто административным шагом, но стратегическим решением, направленным на устранение религиозных структур, которые, по его мнению, препятствовали развитию рационального мышления и прогресса [Trimingham 1998: 360].

В своем выступлении в Кастамону 30 августа 1925 г. М. К. Ататюрк аргументировал необходимость цивилизационных изменений, указывая на то, что отставание Турции от Запада было следствием недостаточной адаптации к требованиям модернизации [Olcaytu 1998: 65]. Он утверждал, что только глубокие преобразования в коллективном сознании и радикальные изменения в социальной и культурной жизни могли бы способствовать социальному и экономическому прогрессу страны. Акцент на изменении мировоззрения и переход от религиозного к светскому обществу стали основой для модернизации не только политических институтов, но и культурной идентичности турецкого народа. М. К. Ататюрк четко обозначил цель реформ, проводимых в Турецкой Республике. Он подчеркнул, что главной задачей является превращение населения Турции в современное и цивилизованное общество во всех аспектах. М. К. Ататюрк указал на необходимость радикального изменения менталитета, подчеркнув, что существующие суеверия и архаичные идеи, укоренившиеся в сознании народа, должны быть ликвидированы. Его речь четко выразила противостояние традиционным представлениям, связанным с религиозными практиками, такими как просьбы о помощи у мертвых и обращение к гробницам, что он расценил как позор для цивилизованного общества. В дальнейшем он сформулировал концепцию «цивилизационного ордена»,

утверждая, что истинным орденом является тот, который соответствует требованиям современной цивилизации и отражает ее принципы. М. К. Ататюрк выразил решимость не допускать существования в Турции религиозных течений, которые бы пытались подменить научные достижения и цивилизационные принципы религиозной догмой, отвергая прогресс. Этими заявлениями М. К. Ататюрк ясно обозначил направление, в котором должна двигаться Турецкая Республика, что подчеркивает решительную приверженность идеям модернизации и секуляризации общества [Eroğlu 1982: 323].

Несмотря на усилия М. К. Ататюрка, направленные на секуляризацию и институциональную маргинализацию суфийских орденов, определенные текке продолжали свою деятельность, что связано с комплексом социально-политических и культурных факторов. Во-первых, члены этих орденов обладали значительным уровнем образования, включая знания нескольких иностранных языков, что позволяло им эффективно участвовать в дипломатических и международных переговорах. Их способность работать в межгосударственном контексте была высоко оценена новой турецкой элитой, особенно в свете необходимости укрепления внешнеэкономических и политических связей молодой республики. Во-вторых, суфийские ордены, особенно в периоды, когда были актуальны вопросы культурной и религиозной дипломатии, выполняли функции связующих звеньев между Турцией и другими регионами, где сохранялась значительная мусульманская аудитория. Это обстоятельство позволило сохранить их значимость, несмотря на официальную политику, направленную на ликвидацию автономии религиозных институций. В этом контексте политика М. К. Ататюрка представляет собой пример прагматичной и выборочной секуляризации, ориентированной на исключение политического влияния суфийских орденов, при этом допускающей их участие в международных делах, что способствовало укреплению дипломатических позиций Турецкой Республики в условиях модернизации и глобализации.

5. Заккрытие текке как элемент секуляризации

Введение закона 1925 г. привело к закрытию текке Ушшаки, однако текке Кадирихане продолжило свою деятельность, что ставит под вопрос о равномерности его применения и подчеркивает важность человеческого фактора в исторических процессах. Подобно примеру Карагюмрюкского текке Джеррахи в Стамбуле, судьба текке Кадирихане была во многом предопределена личностью его шейха Гавси-эфенди. По описанию исследователей, Гавси-эфенди, родившийся в 1893 г., сочетал традиционное османское образование с углубленным изучением западных дисциплин. Окончив школу, Топчу Исмаил Ага, и Французскую школу султанского типа в Бейоглу, он получил дипломы Высшей школы финансов и юридического факультета Дарюльфюнун. Его лингвистические способности, включавшие владение турецким, французским и греческим языками, а также обширные знания в области музыки и культуры свидетельствовали о его синкретическом подходе к духовному лидерству. Как представитель западной и османской традиций, Гавси-эфенди воплощал идею культурного моста, что, вероятно, сыграло ключевую роль в сохранении текке Кадирихане, ставшего исключением на фоне всеобщего закрытия. Это подчеркивает значимость персоналий в сохранении институциональной и культурной преемственности даже в условиях законодательных преобразований [Lifchez, Çelik 1981: 87–108].

Таким образом, Гавси-эфенди, обладавший исключительными интеллектуальными и культурными компетенциями, включая владение иностранными языками, высшее образование и глубокое понимание западной культуры, оказался ключевой фигурой в сохранении статуса текке Кадирихане в условиях политических и социальных потрясений. В период оккупации Стамбула, когда многие текке были закрыты, его способность к дипломатическим переговорам, проявившаяся в беседе на французском языке с прибывшими солдатами, сыграла решающую роль в предотвращении закрытия текке. Как выпускник юридического

факультета и фигура, тесно связанная с политической и военной элитой, он эффективно использовал свои социальные связи для сохранения института, что особенно проявилось в поддержке со стороны высокопоставленных лиц, включая супругу Исмета Инёню, Мевхибе Инёню, которая активно посещала текке. Этот пример подчеркивает значимость индивидуальных характеристик и социальных ресурсов лидеров суфийских братств в условиях трансформации государственного устройства, когда институциональные рамки суфийских практик подвергались значительным ограничениям.

В период, когда тарикаты подверглись усиленному общественному обсуждению, был подготовлен цикл репортажей под названием «Тарикаты Турции». Участие Мисбаха-эфенди в данной программе, в которой он выступал с титулом «шейх Кадирийского дергаха», представило значимый пример того, как лидеры тарикатов реагировали на усиливающееся давление со стороны общества и государства [Cüre 2022]. Его заявление, подчеркивающее этический кодекс и социальные принципы шейхов, стало попыткой не только защитить репутацию тарикатов, но и продемонстрировать их аполитичность и моральную чистоту. Однако это также свидетельствует о необходимости более глубокого анализа взаимодействия традиционных религиозных институтов с модернизирующимся обществом, где подобные выступления могли интерпретироваться как форма сопротивления или адаптации к новым социально-политическим реалиям.

В период Республики шейхом Ушшакского текке в Касымпаше был Мустафа Сафи Эфенди, чье духовное руководство и административное управление сыграли ключевую роль в адаптации тарикатской практики к изменяющимся социально-политическим условиям. Среди его халифов выделялся Хюсейн Вассаф Эфенди, известный своим трудом «Сефине-и Эвлия», представляющим собой обширное исследование жизнеописаний представителей различных тарикатов [Çinar 2008: 390]. За несколько месяцев до закрытия текке именно Хюсейн Вассаф Эфенди стал его шейхом, что, веро-

ятно, укрепило позиции Ушшакского братства в непростое время государственной модернизации.

После официального закрытия текке в 1925 г. его последователи некоторое время продолжали свою деятельность в частных домах, однако из-за усиленного контроля со стороны властей эта практика не смогла сохраниться в Стамбуле. Интересно, что Хюсейн Вассаф Эфенди перераспределил своих дервишей между другими шейхами, что можно рассматривать как стратегический шаг по сохранению преемственности духовных традиций. На момент закрытия Ушшакского текке в его собственности находилось более 140 объектов недвижимости, которые впоследствии были отчуждены. Кроме того, зафиксированы случаи вывоза из текке ценных предметов, что свидетельствует о значительной утрате материального и духовного наследия братства [Eroglu 1982: 323].

После принятия Закона 1925 г., который предусматривал закрытие религиозных учреждений, процесс сохранения текке стал практически невозможным, что привело к постепенному разрушению здания. В условиях изменений социально-демографической структуры региона и изменения общественного сознания в рамках Республики, здание текке, за исключением усыпальницы, пришло в упадок. В конечном итоге здание было снесено, а на его месте возведено образовательное учреждение. Закрытие текке оказало значительное влияние на степень влияния Ушшакского ордена в Стамбуле, в результате чего в городе были ликвидированы все Ушшакские текке, в то время как некоторые группы в центральной и восточной частях Анатолии смогли продолжить свою деятельность. Этот период прерывания духовной практики и организационного разрыва в традициях ордена получил у последователей название «Период Инкыта» [Eken et al. 1996: 247].

Реформы М. К. Ататюрка, или кемализм, представляли собой масштабный комплекс преобразований, направленных на модернизацию турецкого общества и выведение его на уровень современной цивилизации. Реформы охватывали важнейшие области, такие как политика, экономика, общество и

культура, и включали принципы республиканизма, национализма, народовластия, этатизма, секуляризма и революционности, которые стали основой учения М. К. Ататюрка. Важнейшей частью этих преобразований стало изменение религиозных и культурных институтов, среди которых особую роль сыграли реформы в сфере образования, а также преобразования, затронувшие суфийские ордены и текке.

С первых шагов своего правления М. К. Ататюрк сделал акцент на реформе образования, считая его основой для формирования современного общества. Принятие Закона об объединении образования в 1924 г., в котором была ликвидирована религиозная школа и создана светская система образования, стало значимой вехой в процессе секуляризации общества. Влияние этих реформ на текке было ощутимым, поскольку многие суфийские ордены, такие как Ушшакский и Кадирийский, были закрыты [Kara 1999: 269]. Эти учреждения, играющие важную роль в религиозной жизни и духовном воспитании, оказались под угрозой уничтожения в рамках политики секуляризации, что обусловило сокращение религиозного влияния на формирование общественного сознания.

После закрытия текке бывшие члены орденов, соответствующие установленным требованиям, были допущены к религиозной службе и обеспечены государственным жалованьем, что вызвало значительные социальные и культурные напряжения. Эти процессы получили критическую оценку Садри Эртема в его статье «Преступная культура», в которой он подчеркивает, что, несмотря на формальное закрытие текке, их культурное наследие продолжало влиять на общественные процессы [Dokuyan 2021: 229]. Садри Эртем утверждает, что «текке были ликвидированы, но их остаточные влияния, подобно метастазам, продолжали воздействовать на общество», поднимая вопрос о недостаточной культурной трансформации в Турции. Он акцентирует внимание на необходимости противопоставления одной культуре другой в контексте национальной модернизации, что, по его мнению, не было должным образом

реализовано в Турции. С закрытием текке их шейхи переместились в мечети, став штатными проповедниками, и продолжили собирать своих учеников в религиозных учреждениях. Эти процессы, по мнению Садри Эртема, способствовали политизации религии и использованию религиозных структур в политических целях, что угрожало светскому порядку, закреплённо-му в новых государственных институтах.

6. Заключение

Исследование роли суфийских орденов и их институциональных структур в контексте Османской империи и ранней Турецкой Республики выявляет глубокие социально-политические и культурные трансформации, происходившие в условиях секуляризации и модернизации. Закрытие текке в 1925 г. стало ключевым моментом в переходе к светскому государственно-му устройству, предписывая радикальные меры по нейтрализации религиозных влияний, которые могли угрожать стабильности нового порядка. Этот шаг был частью более широких усилий по демонтажу традиционных религиозных институтов, которые оставались значимыми как для духовной, так и для политической сферы империи. Однако, несмотря на формальное выполнение реформационных мероприятий, процесс секуляризации оказался значительно более сложным, чем предполагалось в официальной политике.

Закрытие текке не означало полного устранения их культурного и социального воздействия. Напротив, эти институты продолжали функционировать на уровне культуры и общественных практик, несмотря на официальную ликвидацию. Садри Эртем использует метафору «метастаз», чтобы

указать на продолжение влияния суфийских орденов, которое стало неотъемлемой частью социокультурного ландшафта Турции. В этом контексте возникает важный вопрос о том, насколько эффективно власти смогли устранить не только внешние, но и внутренние механизмы религиозного влияния, что ставит под сомнение полноту проводимой секуляризации и ее соответствие целям государственного строительства. Это также отражает противоречие между светским устройством, которое стремится отделить религию от политики, и практиками, где религиозная власть продолжала существовать, но уже в новых формах.

Параллельно с этим возникали предложения более радикальных мер, таких как выдворение членов суфийских орденов за пределы страны, что отражало противоречия между прогрессивной интеллектуальной элитой, стремящейся к созданию светского государства, и устоявшимися религиозными структурами. Эти меры свидетельствуют о глубокой обеспокоенности властей относительно возможной политической активности религиозных деятелей и их влияния на общественные процессы. В результате, несмотря на успехи в области юридической и институциональной секуляризации, в турецком обществе продолжали сохраняться элементы религиозного контроля, что требовало дальнейшего осмысления и разработки стратегий интеграции религиозных и политических сфер в рамках нового государственного порядка. Это подтверждает необходимость более глубокого комплексного подхода к изучению секуляризации, в котором учитываются не только юридические реформы, но и культурные и социальные трансформации, происходившие в обществе.

Литература

- Дроздов 1995 — Дроздов В. А. Исламский мистицизм и его влияние на население СНГ. СПб.: СПбГУ, 1995. 77 с.
- Alper 1995 — Alper M. Buhara Özbekler Tekkesi (= Узбекские Бухарские текке). *Arkitekt.* 1995. S. 38–43.

References

- Drozдов V. A. Islamic Mysticism and Its Influence on CIS Nations. St. Petersburg: St. Petersburg University, 1995. 77 p. (In Russ.)
- Alper M. Özbek lodges of Bukhara. *Arkitekt.* 1995. No. 3. Pp. 38–43. (In Turk.)

- Çinar 2008 — *Çinar F.* Hüseyin Vassaf Bey'in, "Sefine-i Evliya" Adli Eserinde İsmi Geçen, Sivas'ta İkamet Eden Ve Sivaslı Olan Sufiler (= Суфии, проживающие в Сивасе и являющиеся сивасцами, упомянутые в произведении Хусейна Вассафа-бея «Сефине-и Эвлия») // *C. Ü. İlahiyat Fakültesi Dergisi*. 2008, C. 12. S. 387–406.
- Cüre 2022 — *Cüre İ.* Kadirihane Tekkesi nasıl kül oldu? (= Как текке «Кадирихане» превратилось в пепел?) 2022 // *Nefir*. URL: <https://www.nefirdergi.com/article/kadirihane-tekkesi-nasil-kul-oldu---iskender-cure/> (дата обращения: 10.01.2025).
- Demirci 2007 — *Demirci M.* Bir Eğitim Aracı Olarak Mevlevi Çilesi (= Испытание Мевлеви как средство обучения) // *Marife*. 2007. S. 105–122.
- Dokuyan 2021 — *Dokuyan S.* Tekkelerin Kapatılması Ve Tasfiye Süreci (1925–1938) (= Процесс закрытия и ликвидации текке) // *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. 2021. S. 217–244.
- Eken et al. 1996 — *Eken H., Ünlü H., Arslanhan İ., Bahadır Ö.* Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi (= Принципы Ататюрка и история революции). İstanbul: Marmara Yayınları, 1996. 413 s.
- Eroğlu 1982 — *Eroğlu H.* Türk İnkılap Tarihi (= История турецкой революции). İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1982. 323 s.
- Güvenç 1998 — *Güvenç B.* History of Turkish Education // Special Issue Education and Science. 1998. Vol. 22. № 108. Pp. 51–52.
- Kara 1990 — *Kara M.* Din-Hayat-Sanat Açısından Tekkeler ve Zaviyeler (= Текке и монастыри с точки зрения религии-жизни-искусства). İstanbul: Dergâh Yayınları, 1990. 216 s.
- Kara 1999 — *Kara M.* Tekkeler ve Zaviyeler (= Текке и Завий), İstanbul, 1999. 269 s.
- Kara 2005 — *Kara M.* Türk Tasavvuf Tarihi Araştırmaları (= Исследование истории турецкого суфизма). İstanbul: Dergâh Yayınları, 2005. 615 s.
- Kara 2008 — *Kara M.* Tekke Eğitimi ve Literatürü (= Образование и литература текке) // *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi*. 2008. № 12. S. 107–138.
- Knysh 2017 — *Knysh A.* Sufism: A New History of Islamic Mysticism. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 2017. 408 p.
- Lifchez, Çelik 1981 — *Lifchez R., Çelik Z.* The Dervish Tekkes of Istanbul: A Survey in Progress // *Essays in Islamic Art and Architecture*. Malibu, 1981. Pp. 87–108.
- Çinar F. Sufis native to and residing in Sivas mentioned by Hüseyin Vassaf Bey in his Sefine-i Evliya. *C. Ü. İlahiyat Fakültesi Dergisi*. 2008. No. 12. P. 387–406. (In Turk.)
- Cüre İ. How did Kadirihane lodge burn? On: *Nefir*. 2022. Available at: <https://www.nefirdergi.com/article/kadirihane-tekkesi-nasil-kul-oldu---iskender-cure/> (accessed: 10 January 2025). (In Turk.)
- Demirci M. Mevlevi ordeal as an educational tool. *Marife*. 2007. No. 3. Pp. 105–122. (In Turk.)
- Dokuyan S. The process of closing and elimination of lodges (1925–1938). *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Dergisi*. 2021. No. 98. Pp. 217–244. (In Turk.)
- Eken H., Ünlü H., Arslanhan İ., Bahadır Ö. Atatürk's Principles and Revolutionary History. İstanbul: Marmara Press, 1996. 413 p. (In Turk.)
- Eroğlu H. History of the Turkish Revolution. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1982. 323 p. (In Turk.)
- Güvenç B. History of Turkish education. *Education and Science*. 1998. Vol. 22. No. 108. Pp. 51–52. (In Eng.)
- Kara M. Dervish Lodges and Convents: Religion, Life, Arts. İstanbul: Dergâh Press, 1990. 216 p. (In Turk.)
- Kara M. Dervish Lodges and Convents. İstanbul, 1999. 269 p. (In Turk.)
- Kara M. Turkish Sufism: A Historical Survey. İstanbul: Dergâh Press, 2005. 615 p. (In Turk.)
- Kara M. [Sufi] lodges: Education and literature. *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi*. 2008. No. 6. Pp. 107–138. (In Turk.)
- Knysh A. Sufism: A New History of Islamic Mysticism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 408 p. (In Eng.)
- Lifchez R., Çelik Z. The dervish tekkes of Istanbul: A survey in progress. In: *Essays in Islamic Art and Architecture*. Malibu, 1981. 87–108 p. (In Eng.)

- Nicholson 1906 — *Nicholson R. A.* A Historical Enquiry Concerning the Origin and Development of Sufism // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1906. April. Pp. 333–348.
- Ocak 2010 — Ocak A. Y. Osmanlı Sufiliğine Bakışlar (= Взгляды на османский суфизм). İstanbul: Timaş Yayınları, 2010. 85 s.
- Olçaytu 1998 — *Olçaytu T.* Dinimiz Neyi Emrediyor, Atatürk Ne Yaptı? Devrimimiz İlkelerimiz (= Что предписывает наша религия? Что сделал Атаюрк? Наша революция, Наши принципы). Ankara: Ajans – Türk Basın ve Basım, 1998. 65 s.
- Özdamar 2007 — *Özdamar M.* Dersaadet Dergâhları (= Ложь Дерсаадета). İstanbul: Kırk Kandil Yayınları, 2007. 312 s.
- Smith 1980 — *Smith G. M.* The Özbek Tekkes of İstanbul (= Узбекские текке Стамбула). *Der Islam*. 1980. Vol. 57. № 1. Pp. 17–131.
- Tanman 1994 — *Tanman B.* Özbekler Tekkesi. Düünden Bugüne İstanbul Ansiklopedisi (= Узбекский текке. Стамбульская энциклопедия от прошлого к настоящему). C. VI. İstanbul: Tarih Vakfı, Kültür Bakanlığı, 1994. 200 s.
- Trimingham 1998 — *Trimingham J. S.* The Sufi Orders in Islam. Oxford: Oxford University Press, 1998. 360 p.
- Uçman 1985 — *Uçman A.* Tekke Şiiri, Başlangıcından Günümüze Kadar Büyük Türk Klasikleri (= Поэзия текке, Великая турецкая классика от истоков до наших дней). İstanbul: Ötüken Yayınları, 1985. 16 s.
- Nicholson R.A. A historical enquiry concerning the origin and development of Sufism. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1906, April. Pp. 333–348. (In Eng.)
- Ocak A.Y. Perspectives on Ottoman Sufism. İstanbul: Timaş Press, 2010. 85 p. (In Turk.)
- Olçaytu T. Prescriptions of Religion and Deeds of Atatürk: Our Revolution, Our Principles. Ankara: Türk Basın ve Basım, 1998. 65 p. (In Turk.)
- Özdamar M. Dersaadet Lodges. İstanbul: Kırk Kandil Press, 2007. 312 p. (In Turk.)
- Smith G.M. The Özbek tekkes of İstanbul. *Der Islam*. 1980. Vol. 57. No. 1. Pp. 17–131. (In Eng.)
- Tanman B. Özbek Tekkes (The Encyclopedia of İstanbul: From Past to Present 6). İstanbul, 1994. 200 p. (In Turk.)
- Trimingham J. S. The Sufi Orders in Islam. Oxford: Oxford University Press, 1998. 360 p. (In Eng.)
- Uçman A. Poetry of Sufi Lodges: Great Turkish Classics from Earliest to Present Days. İstanbul: Ötüken Press, 1985. 16 p. (In Turk.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 1, Pp. 71–86, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 9»+»(470+571); 929
DOI: 10.22162/2619-0990-2025-71-1-71-86

Калмыки — офицеры петровского флота

Кирилл Борисович Назаренко¹

¹ Санкт-Петербургский институт истории РАН (д. 7, Петрозаводская ул., 197110 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

 0000-0001-5659-7318. E-mail: [kirbornaz\[at\]yandex.ru](mailto:kirbornaz[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025
© Назаренко К. Б., 2025

Аннотация. *Введение.* Изучение личного состава русского флота петровской эпохи имеет давние традиции. Пребывание в числе его офицеров калмыка по национальности контр-адмирала Д. С. Калмыкова до настоящего времени воспринималось лишь как анекдот и в 30–70-е гг. XX в. стало отправной точкой для создания романа, пьесы и кинофильмов. *Цель* исследования — уточнить и конкретизировать факты биографий Д. С. Калмыкова и Я. Бранта, поставить их в контекст эпохи. *Материалы и методы.* В данной статье исследуются документы, позволяющие значительно уточнить биографию Д. С. Калмыкова, доказывающиеся его калмыцкое происхождение, что в юности он был холопом Н. Г. Спафария-Милеску, обучался в Навигацкой школе вместе с сыном последнего М. Н. Спафариевым. Однако во время обучения за границей Д. С. Калмыков уже не был холопом, и наиболее драматический элемент анекдота о слуге, выучившемся вместо господина, а именно экзамен у Петра I, который производит слугу в офицерский чин, а его господина определяет в матросы, представляет собой вымысел. *Результаты.* В статье уточняются детали биографии Д. С. Калмыкова, в частности, на основании анализа его почерка делается вывод о его обучении у высококвалифицированного переписчика книг, опровергается ряд вымыслов, в частности о привнесении Д. С. Калмыковым в русский флот «калмыцкого» узла. Доказывается калмыцкое происхождение другого офицера петровского флота — капитана (1-го) полковничьего ранга Я. Бранта, уточняются детали его биографии. *Выводы.* Можно считать доказанным факт пребывания Д. С. Калмыкова в холопстве, весьма вероятно то, что он был холопом видного государственного деятеля Н. Г. Спафария-Милеску и являлся калмыком по национальности. Несомненно обучение Д. С. Калмыкова в юности у высококвалифицированного переписчика книг. Карьера Д. С. Калмыкова является уникальным случаем для русского флота XVIII–XIX вв., когда лично зависимый человек дослужился до контр-адмирала. Также можно считать весьма вероятным факт того, что Я. Брант был калмыком по национальности, в юности холопом голландского купца К. Бранта. Учитывая его незнатное происхождение, его карьерный рост до капитана (1-го) полковничьего ранга следует признать весьма выдающимся достижением.

Ключевые слова: Д. С. Калмыков, Я. Брант, военно-морской флот, офицеры, калмыки, эпоха Петра Великого

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Новые люди Новой России: антропология морской державы в первой половине XVIII в.» (№ 23-18-00420, <https://rscf.ru/project/23-18-00420/>).

Для цитирования: Назаренко К. Б. Калмыки — офицеры петровского флота // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 1. С. 71–86. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-71-86

Kalmyk Officers of Peter the Great's Fleet

Kirill B. Nazarenko¹

¹ Saint Petersburg Institute of History of the RAS (7, Petrozavodskaya St., 197110 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Associate

ORCID: 0000-0001-5659-7318. E-mail: kirbornaz[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Nazarenko K. B., 2025

Abstract. *Introduction.* The study of Peter the Great's Russian naval personnel is a long-living tradition. The presence of Rear Admiral Denis S. Kalmykov — an ethnic Kalmyk — among the Emperor's officers has so far been perceived only as an anecdote, and in the 1930s–1970s served a starting point for the creation of a novel, play and films. *Goals.* The paper seeks to specify and actualize biographical data of D. Kalmykov and J. Brant, and examine the latter's paths in corresponding historical contexts. *Materials and methods.* The work deals with documents that make it possible to significantly clarify the biography of D. Kalmykov, prove his Kalmyk origin. So, in youth he had been a slave of N. G. Spafaria-Milescu and attended the Navigation School with the latter's son M. N. Spafariev. However, during his studies abroad D. Kalmykov was no longer a lackey, and the most dramatic element of the anecdote about a servant who had been taking classes instead of his master — namely, an exam administered by Peter I which promoted the servant to an officer's rank and defined his master as sailor — is fiction. *Results.* The article sheds light on details of D. Kalmykov's biography, in particular, the analysis of his handwriting patterns presumes he may have been apprentice to a highly qualified book copyist, and refutes a number of falsehoods, such as that it was D. Kalmykov who introduced the 'Kalmyk' knot into Russian naval practices. It also supports Kalmyk origin of another officer — colonel-rank Captain Jacob Brant, and specifies some details of his life. *Conclusions.* The fact D. Kalmykov had been an ethnic Kalmyk serf to the remarkable statesman N. G. Spafaria-Milescu may be considered well proved. The former had also obtained excellent writing skills from a qualified book copyist in youth. And his 'servant-to-admiral' career was unique enough to the eighteenth- and nineteenth-century Russian Navy. Furthermore, J. Brant might also have been an ethnic Kalmyk servant of the Dutch merchant K. Brant, and in view of his non-noble backgrounds his colonel-rank captainship can definitely be viewed as a most significant achievement.

Keywords: Denis S. Kalmykov, Jacob Brant, navy, officers, Kalmyks, Peter the Great's era

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation. project no. 23-18-00420 'New People of New Russia: The Anthropology of a Maritime Power in the Early-to-Mid Eighteenth Century'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-18-00420>.

For citation: Nazarenko K. B. Kalmyk Officers of Peter the Great's Fleet. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 71–86. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-72-1-71-86

1. Введение

Изучение персоналий личного состава петровского флота началось еще в первой четверти XIX в. Здесь, прежде всего, нужно указать на работы В. Н. Берха [Берх 1825; Берх 1831а; Берх 1831б; Берх 1832]. Особую роль сыграл «Общий морской список» [Список 1, 1885], который теоретически должен был включать в себя сравнительно

подробные биографические сведения обо всех офицерах русского флота петровской и последующих эпох. Однако составители столкнулись с объективными трудностями, прежде всего с отсутствием для первой четверти XVIII в. такого базового источника по истории личного состава флота, как послужные списки. Попытка собрать сведения об офицерах петровского флота из много-

численных упоминаний в делопроизводственных и учетных документах привела к тому, что биографии лиц, упомянутых в части первой, были описаны фрагментарно, содержали немало ошибок и неточностей. Кроме того, составители «Списка» включили в состав издания данные лишь о строевых офицерах, опустив сведения об офицерах морской артиллерии, корабельных мастерах и других категориях служащих Морского ведомства, имевших чины по Табели о рангах. Следует также отметить, что в петровскую эпоху штурманы считались унтер-офицерами, поэтому сведения о них в Списке также отсутствуют, если только на одном из поздних этапов карьеры штурман не был произведен в строевые офицеры [Список 1, 1885].

Традиция изучения офицерского состава флота продолжается и в наши дни. Работы С. И. Вахмистровой, Д. Н. Копелева, Е. М. Лупановой, И. В. Меркулова [Вахмистрова 1998; Копелев 2000; Лупанова 2005; Меркулов 2005] затрагивают различные аспекты формирования офицерского корпуса русского флота и его службы в XVIII – начале XIX в., в частности кандидатская диссертация Д. Н. Копелева [Копелев 2000] посвящена одному из аспектов национального вопроса на флоте. Немало сделано и для изучения офицерского корпуса сухопутной армии первой половины XVIII в., например, работы Г. В. Калашникова [Калашников 1999] и Е. М. Болтуновой [Болтунова 2003]. Не все исследования имеют равную ценность, в частности большой по объему труд С. В. Волкова отличается весьма поверхностным подходом к затрагиваемым им проблемам [Волков 1993].

История о морском офицере петровского флота из слуг-калмыков была опубликована И. И. Голиковым [Голиков 1796: 257–260; Голиков 1807: 307–310] и впоследствии неоднократно некритически пересказывалась разными авторами. Недавно вышла популярная работа, посвященная Д. С. Калмыкову, не имеющая научного значения, но характерная для состояния исторической памяти об этой фигуре [Каланов 2021]. Настоящая статья представляет собой первую попытку научного исследования данной проблемы.

2. Материалы и методы

В данной статье исследуются документы, позволяющие значительно уточнить биографию Д. С. Калмыкова, доказывающего его калмыцкое происхождение, что в юности он был холопом Н. Г. Спафария-Милеску, обучался в Навигацкой школе вместе с сыном последнего М. Н. Спафариевым. Однако во время обучения за границей Д. С. Калмыков уже не был холопом, и наиболее драматический элемент анекдота о слуге, выучившемся вместо господина, а именно экзамен у Петра I, который производит слугу в офицерский чин, а его господина определяет в матросы, представляет собой вымысел.

3. Д. С. Калмыков

Традиция рассматривать пребывание калмыка среди флотских офицеров в жанре анекдота была положена И. И. Голиковым (1735–1801), автором монументального труда «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» [Голиков 1788–1789]. Он же составил сборники «Дополнение к деяниям Петра Великого...» [Голиков 1796: 257–260] и «Анекдоты, касающиеся до Петра Великого» [Голиков 1807: 307–310], содержавшие разного рода истории о Петре и его эпохе, которые подавались И. И. Голиковым как несомненные факты, рассказанные сподвижниками Петра, преимущественно моряками — адмиралами З. Д. Мишуковым (1684–1762), И. Л. Талызиным (1700–1777), С. И. Мордвиновым (1701–1777) и А. И. Нагаевым (1704–1781). Подчеркнем, что лишь первый из них достаточно долго служил при Петре и был близок к царю (некоторое время был его адъютантом), прочие лишь начинали свою службу при жизни основателя флота и, в лучшем случае, виделись с ним несколько раз. В действительности, большинство рассказов, возможно, переданных адмиралами И. И. Голикову, являлись проявлением устной традиции, которая расцвела пышным цветом вокруг грандиозной фигуры первого русского императора, рассказами, передававшимися из уст в уста и трансформировавшимися в процессе этой передачи по законам устного народного творчества.

Один из «анекдотов» И. И. Голикова звучит так: «Слуга награждается достоинством морского офицера, а господин его определяется в матросы. Между множественством разосланных монархом в чужие края молодых россиян, из всякого звания людей, для изучения разного рода наук, художеств, рукоделия, торговли находился один из достаточных калужских помещиков по фамилии Спафариев. Отец его дал ему слугу из калмыков, человека ума острого, ко всему способного и весьма верного и приверженного к дому их. Сей калмык никогда почти не отлучаясь от господина своего, воспользовался преподаваемым ему учением, а паче касательно до морской науки, чему наиглавнейшие и назначен был г[осподин] Спафариев. Напротив же сей господин его, или не имея способности и рачения, или по старинным предубеждениям, яко дворянин достаточный, считая для себя сего рода науку низкою и излишнею, ни в чем не успел, колико впрочем не напоминал ему о том калмык его. А как, по прошествии назначенных учению лет, возвратился с прочими сей Спафариев в Петербург, и должен был выдержать экзамен в присутствии самого монарха в Коллегии адмиралтейской, то калмык сей пожелал быть при сем испытании, дабы мог он выводить из замешательства господина своего напоминанием ему, что должно отвечать на вопросы, а может быть, и для того, чтобы иметь случай выставить и себя. Но как бы то ни было, он вошел с прочими пред присутствие монарха, посредством проворства своего, то есть он забрал с собой все рисунки, черченные при учении господином его, которые и доставили ему вход сей. Итак, прежде нежели дошла очередь до г[осподина] Спафариева, калмык для напоминания ему нужного употреблял те секунды, в которые монарх, ходивший по палате, оборачивался к ним спиною; государь, однако же, сие приметив, спросил калмыка, зачем он здесь? Я, отвечал он, всемилостивейший государь, принял смелость войти сюда с господином своим для поправления его в случае замешательства его в ответах. — Да разве ты что разумеешь? — Я, ваше величество, быв неотлучен от господина моего, старался

воспользоваться преподаваемым ему наставлением. — Монарх, удивясь сему, стал сам его расспрашивать по чести морских познаний, и, к великому удовольствию своему, нашел его весьма в том знающим. После сего подобно же начал монарх испытывать господина его, и нашел, что сколько слуга его был, знающ, столько он несведущ. Какое же при правосудный государь учинил решение? Калмыку сему не только пожаловал вольность, но и чин мичмана во флоте, а господина его повелев написать матросам, отдать в команду ему дабы он постарался научить его тому, что сам разумеет. Калмык сей в 1723 году был уже морским капитаном, а потом дошел по службе до контр-адмиральского чина, и прозывался Калмыковым¹. От господина адмирала Нагаева» [Голиков 1796: 257–260; Голиков 1807: 307–310].

Алексей Иванович Нагаев (1704–1781) был известным ученым-гидрографом и военно-морским деятелем. Отметим, что А. И. Нагаев служил под непосредственным начальством Д. С. Калмыкова, в частности, «в 1723 году ... на корабле „Екатерине“, у Капитана Дениса Ивановича (так у Берха. — К. Н.) Калмыкова и, вероятно, отличил себя усердною и ревностною службою; ибо был, по ходатайству Капитана своего, произведен в Унтер-Лейтенанты» [Берх 1831a: 3], в 1729 г. был в составе отряда, посланного под командой Д. С. Калмыкова с гардемаринами в Архангельск, а в 1734 г. служил с ним в Астраханском порту [Берх 1831a: 5, 8]. С. И. Мордвинов также служил под начальством Д. С. Калмыкова на «Екатерине» и во время командировки в Астрахань [Берх 1832: 317, 323].

Заметим, что Д. С. Калмыков несколько лет служил под командой М. П. Госслера (1669–1735), любимого капитана Петра Великого, который всегда держал свой флаг на его корабле [Берх 1832: 317]. Следовательно, Д. С. Калмыков неизбежно должен был лично общаться с царем. В кампанию 1723 г. уже Д. С. Калмыков стал флаг-капитаном самого царя — на его корабле «Екатерина» Петр I ходил в Рогервик для основания там

¹ Денис Спиридонович Калмыков (1687–1746).

гавани [Веревкин 1783: 168]. За две недели до смерти Петр производит Д. С. Калмыкова в капитаны 2 ранга [Список 1, 1885: 166–168]. Все это свидетельствует о большом доверии Петра к Д. С. Калмыкову и высокой оценке царем его профессиональных качеств моряка.

Анекдот о холопе, ставшем благодаря своему уму и таланту флотским офицером, получил широкое распространение в отечественной массовой культуре после революции 1917 г., что вполне объяснимо особым вниманием Советской власти к социальным лифтам. В частности, в фильме В. М. Петрова «Петр I» (1937–1938 гг.) нерадивым учеником выступает Михаил Буйносов, а его смышленным денщиком — Абдурахман, которому Петр обещает «*офицерский кортик навесить*». Ближе к концу фильма Абдурахман (имеющий монголоидные черты лица) появляется в форме сухопутного гвардейского офицера, но (по замыслу создателей фильма) в амплу моряка.

Пьеса Н. А. Адуева «Табачный капитан», задумывавшаяся и как драматическое произведение, и как либретто для комической оперы, была написана во время Великой Отечественной войны и давала новую интерпретацию расхожего сюжета. В ноябре 1942 г. произведение было поставлено в Новокузнецке (эвакуированным Московским театром оперетты) как оперетта на музыку В. В. Щербачева. После войны композитор пытался переработать оперетту в комическую оперу, но скончался, не завершив свой труд. В оперетте и в фильме главный герой становится русским, получает имя Иван. Первоначально он крепостной слуга в боярской семье Свиных, отправляющийся вместе с юным представителем этой знатной фамилии Антоном во Францию для обучения морскому делу. В пьесе выведен И. Ганнибал (арап Петра Великого, предок А. С. Пушкина), который в Париже подает идею выдать Ивана за его барина, чтобы последний мог получить «диплом капитана». По законам жанра, судьба «табачного капитана» должна была сопровождаться романтической любовной линией, которая и появляется у Н. А. Адуева [Адуев 1944]. Эта история снова была рассказана в кино-

фильме И. В. Усова «Табачный капитан» (1972 г.).

В романе «Россия молодая» Ю. П. Герман объединил два расхожих сюжета — о бездарном ученике и о щеголе, который является перед царем, не зная навигации, но прекрасно владея информацией о парижских модах и танцах. Зовут бездарного ученика в романе Ю. П. Германа Василий Спфариев, а его слугу — Лука Александрович Калмыков. Ю. П. Герман сочинил дальнейшую биографию своих героев, простирающуюся до конца петровской эпохи [Герман 1952].

Возвращаясь к научной интерпретации анекдота о холопе-калмыке, ставшем офицером, укажем, что один из первых историков русского флота В. Н. Берх в начале XIX в. попытался скорректировать биографию Д. С. Калмыкова [Берх 1832: 312–325], указав, что он никогда не был холопом, однако был «*простой породы*». Вероятно, В. Н. Берх имел ввиду, что он не был дворянином, но происходил из свободных сословий (например, посадских). В. Н. Берх писал: «*Невероятно, чтоб Адмирал Нагаев, служивший много лет под начальством Дениса Спиридоновича Калмыкова, рассказал невероятный анекдот сей Голикову, а правдоподобнее, что последний не выразумел того, что ему рассказывали. Читатели найдут здесь неоспоримые доказательства того, что Калмыков не бывал никогда слугою Спфарьева*» [Берх 1832: 313]. Однако никаких бесспорных доказательств этого В. Н. Берх не приводит [Берх 1832: 313].

Часть первая Общего морского списка, подготовленная в начале 80-х гг. XIX в., дает следующие сведения о службе Д. С. Калмыкова: «*1702 г. Поступил в навигацкую школу, из детей боярских, имея 15 лет от роду. 1705 г. В списке учеников навигацкой школы значится окончившим науку навигации. 1706 г. Послан в Англию для обучения итурманскому делу. 1713 г. Возвратился из-за моря в Архангельск, и написан экстра-мичманом¹ на корабль „Архангел Гавриил“, на котором и прибыл в Ревель в эскадру капитана Симсона. 1714 г. Послан в Ригу, для найма в русскую службу с купеческих судов*

¹ Мичманом сверх штата.

английских и голландских унтер-офицеров и матросов, которых и нанято им 52 человека. В декабре произведен в поручики. 1719 г. января 17. Произведен в капитан-поручики. 1721 г. марта 2. Произведен в капитаны 3-го ранга. 1723 г. Командовал кораблем „Екатерина“, бывшим под вице-адмиральским флагом Государя в практическом плавании в Финском заливе, под главным начальством генерал-адмирала графа Апраксина. 1724 г. Послан от коллегии депутатом¹ на Тырлицкие заводы. 1725 г. января 14. Произведен в капитаны 2-го ранга. Июня 22, получил приказание окончить поспешнее ревизию заводов и ехать в Петербург. 1726 г. января 19. Назначен в помощь капитану Зотову при составлении штата о такелаже. В феврале послан в Голландию для найма штурманов. В июне, наняв 3-х человек, возвратился в Петербург и для пополнения русского издания морского устава, стал заниматься переводом английского устава и регламента. 1727 г. Командовал в начале лета кронштадтской эскадры кораблем „Амонт“ и фрегатом „Арондель“, затем, командуя кораблем „Михаил“, ходил в Киль в отряде Синявина, сопровождая герцога и герцогиню (Анну Петровну. — К. Н.) голиштинских. По окончании кампании назначен к обучению гардемарин в Кронштадте, а с 20 ноября по 20 декабря заведовал морскими командами в Петербурге. 1728 г. По расписанию назначен командиром корабля „Св. Екатерина“, а с 20 июля получил в команду фрегат „Арондель“, на котором в отряде Бредаля ходил в Киль за телом герцогини голиштинской (Анны Петровны. — К. Н.). 1729 г. На фрегате „Кронделивде“ имел практическое плавание от Кронштадта до Архангельска и обратно, начальствуя отрядом из 2-х фрегатов и 2-х флейтов. 1730 г. июня 4. Назначен главным командиром Астраханского порта. Сентября 6, произведен в капитаны 1-го ранга „за многую и безпорочную службу, для посылки в Астрахань, чтоб тем лучшую охоту к службе ему придать“. 1734 г. апреля 4. Назначен капитаном над Кронштадтским портом с производством в капитан-командоры. 1742 г. февраля 19. Произведен в контр-адмиралы.

¹ Особая временная должность ревизора.

В кампании этого года, имея флаг на корабле „Ревель“, находился в эскадре вице-адмирала Мишукова. По окончании кампании присутствовал в Кронштадтской конторе над портом. 1744 г. мая 20. Назначен присутствовать в Адмиралтейств-коллегии. 1745 г. марта 14. Назначен главным командиром Кронштадтского порта. 1746 г. мая 22. Скончался в Кронштадте» [Список 1, 1885: 166–168]. Эти сведения могут быть дополнены: Д. С. Калмыков командовал кораблем «Святая Екатерина» не только в кампанию 1723 г., но и 1724 г. [РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 42. Л. 1], в 1728 г. успел покомандовать фрегатом «Крейсер» [РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 110. Л. 1].

Таким образом, Общий морской список рисует картину стандартного поступления на службу дворянского сына в 15-летнем возрасте, не высказывая никаких сомнений в «благородном» происхождении Д. С. Калмыкова. Правда, отправка за границу для обучения штурманскому делу (а не для подготовки в качестве строевого офицера), намекает на невысокое сословное происхождение Д. С. Калмыкова, однако производство дворян в штурманы все же было возможным в петровское время. Н. Каланов, в новейшей (популярной) работе, придерживается этой же точки зрения: что Д. С. Калмыков никогда холопом не был. Как пишет Н. Каланов: «В наше время ... знаменитая история о барине и слуге ... является примером „жареного факта“» [Каланов 2021: 23]. Также Н. Каланов считает крайне маловероятной версию о калмыцком происхождении Д. С. Калмыкова, указывая на существование в XVII в. нескольких дворянских родов Калмыковых и на то, что «в черноземной полосе Руси» калмыками якобы называли гончаров [Каланов 2021: 25].

Мы бы хотели обратить внимание на источник, который проливает новый свет на судьбу Д. С. Калмыкова. В списке учеников Навигацкой школы, хранящемся в Российском государственном архиве древних актов, опубликованном в 1999 г., Д. С. Калмыков значится как происходящий «из боярских людей» [Список учеников 1999: 190], т. е. из холопов. Навигацкая школа была сравнительно демократичным учебным

заведением — в первые 15 лет ее существования выходцы из холопов составляли 8–12 % от числа учеников, что было подсчитано нами по данным списка учеников школы [Список учеников 1999: 190]. Вероятно, позднее, став офицером, а то и адмиралом, Д. С. Калмыков приложил усилия к тому, чтобы в документах о его происхождении изменилось всего три буквы: вместо «людей» — «детей», а какая огромная социальная дистанция! Мы полагаем, что список учеников Навигацкой школы ставит окончательную точку в вопросе о происхождении Д. С. Калмыкова — он действительно был холопом накануне своего поступления в школу. В то же время он не мог оставаться холопом, обучаясь в Навигацкой школе (это противоречило правилам), поэтому он должен был получить свободу перед тем, как войти в ее стены. Это позволяет по-новому взглянуть на связь Д. С. Калмыкова с родом Спафариевых.

Анекдот И. И. Голикова связывает имя Д. С. Калмыкова с именем дворянина Спафариева. Источники позволяют высказать суждение по этому поводу. В Навигацкой школе учился лишь один человек с такой фамилией — Максим Спафариев (1688 – после 1711 г.), числящийся в списке выпускников Навигацкой школы как «сын переводчиков» [Список учеников 1999: 191]. Учитывая редкость фамилии, можно сказать, что он был, очевидно, сыном знатного молдавского боярина Н. Г. Спафария-Милеску¹ (1636–1708), который в 1671 г. перешел на русскую службу и возглавил русское посольство в Китай (1675–1677). Он числился всего лишь переводчиком в Посольском приказе, но, учитывая его оклад, считался высокопоставленным чиновником, и, по меньшей мере один раз занимал должность воеводы (правителя уезда), что позволяет отнести его к высшему слою служилых людей допетровского времени. По некоторым данным, у Н. Г. Спафария было три сына — Максим, Василий и Никита, причем родились они в России от брака с «москвитянкой» [Волков

2019]. Кстати, Н. Г. Спафарий был не чужд естественных наук — он составил первое российское рукописное учебное пособие по арифметике «Арифмологион», которое написал для детей крупного вельможи А. С. Матвеева (1625–1682). Кстати, мать Петра Великого, Наталья Кирилловна Нарышкина, приходилась племянницей жене А. С. Матвеева и воспитывалась в его доме.

Обращает на себя внимание то, что Д. С. Калмыков и М. Н. Спафариев были зачислены в Навигацкую школу в один день — 2 мая (ст. ст.) 1702 г. [Список учеников 1999: 190]. Теоретически это может быть и простым совпадением, в тот же день в школу были зачислены еще по меньшей мере три ученика: подьячий В. Бахтияров, посадские В. Тимофеев и С. Меншагин [Список учеников 1999: 190]. На наш взгляд, гораздо вероятнее то, что Д. С. Калмыков и М. Н. Спафарьев пришли в школу вместе. Вероятно, Д. С. Калмыков был освобожден из холопства и отправлен Н. Г. Спафарием в Навигацкую школу, чтобы присматривать за его сыном М. Н. Спафариевым, либо (что, на наш взгляд, менее вероятно) из благотворительных соображений — заметив таланты своего юного холопа. В любом случае, факт пребывания Д. С. Калмыкова в юности в холопстве у Спафариевых весьма вероятен, но формальные связи личной зависимости между Н. Г. Спафарием и Д. С. Калмыковым были разорваны не позднее 2 мая 1702 г.

Мы полагаем, что еще одним аргументом в пользу связи Д. С. Калмыкова с домом Н. Г. Спафария является его имя и отчество: Денис (Дионисий) и Спиридон — имена крайне редкие для России конца XVII в., но распространенные в Молдавии. Вероятно, он был крещен в православие в доме Н. Г. Спафария-Милеску, что было вполне естественным для холопа из неправославных.

Д. С. Калмыков учился непосредственно у Андрея (Генри) Даниловича Фарварсона (1674–1739) и его английских помощников С. Гвина и Р. Гриза, тогда как М. Н. Спафариев учился в классе Леонтия Филипповича Магницкого (1669–1739). В списке выпускников М. Н. Спафариев стоит последним из 55 человек, что может указывать на его

¹ Русский вариант его фамилии указывает на высокую придворную должность при молдавском дворе: спафарий — спэтару — меченосец [Исторические румынские ранги].

неблестящие успехи в учении (список составлен не по алфавиту, но мы не можем уверенно утверждать, что он составлен в соответствии с рейтингом успехов в учебе, хотя это и вероятно), но при этом кормовое жалование он получал все же не самое маленькое — 8 коп. в день (при наименьшем — 6 коп. и наибольшем — 10 коп., такое же, как у М. Н. Спафариева жалование получали 20 выпускников — 36 %). Д. С. Калмыков в этом же списке значится вторым, с жалованием в 10 коп. (такое жалование получали 10 выпускников — 18 %). Таким образом, если М. Н. Спафариев и не был последним по успехам, то во всяком случае находился где-то в середине списка.

Несмотря на то, что М. Н. Спафариев числился окончившим школу в 1705 г., он вновь числится ее учеником, намеченным к посылке за границу в 1711 г. вместе с братом, причем оба они находятся «в географии», т. е. на одной из высших ступеней обучения. То, что М. Н. Спафариев действительно сын Н. Г. Спафария косвенно подтверждается и тем фактом, что в 1711 г. в списке учеников, имеющих крепостных, он обозначен владельцем поместья (вместе с братом) в 22 двора (следовательно, его отец уже умер, — напомним, что Н. Г. Спафарий-Милеску умер в 1708 г.), тогда как большинство его соучеников сами не владеют поместьями (пометка «за отцом его...» столько-то дворов) [Список школярам 1866: 306]. На фоне других учеников школы 22 двора (50–80 крестьянских «душ мужского пола») представляли собой значительное богатство — лишь 16 % его соучеников владели крепостными или были наследниками хоть какого-то поместья, причем в среднем на одного владельца или наследника (считая с братьями-совладельцами) приходилось как раз 22 двора [Список школярам 1866]. Однако по меркам придворной аристократии, владевшей сотнями, если не тысячами крепостных, это было ничтожно мало.

Среди известных нам списков офицеров русского флота петровской эпохи М. Н. Спафариев не значится, установить его судьбу после окончания Навигацкой школы нам не удалось. Возможно, что он умер в молодом возрасте, не оставив потомства. На флоте

служили внук Н. Г. Спафария-Милеску (от другого сына) Василий Никитич (ок. 1740–после 1763), поступивший в Морскую академию в 1746 г. и уволенный в отставку лейтенантом в 1763 г. [Список 2, 1885: 401] и сыновья последнего Федор Васильевич (ок. 1760–1780), умерший мичманом, и Леонтий Васильевич (1766–1847), дослужившийся до генерал-лейтенанта по адмиралтейству и долгие годы бывший директором маяков Финского залива [Список 5, 1890: 113–114]. Кстати, вотчина В. Н. Спафариева (в середине XVIII в.), действительно, находилась в Медынском уезде Калужской губернии, а И. И. Голиков называет своего Спафариева «калужским помещиком» [Голиков 1796: 257; Голиков 1807: 307], что лишний раз указывает на длительный срок бытования в устной передаче и дополнения «анекдотов», зафиксированных и опубликованных И. И. Голиковым.

Вероятно, молва драматизировала ситуацию из реальной жизни, и Д. С. Калмыков превратился в холопа самого М. Н. Спафариева (из холопов его отца), причем отбывшего в этом статусе в заграничную поездку, породив острый сюжет для будущих литературных произведений и кинофильмов. На наш взгляд, основной причиной драматизации реального сюжета было то, что судьба Д. С. Калмыкова была уникальна — ни один бывший холоп или крепостной не достиг в русском императорском флоте, за все время его существования, таких служебных высот. В 1723 г. он был единственным штаб-офицером флота из холопов, при том что и среди обер-офицеров таких было всего четверо — около 1,6 % офицерского корпуса [Кротов 2017: 576], позднее достиг контр-адмиральского чина. Подчеркнем, что Петр Великий не собирался отменять сословную систему, и его обращение к «беспородным» для пополнения служебной иерархии всегда было исключением, тогда как правилом было назначение на офицерские должности «благородных».

Для того чтобы оценить масштабы карьерных достижений Д. С. Калмыкова, сравним его службу со службой Захара Даниловича Мишукова (1684–1762), который закончил Навигацкую школу вместе с

Д. С. Калмыковым. З. Д. Мишуков поступил в Навигацкую школу, прослужив три года при дворе, окончил ее, но затем пять лет служил в гвардии, принимал участие в боях Северной войны и лишь в 1710 г. был определен на флот штурманом. В том же году он сочетался браком с дочерью бургомистра только что сдавшегося русским Выборга, причем сватом был сам царь [Список 1, 1885: 247–251]. Затем З. Д. Мишуков снова служил в гвардии, участвовал в Прутском походе и в 1712 г. был шафером на свадьбе Петра и Екатерины. В 1713 г. он был зачислен на флот унтер-лейтенантом, тут же произведен в лейтенанты и находился при Петре в качестве адъютанта, неоднократно исполняя его личные поручения. З. Д. Мишуков женился второй раз в 1719 г. на племяннице могущественного А. С. Меншикова Анне (у которой был сын от первого брака с поручиком флота А. И. Леонтьевым). Свадьбу сыграли во дворце А. С. Меншикова [Калязина, Калязин 2006: 437], что было признаком близости З. Д. Мишукова ко двору. В 1721 г. он был отправлен в Голландию, получил под команду купленный линейный корабль «Ништадт» и разбил его на обратном пути. Однако этот случай не повлиял на карьеру З. Д. Мишукова, который в 1724 г. командовал яхтой «Элизабет», на которой перевозили в Петербург мощи Александра Невского, что было почетным поручением. Позднее он стал полным адмиралом, командовал Балтийским флотом во время русско-шведской войны 1741–1743 гг., а во время Семилетней войны возглавлял объединенный русско-шведский флот. Правда, блестящими победами он не прославился. Так выглядел служебный путь дворянина из «хорошей» семьи, которому посчастливилось попасть в фавор к царю и который, несомненно, обладал известными задатками моряка и приобрел достаточные профессиональные знания. З. Д. Мишуков был произведен в капитаны 1-го ранга в 1721 г. (Д. С. Калмыков — в 1730 г.) и в контр-адмиралы — в 1732 г. (Д. С. Калмыков — в 1742 г.) Следовательно, бывший холоп отстал в своей карьере от придворного дворянина примерно на 10 лет, что очень немного, учитывая гигантскую разницу в их стартовых позициях.

Что касается калмыцкого происхождения Д. С. Калмыкова, то, на наш взгляд, оно весьма вероятно — слуги-холопы из числа калмыков были модными на рубеже XVII–XVIII вв. в московских придворных кругах. Тут можно вспомнить «Портрет Алексея Ленина с калмыком» из собрания Русского музея [Неизвестный 1700–1707], на котором изображен такой мальчик-слуга. По словам современного исследователя: *«Причины, заставлявшие калмыков продавать своих же соотечественников, были разными. Часто это было вызвано нуждой и тяжелым материальным положением. Это явление было характерно не только для ойратов, но и для любого традиционного кочевого общества. Так, Юрий Крижанич в своей „Истории о Сибири“ (около 1680 г.) при описании Ямышевской ярмарки, где русские ежегодно торговали с ойратами, пишет, что наряду со скотом калмыки продавали русским „также рабов и рабынь — своих свойственников и собственных детей. Если проданные в рабство начинают горевать, то калмыки говорят им: „Ступай, бедняга, и не грусти: тебе будет там лучше — не будешь так голодать, как голодал у нас“. Таким образом в Сибири нет ни одного человека с какими бы то ни было средствами, который не имел бы одного или более рабов или рабынь из калмыков»* [Васьков 2022: 58]. Он же указывает: *«Практически все холопы-калмыки имели возможность выкупа на волю. В случае принятия крещения бывший калмык и его потомки быстро утрачивали свою идентичность. При этом в документах различного учета сибирского населения, относящихся к рубежу XVII–XVIII вв. в отношении новоиспеченного новокрещена обычно указывалось помета „родом калмык“ или „из калмык“. Однако такие указания уже не делались применительно к его детям»* [Васьков 2022: 61]. Если Д. С. Калмыков и родился среди калмыков, то, скорее всего, он был продан в холопы малолетним, большую часть своей жизни до поступления в Навигацкую школу провел среди русских и вряд ли сохранил какие-то навыки своей прежней степной жизни. Разумеется, его крестили в православие вскоре после покупки. Однако в современном сетевом сооб-

шестве Д. С. Калмыкову приписывается ряд новаций, якобы привнесенных им в русский флот на основе кочевого опыта. Так, ему приписывается переработка «Генеральных сигналов» русского флота в 1742 г. [Калмыков Денис; Колесников 2022], однако до сих пор не найдено каких-либо доказательств работы Д. С. Калмыкова над этими сигналами. Некоторые пошли еще дальше — перепутали флажные сигналы (поднимаемые на рангоуте) с флажным семафором (сигналы, подаваемые положением рук с флажками) и приписали Д. С. Калмыкову авторство флажного семафора (в действительности введенного в русском флоте в 1880 г.), причем вывели идею семафора из боевых сигналов, принятых у калмыков [Лощинин 2022]. Д. С. Калмыкову же приписывают введение в русском флоте «калмыцкого узла» [Манджиева 2016]. Существует фантастический портрет Д. С. Калмыкова художника В. М. Монтышева, хранящийся в Элисте в музее им. Пальмова [Монтышев 1996]. Очевидно, что на этот портрет художника вдохновил кадр из фильма «Петр I» со второстепенным персонажем фильма — слугой, а потом флотским офицером Абдурахманом.

Д. С. Калмыков обладал очень разборчивым (по меркам эпохи) почерком, который легко читается нашим современником без специальной подготовки. Это отмечал еще В. И. Берх: «из всех русских морских капитанов, служивших при Петре I, был онный самый лучший каллиграф. Почерк руки его так хорош, что... не всегда можно и теперь найти столь четкого и красивого писца» [Берх 1832: 317–318]. Почерк Д. С. Калмыкова (см. рис. 1) свидетельствует, что он

обучался грамоте в России — он обладает типичными чертами для русских почерков эпохи, причем характерных для переписчиков книг, а не чиновников, писавших специфической малоразборчивой скорописью [Беляев 1907: 10–17]. Весьма вероятно обучение Д. С. Калмыкова письму у высокопрофессионального переписчика книг, что было вполне возможно в доме Н. Г. Спафария-Милеску. Финальный же росчерк, не характерный для русских почерков [Беляев 1907: 18–24], указывает на сильное влияние европейской рукописной традиции (вероятно, следствие обучения за границей).

О семье Д. С. Калмыкова известно крайне мало. О жене мы не знаем ничего, но очевидно, она умерла до кончины Д. С. Калмыкова. В. И. Берх указывает, что у него после смерти осталось четверо малолетних детей — Яков, Егор, Евдокия и Екатерина. В 1756 г. Евдокия вышла замуж за унтер-лейтенанта Я. С. Семичева (около 1732 г. – после 1778 г.), уволенного в отставку в чине капитан-лейтенанта в 1763 г. [Феофанов 2016: 155]. Не позднее марта 1757 г. Екатерина вышла замуж за мичмана М. М. Арсеньева (1730/34–1791), дослужившегося на флоте до капитана 1-го ранга, а в конце жизни бывшего генерал-поручиком и иркутским губернатором [Феофанов 2016: 10]. По В. И. Берху, сын Д. С. Калмыкова Егор стал мичманом и умер в мае 1757 г., а другой сын, Яков, в 1758 г. числился подштурманом [Берх 1832: 325–326], однако в Общем морском списке Е. Д. Калмыков не значится [Список 2, 1885]. Возможно, это следствие неполноты Списка. В. И. Берх свидетельствует о наличии у Д. С. Калмы-

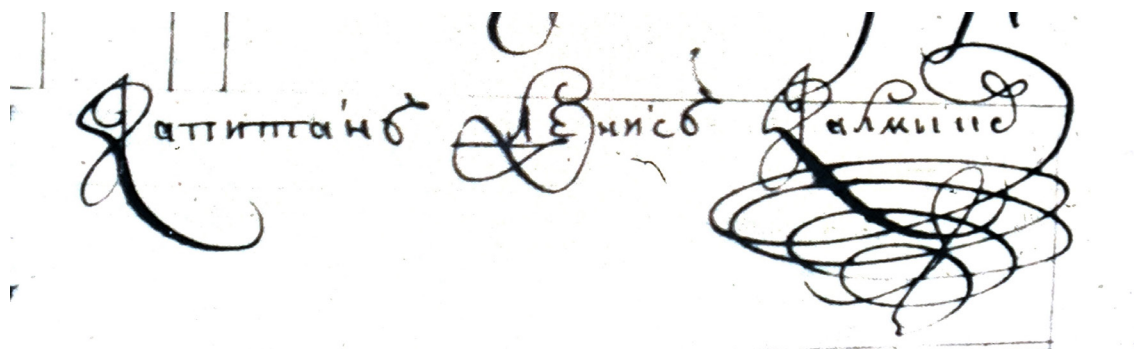

Рис. 1. Подпись Д. С. Калмыкова
[Fig. Signature of Denis S. Kalmykov]

кова брата Алексея, отставленного от службы боцманом в 1744 г. и жившего в доме брата [Берх 1832: 325–326]. К сожалению, труд В. И. Берха не имеет сносок, поэтому выяснить, на какие именно документы он опирался, невозможно.

4. Я. Брант

Если история Д. С. Калмыкова широко известна (хотя и значительно искажена), то о службе в русском флоте еще одного представителя калмыцкого народа до настоящего времени не упоминалось. Выдающийся русский моряк, гидрограф и мемуарист Федор Иванович Соймонов (1692–1780) писал, что в 1716 г. в экспедиции, посланной на Каспий и в Хиву *«Бековича [Черкасского] провожали из морских офицеров капитаны Лебедев и Рентель, лейтенант Кожин, унтер-лейтенант Давыдов и штурман Бранд (Сей был природной калмык, но имел немецкое прозвание по голландскому купцу, бывшему после российским резидентом в Амстердаме, господину Бранду, у которого он служил в своей юности)»* [Соймонов 1763: 14]. Ф. И. Соймонов известен как надежный мемуарист, поэтому, на наш взгляд, на его свидетельство можно опираться, тем более, что и *«штурман Бранд»*, и российский резидент в Амстердаме *«господин Бранд»* — люди довольно известные.

«Штурман Бранд» — одно лицо с Яковом Брантом (до 1688–1736?) (разночтения в глухом и звонком согласном в фамилиях сплошь и рядом встречались в первой половине XVIII в., когда в русском языке господствовало фонетическое письмо, сам он подписывался *«J. Brant»* [РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 151. Л. 70; РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 178. Л. 68; РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 219. Л. 11]), упомянутым в Общем морском списке. О нем сообщается, что он был принят на службу штурманом (1703 г.), произведен в корабельные секретари (2 января 1719 г.), назначен в Астрахань *«для надзора за тамошнюю коммерцию»* (21 марта 1721 г.) [Список 1, 1885: 57], произведен в лейтенанты (7 ноября 1721 г.), произведен в капитан-лейтенанты (15 декабря 1727 г.), находился в Архангельском порту (1735 г.), командуя фрегатом «Гектор», привел его из

Архангельска в Кронштадт (1736 г.) [Список 1, 1885: 57]. Мы можем дополнить эти сведения: в 1727 г. Я. Брант командовал фрегатом «Эсперанц» [РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 105. Л. 37], в 1730 и 1735 г. — фрегатом «Россия» [РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 151. Л. 70; РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 232. Л. 37], в 1732 г. — фрегатом «Карлус Кронвапен»¹ [РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 178. Л. 68]. Очевидно, что при реформе чинов 1735 г. он должен был быть произведен в капитаны (1-го) полковничьего ранга, поскольку такое повышение получили все капитан-лейтенанты. Поскольку он упоминается в документах последний раз в 1736 г., можно предположить, что Я. Брант умер вскоре после завершения летней морской кампании этого года.

Из этого послужного списка можно сделать вывод, что Я. Брант был незнатного происхождения — на это указывает 16 лет службы штурманом (унтер-офицерского ранга), — и затем производство не в полные офицеры, а в корабельные секретари. Вероятно, его производство в лейтенанты связано с ответственной командировкой в отдаленную Астрахань — перед ней было принято производить офицеров в следующий чин. После производства в лейтенанты Я. Брант делает успешную карьеру строевого офицера, командует кораблями.

Что касается российского резидента в Амстердаме *«господина Бранда»*, то его звали Кристофель Брант (Christoffel Brant), в России — Христофор Игнатьевич (1664–1732). Современный исследователь пишет: *«Ключевую роль в дипломатических и торговых сношениях России и Голландии играл проживавший в Москве голландский купец Кристофель Брантс, выступавший посредником при заключении и выполнении многих контрактов. Петр I оказывал ему „крайнюю милость и конфиденцию“»* [Беленький 2014: 107]. После того, как он был пожалован Петром в дворяне в 1717 г., Брант добавил к своей фамилии финальную букву «с», поскольку в варианте *«Брантс»* она звучала по-голландски более аристократично [Анисимов 2020]. О К. Бранте извест-

¹ Название объясняется тем, что это был трофей, захваченный у шведов в 1719 г.

но, что он был сыном купца Э.-К. Бранта, ведшего торговлю с Россией, с 1688 г. жил в Архангельске как торговый агент своего отца. Во время пребывания Петра в этом городе в 1694 г. К. Брант близко общался с царем, в 1690-е гг. он стал одним из двух крупнейших голландских поставщиков оружия в России, причем даже нарушая ради этого голландское законодательство. В 1702 г. К. Брант купил дом покойного Ф. Тимермана в Немецкой слободе в Москве, его неоднократно посещал Петр. В 1704 г. К. Брант вернулся в Голландию, где стал важнейшим представителем интересов русского царя [Donga 2008: 28–36]. У К. Бранта был брат-близнец Якоб, умерший вскоре после рождения [Donga 2008: 178], поэтому вероятно, что К. Брант называл своего калмыка-воспитанника в честь него.

Возвращаясь к личности Я. Бранта, мы считаем весьма вероятным, что К. Брант в какой-то момент своего пребывания в России приобрел мальчика-калмыка, крестил его по протестантскому обряду и дал голландское образование, достаточное для службы штурманом. В шканечных журналах, хранящихся в РГА ВМФ, сохранился образец почерка Я. Бранта (см. рис. 2): его подпись является характерным примером западноевропейских почерков начала XVIII в., — на наш взгляд, это является достаточным доказательством получения им образования от западноевропейских учите-

лей или в Голландии. После многолетней службы штурманом Я. Брант смог выбиться в строевые офицеры и закончил службу капитаном (1-го) полковничьего ранга.

5. Выводы

Можно считать доказанным факт пребывания Д. С. Калмыкова в холопстве, весьма вероятно то, что он был холопом Н. Г. Спфария-Милеску и являлся калмыком по национальности, однако во время обучения в Навигацкой школе и заграничной командировки был уже свободным человеком. Несомненно обучение Д. С. Калмыкова в юности у высококвалифицированного переписчика книг. Карьера Д. С. Калмыкова является уникальным случаем для русского флота XVIII–XIX вв., когда лично зависимый человек дослужился до контр-адмирала. Также можно считать весьма вероятным факт того, что Я. Брант был калмыком по национальности, в юности холопом голландского купца К. Бранта, который фактически усыновил его. В отличие от Д. С. Калмыкова Я. Брант воспринимался в России как голландец (поскольку основным фактором, определявшим национальность в России XVIII в., было вероисповедание), но незнатного происхождения, поэтому его карьерный рост до капитана (1-го) полковничьего ранга следует признать весьма выдающимся достижением. Вне всякого сомнения, успешная карьера Д. С. Калмыкова и Я. Бранта требовала с их стороны исключительных дарований и усердия.

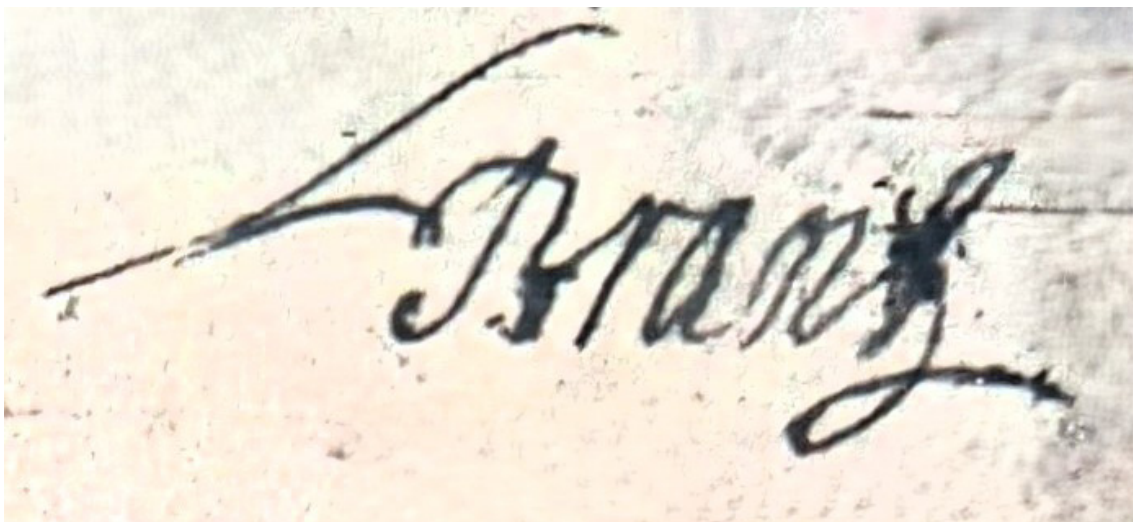

Рис. 2. Подпись Я. Бранта
[Fig. Signature of Jacob Brant]

Источники

РГА ВМФ — Российский государственный архив ВМФ.

Монтышев 1996 — *Монтышев В. М.* На Кронштадтском рейде. Контр-адмирал Денис Спиридонович Калмыков. 1996. Холст, масло. Номер в Госкаталоге: 5400893. Место хранения: Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова»

Неизвестный 1700–1707 — Неизвестный художник 1-й пол. XVIII в. Портрет А. Н. Ленина с калмыком. Не позднее 1707 г. Холст, масло. Номер в Госкаталоге: 22580479. Место хранения: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный русский музей».

Литература

Donga 2008 — *Donga H.* Christoffel van Brants en zijn hofje: Geschiedenis van het Van Brants Rus Hofje vanaf 1733. Hilversum, 2008. 184 p.

Адуев 1944 — *Адуев Н. А.* Табачный капитан: Комедия на музыку в 4 актах, 5 картинах. М.; Л.: Искусство, 1944. 212 с.

Анисимов 2020 — *Анисимов Е. В.* Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днем [электронный ресурс] // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (дата обращения: 04.01.2025).

Беленький 2014 — *Беленький И. Л.* Вагеманс Э. Царь в республике: второе путешествие Петра Великого в Нидерланды, (1716–1717) / пер. с нидерл.; Ин-т Петра Великого. СПб.: Европ. Дом, 2013. 250 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2014. № 2 С. 104–111.

Беляев 1907 — *Беляев И. С.* Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. М.: Синодальная типография, 1907. 84 с.

Берх 1825 — *Берх В. Н.* Жизнеописание российского адмирала К. И. Крюйса. СПб.: Тип. Н. Греча, 1825. 85 с.

Берх 1831a — *Берх В. Н.* Жизнеописание адмирала Алексея Ивановича Нагаева. СПб.: Тип. Н. Греча, 1831. 85 с.

Берх 1831b — *Берх В. Н.* Жизнеописание адмирала Семёна Ивановича Мордвинова. СПб.: Тип. Н. Греча, 1831. 47 с.

Sources

Russian State Archive of the Navy.

Montyshev V. M. In the Harbor of Kronstadt. Counter Admiral Denis Spiridonovich Kalmykov. 1996. Oil on canvas. State Catalogue no. 5400893. At: Palmov National Museum of Kalmykia.

[Author unknown] Portrait of A. N. Lenin with a Kalmyk [Servant]. 1700–1707. Oil on canvas. State Catalogue no. 22580479. At: State Russian Museum.

References

Donga H. Christoffel van Brants en zijn hofje: Geschiedenis van het Van Brants Rus Hofje vanaf 1733. Hilversum, 2008. 184 p. (In Dutch)

Aduiev N. A. The Tobacco Captain. Musical comedy. Moscow, Leningrad: Iskusstvo, 1944. 212 p. (In Russ.)

Anisimov E. V. Itinera Petri: A day-by-day biographical chronicle of Peter the Great. On: HSE University. St. Petersburg. Available at: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (accessed: 4 January 2025). (In Russ.)

Belenky I. L. [Book review:] Waegemans E. Tsar in the Republic: Peter the Great's Second Voyage to Netherlands, 1716–1717. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2013. 250 p. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5. Istoriya: Informatsionno-analiticheskiy zhurnal*. 2014. No. 2. Pp. 104–111. (In Russ.)

Belyaev I. S. Reading Fifteenth- to Eighteenth-Century Manuscripts: Old Russian Handwriting in Use. Moscow: Most Holy Synod, 1907. 84 p. (In Russ.)

Berkh V. N. Russian Admiral Cornelius I. Cruys: A Biography. St. Petersburg: N. Gertsch, 1825. 85 p. (In Russ.)

Berkh V. N. Admiral Aleksey Ivanovich Nagaev: A Biography. St. Petersburg: N. Gertsch, 1831. 85 p. (In Russ.)

Berkh V. N. Admiral Semyon Ivanovich Mordvinov: A Biography. St. Petersburg: N. Gertsch, 1831. 47 p. (In Russ.)

- Берх 1832 — *Берх В. Н.* Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. В 4 ч. Ч. 2. СПб.: В морской тип., 1832. 391 с.
- Болтунова 2003 — *Болтунова Е. М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 354 с.
- Васьков 2022 — *Васьков Д. А.* Торговля калмыцким ясырем в Западной Сибири в XVII веке // Тринадцатые Татищевские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 24–25 ноября 2022 г.): / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург: СОКМ им. О. Е. Клера, 2023. С. 53–62.
- Вахмистрова 1998 — *Вахмистрова С. И.* Подготовка кадров для Российского флота во второй половине XVIII века: По опыту Морского шляхетного кадетского корпуса: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 181 с.
- Веревкин 1783 — *Веревкин М. И.* Сказание о мореплавании... Ч. 2. М.: Университ. Тип. у Н. Новикова, 1783. 176 с.
- Волков 1993 — *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
- Волков 2019 — *Волков Э.* Николае Милеску Спэтару. Жизнь и деятельность. Ч. 1 // Про-за.ру. URL: <https://proza.ru/2019/09/30/50> (дата обращения: 13.06.2024).
- Герман 1952 — *Герман Ю. П.* Россия молодая. М.: Мол. гвардия, 1952. 911 с.
- Голиков 1788–1789 — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. В 12 ч. М.: в Университетск. тип., у Н. Новикова, 1788–1789. XXVI, 368, [2] с.
- Голиков 1796 — *Голиков И. И.* Дополнение к деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. Т. 17. М.: В университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1796. 464 с.
- Голиков 1807 — *Голиков И. И.* Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. М.: В Университетской типографии, 1807. 535 с.
- Исторические румынские ранги — Исторические румынские ранги и титулы // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Исторические_румынские_ранги_и_титулы (дата обращения: 27.02.2025).
- Каланов 2021 — *Каланов Н.* Легенды и правда о «табачном капитане» адмирале Калмыкове. М.: Горизонт, 2021. 70 с.
- Berkh V. N. The Shaping of the Russian Navy: Biographies of Russia's Earliest Admirals. In 4 pts. St. Petersburg: Ministry of the Navy, 1832. Pt. 2. 391 p. (In Russ.)
- Boltunova E. M. Guards of Peter the Great as a Military Corporation. Cand. Sc. (history) thesis. Moscow, 2003. 354 p. (In Russ.)
- Vaskov D. A. Kalmyk yasyr trade in Western Siberia in the 17th century. In: Poberezhnikov I. V. (ed.) Thirteenth Tatishchev Readings. Conference proceedings (Yekaterinburg, 24–25 November 2022). Yekaterinburg: Clerc Sverdlovsk Oblast Museum of History and Lore, 2023. Pp. 53–62. (In Russ.)
- Vakhmistrova S. I. Russian Naval Staffing in the Mid-to-Late Eighteenth Century: The Naval Cadet Corps. Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 1998. 181 p. (In Russ.)
- Verevkin M. I. The Story of Navigation. Pt. 2. Moscow: N. Novikov, 1783. 176 p. (In Russ.)
- Volkov S. V. The Russian Officer Corps. Moscow: Voenizdat, 1993. 368 p. (In Russ.)
- Volkov E. Nicolae Milescu Spătaru: Life and endeavors. Pt. 1 On: Proza.ru. Available at: <https://proza.ru/2019/09/30/50> (accessed: 13 June 2024). (In Russ.)
- German Yu. P. Young Russia. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1952. 911 p. (In Russ.)
- Golikov I. I. Deeds of Peter the Great Collected from Reliable Sources and Arranged Chronologically. In 12 pts. Moscow: N. Novikov, 1788–1789. XXVI, 368, [2] p. (In Russ.)
- Golikov I. I. Deeds of Peter the Great. Supplement: Anecdotes. Moscow: Ridiger & Claudius, 1796. Vol. 17. 464 p. (In Russ.)
- Golikov I. I. Emperor Peter the Great: Anecdotes. Moscow: University Press, 1807. 535 p. (In Russ.)
- Historical Romanian ranks and titles. On: Wikipedia. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Istoricheskie_rumynskie_rangi_i_tituly (accessed: 27 February 2025). (In Russ.)
- Kalanov N. Legends and Truths of the Tobacco Captain Admiral Kalmykov. Moscow: Gorizont, 2021. 70 p. (In Russ.)

- Калашников 1999 — *Калашников Г. В.* Офицерский корпус русской армии в 1725–45 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 292 с.
- Калмыков Денис — Калмыков Денис Спиридонович [электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Калмыков,_Денис_Спиридонович (дата обращения: 04.01.2025).
- Калязина, Калязин 2006 — *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Александр Меншиков — строитель России. Ч. 2. СПб.: Лики России, 2006. 488 с.
- Колесников 2022 — *Колесников В. Г.* Денис Калмыков: из денщиков в контр-адмиралы [электронный ресурс] // Яндекс-дзен. URL: https://dzen.ru/a/Y4sOVhxX_i5EYYkq (дата обращения: 04.01.2025).
- Копелев 2000 — *Копелев Д. Н.* Офицеры немецкого происхождения на службе в российском флоте, первая половина XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 244 с.
- Кротов 2017 — *Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 744 с.
- Лощинин 2022 — *Лощинин С.* Вклад калмыков в мировую цивилизацию. Ч. 4 [электронный ресурс] // Центр по изучению калмыцкого языка URL: https://baylig.ru/for_teachers/vklad-kalmykov-v-mirovujucivilizaciju-4/ (дата обращения: 07.01.2025).
- Лупанова 2005 — *Лупанова Е. М.* Служба офицера русского флота: нормы и нарушения норм: Вторая половина 1780-х гг. – 1812 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 440 с.
- Манджиева 2016 — *Манджиева Г. П.* Конспект занятия «История калмыцкого узла» [электронный ресурс] // Инфоурок. 29.04.2016. URL: <https://infourok.ru/konspekt-zanyatiya-kalmickiy-uzel-1059901.html> (дата обращения: 04.01.2025).
- Меркулов 2005 — *Меркулов И. В.* Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II: Социальные аспекты комплектования командного состава флота: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 346 с.
- Соймонов 1763 — *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами... Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала его превосходительства, в бытность его службы морским офицером, с внесенными, где потребно было, дополнениями... Г. Ф. Миллера. СПб.: Имп. Акад. наук, 1763. 380 с.
- Kalashnikov G. V. The Russian Officer Corps, 1725–1745. Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 1999. 292 p. (In Russ.)
- Kalmykov Denis Spiridonovich. On: Wikipedia. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kalmykov,_Denis_Spiridonovich (accessed: 4 January 2025). (In Russ.)
- Kalyazina N. V., Kalyazin E. A. Alexander Menshikov — Russia's Builder. Pt. 2. St. Petersburg: Liki Rossii, 2006. 488 p. (In Russ.)
- Kolesnikov V. G. Denis Kalmykov: From Orderly to Counter Admiral. On: Zen (Yandex). Available at: https://dzen.ru/a/Y4sOVhxX_i5EYYkq (accessed: 4 January 2025). (In Russ.)
- Kopelev D. N. Ethnic German Officers of the Russian Imperial Navy, Early-to-Mid Nineteenth Century. Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 2000. 244 p. (In Russ.)
- Krotov P. A. The Russian Navy in the Baltic under Peter the Great. St. Petersburg: Istoricheskaya Illyustratsiya, 2017. 744 p. (In Russ.)
- Loshchinin S. Kalmyk contribution to the world civilization. Pt. 4. On: Kalmyk Language Learning Center (website). Available at: https://baylig.ru/for_teachers/vklad-kalmykov-v-mirovujucivilizaciju-4/ (accessed: 7 January 2025). (In Russ.)
- Lupanova E. M. Service of a Russian Naval Officer: Norms and Their Violations, Mid-1780s to 1812. Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 2005. 440 p. (In Russ.)
- Mandzhieva G. P. History of the Kalmyk knot: Lecture notes. On: Infourok. Posted on 29 April 2016. Available at: <https://infourok.ru/konspekt-zanyatiya-kalmickiy-uzel-1059901.html> (accessed: 4 January 2025). (In Russ.)
- Merkulov I. V. The Russian Naval Officer Corps under Catherine II: Social Aspects of Staffing. Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 2005. 346 p. (In Russ.)
- Soymonov F. I. Descriptions of the Caspian Sea and Related Russian Conquests under Peter the Great. G. F. Müller (suppl.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1763. 380 p. (In Russ.)

- Спафарье — Никита Николаевич Спафарьев [электронный ресурс] // Geni URL: <https://www.geni.com/people/Никита-Николаевич-Спафарьев/6000000024140358006> (дата обращения: 04.01.2025).
- Спафариев Nikita Nikolaevich. On: Geni. Available at: <https://www.geni.com/people/Nikita-Nikolaevich-Spafar'ev/6000000024140358006> (accessed: 4 January 2025). (In Russ.)
- Список 1, 1885 — Общий морской список. Ч. 1. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. 455 с.
- Complete List of Russian Naval Officers. Pt. 1: From the Navy's Establishment to Peter the Great's Death. St. Petersburg: V. Demakov, 1885. 455 p. (In Russ.)
- Список 2, 1885 — Общий морской список. Ч. 2. От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. 529 с.
- Complete List of Russian Naval Officers. Pt. 2: From Peter the Great's Death to the Enthronement of Catherine II. St. Petersburg: V. Demakov, 1885. 529 p. (In Russ.)
- Список 5, 1890 — Общий морской список. Ч. 5. Царствование Екатерины II. С–О. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. 474 с.
- Complete List of Russian Naval Officers. Pt. 5: The Era of Catherine II. S–O. St. Petersburg: V. Demakov, 1890. 474 p. (In Russ.)
- Список учеников 1999 — Список учеников Навигацкой школы с указанием их происхождения и размера жалованья // «Надлежит... ведать все уставы государственныя и важность их». Документы РГАДА по истории государственной службы России. XVIII в. (Исторические архивы. 1999. № 2). С. 190–194.
- Moscow School of Mathematics and Navigation: A list of students. *Historical Archive*. 1999. No. 2 ('Be They Aware of All Administrative Procedures and Significance of the Latter'. RGADA-Based Documents on Eighteenth-Century Russian Public Service). Pp. 190–194. (In Russ.)
- Список школярам 1866 — Список школярам, которым осмотру адмирала графа Апраксина отмечены, 1711 года февраля 12 // Материалы для истории русского флота. Т. 3. СПб., 1866. С. 306–312.
- List of Students Examined by Admiral Graf Apraksin on 12 February 1711. In: Russian Naval History Materials. St. Petersburg, 1866. Vol. 3. Pp. 306–312. (In Russ.)
- Феофанов 2016 — Феофанов А. М. Морские офицеры Российской империи XVIII в.: Биографический словарь. М.: ПСТГУ, 2016. 202 с.
- Feofanov A. M. Naval Officers of Eighteenth-Century Imperial Russia: A Biographical Guide. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 2016. 202 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 87–99, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (364)

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-87-99

Деятельность Особой комиссии при Центральном исполнительном комитете Туркестанской АССР по реэвакуации семиреченских мигрантов

Еркин Имангазиевич Стамшалов¹

¹ Казахский национальный университет им аль-Фараби (д. 71, пр. аль-Фараби, 050040 Алматы, Казахстан)

докторант

0000-0003-4663-6349. E-mail: [kun2013\[at\]mail.ru](mailto:kun2013[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Стамшалов Е. И., 2025

Аннотация. *Введение.* После приобретения суверенитета Казахстан запустил программу репатриации, поощряя этнических казахов из-за пределов Казахстана вернуться на историческую родину. Процесс репатриации этнических казахов имел место еще в первые годы существования советской власти. Группой мигрантов, обделенных вниманием международной общественности, но получивших помощь со стороны своей бывшей родины, было местное население Семиречья. *Цель* данной статьи — изучить деятельность советских государственных учреждений по реэвакуации мигрантов Семиречья в советскую Россию. *Материалы и методы.* Основными материалами для наших исследований служили документальные источники, хранящиеся в архивах Республики Казахстан и Российской Федерации, отражающие историю миграционного процесса в Семиречье накануне и в период установления и упрочения советской власти. Исследование выбранной проблемы основано на структурно-функциональном анализе. Здесь как структура выступает Особая комиссия при Центральном исполнительном комитете Туркестанской АССР, рассматривается в свете ее функции, а именно: деятельности по организации помощи мигрантам в Китае и их реэвакуации в родные места. Применяется принцип историзма, позволивший описать историю деятельности Особой комиссии в контексте становления и развития Советского Союза. *Результаты.* В период мобилизационных процессов и нарастания повстанческого движения начался массовый переход казахов и киргизов из приграничных Семиреченской и Семипалатинской областей в Западный Китай. Их массовое возвращение на родину происходило уже при советской власти. Проблема возвращения казахов и киргизов на родину, размещение их в различных районах Семиречья, оказание помощи в трудоустройстве неоднократно обсуждалась советскими органами, был создан специальный орган — Особая комиссия, наделенная полномочиями оказывать материальную помощь и организовать реэвакуацию мигрантов. *Выводы.* Семиреченские казахи и киргизы, бежавшие в 1916–1921 гг. в Китай, оказались в очень тяжелом положении. И в такой безысходной ситуации к ним пришла помощь сначала от Временного правительства России, затем от Советской власти. Временное правительство и Советское правительство были историческими антиподами, однако в одной проблеме — проблеме оказании помощи и возвращении на родину семиреченских беженцев в из Китая — они были солидарны.

Ключевые слова: мобилизация, восстание 1916 г., мигранты, беженцы, реэвакуация, временное правительство, советская власть, Туркестанская АССР, Особая комиссия

Для цитирования: Стамшалов Е. И. Деятельность Особой комиссии при Центральном исполнительном комитете Туркестанской АССР по реэвакуации семиреченских мигрантов // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 1. С. 87–99. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-87-99

Central Executive Committee of the Turkestan ASSR: Activities of the Special Commission for Re-evacuation of Semirechye Migrants

Yerkin I. Stamshalov¹

¹ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Kazakhstan)

Doctoral Student

 0000-0003-4663-6349. E-mail: kun2013[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Stamshalov Ye. I., 2025

Abstract. *Introduction.* Upon gaining sovereignty, Kazakhstan launched a repatriation program encouraging ethnic Kazakhs to move back to their historical homeland. Still, the repatriation process had also been witnessed by the early years of Soviet rule. That group of migrants — neglected by the international community but assisted by their former compatriots — was compiled from inhabitants of Semirechye. *Goals.* The article attempts an insight into the activities of Soviet agencies aimed at re-evacuating Semirechye's migrants to Soviet Russia. *Materials and methods.* The work focuses on documentary sources contained in a variety of archives and dealing with the history of migration processes in Semirechye on the eve and throughout the establishment and consolidation of Soviet power. The study rests on essentials of the structural-functional analysis, a structural unit be represented by the Special Commission under the Turkestan ASSR Central Executive Committee, and a function be the latter's activities on arranging assistance to migrants in China and their re-evacuation to native territories. The principle of historicism proves instrumental in considering the Commission's efforts in the context of the Soviet Union's shaping and development. *Results.* The period of mobilization (followed by increased insurgencies) witnessed somewhat mass relocations of Kazakhs and Kyrgyzes from border territories of Semirechye towards Western China. Their mass return took place already under the Soviets. The problem of repatriating Kazakhs and Kyrgyzes, their accommodation across Semirechye and employment assistance were repeatedly discussed by Soviet authorities, and a special body — Special Commission — was established and vested with powers to deliver material support and organize the re-evacuation of migrants. *Conclusions.* Kazakhs and Kyrgyzes of Semirechye who had fled to China in 1916–1921 found themselves in a very difficult situation. Then and there they were aided by the Russian Provisional Government and subsequently by the Soviets. The two were historical antipodes but when it came to assist and bring back compatriot migrants from China to Semirechye, they were unanimous enough.

Keywords: mobilization, 1916 Uprising, migrants, refugees, re-evacuation, Provisional Government, Soviet Government, Turkestan ASSR, Special Commission

For citation: Stamshalov Ye. I. Central Executive Committee of the Turkestan ASSR: Activities of the Special Commission for Re-evacuation of Semirechye Migrants. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 87–99. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-87-99

1. Введение

В последний год войны и первые послевоенные годы начался небывалый рост числа беженцев. Огромная масса беженцев была

в крайне трудном положении: остались без защиты, лишившись заботы своей родины, без каких-либо перспектив обосноваться на месте и найти работу. Вначале Международ-

ный Комитет Красного Креста с помощью других общественных организаций взялся за решение проблемы помощи, беженцам, однако оказание материальной помощи не решала все вопросы, связанные с жизнью беженцев на чужбине, к тому же средства спонсоров быстро истощились, и назрела необходимость правового регулирования проблемы беженцев. В результате переписки Генерального секретаря Лиги Наций с правительствами государств было согласовано выбрать Верховного комиссара, который будет заниматься определением правового статуса беженцев и организацией помощи беженцам. На конференции, проходившей в августе 1921 г., норвежский ученый Фритиоф Нансен был утвержден Верховным комиссаром по делам беженцев [Grahl-Madsen 2021: 4]. Доктор Ф. Нансен начал свою работу с прояснения правового статуса беженцев в принимающих странах путем выдачи им удостоверений личности и проездных документов, а также старался обеспечить им возможности для трудоустройства и разработать программы репатриации.

Однако была группа беженцев, обделенная вниманием международной общественности, но получившая помощь со стороны своей бывшей родины. Это население Семиречья, бежавшее в Китай в период мобилизационных процессов и нарастания повстанческого движения 1916 г. Цель предлагаемой статьи — освещение деятельности Особой комиссии Центрального исполнительного комитета Туркестанской республики по реэвакуации из Китая и размещению беженцев Семиречья.

2. Материалы и методы

Исследование опирается как на первичные, так и на вторичные материалы, полученные из библиотек и архивов. Основными материалами для наших исследований служили документальные источники, хранящиеся в архивах Республики Казахстан и Российской Федерации, отражающие историю миграции населения Семиречья накануне и в период установления и упрочения советской власти. Среди них приоритетное место занимают отчеты, переписка и другие доку-

менты Особой комиссии по репатриации и устройству беженцев в Семиречье.

Исследование выбранной проблемы основано на структурно-функциональном анализе. Здесь как структура выступает Особая комиссия при Центральном исполнительном комитете Туркестанской АССР, рассматривается в свете ее функции, а именно: деятельности по организации помощи мигрантам в Китае и их реэвакуации в родные места.

В исследовании применяется принцип историзма, позволивший описать историю деятельности Особой комиссии по оказанию помощи мигрантам, организации их реэвакуации и трудоустройства в Семиречье в контексте становления и развития Советской страны.

3. Обсуждение

В советский период изучаемая нами проблема не была предметом специального научного исследования, лишь отдельные аспекты темы затрагивались в монографиях и статьях, в которых авторы ставили и решали другие исследовательские задачи. В работе Р. Байжарасова, посвященной деятельности председателя Особой комиссии Туркестанского Центрального исполнительного комитета устройству беженцев в Семиречье Жараса Барибаева, рассматривается положение беженцев после возвращения их на родину [Байжарасов 1984].

История казахских беженцев изучается в основном постсоветскими исследователями. Обсуждения и дискуссии по проблеме беженцев в центральных и республиканских советских учреждениях и деятельность известного советского государственного деятеля Т. Рыскулова по организации помощи «откочевникам» в Китае изучены О. Коңыратбаевым [Қоңыратбаев 1994]. Монографическое исследование Д. М. Будянского посвящено истории массового бегства населения Кыргызстана в Китай после поражения восстания 1916 г. и последующего возвращения их на родину [Будянский 2007]. В книге Н. Н. Аблажей исследуются основные механизмы миграционных процессов XX в. [Аблажей 2014]. Ученым тщательно про-

анализированы геополитические, социально-экономические причины бегства казахов, уйгуров и дунган из Казахстана в Китай и в последующем их возвращение на свою историческую Родину из-за преследований китайских властей. В первой главе автор рассматривает историю казахских беженцев в Китае, показывает роль миграции из приграничных регионов Казахстана второй половины XIX в. – первой четверти XX в. в формировании казахской диаспоры Синьцзяна [Аблажей 2014: 8–32]. Необходимо отметить также и статью Н. Н. Аблажей и Е. Н. Наземцевой, где на основе материалов Народного комиссариата иностранных дел РСФСР исследуется положение казахских и кыргызских мигрантов 1916 г. в Китае, проблема организации финансовой помощи и их реэвакуации [Аблажей, Наземцева 2020]. Статья Ю. А. Лысенко посвящена истории деятельности советских учреждений по реэвакуации участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая [Лысенко 2020]. Проблему о подвижности границ и адаптации мигрантов к местным экономическим, социальным и другим условиям изучает З. Имярова [Imyarova 2022; Smagulova, Imyarova 2024]. Роль Казахстана как страны-реципиента в миграционном процессе проанализирована Г. К. Кокебаевой и Р. Закарья [Kokebayeva, Zakarya 2022]. Однако деятельность Особой комиссии при Туркестанском Центральном исполнительном комитете по организации помощи мигрантам и их реэвакуации еще не становилось объектом научного исследования.

Отдельные аспекты изучаемой нами проблемы затрагивались в монографиях и статьях, в которых авторы ставили и решали другие исследовательские задачи, в частности история восстания 1916 г., положившего начало массовому переходу жителей приграничных регионов Казахстана в Китай. Из множества научной литературы, посвященной этому событию, необходимо отметить коллективную монографию интернационального коллектива авторов [Восстания 2017]. Здесь анализируются разноплановые причины и предпосылки восстаний 1916 г., а также степень влияния внешних факторов на трагические события, охватившие значи-

тельную территорию Российской империи. Судьба казахских и киргизских мигрантов первой четверти XX в., участвовавших в восстании 1916 г. и вынужденных бежать, покинув родину, является малоизученной темой в истории Казахстана.

4. Результаты

4.1. Положение Семиреченских беженцев в Китае

Массовое бегство коренного населения Семиречья в XX в. началось с мобилизации их на тыловые работы и восстанием 1916 г. После поражения восстания тысячи казахских и киргизских кочевников-скотоводов бежали через границу в Китай, и многие из них погибли в пути из-за непогоды, опасных горных перевалов и преследования царских войск. В период мобилизационных процессов и нарастания повстанческого движения начался массовый переход казахов и киргизов из приграничных Семиреченской и Семипалатинской областей в Западный Китай. Из одного только Зайсанского уезда Семипалатинской области эмигрировали в Китай 1,5 тыс. семей, состоящей примерно из 6 000 чел. [Моисеев 2003: 303]. В 1914–1917 гг. численность казахского населения Семипалатинской области сократилось на 58 000 чел. [Алексеев, Алексеев 2007: 22]. Семиречье и Илийский край Западного Китая имели между собой много общего по национальному составу населения, по культурному уровню и по бытовому укладу. Тянувшаяся на тысячу километров граница, проходившая горами, ущельями и песками, имеющая редкие пограничные посты, давала возможность свободных переходов при эмиграции или реэмиграции населения. В четырех уездах Джаркентской области (Алматы, Джаркент, Пишпек и Пржевальск) до восстания 1916 г. проживало 47 759 семей, из них 40 250 переехало в Китай [Жетысу 2016: 251–253]. По сведениям Туркестанского комитета временного правительства, численность беженцев составило 92 000 чел., из них 57 000 были жителями Семиреченской области. По сведениям Ричарда Янга, к концу октября 1916 г. численность казахских беженцев в Синьцзяне достигло почти 300 тыс. [Yang 1961: 306]. Переехав-

шие в приграничный район Китая казахские беженцы оказались в крайне тяжелом положении. Не имея постоянную работу, беженцы нанимались на временную, поденную работу, меньшая часть людей, у которых были лошади, занималась извозом. Израсходовав все свои средства, не получая никакой помощи от властей двух стран и международных организаций, испытывавшие голод и нужду беженцы вынуждены были продавать своих жен и детей китайцам [РГАСПИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 77. Л. 16].

После принятия Временным правительством решения о политической амнистии правительственные органы начали активно заниматься проблемой семиреченских беженцев в Китае. Представитель России в регионе Или и местные китайские власти согласились, что для завершения репатриации будет предоставлен период в три месяца. К концу мая 1917 г. задача репатриации около 160 000 казахских беженцев в Или была успешно выполнена [Yang 1961: 308]. Член Туркестанского комитета Временного правительства Мухаметжан Тынышбаев сообщил, что к 1 июля 1917 года общее количество беженцев казахов составило 164 000, из них 83 000 умерли, 69 000 вернулись в прежние места жительства в Семиреченской области, 12 000 беженцев остались в Китае [Казақ 2023: 300]. Организацией помощи казахским беженцам занимался Семиреченский исполнительный комитет, созданный в конце марта 1917 г. С марта 1917 г. активизировалась реэмиграция казахов и кыргызов из Кашгарских, Кулжинских округов Китая. 4–6 мая 1917 г. прошло совещание с участием представителей Туркестанского и Семиреченского комитетов, было принято решение направить вернувшихся из Китая беженцев в Нарынкольском и Колджатском участках Джаркентского уезда и в Кызылбориковской волости Верненского уезда [ЦГА РК Ф. 19. Оп. 1. Д. 2617. Л. 1]. Отмечалось также, что в силу крайне бедственного положения беженцев из Кулджинского района необходимо их вернуть в самое ближайшее время [ЦГА РК Ф. 19. Оп. 1. Д. 2617. Л. 1]. Для организации продовольственной помощи беженцам была создана специальная комиссия под руководством Ибраима Жайнакова,

и комиссия получила от Туркестанского комитета сто тысяч руб. для покупки продовольствия [ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 1]. Фактически это было первая инициатива по помощи беженцам со стороны Туркестанского комитета Временного правительства.

Политика Временного правительства по проблеме беженцев — участников восстания 1916 г. была сложной и противоречивой. Так, в письме членов Туркестанского комитета Временного правительства О. А. Шкапского и М. Т. Тынышпаева от 22 июня 1917 г. консулу России в Кашгаре указывается *«возвращение этих киргизов в ближайшее время в Россию нежелательно в интересах самих же просителей, так как русское население еще не вполне успокоилось и считает просителей главными виновниками прошлогоднего мятежа»* [ЦГА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 72. Л. 6]. Однако, побывав в Семиречье и увидев положение вернувшихся из Китая казахов и киргизов, О. А. Шкапский уже пишет о них с большим сочувствием: *«1 июня в верховьях реки Джегалана-Тюпа, на высоте восьмидесяти тысяч фунтов был совместно с представителями уездного комитета и другими членами комиссии в трех пунктах на стоянках киргиз, вернувшихся из Китая, киргизы собираются на стоянках большими толпами из разных волостей. Среди местных кара-киргизов встречаются отбившиеся от своих казахи Джаркентского уезда. Состояние киргиз производит удручающее впечатление. Люди ходят в рубищах, мало детей, большинство детей — рахитики на почве дурного питания, взрослых девушек и женщин молодых почти совсем нет, ибо они проданы в Китайском Туркестане за хлеб, вместо юрт какие-то обрывки на палках. Скота очень мало, он ограблен в китайских пределах. Роскошные горные пастбища ... хуже всего — это начало вымирания»* [Семиречье 2016: 409].

7 сентября 1917 г. Временное правительство постановило выдать через Туркестанский комитет возвращающимся из Китая беженцам безвозвратные пособия по 100 руб. на семью [ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 656. Л. 4]. Бедственному положению беженцев в Китае обратило внимание объ-

единенное заседание мусульманских организаций города Ташкента, проходившее 20 августа 1917 г. На заседании было принято решение ходатайствовать о заселении вернувшихся из Китая беженцев в аулах, где они раньше проживали, и *«немедленно приступить к оказанию продовольственной и медицинской помощи, а также снабжению одеждой и обувью пострадавших семиреченцев..., принять меры к возвращению из Китая проданных и похищенных членов-семейств пострадавших киргиз-казахов и их имуществ»* [АП РК. Ф. 811. Оп. 20. Д. 73. Л. 2]. В это же время было очень много частных инициатив помощи беженцам и реэмигрантам. Газета «Казах» пристально следила за состоянием беженцев. 3 ноября 1917 г. в газете была опубликована статья под названием «Беженцы киргиз-казахи». Автор статьи с состраданием отметил, что *«кашгарские сарты, дунганы и китайцы отбирают женщин», «у бедствующих, голодных казахов и киргизов, некоторых из женщин продавали сами киргизы и казахи при угрозе голодной смерти»* [Қазак 2023: 432]. В этом же номере публикуется письмо от беженцев — бывших жителей Жаркентского уезда: *«Из 14 волостей Жаркентского уезда очень многие бежали в китайские пределы. Имущество и скот ограбили калмыки. Многие из нас расстреляли. Многие умерли от голода и холода. Китайцы и калмыки били плетью по пустыкам. Любого китаец мог отобрать наших жен. ... Как только пришла долгожданная свобода, оставшиеся в живых хлынули обратно к Родине. По дороге многие из столько нас погибли. Отец лишился сына, мать дочери. Для нас настал конец света. Например, в Меркинской волости числился 4 469 семей, сегодня из них осталось всего 310 семей»* [Қазак 2023: 433].

29 августа 1917 г. консул России в Кульдже отправил телеграмму Комиссару по Семиреченской области о принимаемых мерах по возвращению беженцев: для помощи и реэвакуации группы (5 000 чел.) запросили около 50 тысяч рублей [ЦГА РК. Ф. 1414. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–10]. Туркестанский комитет Временного правительства выделил 200 тыс. руб. для покупки продовольствия и других

предметов для возвращающихся из Китая в Семиречье беженцев [ЦГА РК. Ф. 1414. Оп. 1. Д. 6. Л. 136]. Уже осенью стало известно, что определенная часть беженцев не успеют вернуться в связи с наступлением холодов, и китайская сторона согласилась оставить их до весны при условии подчинении беженцев в Илийском крае контролю китайских властей [ЦГА РК. Ф. 1414. Оп. 1. Д. 6. Л. 51].

Временное правительство вело переговоры с китайскими властями о репатриации беженцев, из-за ухудшения социально-экономической ситуации в приграничных районах Китая китайская сторона также была заинтересована в скорейшей репатриации. Однако последующие политические события в России, создание советской власти и усиление гражданского противостояния помешало осуществлению этих планов и масштабная официальная репатриация беженцев не состоялась.

Второй этап миграции казахов связано с революцией 1917 г., гражданской войной и голодом 1920–1921 гг. В 1920 г. в Илийском округе Китая проживало 150 тыс. казахов из Семиречья, в официальных документах их называют «укочевщиками». Казахи и киргизы, переходившие русско-китайскую границу в период подавления восстания 1916 г., реэмиграция которых приходилась уже в первые годы существования советской власти, в советских документах называются «беженцами». Причину признания советской властью беженцами казахов, переходивших в Китай в 1916 г., можно объяснить идеей классовой борьбы, на основе которой это восстание квалифицировалось как *«крестьянская война, направленная своим острием против царского самодержавия», «антифеодальное движение, направленное одновременно против местной феодально-байской верхушки»* [Восстание 1960: 5–6]. Относительно перехода населения Семиречья в Китай в период гражданской войны и голода 1920–1921 гг. советский консул в Илийском округе Китая в своем информационном докладе отметил: *«как в Казахстане, так и в Илийском округе значительная часть населения вела кочевой образ жизни, при котором границы весьма условны, не одно крупное социально-э-*

кономическое событие ни в Семиречье, ни в Илийском округе не проходило, и еще до сих пор не проходит без массовых уючоек и откочевок» [АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 194].

4.2. Проблема возвращения беженцев в Советский Туркестан

Проблемой возвращения и трудоустройства беженцев начали заниматься местные власти Туркестанской АССР. По приказу Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской АССР от 3 февраля 1920 г. была создана Особая Комиссия, которая должна была заниматься «устройством беженцев-киргизов» [ПФГАОЖ РК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Создание Особой комиссии по делам беженцев как органа Центрального исполнительного комитета Туркестанской АССР свидетельствовало, что правительство республики еще больше усилило помощь беженцам и приняло более кардинальные меры по их возвращению и устройству. Насколько большое внимание придавалось работе по решению проблемы беженцев видно из того, что некоторых членов этой комиссии возвратили из армии и освободили от военной службы [Будянский 2007: 149]. Особая комиссия при ЦИК должна была заниматься организацией помощи беженцам в Китае и подготовить их репатриацию, «чтобы все мусульмане Семиреченской области, которые вынуждены были скрыться от жестоких царских усмирителей или вследствие национальной вражды в пределы Китая, либо в другие местности, могли бы в полной безопасности вернуться на свои старые места и спокойно пользоваться своими прежними землями и усадьбами» [ПФГАОЖ РК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Особая комиссия должна была работать в китайских регионах, где сосредоточены беженцы, и чтобы облегчить работу комиссии в регионах Синьцзяна были созданы местные ячейки (комиссии). Эти местные комиссии должны были организовать материальную помощь беженцам. В марте 1920 г. Особая комиссия при Центральном исполнительном комитете Туркестанской АССР выделила для местных комиссий в Кульдже и Кашгаре на оплату за освобождение ку-

пленных китайцами беженцев 2,1 млн руб. старыми (периода правления царя Николая) российскими деньгами, 2,1 млн руб. деньгами правительства Керенского, 1 млн советских рублей, кроме того, для покупки продовольствия и других нужд беженцев были выделены 10 млн советских руб. [ПФГАОЖ РК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 80]. Для разъяснения казахским и киргизским беженцам условий возвращения в Советскую страну и проведения агитационных работ в Синьцзян были отправлены советские работники, выходцы из коренного населения Семиречья [ПФГАОЖ РК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 2. Л. 16]. Тяжелое положение беженцев, голод и болезни, вынудили их продавать китайцам детей и женщин, и почти все, кто выжил после голода и болезней, стремились вернуть своих родственников и детей. Не все китайские граждане соглашались вернуть их, и необходимость ведения переговоров с местными органами китайской власти требовала повышения статуса Особой комиссии. 17 июля 1920 г. эта комиссия была реорганизована в «Особую комиссию при Совете народных комиссаров Туркестанской АССР» и была наделена следующими полномочиями: 1) войти в переговоры с надлежащими китайскими властями как о свободе выезда беженцев-киргиз из пределов Китая, так и о содействии китайских властей в выкупе от отдельных китайских граждан проданных последними беженцами детей и женщин; 2) выселить из домов, усадебных и земельных владений принадлежащих возвращающимся на свои места беженцам всех незаконных владельцев и передать их прежним владельцам по возможности с отобранным от последних инвентарем, посевами и т. д.; 3) оказать беженцам первоначальную помощь деньгами, средствами передвижения, продовольствием, одеждою, обувью как в пределах Китая, так во время следования их в место их жительства; 4) выкупить за счет государства всех находящихся в рабстве у китайцев женщин, детей и других членов семейств беженцев [ПФГАОЖ РК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 64–64об.].

Работу Особой комиссии усложняла продолжавшаяся еще в Семиречье Гражданская война и сохранение в Синьцзяне

старых дипломатических структур России, а представители новой советской власти еще не были признаны местными китайскими властями. В этих условиях в период с 2 февраля до 10 марта только 500 семьям беженцев (казахи, киргизы, дунгане, татранчи, татары) удалось вернуться на родину [ПФГАОЖ РК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 4. Л. 50].

27 мая 1920 г. в Кульдже прошло совещание представителей РСФСР и Китая, на котором со стороны России участвовали уполномоченные отдела внешних сношений и внешней торговли, с китайской стороны Илийский Даоинь, начальник Дипломатического бюро и Кульджинский уездный начальник. На совещании были *«обсуждены два вопроса: 1) О взаимоотношении между двумя смежными республиками — Русской и Китайской; 2) О возвращении беженцев и казаков, находящихся в пределах Китайской Республики, в Россию»* [Протокол 1958: 547]. Совещание завершилось принятием следующего решения: *«Ввиду того, что командование Туркестанского фронта издало приказ, которым амнистируются все русско-подданные, выступавшие против советской власти, являющийся законом для всех учреждений и должностных лиц Туркестанской Республики, поэтому Советская власть принимает все меры к приему беженцев и амнистированных и предоставлению им возможности заняться мирным трудом; со своей стороны китайские власти обещают принять все меры к их возвращению в пределы России. Илийские власти согласились взять в свою комиссию о беженцах при Дипломатическом бюро одного представителя Советской власти»* [Протокол 1958: 547–548].

Тяжелое положение беженцев в западных регионах Китая еще более усложнилось из-за вторжения белогвардейской армии. Белогвардейские части П. А. Новикова и А. С. Бакича, нарушив нормы международного права об интернированных, не только отказались сдать оружие, но и нападали на приграничные китайские населенные пункты, грабить принадлежавшие китайским гражданам имущество. 17 мая 1921 г. между командованием Туркестанского фронта и властями Синьцзяна о вводе

Красной Армии на территорию Китая с целью проведения совместной борьбы против белогвардейских частей П. А. Новикова и А. С. Бакича. Командование Туркестанского фронта взяло на себя обязательство после ликвидации белогвардейцев в Синьцзяне немедленно отвести войска Красной Армии на территорию Советской России. В результате Чугучакской операции в мае-июне 1921 г. армия А. С. Бакича потерпела поражение, однако ей не удалось достичь полной победы, белогвардейцы сохранили определенные силы и ушли в Алтайский край. Части Красной армии были немедленно выведены с территории Китая [Бармин 1998: 57–59]. Эти события оказали положительное влияние на становление взаимовыгодных отношений между Советской Россией и Китаем. В то же время сохранение части белогвардейской армии на территории Синьцзяна беспокоило китайских властей, и чтобы лишить белогвардейцев социальной базы, китайские власти предложили советской стороне объявить амнистию беженцам и белогвардейцам и разрешить им вернуться в Россию [Бармин 1998: 60]. Еще 1 мая и 6 ноября 1920 г. Всесоюзный центральный исполнительный комитет принял постановления об амнистии некоторых категорий людей, боровшихся против советской власти [Декреты 1983: 188–190], и теперь решили, что нет необходимости в принятии повторного решения. И действительно, беженцев из Семиречья, оказавшихся в Синьцзяне без средств к существованию и вынужденных стать бесплатной рабочей силой для местных предпринимателей, проблема амнистии не беспокоило, они готовы были вернуться в Советскую страну при любых условиях. В докладе Мырзатай-Карасуйского аульного ревкома от 7 февраля 1921 г. отмечалось, *«по настоящее время зарегистрировано 1 147 души, ежедневно киргиз беженцы прибывают, холодный и голодный и по пути есть даже случай голодной смерти, ... к власти население относится доверчиво»* [ГАОЖ РК. Ф. 751. Оп. 1. Д. 16. Л. 6].

В результате активной работы Особой комиссии был накоплен определенный опыт решения проблемы возвращения беженцев. 19 ноября 1921 г. прошло совещание с уча-

ствием уполномоченных Народного комиссариата иностранных дел РСФСР и трех представителей беженцев. Уполномоченный Народного комиссариата по иностранным делам (НКИД) РСФСР Казанский ознакомил представителей беженцев с основными идеями политики советской власти по беженскому вопросу: «Советская Россия стремится к исправлению тех несправедливостей, которые в отношении киргиз были совершены царским правительством, и приняла и принимает в настоящее время ряд реформ для ликвидации бедственных для киргиз последствий прежней колониаторской политики этого правительства, отнявшего у них лучшие пахотные и кочевые угодья в пользу искусственно насаждаемого в известных целях пришлого населения. Особенно серьезные реформы предприняты в земельном вопросе, так как восстановление разрушенных хозяйств кочевников составляет для Советской России нравственную обязанность. Предприняты и другие меры к возвращению беженцев и часть последних вернулась в Россию, но далеко не все, следовательно, есть причины, удерживающие их в китайских пределах; некоторые из этих причин, как, например, задолженность и рабство, мы знаем, прошу теперь указать нам те из них, которых мы не знаем» [Протокол 2016: 412]. На совещании выступали представители беженцев, из их выступлений стало известно о численности казахских и киргизских беженцев, выяснились проблемы, препятствующие к их возвращению. В своем выступлении Уполномоченный НКИД РСФСР отметил: «Всех беженцев мы делим на три категории: 1) беженцев 1916 г., то есть киргиз, 2) беженцев 1918–1919 гг., когда ушли таранчи, дунгане и часть киргиз и 3) беженцев из военных отрядов, перешедших при отступлении китайскую границу и интернированных здесь. Предлагаю обсуждать на нашем совещании беженский вопрос в той части, в которой он касается киргиз, разделив его при этом на ряд отдельных вопросов в следующем порядке: 1) неровные данные о количестве беженцев киргиз; 2) причины задолженности, общая ее сумма и возможности к избежанию немедленной

ее уплаты; 3) количестве, находящихся в закабалении и рабстве; факты продажи людей; 4) другие причины, препятствующие возвращению беженцев на родину» [Протокол 2016: 413]. Представители беженцев Якуббаев¹, Аильчинов и Бекимов дали подробные сведения о положении беженцев в Западном Китае и Кульдже [Протокол 2016: 415, 416, 418].

Политическая сторона вопроса о статусе беженцев и их категорий был и в центре внимание органов Народного комиссариата иностранных дел РСФСР. Когда белогвардейцы, интернированные в Китае, перестали быть угрозой советской власти, Агентство Народного комиссариата иностранных дел в Средней Азии сообщило, что «нет никакого основания для разбивки беженцев на категории, в зависимости времени бегства» [ГАОЖ РК. Ф. 751. Оп. 1. Д. 78. Л. 2]. Относительно численности беженцев в Синьцзяне в докладе Управления уполномоченного НКИД РСФСР в Кульдже были определены следующие сведения: «До начала выезда беженцев в Совроссию с Синьцзянской провинции, включая и Кашгар, находилось до 150 000 беженцев. В настоящий момент, судя по указанию знатоков этого вопроса, в Илийском районе края с Вороталинским районом и Тарбагатаем осталось до 33 000 душ киргиз... И в Уч-Турфанском, Аксуйском и Кашгарском районе до 2 000 юрт (т. е. 12 000 человек), 2 000 человек одиночек таранчинцев Джаркентского и Верненского уездов и 1 500 человек дунган почти исключительно Пржевальского и Верненского уезда, расселенные по всей Синьцзянской провинции (Хами, Гучен, Карашаар, Аксу, Уч-Турфан, Кучи и города Илькрая) до 8 000 человек. Таким образом, количество всех беженцев в Синьцзянской провинции определяется в 46 360 человек. Возможно, что статистика не верна, и поэтому в круглых цифрах количество оставшихся в Китае беженцев надо определить в 50 000 человек обоего пола, то есть 1/3 всего количества прибывших» [Доклад 2016: 423].

Когда проблема реэвакуации беженцев решился относительно благополучно, наи-

¹ В источнике не указаны инициалы.

важнейшим вопросом стало возвращение беженцам их имущества, которое теперь принадлежало другим лицам. В информационном бюллетене Штаба Туркестанского фронта «Материалы по Китаю» от 1 сентября 1920 г. отмечалось: «Для возвращения и размещения беженцев Семиреченской области, бежавших оттуда в пределы Китая и продававшихся там в силу создавшегося безысходного положения в рабство, в результате событий 1914 г. и последующих годов, Турциком была создана специальная комиссия... Комиссия эта, преследуя свою специальную задачу и не считаясь с общегосударственными перспективами, оказалась перед фактом такого наплыва беженцев, преимущественно киргиз, который ни в какой мере не соответствовал наличию реальных возможностей в области землеустройства, социального обеспечения, утилизации рабочей силы и прочее. Прибывающие с семьями беженцы оказались в положении неопишемого бедствия: без земли, без крова, без скота, без одежды. Земли ушедших были заняты киргизской и русской беднотой» [РГВА. Ф. 10. Оп. 7. Д. 31. Л. 19]. Семиреченский областной военно-революционный комитет 3 февраля 1921 г. издал приказ о порядке возвращения беженцам их имущества, которым они владели в 1916–1920 гг., где было строгое предупреждение о том, что отказавшиеся от возвращения имущества беженцам лица будут сосланы за пределы Туркестанской АССР и их имущество будет конфисковано [ГААО РК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 18. Л. 142–143]. Чтобы возвращение имущества произошло в законном порядке была введена система регистрации специальной комиссией подлежащего к возврату имущества: после утверждения полномочными органами решения комиссии, семья беженцев получит свое имущество.

Чтобы регулировать переход беженцев в Советскую Россию, в мае 1921 г. было принято новое постановление, где указывалось: «Принимать всех беженцев Семиреченской области, покинувших пределы РСФСР в связи с событиями 1916 г., а равно в связи с нашествиями белогвардейцев 1918–1920 гг. по имеющимся у беженцев

документам, удостоверяющими Китайским правительством или представителями РСФСР в Китае о их личности как беженца» [ПФГАЗО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 47]. Беженцы при пересечении границы проходят медицинский осмотр, в случае обнаружения симптомов инфекционных болезней они направляются в медицинское учреждение.

Возвращение беженцев Семиречья на родину продолжалось почти до 1927 г., однако Особая комиссия Совета народных комиссаров Туркестанской АССР действовала только до середины 1921 г. В связи с осложнением финансового положения Семиреченской области местные финансовые учреждения просили сократить расходы на работу Особой комиссии по делам беженцев. 18 августа 1921 г. на своем 40-м заседании Особая комиссия обсуждала проблему ликвидации комиссии. Дело по устройству беженцев и возвращения их имущества перешло в руки местных уездных комиссий по проблеме беженцев. 17 сентября руководство Особой комиссии сообщило Семиреченскому областному исполнительному комитету о прекращении с 1 октября деятельности Особой комиссии. Однако ввиду продолжения возвращения беженцев на родину работой по приему беженцев не отпала необходимость в центральном управлении и координации этой работой, и эта сложная задача была возложена на областной исполнительный комитет [ГААО РК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 193. Л. 147].

5. Заключение

Семиреченские казахи и киргизы, бежавшие в 1916–1921 гг. в Китай, оказались в очень тяжелом положении. И в такой безысходной ситуации к ним пришла помощь сначала от Временного правительства России, затем от Советской власти в лице Особой комиссии по проблеме беженцев, созданной Центральным исполнительным комитетом Туркестанской АССР. Временное правительство и Советское правительство были историческими антиподами, однако в одной проблеме — проблеме оказании помощи и возвращении на родину семиреченских беженцев в

Китае — они были солидарны. Сходство их позиции было связано с их подходом к проблеме мигрантов, оба правительства придерживались принципов гуманизма, идеи оказания помощи соотечественникам. Нарративы истории иногда вносят определенные коррективы в историографию. Деятельность Особой комиссии

Центрального исполнительного комитета Туркестанской АССР показывает, что поддержка и помощь страны, стремившихся, несмотря на все тяготы послевоенных лет, вызволить своих соотечественников из рабского положения в чужой стране, играла очень важную роль при возвращении беженцев к своим родным местам.

Источники

АП РК — Архив Президента Республики Казахстан.

Восстание 1960 — Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М.: АН СССР, 1960. 792 с.

ГААО РК — Государственный архив Алматинской области Республики Казахстан.

ГАОЖ РК — Государственный архив Жетысуской области Республики Казахстан.

Декреты 1983 — Декреты Советской власти. Т. XI: октябрь – ноябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1983. 467 с.

Доклад 2016 — Доклад Управления уполномоченного НКВД РСФСР в Кульдже по вопросу о киргизских беженцах в Синьцзяне // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 422–427.

Жетысу 2016 — Жетысу — Иссыккульская трагедия: Сборник документов и материалов. 1916–1920 гг. Астана: Ғылым, 2016. 496 с.

Қазақ 2023 — «Қазақ» газеті. 1917 жыл / құраст. Ғ. Әнес, Т. Зәмзеева. Алматы: «Алашорда» қоғамдық қоры, 2023. 568 б.

Протокол 1958 — Протокол заседания представителей Советской власти с представителями Китайской Республики Илийского края Синьцзянской провинции // Документы внешней политики СССР. Т. II. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М.: Госполитиздат, 1958. С. 546–549.

Протокол 2016 — Протокол совещания представителей РСФСР и киргизских беженцев в Кульдже // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и мат-лов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 412–419.

Sources

Archive of the President of the Republic of Kazakhstan.

Pyaskovsky A. V. (ed.) The 1916 Uprising in Central Asia and Kazakhstan. Collected documents. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 792 p. (In Russ.)

State Archive of Almaty Region of the Republic of Kazakhstan.

State Archive of Jetisu Region of the Republic of Kazakhstan.

Decrees of the Soviet Government. Vol. 11: October–November 1920. Moscow: Politizdat, 1983. 467 p. (In Russ.)

RSFSR People's Commissariat of Foreign Affairs, Office of the Authorized Representative to Kulja: Report on Kirghiz Refugees in Xinjiang. In: Kotyukova T. V. (comp.) The 1916 Uprising in Turkestan: Documentary Evidence of One Common Tragedy. Collected documents and materials Moscow: Märcani, 2016. Pp. 422–427. (In Russ.)

The Jetisu — Issyk Kul Tragedy of 1916–1920. Collected documents and materials. Astana: Gylym, 2016. 496 p. (In Russ. and Kaz.)

Anes G., Zamzееva T. (comps.) The Qazaq Newspaper in 1917. Almaty: Alashorda, 2023. 568 p. (In Kaz.)

Minutes of a meeting between Soviet officials and representatives of the [People's] Republic of China (Ili Region, Xinjiang Province). In: Soviet Foreign Policy Documents. Vol. 2: 1 January 1919 – 30 June 1920. Moscow: Gospolitizdat, 1958. Pp. 546–549. (In Russ.)

Minutes of a meeting between RSFSR officials and representatives of Kirghiz refugees in Kulja. In: Kotyukova T. V. (comp.) The 1916 Uprising in Turkestan: Documentary Evidence of One Common Tragedy. Collected documents and materials Moscow: Märcani, 2016. Pp. 412–419. (In Russ.)

- ПФГАОЖ РК — Панфиловский филиал Государственного архива Жетысуской области Республики Казахстан.
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
- РГВА — Российский государственный военный архив.
- Семиречье 2016 — Семиречье после киргизского мятежа // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 409–411
- ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- State Archive of Jetisu Region, Panfilov Branch of the Republic of Kazakhstan.
- Russian State Archive of Sociopolitical History.
- Russian State Military Archive.
- Semirechye after the Kirghiz Rebellion. In: Kotyukova T. V. (comp.) The 1916 Uprising in Turkestan: Documentary Evidence of One Common Tragedy. Collected documents and materials Moscow: Märçani, 2016. Pp. 409–411. (In Russ.)
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

Литература

- Аблажей 2014 — *Аблажей Н. Н.* Казахстанский миграционный маятник: эмиграция — репатриация — интеграция между Казахстаном и Синьцзяном. Караганда: Болашак, 2014. 273 с.
- Аблажей, Наземцева 2020 — *Аблажей Н. Н., Наземцева Е. Н.* Киргизские беженцы и русские эмигранты в Западном Китае: пути решения проблемы беженцев // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Сер.: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2020. № 4(133). С. 13–23.
- Алексеев, Алексеев 2007 — *Алексеев Н. В., Алексеев А. Н.* Демографические кризисы в Казахстане: XX век. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2007. 96 с.
- Байжарасов 1984 — *Байжарасов Р.* Жубаныш Барибаев. Алма-Ата: Казахстан, 1984. 60 с.
- Бармин 1998 — *Бармин В. А.* Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: БГПУ, 1998. 214 с.
- Будянский 2007 — *Будянский Д. М.* История беженцев-кыргызов (1916–1927 годы). Бишкек: ДЭМИ, 2007. 196 с.
- Восстания 2017 — Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) / ред.-сост.: Т. В. Котюкова. М.: Русский импульс, 2017. 528 с.
- Қоңыратбаев 1994 — *Қоңыратбаев О.* Тұрар Рысқұлов: Қоғамдық-саяси және мемлекеттік қызметі. Түркістан кезеңі. Алматы: Қазақстан, 1994. 488 б.

References

- Ablazhey N. N. The Kazakh Migration Pendulum: Emigration — Repatriation — Integration between Kazakhstan and Xinjiang. Karaganda: Bolashak, 2014. 273 p. (In Russ.)
- Ablazhei N. N., Nazemtseva Ye. N. Kyrgyz refugees and Russian emigrants in Western China: Ways of resolving the refugee question. *Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series.* 2020. No. 4 (133). Pp.13–23. (In Russ.) DOI: 10.32523/2616-7255-2020-133-4-13-23
- Alekseenko N. V., Alekseenko A. N. Demographic Crises in Twentieth-Century Kazakhstan. Ust-Kamenogorsk: Media-Alians, 2007. 96 p. (In Russ.)
- Baizharasov R. Zhubanysh Baribayev. Alma-Ata: Kazakhstan, 1984. 60 p. (In Russ.)
- Barmin V. A. Soviet Union and Xinjiang, 1918–1941: The Regional Factor in Soviet Foreign Policies. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 1998. 214 p. (In Russ.)
- Budyansky D. M. History of Kyrgyz Refugees, 1916–1927. Bishkek: DEMI, 2007. 196 p. (In Russ.)
- Kotyukova T. V. (comp., ed.) The 1916 Uprisings in Asiatic Russia: The Unknown about the Known. Jubilee edition. Moscow: Russkiy Impuls, 2017. 528 p. (In Russ.)
- Konyratbayev O. Turar Ryskulov: Public, Political and Government Service. Turkestan Period. Almaty: Kazakhstan, 1994. 488 p. (In Kaz.)

- Лысенко 2020 — *Лысенко Ю. А.* Процесс возвращения беженцев — участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая органами советской области в 20-е гг. XX в. // *Народы и религии Евразии*. 2020. № 4(25). С. 112–122.
- Моисеев 2003 — *Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: Аз Бука, 2003. 345 с.
- Grahl-Madsen 2021 — *Grahl-Madsen A.* The Land Beyond: Collected Essays on Refugee Law and Policy. Leiden: BRILL, 2021. 462 p.
- Imyarova 2022 — *Imyarova Z.* Balancing between majorities: the negotiable identity of Osh Dungans // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41(3). Pp. 402–418.
- Kokebayeva, Zakarya 2022 — *Kokebayeva G., Zakarya R.* Evacuation and repression: The Spaniards' life in Kazakhstan // *Historia Contemporanea*. 2022. Vol. 70. Pp. 919–950.
- Smagulova, Imyarova 2024 — *Smagulova J., Imyarova Z.* Mobile borders and chronotope of homeland // *International Journal of the Sociology of Language*. 2024. № 288. Pp. 67–88.
- Yang 1961 — *Yang R.* Sinkiang under the administration of Governor Yang Tsenghsin, 1911–1928 // *Central Asiatic Journal*. 1961. Vol. 6. № 4. Pp. 270–316.
- Lysenko Yu. A. The process of returning refugees–participants of the Turkestan uprising of 1916 from China by the organs of Soviet power in the 1920s of the 20th century. *Nations and Religions of Eurasia*. 2020. Vol. 25. No. 4. Pp. 112–123. (In Russ.) DOI: 10.14258/nreur(2020)4-08
- Moiseev V. A. Russia and China in Central Asia, 1850s to 1917. Barnaul: Az Buka, 2003. 345 p. (In Russ.)
- Grahl-Madsen A. The Land Beyond: Collected Essays on Refugee Law and Policy. Leiden: BRILL, 2021. 462 p. (In Eng.)
- Imyarova Z. Balancing between majorities: The negotiable identity of Osh Dungans. *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41. No. 3. Pp. 402–418. (In Eng.)
- Kokebayeva G., Zakarya R. Evacuation and repression: The Spaniards' life in Kazakhstan. *Historia Contemporanea*. 2022. Vol. 70. Pp. 919–950. (In Eng.) DOI: 10.1387/hc.22359
- Smagulova J., Imyarova Z. Mobile borders and chronotope of homeland. *International Journal of the Sociology of Language*. 2024. No. 288. Pp. 67–88. (In Eng.)
- Yang R. Sinkiang under the administration of Governor Yang Tseng-Hsin, 1911–1928. *Central Asiatic Journal*. 1961. Vol. 6. No.4. Pp. 270–316. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 1, Pp. 100–118, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(474)

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-100-118

Влияние этнического фактора на политические процессы в Баку 1917 г.

*Арташес Геворгович Бояджян¹, Каринэ Размиковна Амбарцумян²,
Гайк Шаваршович Майтесян³*

- ¹ Ширакский центр арменоведческих исследований Национальной Академии наук Республики Армения (НАН РА) (2, ул. В. Сарксяна, 3101 Гюмри, Армения)
кандидат исторических наук, доцент

 0009-0002-8424-4522. E-mail: [a.boyadjyan\[at\]mail.ru](mailto:a.boyadjyan[at]mail.ru)

- ² Северо-Кавказский федеральный университет (1, ул. Пушкина, 355017 Ставрополь, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-9397-6197. E-mail: [karina-best21\[at\]mail.ru](mailto:karina-best21[at]mail.ru)

- ³ независимый исследователь

 0009-0005-0865-0010. E-mail: [mahtesian_haik\[at\]mail.ru](mailto:mahtesian_haik[at]mail.ru)

© КалмНИЦ РАН, 2025

© Бояджян А. Г., Амбарцумян К. Р., Майтесян Г. Ш., 2025

Аннотация. *Введение.* Особенностью политического процесса в Закавказье стало влияние этноконфессионального состава региона, так как политические партии и политические силы здесь институализировались по принципу не социальному, а скорее этническому. *Целью* исследования является изучение корреляции этнополитического состава населения с ходом политического процесса в Баку в 1917 г., в том числе на ход и итоги городских выборов. *Материалы и методы.* Использование традиционных методов исторического исследования в сочетании с подходами этнополитологии, а также адаптация политологической дефиниции «политический процесс» дают возможность квалифицировать работу как междисциплинарную. Источниковая база сформирована из статистических данных и периодики. *Результаты.* Понимание событий 1917 г. основано на предварительном анализе эволюции этноконфессионального состава населения Баку в дореволюционный период. Авторами показано как вместе с хозяйственными развитием города состав населения становился все более разнообразным. После свержения монархии в Баку организовалась собственная политическая жизнь, где доминирующим органом власти стремились стать местные Советы рабочих депутатов. В выборах в Советы рабочих и военных депутатов в октябре 1917 г. главная борьба развернулась между партиями дашнакцутюн, мусават, эсерами, большевиками, мусульманским блоком и меньшевиками. Демократизация политического участия сказалась на выборах в Городскую Думу в октябре 1917 г.,

где состав представителей оказался разнородным и с социальной и национальной точки зрения. На выборах в Учредительное собрание в Баку 76,2 % голосов распределились так: дашнакцутюн — 19,9 %, мусульманский национальный комитет и тюркская федералистская партия «Мусават» — 15,8 %, социал-демократы (меньшевики) — 14,9 %, эсеры — 13,6 %, Народная свобода — 12 %. В промышленном районе большинство получили большевики и «Мусават». *Выводы.* По итогам исследования сделан вывод о сильном влиянии этнического и религиозного факторов на политический процесс.

Ключевые слова: избирательный процесс, Закавказье, Баку, политические партии, этнополитология, политический процесс, этноконфессиональный состав, революция 1917 г., политические выборы

Для цитирования: Бояджян А. Г., Амбарцумян К. Р., Майтесян Г. Ш. Влияние этнического фактора на политические процессы в Баку 1917 г. // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 1. С. 100–118. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-100-118

Baku in 1917: Impacts of the Ethnic Factor on Political Processes

Artashes G. Boyadjyan¹, Karine R. Ambartsumyan², Hayk Sh. Mahtesyan³

¹ Shirak Center for Armenian Studies, Armenian National Academy of Sciences (2, V. Sargsyan St., 3101 Gyumri, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0009-0002-8424-4522. E-mail: a.boyadjyan[at]mail.ru

² North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-9397-6197. E-mail: karina-best21[at]mail.ru

³ Independent Researcher

 0009-0005-0865-0010. E-mail: mahtesian_haik[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Boyadjyan A. G., Ambartsumyan K. R., Mahtesyan H. Sh., 2025

Abstract. Introduction. Since Transcaucasia's political parties and political forces were shaped on the ethnic principle rather than on that of social clusters, the political process in the region was distinguished by the vast influence of ethno-religious essentials. *Goals.* The paper attempts a correlation between the ethno-political population structure and 1917 political processes in Baku, the latter to include the course and results of city elections. *Materials and methods.* Traditional methods of historical research coupled with approaches of ethnopolitical science (and strengthened by adapting the definition of 'political process') make it possible to characterize the work as interdisciplinary. The article focuses on a variety of statistical digests and periodicals. *Results.* Our understanding of the 1917 events rests on a preliminary analysis of the ethno-religious evolution observed within Baku's population in the pre-revolutionary period. So, the city's economic development was paralleled by a diversification of its population. The fall of the Russian monarchy was followed by the emergence of local political life in Baku, and those were councils of workers' deputies that sought to become major authorities. The October 1917 elections to councils of workers and soldiers' deputies witnessed a dramatic struggle between the Dashnaktsutyun, Musavat, Socialist Revolutionaries, Bolsheviks, Muslim Bloc and Mensheviks. The political democratization did influence the October 1917 elections to the City Duma, and the latter's composition proved most heterogeneous from both social and ethnic perspectives. Furthermore, 76.2% of votes at the elections to the Constituent Assembly in Baku distributed as follows: Dashnaktsutyun — 19.9%, Muslim National Committee and Turkic Federalist Party (Musavat) — 15.8%, Social Democrats (Mensheviks) — 14.9%, Socialist Revolutionaries — 13.6%, People's Freedom (Narodnaya Svoboda) — 12%. The industrial district was dominated by the Bolsheviks and Musavat. *Conclusions.* The work resumes ethnic and religious factors had utmost impacts on political processes in the specified circumstances.

Keywords: electoral process, Transcaucasia, Baku, political parties, ethno-political science, political process, ethno-confessional composition, Revolution of 1917, elections.

For citation: Boyadjyan A. G., Ambartsumyan K. R., Mahtesyan H. Sh. Baku in 1917: Impacts of the Ethnic Factor on Political Processes. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 100–118. 10.22162/2619-0990-2025-77-1-100-118

1. Введение

В России политические партии возникли позже в сравнении с Западной Европой и имели продолжительный нелегальный период становления и генерации. В большинстве своем они были оппозиционны режиму, проправительственные организации появились позже и с большим опозданием. На формирование и развитие политических партий России оказали влияние две революции — 1905 и 1917 гг., накануне и в ходе которых менялось политическое сознание населения многонациональной империи и усложнялись политические процессы. Этнокультурное и религиозное разнообразие Российской империи обусловило вариативность политической жизни в 1917 г., когда монархия, более или менее унифицировавшая политическую жизнь в отдельных частях страны, прекратила свое существование. Так, в национальных окраинах заметную роль стали играть партии и движения, организованные не по социальному критерию, а национальному. В период с 1882 г. по 1925 г. в России функционировало 231 национальная и 60 общероссийских партий и движений [Карл 2022: 97].

Несмотря на значительное число партий в России, в том числе в Закавказье, общее количество их членов было невелико. В 1906–1907 гг. оно составляло примерно 0,5 % от общей численности населения страны. Революция стала побудительным мотивом для политизации сознания и после февраля 1917 г. наблюдается рост партий и количества их членов до 1,2–1,5 % от численности населения страны. Идет процесс возрождения периферийных организаций, особенно в национальных регионах. Наличие большого количества партий отражало общие закономерности процесса их образования на стадии восходящего капитализма и предопределя-

лось специфическим социально-экономическим и политическим положением России [Политические партии России 2000: 7].

Особенность процесса институализации кавказских партий заключалась в том, что они формировались не только по социал-партийному, но и по этноконфессиональному признаку — армянскому, грузинскому, «татарскому» (азербайджанскому). В Закавказье в 1917 г. политические процессы стали структурироваться в связи с этническим составом населения. Попытка привести все к общему знаменателю через создание Особого Закавказского комитета в Тифлисе, в котором были представлены закавказские народы во главе с русским председателем В. А. Харламовым, не увенчалась успехом. Каждый народ стал адресовать просьбы и жалобы конкретно к представителю своей национальности и совместной работы не получилось. Политический кризис в центре империи усиливал отчужденность народов и способствовал нарастанию межэтнических противоречий.

Уникальность кавказской ситуации связана с высокой степенью дисперсности этнической карты, что было очевидно еще до 1917 г. представительству в организации местного самоуправления. Обратимся к Баку — одному из центров имперской промышленности, который притягивал к себе самые разные народы и потому был по своему составу полиэтничным, что отражалось и на организации управления городом. В 1894 г. в Бакинской городской Думе представителями были 22 армянина, 16 русских, 24 мусульманина (разных национальностей) [Кавказский календарь на 1895 г. 1894: 131–132]. Когда в конце XIX в. был принят принцип выборности думских гласных пропорционально количеству населения, число армян уменьшилось: так, в

1903 г. количество армянских депутатов стало 13, русских — 14, мусульман и представителей других конфессий — 29 [[Кавказский календарь на 1901 г. 1900: 132](#)]. В 1907 г. из 75 депутатов 13 были армянами [[Кавказский календарь на 1908 г. 1907: 105–106](#)], а в созыве 1911 — 1913 гг. среди 65 гласных было 14 армян, 10 — русских, 41 — мусульман и представителей других национальностей [[Кавказский календарь на 1915 г. 1914: 132–133](#)] и, наконец, в 1914 г. из 75 депутатов 21 были армянами, 17 — русскими, мусульмане и другие национальности — 37 [[Баку и его район 1914: 145–146](#)].

В Баку 1917 г. в ходе революционных событий марта-октября в Закавказье произошёл распад власти, появились новые политические силы, в первую очередь национального толка. В Баку возникли политические партии, ориентированные на мобилизацию мусульманского и христианского населения города. В политической неразберихе после октября 1917 г. ни одна из сил не смогла получить легитимное властное большинство. Анализ ситуации показывает, что демократические силы, не принявшие власть большевиков, оказались перед серьёзным вызовом, как внешним — по причине продолжающейся мировой войны, так и внутренним — политическими разногласиями партийных лидеров и осложненными национальными и религиозными конфликтами среди населения Закавказья. В октябре-декабре 1917 г. в Закавказье прошёл ряд значимых политических событий: съезды различных политических партий, собрания в Кавказской армии, выборы в местные органы власти. В общем можно говорить о нежелании ни одной из сторон, кроме большевиков, силовым путем осуществлять захват власти. И закавказские лидеры демократического и религиозно-националистического уклона сделали ставку на общероссийское Учредительное собрание. Выборы в Учредительное собрание показали сильное влияние региональных национальных политических сил. В то же время дальнейшие события в Баку и Закавказье в целом подтвердили эту политическую ситуацию, поскольку Закавказская демократи-

ческая федеративная республика (ЗСФСР) оказалась нежизнеспособной и распалась на три национальные республики уже в первой половине 1918 г. Некоторые аспекты проблемы рассматривались в современной историографии. Анализ приведенных в данной статье материалов расширяет наше представление о политической ситуации перед образованием трех государств. Целью исследования является исследование политического процесса в Баку в 1917 г. с учетом фактора политического кризиса в центре, который усилил влияние этнического состава населения на ход политической жизни в городе. В частности мы смещаем фокус на городские выборы в Баку 1917 г. с целью показать на конкретном историческом материале как коррелирует политическая жизнь с этническим составом населения в кризисные исторические периоды.

Политическая история Российской империи и ее национальных территорий стала предметом исследовательских практик ученых разных стран. В последние годы в России заметно возрос интерес к истории Кавказа в период революции 1917 г. и гражданской войны. К этой группе исследователей следует отнести В. М. Муханова, тематикой научного творчества которого является революционное и постреволюционное Закавказье [[Муханов 2017](#); [Муханов 2019](#)]. К историографии исследуемой проблематики следует отнести монографию М. А. Волхонского и В. М. Муханов «По следам Азербайджанской Демократической Республики» [[Волхонский, Муханов 2007](#)]. К наиболее заметным историографическими событиям можно отнести монографию В. П. Булдакова, который построил исследование в виде хроники, в которой, опираясь на широкий круг источников, показал, как становилась хаотичной и менялась политическая жизнь на территории бывшей Российской империи, главным образом, как нарастали этнические противоречия, в том числе в Закавказье [[Булдаков 2010: 109](#)]. К теме местного самоуправления в Баку посвящены работы К. Р. Оджаговой, Т. Ф. Гумбатова и т. д. [[Оджагова 2003](#); [Гумбатова 2008](#); [Мильман 1966](#)].

2. Материалы и методы

Исследование построено на принципе междисциплинарности, что позволило органично соединить методы исторического исследования с этнополитологией. Изучаемый период для Закавказья связан с таким процессом как политизация этничности, что было обусловлено как революцией 1917 г., так и Первой мировой войной. Политизация этничности стала большим трендом после заключения Версальского мирного договора, однако предпосылки к ней складывались в различных частях воюющих держав по-разному. Одним их ярких кейсов этого процесса является Баку, в пределах которого особая этническая картина сложилась в специфический политический процесс. Под политизацией этничности в нашем исследовании мы понимаем формирование политических сил на основании определенной этнической идентичности. В этой ситуации этническая общность рассматривается как субъект правовых и политических отношений [Тишков, Степанов 2019: 86, 121]. Под политическим процессом мы следуем общему определению, которое использует политолог А. Ю. Мельвиль, понимающий под ним деятельность различных групп по поводу борьбы за власть и ее использования [Политология 2008: 288]. Исследование построено на многообразных источниках, в том числе в большом количестве применены статистические данные, отражающие эволюцию этноконфессионального состава Баку. Кроме того, в большом количестве привлекались газеты, вышедшие в 1917 г., дающие возможность уловить пульс времени и сформировать представление о политическом процессе на уровне локального сообщества Баку и вписать в контекст российской революции 1917 г. Используются также материалы Государственного архива Российской Федерации [ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 26].

3. Эволюция этноконфессионального состава города Баку в XIX – начале XX в.

Сложность заявленной в заголовке темы связана не только с современным политическим контекстом, но и этнополитической структурой Баку. Рассмотрим, в каком составе город встретил события

1917 г. В XIX – начале XX в. Баку являлся многонациональным городом, в нем общались более чем на 50 языках [Г. Баку и промыслово-заводской район 1922: 57]. Параллельно экономическому и промышленному развитию города быстрыми темпами возросла и численность населения. Можем смело сказать, что именно бакинская нефть сделала город центром Шемахинской губернии, которую позже переименовали в Бакинскую губернию. Из анализа числовых данных (см. табл. 1) становится ясно, что в 1806–1917 гг. население города увеличилось в 117,4 раза. В связи с промышленным бумом в России и ростом спроса на нефть изменился и социальный облик города, здесь численно рос пролетариат. Соответственно и состав пролетариата был многонациональным. Не только пролетариат был многонациональным, сами промышленники часто были представлены иностранцами. К 1901 г. четверть нефтедобычи и 40 % производства керосина было сосредоточен в руках Э. Нобеля, С. Лянозов, А. Ротшильда и А. И. Манташева (предпринимателя армянского происхождения) [Степанов 2018: 142]. Таким образом, в 1917 г. здесь сформировалась особая этнополитическая картина, отличавшаяся от остальной части не только России, но и Закавказья.

Исследование динамики этноконфессионального состава показывает изменение состава используемых этнонимов. До установления советской власти официальная статистика представляла русский этнос как великорусский, а украинцев как малорусский. Евреи были представлены как крымские, среднеазиатские, грузинские, горские и западные евреи, грузины — имерети, картвелы и мегрелы. Нынешние азербайджанцы были представлены в нескольких этнических группах: азербайджанские тюрки, кавказские татары, мусульмане-шииты и т. д., но даже суммируя все группы, мы не получим их как большинство среди бакинского населения. При переписи, особенно в дореволюционной России, указывалось вероисповедание. В 1916–1921 гг. произошло сокращение численности ряда националь-

Таблица 1. Динамика численности населения города Баку в 1806–1917 гг.

[Table 1. Population dynamics in Baku, 1806–1917]

Год	Численность населения (чел.)	Прирост населения по сравнению с предыдущим годом (%)	Среднегодовой темп роста (%)
1806 г.	2 235	—	—
1837 г.	4 800	114,7	3,7
1850 г.	7 400	54,2	4,7
1859 г.	12 191	64,7	7,2
1873 г.	15 105	23,9	1,7
1886 г.	86 611	473,9	36,4
1893 г.	111 904	29,2	4,2
1903 г.	138 999	19,4	1,9
1913 г.	214 672	54,4	5,4
1917 г.	262 422	22,2	5,5

Источник: [Утверждение русского владычества на Кавказе 1901: 62; Константинов 1850: 68; Бакинская губерния по сведениям 1859 по 1864 год 1870: 100; Свод статистических данных о населении Закавказского края 1893; Первая Всеобщая перепись населения 1905; Баку по переписи 22 октября 1903 года 1905; Г. Баку и промыслово-заводской район 1922].

ностей — армян, русских, картвелов и европейских народов, т. е. христиан.

Согласно официальным данным, население города Баку в 1916 г. составило 262 422 чел., из которых русских было 79 702 (30,4 % от общей численности населения), тюркские народы — 69 366 (26,4 %), армян — 62 357 (23,8 %), остальные национальности — 50 997 (19,4 %) [Кавказский календарь на 1917 год 1916: 182–185]. Следует подчеркнуть, что в г. Баку армяне по численности уступали только русским. Отметим, что христиане составили 59,4 % от общей численности населения города, мусульмане сунниты — 7,1 %, мусульмане шииты — 18,2 % и иудеи — 1,7 %. В многонациональном городе продолжали жить картвелы, цыгане, индийцы, езиды, немцы, поляки, а что касается мусульман, то те были представлены курды, персы, таты, кавказские горцы, разные азиатские племена, туркмены, ногайцы, кумыки [Кавказский календарь на 1917 год 1916: 182–185].

4. Политические выборы 1917 г.: в Городскую Думу, Учредительное собрание и Советы в контексте общего политического процесса в закавказском регионе

Известие о свержении монархии в 1917 г. в г. Баку было получено 2 марта, после чего на чрезвычайном заседании Бакин-

ской Городской Думы была принята резолюция оказать Временному Правительству полное доверие и всевозможную помощь, принять все меры для поддержания порядка. 9 марта 1917 г. по решению Временного правительства в Тифлисе был образован Особый Закавказский комитет, который рассматривался как некая альтернатива Наместничеству, упраздненному с падением монархии. Замысел сильно разошелся с реальной практикой, и Особый Закавказский комитет оказался абсолютно неэффективной и неавторитетной институцией. Позиции Советов оказались серьезнее и сильнее. На территории Бакинской и Елизаветпольской губернии ситуации отличались от положения в Тифлисской и Кутаисской губерниях. На Апшеронском полуострове за счет промышленности была высока численность пролетариата, борьба которого определялась национальной составляющей, в том числе и потому, что крупные промышленники были или армянами, или европейцами. В среде рабочих масс пользовался большой популярностью большевик С. Г. Шаумян.

Для достижения заявленных Временным правительством целей было принято решение немедленно организовать в Баку Временный комитет общественных организаций в составе представителей от Город-

Таблица 2. Динамика этноконфессионального состава населения Баку в 1886–1926 гг.

[Table 2. Dynamics of Baku's ethno-religious population structure, 1886–1926]

№	Годы Национальности	Число населения в г. Баку согласно переписям населения по годам от 1886 г. до 1926 г.						
		1886 г.	1897 г.	1903 г.	1913 г.	1916 г.	1921 г.	1926 г.
I	Великоруссы (русские)	21 390	37 399	46 892	76 228	79 702	72 197	115 307
1	Малоруссы(украинцы)	—	930	602	—	—	—	6 784
2	Белорусы	—	636	1	—	—	—	1 843
II	Армяне	24 490	19 099	24 418	41 680	62 357	38 746	69 544
III	Тюркские народы	37 530	41 173	43 502	48 311	69 366	80 129	94 801
1	Азербайджанские тюрки	—	—	—	—	—	80 129	91 037
2	Татары с татами	37 530	40 341	41 885	45 962	—	—	—
3	Киргизы	—	—	—	—	—	—	—
4	Туркмены	—	3	25	—	—	—	83
5	Турки	—	814	63	—	—	—	83
6	Чуваши	—	6	12	—	—	—	26
7	Кумыки	—	8	—	—	—	—	—
8	Татары Юго-восточной Азии	—	—	1517	—	—	—	—
9	Казанские татары	—	—	—	2 349	—	—	3512
10	Узбеки	—	—	—	—	—	—	60
IV	Ираноязычные народы	—	4 494	9 986	25 096	931	37 557	6 026
1	Персы	—	3 369	9 820	25 096	—	37 557	5 088
2	Таты	—	1 072	—	—	—	—	275
3	Тальши	—	3	—	—	—	—	56
4	Курды	—	—	—	—	692	—	32
5	Цыгане	—	—	—	—	239	—	27
6	Осетины	—	50	66	—	—	—	548
V	Евреи	391	1 905	5 086	9 690	6 412	14 338	21 241
1	евреи крымские	—	—	—	—	—	—	2
2	евреи Средней Азии	—	—	—	—	—	—	48
3	евреи грузинские	—	—	—	—	—	—	432
4	горские евреи	—	—	—	—	—	1 524	1 897
5	западные евреи	—	—	—	—	—	—	18 862
6	евреи	391	1 905	5 086	9 690	6 412	12 814	—
VI	КАРТВЕЛЫ	—	1 008	2 215	4 073	6 947	2 328	2 363
1	Грузины	—	971	2 215	4 073	1 853	2 328	2 328
2	Имеретинцы	—	9	—	—	—	—	25
3	Мегрелы	—	28	—	—	—	—	—
VII	КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ	—	717	6 710	479	—	714	1 192
1	Чеченцы и ингуши	—	16	21	—	—	—	—
2	черкесы, кабардинцы, абхазцы	—	5	2	—	—	—	—
3	Лезгины, авары, анды, даргинцы, лакцы, кюрики, цахуры	—	696	—	—	—	714	1 192
4	Прочие кавказцы	—	—	6 687	479	—	—	—

VIII	Семиты	11	2	24	—	—	7	35
1	Айсоры	—	—	24	—	—	—	35
2	Арабы	11	2	—	—	—	7	—
IX	Европейские националь- ности	2 810	4 509	5 838	5 044	10 510	2 425	8 269
1	Поляки	1 093	835	1 097	1 770	—	—	1 650
2	Чехы	—	115	75	—	—	—	72
3	Немцы	1 717	2 460	3 280	3 274	—	—	4 550
4	Шведы	—	312	133	—	—	—	51
5	Финны	—	50	34	—	—	—	43
6	Англичане	—	19	44	—	—	—	6
7	Латыши	—	88	95	—	—	—	414
8	Сербы и хорваты	—	—	3	—	—	—	17
9	Болгары	—	—	9	—	—	—	24
10	Румын	—	—	6	—	—	—	26
11	Испанцы и португальцы	—	—	1	—	—	—	—
12	Эстонцы	—	18	41	—	—	—	130
13	Датчане	—	1	4	—	—	—	—
14	Норвежцы	—	—	—	—	—	—	—
15	Голландцы	—	—	2	—	—	—	1
16	Мордовцы	—	145	229	—	—	—	239
17	Венгры	—	5	7	—	—	—	20
18	Черемисы	—	3	—	—	—	—	—
19	Литовцы	—	106	96	—	—	—	207
20	Французы	—	65	93	—	—	—	41
21	Итальянцы	—	25	43	—	—	—	66
22	Молдаване	—	16	-	—	—	—	50
23	Греки	—	246	546	—	—	—	662
X	Иностранные подданные и другие национальности	—	22	9	2 719	-	6 954	19 909
	Общее число	86 922	111 694	144 359	213 320	235 865	255 395	329 314

Источник: [Свод статистических данных о населении Закавказского края 1893; Первая Всеобщая перепись населения 1905; Баку по переписи 22 октября 1903 года 1905; Г. Баку и промышленно-заводской район 1922; Кавказский календарь на 1917 год 1916; Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1922; Всесоюзная перепись населения 1926 года 1932].

ского управления, Совета рабочих депутатов, Совета съезда нефтепромышленников, Мещанской управы, Союза городов, Военно-промышленного комитета, Городского продовольственного совещания, кооперативов, профессиональных союзов, национальных организаций [Баку 1917: № 52]. Был создан Исполнительный комитет общественных организаций и им избраны комиссары.

После свержения монархии 4–5 марта 1917 г. рабочие коллективы промыслов и

промышленных предприятий Баку выбирали своих представителей в Совет рабочих депутатов. Совет первой своей задачей поставил стал доминирующим органом. В выборах депутатов приняло участие до двух третей бакинского пролетариата. Из представителей общественных организаций был создан новый орган власти — «Бакинский временный исполнительный комитет», который выработал и опубликовал своего рода «наказ» по выборам в Советы. Каждые 25 избирателей должны были выбирать одного уполномо-

ченного, десять уполномоченных — одного выборщика, 4 выборщика — одного депутата [Беленький, Манвелов 1927: 13].

В ночь на 7 марта 1917 г. Бакинский совет рабочих депутатов сформировался в составе 52 депутатов, избранных от 52 тыс. рабочих и служащих. Председателем Президиума Бакинского совета заочно был избран Степан Шаумян [Мильман 1966: 294–295], а 17 марта председателем Бакинского исполнительного комитета избран В. И. Фролов. Окончательно сформировались Совет и Исполнительный Комитет общественных организаций, начавший руководить в городе. Состоялось заседание Совета, на котором приняты основные положения организации. В Совет входили представители «всех общественных организаций и политических партий» [Беленький, Манвелов 1927: 20]. В состав Совета окончательного оформления вошли 53 представителя. В состав Исполнительного Комитета Советов вошли 18 представителей бакинских общественных организаций [Беленький, Манвелов 1927: 19–20]. 30 марта 1917 г. окончательно сконструирован Президиум Бакинского исполнительного комитета общественных организаций: Председатель — В. И. Фролов, секретарь — И. Г. Аншалес, от Совета рабочих депутатов — С. Г. Шаумян, от армии — И. С. Карницкий и представитель от буржуазии — Т. А. Бекзадян.

В тот же день в Баку были организованы Совет солдатских депутатов и Совет офицерских депутатов, слившиеся 29 марта 1917 г. в единый Совет военных депутатов (СВД) с сильным влиянием в нем офицеров. В Советах в Баку весной 1917 г. большинство мест удалось взять меньшевикам, эсерам и представителям буржуазно-националистических партий. Из 52 депутатских мест 43 принадлежали контрреволюционным партиям и только 9 — большевикам. В президиум вошли председатель С. Г. Шаумян, товарищи председателя М. Н. Мандельштам (внефракционный социал-демократ) и М. В. Васин (социалист революционер) Исполнительный комитет рабочего и военного совета был сконструирован в составе всего президиума Совета, представителей от Российской социал-демократической рабочей партии (все

вместе) и партии эсеров и трех выборных от Совета: Ф. Н. Фиолетова, Р. Г. Каприеляна и М. И. Сочнева.

Исполнительным Комитетом Советов временным градоначальником был назначен В. И. Фролов [Беленький, Манвелов 1927: 16]. 24 апреля 1917 г. Исполком Совета военных депутатов обратился в Бакинскую думу со следующим заявлением: «...вопрос о демократизации органов местного самоуправления служит в настоящее время предметом специального обсуждения Исполкома СВД, посему последний считает необходимым предложить вам отложить, как самые выборы членов управы, так и обсуждение вопроса о временном пополнении Думы демократическими элементами, впредь до разрешения этих вопросов по существу нашим комитетом» [Беленький, Манвелов 1927: 38].

30 апреля 1917 г. Совет Военных депутатов постановил слиться с Советом рабочих депутатов. Выработка технической стороны слияния была возложена на совместное заседание исполкомов [Известия 1917а: № 26], а 11 мая состоялось объединенное заседание Советов рабочих и военных депутатов (СРВД), на котором присутствовали 211 чел. Заседанием принят наказ объединенному Совету рабочих и военных депутатов, после чего выбран председатель. При предварительном голосовании С. С. Саакян получил 136 голосов, С. Г. Шаумян — 91. Оба кандидата сняли свои кандидатуры. Фракцией социалистов-революционеров решено было не принимать отказа С. С. Саакяна и при окончательном голосовании записками его кандидатура была поддержана [Знамя Труда 1917а: № 6]. На том же заседании был избран исполком, который избрал в президиум следующих членов: председателя — И. И. Рамишвили, представителя от военных — прапорщика И. Ф. Адамова и солдата С. М. Аракелова и от рабочих — А. К. Евангулова. Секретарями — солдата В. И. Полякова, от рабочих — Г. Г. Айолло и С. М. Тер-Газарова [Знамя Труда 1917а: № 6]. Под председательством С. С. Саакяна 12–13 мая 1917 г. состоялось заседание СРВД. Присутствовали 232 члена. Дополнительно был избран Президиум — М. Н. Мандель-

штам, а также секретари — Б. Н. Якобсон, Отдельнов, Чилингаров и Чижов [Известия 1917б: № 36]. 1 июня 1917 г. СРВД высказался за присоединение промысловых районов к городу для образования единого муниципалитета и постановил пополнить существующий состав Городской думы депутатами от Совета в количестве равном числу гласных Думы [Известия 1917в: № 51].

22 октября 1917 г. прошли выборы в Советы рабочих и военных депутатов города Баку [Вперед 1917: № 15], которые имели большое значение для промышленного города, где рабочий класс занял первое место, как по численности, так и по значению для управления городом. В этих демократических выборах в основном борьба шла между партиями дашнакцутюн, мусават, эсерами, большевиками, мусульманским блоком и меньшевиками. Армянские кандидаты были представлены не только в составе партии дашнакцутюн, они имели большинство кандидатов в РСДРП(б) (см. табл. 3).

Если считать еще и кадетов, социал-революционеров и большевиков, то по национальному составу армянское представительство было большинством в Совете рабочих и военных депутатов [Знамя Труда 1917а: № 6]. Такой политический успех армянских представителей был связан не только с активной позицией, но и относительно высоким уровнем грамотности, что позволяло активно заниматься общественно-политической деятельностью. Бакинская перепись 1913 г. подтверждает, что общее число грамотных составляло 63,5 % от общего числа

армян. Высокий уровень грамотности был зафиксирован у евреев — 82,7 % у русских — 62,3 %, у тюркязычных народов — 23,2 % и у персов — 9,4 % [Перепись в Баку 1913 года 1916: 11]. Есть и другая статистика, дающая понимание, почему число армянских представителей оказалось таким большим как в исполнительных и представительных органах, так и в разных политических партиях. В Баку в 1913 г. на 1 000 чел. трудоспособного населения число рабочих и служащих составляло 251 чел., при этом на 1 000 русских число рабочих и служащих составило 152,1, на 1 000 армян — 241,6, на 1 000 азербайджанских татар — 98,1 и на 1 000 персов — 528 [Дадаев 2007: 5].

По предложению ведущих политических партий в Баку был создан Бакинский революционный комитет общественной безопасности. 24 октября 1917 г. на расширенном заседании Бакинского СРВД (544 чел.) большевики потребовали отдать власть Советам. Данный лозунг соответствовал историческому моменту, особенно в промышленном городе, где рабочие и большевистские призывы находили отклик. Избрался новый Исполнительный комитет Бакинского Совета, который провозгласил себя верховной властью города и нефтепромыслового района Баку. Кроме большевиков в Исполком вошли также 6 левых эсеров [Беленький, Манвелов 1927: 182–187]. После большевистского переворота октября 1917 г. политическая ситуация в Баку изменилась. Укрепилось влияние большевиков,

Таблица 3. Результаты выборов СРВД в городе Баку 22 октября 1917 г.

[Table 3. Outcomes of the elections to councils of workers and soldiers' deputies held in Baku on 22 October 1917]

№	Партии	Численность голосов	В %
1	Дашнакцутюн	6 886	26,5
2	Социал революционеры	5 709	21,9
3	Большевики	4 082	15,7
4	Меньшевик	1 102	4,2
5	Мусульманский блок	2 504	9,6
6	Мусафат	5 709	22,1
	Всего	25 992	100

Источник: [Вперед 1917: № 15].

в частности они установили контроль над нефтедобывающими районами.

26 октября 1917 г., после получения известия о большевистском перевороте в Петрограде, состоялось расширенное заседание Временного исполнительного комитета СРВД, совместно с представителями социалистических партий и революционных организаций. В самом Баку власть перешла к большевикам без кровопролития, и 2 (14) ноября 1917 г. СНК Советской России назначил С. Г. Шаумяна чрезвычайным комиссаром Кавказа. Однако в декабре 1917 г. на выборах в Закавказское учредительное собрание большевики потерпели поражение.

2 ноября 1917 г. под председательством С. Г. Шаумяна состоялась конференция расширенного СРВД с участием членов промышленно-заводских, полковых, батальонных, ротных, корабельных комитетов, на которых присутствовало всего 488 чел. В повестке дня стоял вопрос о практическом осуществлении перехода власти в руки Бакинского СРВД. От имени трех партий (меньшевиков, дашнаков и эсеров) с осуждением и критикой в адрес большевиков выступил Л. Н. Атабекян, и после оглашения этой резолюции эсеры, меньшевики и дашнаки покинули заседание. Большинство оставшихся — это большевики. Собрание в этом составе признало себя законным и продолжило обсуждение вопроса. Конференция постановила переименовать Совет рабочих и военных депутатов в Совет рабочих и солдатских депутатов и объявило его высшей властью в гор. Баку и Бакинском нефтепромышленном районе. Мы хотим представить вам избирателей Исполнительного комитета совета, в который входили от рабочей секции: большевики — С. Г. Шаумян, П. А. Джапаридзе, И. Т. Фиолетов, С. А. Заргаров, М. Л. Басинь, и Мирза Али-Мардан оглы Султанов, социал-интернационалисты — Али Аббас оглы Мунзафаров, Н. П. Будников, И. Г. Овсянников, В. С. Петрухин, А. Ф. Гордеев и П. С. Андреев; от военных — А. М. Авакянц, Ф. В. Конотопкин, И. Д. Кошовкин, П. В. Акимов, Н. К. Антипов, А. Г. Оганесян и Мир-Гасан Моджулис и др., от матросов — П. И. Ефремов и др. [*Знамя Труда* 19176: № 41]. На заседании вновь

избранного Исполкома СРСД (Совет рабочих и солдатских депутатов) был сформирован президиум под председательством С. Г. Шаумяна [*Известия* 1917г: № 179].

3 ноября 1917 г. на экстренном заседании бакинских комитетов партий эсеров, меньшевиков и дашнаков постановлено: «...образовать в городе Баку и его районах Комитет Общественной Безопасности. Задача Комитета — поддержание революционного порядка и борьба со всякими анархическими выступлениями и эксцессами. В Комитет должны были быть привлечены представители всех революционных демократических организаций. Комитет немедленно приступает к своей деятельности» [*Каспий* 19176: № 248].

В октябре 1917 г. в Закавказье окончательно сформировались два центра для организации власти: Баку и Тифлис. Последние выборы в Городскую Думу Баку, проведенные в конце октября 1917 г., прошли в ранее существовавших границах города, а выборы в промышленно-заводских районах было решено отложить и провести после соответствующей подготовки, ссылаясь на «неразработанность и сложность вопроса» [*Оджагова* 2003: 30]. Дума цензовиков¹ была заменена демократической думой. Итак, городские думские выборы в Баку состоялись 29 октября 1917 г., в которых приняли участие больше 73 тыс. избирателей [*Ашхатанки дрошак* 1917: № 8] (см. табл. 4).

В отличие от предыдущих выборов, на которых избирались представители приви-

¹ Из-за цензовых ограничений для участия в выборах в г. Баку городское общественное самоуправление оказалось в руках состоятельных слоев населения, что не отражало интересов менее имущих групп населения, так как избирательных прав лишались многочисленные группы городских жителей, не имевших соответствующего имущественного и торгово-промышленного ценза. Выборы в Думу производились по трехразрядной избирательной системе. Система выборов давала победу преимущественно состоятельному классу горожан, и этот класс предоставлял места больше по знакомству, чем по заслугам. Имущественный ценз сделал городское самоуправление достоянием состоятельных классов. Гласные представляли не все городское население, а только ту часть его, которая менее всего нуждается в заботах общественного управления.

легированных слоев, в этих выборах состав был социально разнородным. Демократизация политического участия в Баку имела национально-религиозное проявление. На этих выборах из 105 мест в Городской Думе 52 достались национально-конфессиональным политическим силам, а 53 — большевикам и социал-демократам. Национальные и религиозные политические партии представляли интересы национальной буржуазии, а большевики — рабочих и крестьян. В тройку лидеров вошли социалистический блок, дашнакцутюн и большевики. По национальному составу армяне составляли большинство в Городской думе (см. приложение). В результате выборов по национальному составу в Бакинской городской думе [Молот 1917б: № 32] армяне имели самое большое представительство из 38 армянских гласных — 18 были дашнакцакани, 2 — кадеты, 9 из социалистического блока, 4 — из большевиков, 1 — из блока «Единство», 3 из армянской национал-демократической партии.

По постановлению Бакинского городского избирательного комитета выборы в Учредительное собрание по городу и по промышленному району состоялись 26 и 27 ноября 1917 г. Центральной закавказской комиссией по выборам в Учредительное со-

брание были утверждены следующие кандидатские списки (см. табл. 5).

В выборах в Учредительное собрание в г. Баку приняли участие 55,9 % граждан, имеющих право голоса, что является достаточно высоким показателем для тех лет. (см. табл. 5). Партия Дашнакцутюн получила наибольшее количество голосов — 19,9 %. На выборах 76,2 % голосов достались пяти политическим силам: дашнакцутюн — 19,9 %, мусульманский национальный комитет и тюркская федералистская партия «Мусават» — 15,8 %, социал-демократы (меньшевики) — 14,9 %, эсеры — 13,6 %, Народная свобода — 12 %. На выборах в Учредительное собрание социалистические политические силы получили 34,4 % голосов, мусульманские политические силы — 26,4 % и армянские — 22,3 %.

Стоит отметить, что на выборах в Учредительное собрание еврейские представители набрали 3,4 % голосов. В 1905–1906 гг. в Баку действовала партия «Поалей Цион» («Рабочие Сиона»). Она объединяла вокруг себя ремесленников, кустарей, рабочих, часть интеллигенции и мелкой буржуазии. Основу ее составляли те, кто бежал в Баку после Кишиневского (1903), Одесского (1905), Белостокского (1906) и других погромов, волной прокатившихся по югу

Таблица 4. Распределение мест политических сил городских выборов

Городской Думы г. Баку 29 октября 1917 г.

[Table 4. Distribution of political forces following the elections to Baku City Duma held on 29 October 1917]

№	Политические силы	Полученные места
1	Народная свобода	6
2	Дашнакцутюн	20
3	Союз служащих	—
4	Социалистический Блок	25
5	Большевики	18
6	Еврейский социалистический блок	—
7	Союз еврейских общественных организаций	3
8	Партия русской культур-демократической группы	2
9	Мусульманство России	11
10	Социал-демократическая партия «Единство»	3
11	Армянская национал-демократическая партия	3
12	Мусульманские общественные организации	14
	Итого	105

Источник: [Молот 1917а: № 27].

Таблица 5. Итоги выборов в городе Баку и в промышленном районе
в Учредительное собрание 26–27 ноября 1917 г.

[Table 5. Industrial district of Baku. Outcomes of the elections to the Constituent Assembly held on 26–27 November 1917]

№	Политические силы	г. Баку		Баку-промысловый район		Итого	
		Полученные голоса	%	Полученные голоса	%	Полученные голоса	%
1	Социал-демократы (меньшевики)	3 899	6,3	1 796	3,6	5 695	5,1
2	Народная Свобода	7 346	12,0	1 708	3,4	9 054	8,2
3	Социал-революционеры	8 328	13,6	10 441	21,0	18 769	16,9
4	Дашнакцутюн	12 157	19,9	8 157	16,4	20 314	18,4
5	Социал-демократы (большевики)	9 109	14,9	13 149	27,0	22 258	20,1
6	Грузинские социал-федералисты	325	0,5	131	0,3	456	0,4
7	Армянская народная партия	1 475	2,4	32	-	1 507	1,3
8	Грузинские национал-демократы	122	0,2	123	0,2	245	0,2
9	Трудовая народная социалистическая партия	93	0,1	23	—	116	0,1
10	Мусульманский национальный комитет и тюркская партия федералистов «Мусават»	9 669	15,8	12 087	24,2	21 756	19,6
11	Мусульманская организация с-д. рабочей партии «Гуммет»	71	0,1	57	—	128	0,1
12	Мусульманский социалистический блок	180	0,3	723	1,2	903	0,8
13	Мусульмане Западного Закавказья	—	—	3	—	3	—
14	Партия мусульман России	6 259	10,2	1 091	2,1	7 350	6,6
15	Сионисты	1 839	3,4	242	0,6	2 081	2,6
	Итого	60 872	100	49 763	100	110 635	100
	Число избирателей	109 214	—	53 749	—	162 963	—

Источник: [ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 26. Л. 2, 9–12; Арев 1917: № 243; Каспий 1917в: № 249].

Российской империи. Партия отрицательно относилась к идее национально-культурной автономии и ставила своей целью переселение в Палестину. Сионисты-социалисты также проповедовали идею восстановления еврейского государства в Эрец-Исраэль [Вайнштейн 2013: 45].

На выборах в Учредительное собрание Бакинского промышленного района четыре политические партии получили 88,6 % голосов (большевики — 27,0 %, мусульманский национальный комитет и тюркская партия федералистов «Мусават» — 24,0 %, социал-революционеры — 21,0 %, дашнакцутюн — 16,4 %). Как видим, позиции большевиков и партии «мусаватистов»

были сильнее на нефтепромыслах, которые отличались по религиозному составу преобладанием мусульман, а по социальному — рабочих.

По итогам выборов в Учредительное собрание в г. Баку, в промышленном районе и окрестностях мы видим, что общее число избирателей (в том числе солдатские голоса [ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 26. Л. 3]), составило 172 032 [Оризон 1917: № 259], из них явка составила 110 635 чел. В выборах в городе Баку и районе нефтяных месторождений приняли участие 67,9 % от общего числа избирателей, что является достаточно высоким показателем. Большинство поданных голосов досталось боль-

шевикам — 20,1 %, на втором месте были мусаватисты — 19,6 %. Бакинский Совет 31 октября 1917 г. провозгласил советскую власть, которая повела активную борьбу с комитетом общественной безопасности и Советом общественных организаций. Еще до выборов партия социал-революционеров рассылает бакинским избирателям свои бюллетени с кандидатами в члены Учредительного собрания от Закавказского округа. Всех кандидатов в списке было 32, из них 6 бакинцев: Л. Н. Атабекян, С. С. Саакян, Н. М. Сундукянц, М. В. Васин, Л. П. Лойко и А. Т. Хондкарян [ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 26. Л. 3]. В конце 1917 – начале 1918 гг. Бакинский совет принял ряд мер по укреплению своей власти. По итогам среди политических партий победили большевики во главе со С. Г. Шаумяном. В апреле 1918 г. отряды мусаватистов и меньшевиков двинулись из Тифлиса и Гянджи на Баку. Однако это наступление было остановлено. Советская власть стала устанавливаться и в провинциальных уездах. 25 апреля 1918 г. на заседании Бакинского совета рабочих солдатских и матросских депутатов был избран Совет народных комиссаров. Новое независимое правительство Азербайджана переехало из Тифлиса в Гянджу. Весь июнь и июль 1918 г. идут ожесточенные бои, окончившиеся 31 июля 1918 г. падением в Баку советской власти.

В те времена в Закавказье центром культурной жизни мусульман-шиитов был город Елизаветполь (Гянджа), но в контексте пантурсизма именно г. Баку приобрел центральное значение для мусульман [Меликян 2019: 214] и благодаря турецкой военной интервенции им удалось его захватить. Полная политическая деградация Кавказа привела к эскалации межэтнических конфликтов, которые стали еще и следствием активного турецкого вмешательства под предлогом поддержки местных мусульман. Во время турецкой экспансии, при попустительстве Англии, слабости большевистской России и неэффективности новоизбранной власти Армении в 1918 г. в сентябре Баку было уничтожено до 30 тысяч армян [Ишханян 1920: 183], что сильно изменило этниче-

ский состав города, который стал столицей провозглашенной при турецкой поддержке Азербайджанской республики.

5. Выводы

После свержения монархии в России в феврале 1917 г. в Закавказье усилились этнорелигиозные политические силы. Если в России формирование политических партий и сил шло по социальному признаку, то на Кавказе большее значение играла этническая принадлежность. Усилению этнофобии и межнациональных антагонизмов способствовало устранение самодержавия и неэффективность, даже и слабость институтов Временного правительства, в частности тот факт, что Особый Закавказский комитет располагался в Тифлисе обусловил его ограниченные возможности в Баку. В Баку в 1917 г. ослабление центрального управления привело к усилению влияния национальных, социалистических и религиозных (мусульманских) политических сил. Среди армянских политических сил влиятельной была партия «Дашнакцутюн», но при этом армяне были членами и других политических партий, например, РСДРП(б). Этнорелигиозное разнообразие г. Баку стало фактором развития политического процесса по особому сценарию. Многочисленный армянский элемент оказался политически активным и успешным в политических процессах в Баку 1917 г. Этот факт обусловил не только многочисленность, но и степень влияния армян на экономику и культуру города до революции. Приход к власти большевиков и полный отрыв Закавказья от российского центра привел к турецкому военному проникновению в регион. Враждебные отношения Турции и армянского населения имели к этому моменту продолжительную трагическую предысторию, что в совокупности с этнорелигиозной близостью с азербайджанским населением стало фактором вытеснения армян и придания Баку статуса столицы Азербайджанской республики. Данные события стали предпосылкой для завершения формирования азербайджанского этноса, который до революции определялся различными этнонимами, например, «закавказские татары» или «азербайджанские тюрки».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список гласных Бакинской Городской Думы
29 октября 1917г. [[Каспий 1917а: № 243](#)]

1. Борис Львович Байков
2. Ованнес Матевосович Каджазунни
3. Авраам Исакович Гулхандяни
4. Саргис Шахназарович Шахназарян (Араратян)
5. Акопян Симеон Артемович
6. Бекзадян Тигран Артемьевич
7. Чилингарян Арташес Степанович
8. Иоаннисян Тигран Нерсесович
9. Абраманц Рафаэль Авагович
10. Чубарьянц Погос Хачатурович
11. Иоаннисян Согомон Сергеевич
12. Малхазов Аршак Иоаннессович
13. Кара-Мурза Павел Макарович
14. Падшибякин Михаил Фролович
15. Вермишев Кристафор Аввакумович
16. Клементьев Вячеслав Николаевич
17. Делицын Алексей Петрович.
18. Тер-Аракелов Тигран Егорович
19. Акопджанян Бахши Акопджанович
20. Варшамян Георгий Петрович
21. Григорян Сирак Сукьясович
22. Хачатуров Айк Артёмович
23. Дастаков Сергей Абрамович
24. Зарапян Левон Михайлович
25. Атабекян Левон Николаевич
26. Дружкин Николай Иванович
27. Топельберг Нахман Шаевич
28. Чураев Андрей Емельянович
29. Саакян Семен Саргисович
30. Аншелес Иосиф Хаймович
31. Исрафилбеков Гусейн Нажимадин-бек Оглы
32. Рохлян Авраам Вениаминович
33. Сундукян Николай Михайлович
34. Багатуров Рубен Кристафорович
35. Никитин Николай Дмитриевич
36. Айолло Григорий Густавович
37. Полонский Самуил Вольфович
38. Матвеев Федор Семенович
39. Тер-Ованнисянц Рубен Михайлович
40. Блюмштейн Ерухим Залманович
41. Прохоров Николай Иванович
42. Тер-Казарян Казар Григорьевич
43. Тер-Григорьев Баласан Григорьевич
44. Окиншевич Александр Исидарович
45. Мицкевич Викентий Иосифович
46. Хачиев Аршак Михайлович
47. Лойко Лидия Павловна
48. Исаакян Тигран Авагович
49. Денежкин Сергей Кузьмич
50. Шаумян Степан Георгиевич
51. Азизбеков Мешали-Бек
52. Джапаридзе Пракофи Абрасамович
53. Нариманов Нариман
54. Фиалетов Иван Тимофеевич
55. Заргарян, (Заргаров) Александр Оганесович
56. Давид Альберт Яковлевич
57. Наниеашвили Виктор Иванович
58. Исрафилбеков, Мовсум-бек Маддин-бек-оглы
59. Колесникова Надежда Николаевна
60. Заварян Сирануш Меликовна
61. Терегулов, Али Мамед Гасан-огли
62. Зевин Яков Давидович
63. Басинь Меерь Лина Вельков
64. Атабеков Михаил Григорьевич
65. Хрвиовь Андрей Алексеевич
66. Шор Мирон Яковлевич
67. Вейншаль Бенцион Вольф-Владимир Саулович
68. Абезгуз Израэль-Марк Михайлович
69. Панамарев Василий Иванович
70. Вигуро Иван Осипович
71. Ганиев Султан Меджид
72. Яшурбеков Башир-бек.
73. Тариев Ага Зейнал Абдин
74. Мехтиев Мир Ягуб
75. Мамедбеков, Эйбат Кули
76. Гудиев Махмуд
77. Султанов Керим Ага
78. Бабев Гаджи Ага
79. Юсуфов Али Гейдар
80. Амирасланов Нури
81. Гаджиев Кербалай Усейн
82. Тарьев Гаджи Гусейн
83. Фродов Василий Ильич
84. Блинов Иосиф Федорович
85. Ханзадян Цолак Хоренович
86. Бадаев Бенедикт Арсеньевич
87. Тагиянсов Степан Сергеевич
88. Вачянц Аствататур Георгиевич
89. Тер-Микаелаин Айк Багданович
90. Захарян Тигран (Тадевос) Асатурович
91. Топчибашев, Али Мардан-бек
92. Хойский, Фатали-хан
93. Мамед-Эми Алокпер-оглы Расул Заде
94. Векилов, Мамед Рза Ага
95. Гаджинский Мимед Хасан
96. Касимов Касим
97. Асадулаев Мирза Шамон
98. Яшуоров Ага
99. Рафиев Муса-бек
100. Амирджанов Абдул Али-бек
101. Джеваншир Бехбуд-Хан
102. Тариев Ага Гусейнов
103. Караев Абдул-Фаз
104. Алиев Юсуф Али
105. Гасанов Али Ага

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Литература

Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1922 — Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г. Т. I. Вып. VII. Бакинский уезд. Баку: АзЦСУ, 1922. 31 с.

Арев 1917 — Арев. 1917. 28 ноября. № 243. (На арм.).

Ашхатанки дрошак 1917 — Ашхатанки дрошак. 1917. № 8. (На арм.).

Бакинская губерния по сведениям 1859 по 1864 год 1870 — Бакинская губерния по сведениям 1859 по 1864 год / сост. и изд. Кавказ. стат. ком. при Гл. управл. наместника Кавказского; обраб. Н. Зейдлицем. Тифлис: Кавказский статистический комитет при Главном управлении наместника кавказского, 1870. 258 с.

Баку и его район 1914 — Баку и его район. Справочный ежегодник. Баку: М. С. Шапсович, 1914. 474 с.

Баку по переписи 22 октября 1903 года 1905 — Баку по переписи 22 октября 1903 года. Ч. 1. Отд. 2. Занятия бакинского населения / разраб. Стат. бюро Бакин. гор. управы; под ред. В. Ф. Караваева. Баку: Каспий, 1905. 233 с.

Баку 1917 — Баку. Ежедневная газета. 1917. № 52.

Беленький, Манвелов 1927 — *Беленький С., Манвелов А.* Революция 1917 года в Азербайджане: (хроника событий). Баку: Истпарт, 1927. 253 с.

Булдаков 2010 — *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия, возникновения, хроника, комментарий и анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1090 с.

Вайнштейн 2013 — *Вайнштейн С. И.* Два столетия ашкеназов Азербайджана // Диаспоры. 2013. № 1. С. 34–64.

Вперед 1917 — Вперед. 1917. № 15. (На арм.).

Всесоюзная перепись населения 1926 года 1932 — Всесоюзная перепись населения 1926 года. Азербайджанская ССР. Отд. 3. Семейное состояние, место рождения и продолжительность проживания, увечность. Тифлис: Гос. соц. экон. изд-во, 1932. 73 с.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

References

Agricultural Census of 1921 in Azerbaijan. Vol. 1. Pt. 7: Baku District. Baku: Central Statistical Department of Azerbaijan, 1922. 31 p. (In Russ.)

Arev. 1917, November 28. No. 243. (In Arm.)

Ashkhatanki droshak. 1917. No. 8. (In Arm.)

Zeidlits N. (ed.) Baku Governorate, 1859–1864. Tiflis: Caucasian Statistical Committee (Executive Office of the Caucasus Viceroy), 1870. 258 p. (In Russ.)

Baku and Its Region. Reference yearbook. Baku: M. Shapsovich, 1914. 474 p. (In Russ.)

Karavaev V. F. (ed.) Baku according to the Census of 22 October 1903. Vol. 1. Pt. 2: Occupational Data. Baku: Kaspiy, 1905. 233 p. (In Russ.)

Baku. 1917. No. 52. (In Russ.)

Belenky S., Manvelov A. Revolution of 1917 in Azerbaijan: Chronicles of Events. Baku: Istpart, 1927. 253 p. (In Russ.)

Buldakov V. P. Chaos and Ethnos. Ethnic Conflicts in Russia, 1917–1918: Conditions, Origins, Chronicles, Comments and Analyses. Moscow: Novyi Khronograf, 2010. 1090 p. (In Russ.)

Weinstein S. I. Two centuries of Ashkenazim in Azerbaijan. *Diaspory*. 2013. No. 1. Pp. 34–64. (In Russ.)

Vpered. 1917. No. 15. (In Arm.)

Soviet Census of 1926. Azerbaijan SSR. Pt. 3: Marital Status, Place of Birth, Duration of Residence, Disability. Tiflis: Sotsekgiz, 1932. 73 p. (In Russ.)

- Волхонский, Муханов 2007 — *Волхонский М. А., Муханов В. М.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. М.: Европа, 2007. 247 с.
- Г. Баку и промыслово-заводской район 1922 — Г. Баку и промыслово-заводской район по данным переписи 1913 г. Ч. 2. Вып. 2. Население. Баку: АзЦСУ, 1922. 89 с.
- Гумбатова 2008 — *Гумбатова Т. Ф.* Баку и немцы, Баку: Çaşıoğlu, 2008. 462 с.
- Дадаян 2007 — *Дадаян Х. З.* Армяне и Баку (1850-е гг. – 1920 г.) Ереван: Нораванк, 2007. 206 с.
- Знамя Труда 1917а — Знамя Труда. 1917. № 6.
- Знамя Труда 1917б — Знамя Труда. 1917. № 41
- Известия 1917а — Известия. 1917. № 26.
- Известия 1917б — Известия. 1917. № 36.
- Известия 1917в — Известия. 1917. № 51.
- Известия 1917г — Известия. 1917. № 179.
- Ишханян 1920 — *Ишханян Б.* Великие ужасы в городе Баку. Тифлис: [б. и.], 1920. 180 с.
- Кавказский календарь на 1895 г. 1894 — Кавказский календарь на 1895 г. / под ред. Е. Кондратенко. Тифлис: Тип. Грузинск. изд. товарищества, 1894. 475 с.
- Кавказский календарь на 1901 г. 1900 — Кавказский календарь на 1901 г. / под ред. Е. Кондратенко. Тифлис: Типография М. Шарадзе и Ко, 1900. 510 с.
- Кавказский календарь на 1908 г. 1907 — Кавказский календарь на 1908 г. / под ред. Д. Д. Пагирева. Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1907. 690 с.
- Кавказский календарь на 1915 г. 1914 — Кавказский календарь на 1915 г. / под ред. А. А. Эльзенгера, Н. П. Стельмашука. Тифлис: типография Канцелярии Наместника Е. И. В. на Кавказе, 1914. 1013 с.
- Кавказский календарь на 1917 год 1916 — Кавказский календарь на 1917 год / под ред. Н. П. Стельмашука Тифлис: типография Канцелярии Наместника Е. И. В. на Кавказе, 1916. 1231 с.
- Карл 2022 — *Карл Р. Э.* Политические партии и движения в Российской Империи и европейских странах: сходство и различия // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2022. № 3(47). С. 95–107.
- Каспий 1917а — Каспий. Ежедневная общественно-литературная и политическая газета. 1917. 1 сентября. № 195.
- Volkhonsky M. A., Mukhanov V. M. In the Footsteps of the Azerbaijan Democratic Republic. Moscow: Evropa, 2007. 247 p. (In Russ.)
- Census of 1913. Baku and Its Industrial District. Vol. 2. Pt. 2: Population. Baku: Central Statistical Department of Azerbaijan, 1922. 89 p. (In Russ.)
- Gumbatova T. F. The German and Baku. Baku: Çaşıoğlu, 2008. 462 p. (In Russ.)
- Dadayan H. Z. Armenians and Baku, 1850s – 1920. Yerevan: Noravank, 2007. 206 p. (In Russ.)
- Znamya truda.* 1917. No. 6. (In Russ.)
- Znamya truda.* 1917. No. 41. (In Russ.)
- Izvestia.* 1917. No. 26. (In Russ.)
- Izvestia.* 1917. No. 36. (In Russ.)
- Izvestia.* 1917. No. 51. (In Russ.)
- Izvestia.* 1917. No. 179. (In Russ.)
- Ishkhanyan B. Great Horrors in the City of Baku. Tiflis, 1920. 180 p. (In Russ.)
- Kondratenko E. (ed.) Caucasian Calendar for the Year 1895. Tiflis: Gruzinskoe Izdatel'skoe Tovarichestvo, 1894. 475 p. (In Russ.)
- Kondratenko E. (ed.) Caucasian Calendar for the Year 1901. Tiflis: M. Sharadze & Co., 1900. 510 p. (In Russ.)
- Pagirev D. D. (ed.) Caucasian Calendar for the Year 1908. Tiflis: K. Kozlovsky, 1907. 690 p. (In Russ.)
- Elzenger A. A., Stelmashchuk N. P. (eds.) Caucasian Calendar for the Year 1915. Tiflis: Executive Office of the Caucasus Viceroy, 1914. 1013 p. (In Russ.)
- Stelmashchuk N. P. (ed.) Caucasian Calendar for the Year 1917. Tiflis: Executive Office of the Caucasus Viceroy, 1916. 1231 p. (In Russ.)
- Karl R. E. Political parties and movements in the Russian Empire and European countries: Similarities and differences. *Vestnik MCU Journal of Historical Studies.* 2022. No. 3(47). Pp. 95–107. (In Russ.) DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.08
- Kaspiy.* 1917, September 1. No. 195. (In Russ.)

- Каспий 1917б — Каспий. Ежедневная общественно-литературная и политическая газета. 1917. 13 ноября. № 248.
- Каспий 1917в — Каспий. Ежедневная общественно-литературная и политическая газета. 1917. 14 ноября. № 249.
- Константинов 1850 — Константинов О. Дорожник по пути следования Его императорского высочества государя Наместника по Закавказскому краю в 1850 г. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника Кавказского, 1850. 72 с.
- Меликян 2019 — Меликян В. Г. Битва за Баку (ноябрь 1917 – апрель 1918). Ереван: Зангак, 2019. 213 с.
- Политология 2008 — Политология: учебник / под ред. А. Ю. Мельвиля. М.: МГИМО, ТК Велби, Проспект, 2008. 618 с.
- Мильман 1966 — Мильман А. Ш. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX веков (Адм. аппарат и суд, формы и методы колониального управления). Баку: Азернешр, 1966. 318 с.
- Молот 1917а — Молот. Политический журнал. 1917. № 27. (На арм.).
- Молот 1917б — Молот. Политический журнал. 1917. № 32. (На арм.).
- Муханов 2017 — Муханов В. М. Кавказ в революционную пору... К истории Закавказья в 1917-м — первой половине 1918 г. М.: ИА REGNUM, 2017. 79 с.
- Муханов 2019 — Муханов В. М. Кавказ в переломную эпоху (1917–1921 гг.). М.: Модест Колеров, 2019. 360 с.
- Оджагова 2003 — Оджагова К. Р. Городское самоуправление Баку в конце XIX – начале XX вв. Баку: Азербайджанский Институт Стратегических Исследований Развития Кавказа, 2003. 135 с.
- Оризон 1917 — Оризон. 1917. № 259. (На арм.).
- Первая Всеобщая перепись населения 1905 — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. LXI. Бакинская губерния. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 167 с.
- Перепись в Баку 1913 года 1916 — Перепись Баку 1913 года. Ч. 3. Вып. 1. Баку: Стат. отд. Бакинской гор. Управы, 1916. 103 с.
- Политические партии России 2000 — Политические партии России: история и современность. / под ред. проф. А. И. Зевелева, проф. Ю. П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.
- Kaspiy. 1917, November 13. No. 248. (In Russ.)
- Kaspiy. 1917, November 14. No. 249. (In Russ.)
- Konstantinov O. Description of the 1850 Route of His Imperial Highness the Sovereign Viceroy across Transcaucasia. Tiflis: Executive Office of the Caucasus Viceroy, 1850. 72 p. (In Russ.)
- Melikyan V.G. Battle of Baku, November 1917 – April 1918. Yerevan: Zangak, 2019. 213 p. (In Russ.)
- Melvil A. Yu. Political Science. Coursebook. Moscow: MGIMO University, TK Velbi, Prospect, 2008. 618 p. (In Russ.)
- Milman A. Sh. Political System of Azerbaijan in the Nineteenth – Early Twentieth Centuries: Administrative Apparatus and Court, Forms and Methods of Colonial Rule. Baku: Azerne-shr, 1966. 318 p. (In Russ.)
- Molot. 1917. No. 27. (In Arm.)
- Molot. 1917. No. 32. (In Arm.)
- Mukhanov V. M. The Caucasus in the Revolutionary Era: More on the History of Transcaucasia in 1917 to Mid-1918. Moscow: REGNUM, 2017. 79 p. (In Russ.)
- Mukhanov V.M. The Caucasus at the Turning Point, 1917–1921. Moscow: M. Kolerov, 2019. 360 p. (In Russ.)
- Odzhagova K. Municipal Governance in Baku, Late nineteenth to Early Twentieth Centuries. Baku: Azerbaijan Institute for Strategic Studies of the Caucasus, 2003. 135 p. (In Russ.)
- Orizon. 1917. No. 259. (In Arm.)
- Troinitsky N. A. (ed.) First General Census of the Russian Empire (1897). Vol. 61: Baku Governorate. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs (Central Statistical Committee), 1905. 167 p. (In Russ.)
- Baku Census of 1913. Vol. 3. Pt. 1. Baku: Baku City Administration (Statistical Dept.), 1916. 103 p. (In Russ.)
- Zevelev A. I., Sviridenko Yu. P., Shelokhaev V. V. (eds.) Political Parties of Russia: Past and Present. Moscow: ROSSPEN, 2000. 631 p. (In Russ.)

- Свод статистических данных о населении Закавказского края 1893 — Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис: Тип. И. Мартиросянца, 1893. 52 с.
- Степанов 2018 — *Степанов В. Л.* Нефтяная политика С. Ю. Витте в Закавказье (1892–1903 гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2. С. 136–145.
- Тишков, Степанов 2019 — *Тишков В. А., Шабает Ю. П.* Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. М.: МГУ, 2019. 416 с.
- Утверждение русского владычества на Кавказе 1901 — Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. Тифлис: Типография Я.И. Либермана, 1901. 354 с.
- Collected Statistical Messages on Transcaucasia's Population from Family Lists of 1886. Tiflis: I. Martirosiyants, 1893. 52 p. (In Russ.)
- Stepanov V. L. Oil policy of S. Witte's in Transcaucasia (1892–1903). *Issues of Economic Theory*. 2018. No. 2. Pp. 136–145. (In Russ.)
- Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. Ethnopolitical Science: Political Functions of Ethnicity. Coursebook. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2019. 416 p. (In Russ.)
- Establishment of Russian Rule in the Caucasus. Vol. 1. Tiflis: Ya. Liberman, 1901. 354 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 119–138, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94:342.547.3(1-924.88)(574.5)(045)

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-119-138

Сектантские общины в Казахской ССР (1940–1980-е гг.)

Галья Айтпаевна Алпыспаева¹, Куляш Валитхановна Джумагалиева²,
 Гульмира Жумановна Жуман³, Хадиша Алькеевна Аубакирова⁴

¹ Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина (д. 62, пр. Женис, 010011 Астана, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-0672-8292. E-mail: [galpyspaeva\[at\]mail.ru](mailto:galpyspaeva[at]mail.ru)

² Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина (д. 62, пр. Женис, 010011 Астана, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, профессор

 0000-0003-4758-8916. E-mail: [dz_kylashv\[at\]mail.ru](mailto:dz_kylashv[at]mail.ru)

³ Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина (д. 62, пр. Женис, 010011 Астана, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, профессор

 0000-0002-9428-6411. E-mail: [guliktim\[at\]mail.ru](mailto:guliktim[at]mail.ru)

⁴ Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина (д. 62, пр. Женис, 010011 Астана, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, профессор

 0000-0001-9133-6471. E-mail: [hadishaaubakirova\[at\]mail.ru](mailto:hadishaaubakirova[at]mail.ru)

© КалмНИЦ РАН, 2025

© Алпыспаева Г. А., Джумагалиева К. В., Жуман Г. Ж., Аубакирова Х. А., 2025

Аннотация. *Введение.* Казахская ССР была одной из самых многонациональных и поликонфессиональных республик в составе СССР, где проживали разные народы. В статье рассматривается проблема развития религиозных общин в республике в 1940–1980-е гг., относящаяся к малоизученной теме. *Цель исследования:* на основе архивных источников объективно изучить историю христианских религиозных общин в республике и показать его региональные особенности. *Материалы и методы.* Исследование базируется на делопроизводственных и статистических материалах из фондов уполномоченных Советов по делам религиозных культов при Совете министров СССР и Казахской ССР, уполномоченных в областях Казахстана, данных из протестных писем сектантов в высшие органы власти. Авторы применяют методы крити-

ческого и сравнительного анализа источников с учетом их идеологической направленности. *Результаты.* Изучены малоизвестные источники из областных архивов Казахстана, раскрывающие региональные особенности религиозных групп: многочисленность объединений как следствие депортации народов (немцев, поляков, латышей, украинцев) в республику, высокий уровень конфессиональной гетерогенности. Сложные и противоречивые взаимоотношения государства с этими объединениями обусловлены были контролем и дискриминацией верующих со стороны советских и партийных органов, ограничением их деятельности, запретами на проведение религиозных обрядов, «перегибами» в действиях местной власти. Одна часть религиозных общин (католики, лютеране, евангельские христиане-баптисты) стремилась к компромиссу с властью, желая пройти регистрацию, а другая (субботники, баптисты-раскольники, истинно-православные христиане) открыто выражала несогласие с советским религиозным законодательством и уклонялась от регистрации. Формы деятельности этих организаций в рассматриваемый период практически не менялись, несмотря на послабления в государственной религиозной политике в 1970–1980-е гг.

Ключевые слова: Казахстан, религия, сектанты, советское государство, конфессиональная политика, дискриминация, подпольная деятельность

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта «Исторический опыт государственно-конфессиональных отношений в Казахстане (1940–1990 гг.)» по программе грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН проекта: AP 23486006).

Для цитирования: Алпыспаева Г. А., Джумагалиева К. В., Жуман Г. Ж., Аубакирова Х. А. Религиозное подполье в советском Казахстане: взаимоотношения государства и сектантских общин // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 1. С. 119–138. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-119-138

Sectarian Communities in the Kazakh SSR, 1940s–1980s

Galya A. Alpyspaeva¹, Kulyash V. Dzhumagaliyeva², Gulmira Zhuman³, Hadisha A. Aubakirova⁴

¹ S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (62, Zhenis Ave., 010011 Astana, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-0672-8292. E-mail: galpyspaeva[at]mail.ru

² S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (62, Zhenis Ave., 010011 Astana, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-4758-8916. E-mail: dz_kylashv[at]mail.ru

³ S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (62, Zhenis Ave., 010011 Astana, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-9428-6411. E-mail: guliktim[at]mail.ru

⁴ S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (62, Zhenis Ave., 010011 Astana, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-9133-6471. E-mail: hadishaaubakirova[at]mail.ru

Abstract. Introduction. The Kazakh SSR used to be a most multiethnic and multiconfessional Soviet republic. The article deals with the understudied issue of religious communities and their development throughout the 1940s to early 1990s in Kazakhstan. **Goals.** The work examines archival sources for comprehensive insights into the history of the Republic's Christian (with the exception of ROC-affiliated ones) sectarian communities, and seeks to outline some regional features of the latter. **Materials and methods.** The study focuses on record-keeping and statistical records contained in archival collections of regional, republican and all-Union plenipotentiaries representing corresponding Councils for the Affairs of Religious Cults (under Councils of People's Commissars), letters of sectarians submitted to supreme government agencies. With due account of ideological essentials of the involved sources, methodological preference is given to critical and comparative analysis tools. **Results.** Special attention has been paid to little-known records housed at regional archives of Kazakhstan that reveal some local features of the religious groups, such as their large number that resulted from ethnic deportations (Germans, Poles, Latvians, Ukrainians) to the Republic, high levels of congregational diversity. The tough and controversial relations between the Government and those communities were rooted in strict control and discrimination of believers practiced by Soviet and party organs, imposed activity restrictions, prohibitions on public ritual performances, 'excesses' of local officials. Some groups (Catholics, Lutherans, Evangelical Baptists) were eager to get registered and would seek to compromise with authorities, while others (Subbotniks, Dissident Baptists, True Orthodox Christians) expressed open dissent against the Soviet religion-related laws and tended to avoid any such registration. The examined period witnessed virtually no changes in activity patterns even in the aftermath of the 1970s–1980s religious easements.

Keywords: Kazakhstan, religion, sectarians, Soviet Government, religious policy, discrimination, underground activity

Acknowledgements. The reported study was granted by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. AP 23486006 'Historical Experience of Government-Religion Relations in Kazakhstan'.

For citation: Alpyspaeva G. A., Dzhumagaliyeva K. V., Zhuman G., Aubakirova H. A. Sectarian Communities in the Kazakh SSR, 1940s–1980s. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 119–138. 10.22162/2619-0990-2025-77-1-119-138

1. Введение

История сектантства в Казахстане начинается со второй половины XIX в. Уже в конце XIX – начале XX вв. в результате переселились представители католических и лютеранских общин, евангельских христиан-баптистов и меннонитов (братских и церковных). Христианские общины отличались полиэтничностью: в них немцы, поляки, русские, украинцы, литовцы, латыши, но большинство все же составляли граждане немецкой национальности [Бургап 2010: 18–19].

Заметное влияние на конфессиональную карту казахстанского общества оказали миграционные процессы в республику в советский период истории. В 20–30-е гг. XX в., когда проводилась индустриализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства, в Казахстан из центральных регионов России переселилась молокане и пятидесятники. Сами сектанты избегали разговоров о причинах, побудивших их поки-

нуть прежние места проживания, объясняя так: «Переехал один, место понарилось, потянул за собой других» [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 85. Л. 8].

В годы сталинской депортации народов (1930–1940-е гг.) в Казахстане появились приверженцы секты Свидетелей Иеговы. Ранее они проживали в западных регионах СССР, но были осуждены органами НКВД и выселены из мест постоянного проживания. Большая часть их отбывала наказание в лагерях Казахстана [ГА КОО. Ф. 1678. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–3; Бургап 2010: 21–23], а после освобождения осталась здесь на постоянное жительство. Часть иеговистов прибыла в Казахстан в 1950–1960-х гг. из Сибири и Дальнего Востока. Более благоприятный климат, возможности трудоустройства и поддержка единоверцев привлекли иеговистов в регион. Первые прибывшие обосновались в городах Северного Казахстана, но впоследствии переселились в другие области республики.

Если в дореволюционный период христианские секты¹ старались расселиться в отдаленных южных и восточных областях Казахстана (подалеке от центральной власти), то ссыльных немцев и поляков старались размещать по большей части на севере республики: Акмолинская область — 75 418 чел., Северо-Казахстанская — 62 473 чел., Кустанайская — 53 317 чел., Павлодарская — 51 317 чел. [Бургайт 2013: 75]. В 1950–1960-е гг., когда реализовывалась государственная программа распашки целинных земель в северных областях Казахстана, в целинные хозяйства были направлены немцы и поляки в целях обеспечения создаваемых совхозов рабочими кадрами.

2. Материалы и методы

В основу исследования положены документальные материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации (далее — ГА РФ), Центрального государственного архива Республики Казахстан (далее — ЦГА РК), Архива Президента Республики Казахстан (далее — АП РК), Государственного архива Алтайского края Российской Федерации (далее — ГА АК) и областных архивов Казахстана. В фондах обозначенных архивов собраны документы областных, республиканской и центральной Комиссий по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах, характеризующие религиозную политику государства. В делопроизводственной документации, отчетах и материалах переписки Комиссий с вышестоящими органами выявлены статистические данные по количеству и статусу (зарегистрированные / незарегистрированные) религиозных общин, этническому, социальному, половозрастному со-

ставу и образовательном уровне верующих. В цикле этих документов содержательны ежеквартальные отчеты Комиссий по религиозному состоянию общества, в которых мы находим подробную информацию о незарегистрированных общинах (название, количество общин и число верующих в них, фамилии руководителей). К таковым относились общины пятидесятников, последователей Союза Церквей евангельских христиан-баптистов (далее — СЦ ЕХБ) истинно-православной церкви (далее — ИПЦ), Адвентистов Седьмого Дня (далее — АСД), меннонитов, иеговистов. Они отказывались от сотрудничества с властью, не признавали советское религиозное законодательство и уклонялись от регистрации, а поэтому были на особом контроле советских органов.

Большую группу источников составляют справки и отчеты о посещении молитвенных домов, церквей и мечетей ответственными работниками, учителями и общественными активистами. Посещения объектов культа проходили регулярно два раза в месяц, а в дни религиозных праздников, когда на богослужения собиралось максимальное количество верующих, чаще. По результатам посещений проверяющие составляли отчеты, в которых указывали численность верующих, контингент по возрасту, социальному статусу, гендеру, национальному составу. Кроме того, проверяющие заполняли анкеты анализа прослушанных проповедей. Типовая анкета-рецензия включала вопросы: содержание и политическая ориентация проповеди, наличие антиобщественных высказываний в проповедях, использование религиозной и художественной литературы, выводы, вытекающие из проповеди. В анкетах давалась характеристика восприятия проповеди: сколько человек внимательно слушали и молились, а сколько индифферентно воспринимали проповедь.

Не менее ценные сведения содержатся в материалах деятельности уполномоченных Советов по делам религиозных культов (далее — СДРК). Должность Уполномоченного СДРК при Совете народных комиссаров (далее — СНК) СССР была введена с сентября 1943 г. С этого же времени стали учреждаться должности в республиках и областях.

¹ Под выражением «сектантские общины» мы подразумеваем религиозные организации, которые в архивных источниках советского периода истории, послуживших базой для нашего исследования, именуются «сектами». В официальных документах и в советском религиоведении под выражением «секты» обозначались не относящиеся к «традиционным» (православные РПЦ и мусульмане) религиозные организации, понимаемые как «нетрадиционные», антицерковные, что обусловило их негативное восприятие.

Уполномоченные курировали практически все вопросы религиозной жизни населения: принимали заявления и обращения верующих об открытии объектов культа, вели регистрацию общин и служителей культа, составляли справки и работали с письмами верующих. В этой связи в архивах хранится значительный комплекс источников. Интересны информационные квартальные отчеты областных уполномоченных в республиканские и союзные органы. Кроме статистических данных, в них содержится подробная характеристика общин и их руководителей, сведения по финансовому состоянию общин, описание религиозных практик и совершаемых обрядов, отношение к советской власти, материалы бесед уполномоченных с руководителями общин.

Авторами проведена выборка данных из отчетов Комиссий и уполномоченных о количестве и составе нетрадиционных христианских общин в Казахстане. Установить их динамическую численность сложно по причине отсутствия официальной статистики. Данные текущей статистики не всегда объективны и достоверны, поскольку большинство общин отказывались от регистрации, что осложняло их учет и контроль. Кроме того, полнота сведений в отчетах зависела от грамотности и образованности чиновников. Из 12 назначенных в областях Казахской ССР уполномоченных СДРК в 1940–1950-е гг. лишь двое имели высшее образование [ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 4. Л. 20].

В работе с архивными источниками авторы учитывали их идеологическую направленность и определенную предвзятость в оценках деятельности религиозных организаций агентами советской власти. Именно поэтому для воссоздания объективной научной концепции применялся критический анализ содержащихся в отчетах фактов и цифр, сравнительный анализ данных из разноплановых источников.

3. Дискуссии

История сектантских христианских организаций в Казахстане в исторической ретроспекции 1940–1980-х гг. является актуальной, но малоизученной темой. Не-

традиционные христианские организации в Казахстане было частью общесоюзного сектантского протестного движения, поэтому вполне логично обращение к исследованиям российских авторов. Работы Р. О. Сафронова по проблемам сектантства полезны в плане понимания советской историографической традиции исследования нетрадиционной религии [Сафронов 2013]. По мнению автора, научный подход к изучению сект начал формироваться в советской историографии в 1960-е гг.

Запрещенную законодательством церковную жизнь советского периода исследуют ряд авторов. А. Л. Беглов рассматривает историю религиозной жизни во взаимосвязи с государственной политикой в отношении церкви и описывает многообразие нетрадиционных христианских верований [Беглов 2008]. Работа С. В. Шумило о нелегальной жизни катакомбных общин в СССР в 1960–1980-е гг. опровергает существовавшие в советской историографии мифы об отсутствии церковного подполья в стране, о гонениях на веру. Автор считает, что реалии деятельности нетрадиционных христианских организаций на протяжении более чем шестидесяти лет жесточайших атеистических гонений на веру — это историческое явление, отражающее специфику советской эпохи [Шумило 2024]. А. И. Савин изучает феномен функционирования в СССР в 1960–1980-е гг. нелегальных молитвенных домов баптистов-раскольников [Савин 2019]. Опираясь на архивные источники, автор анализирует репрессивные практики органов власти, направленные на пресечение деятельности общин, и приходит к выводу об их малой эффективности в силу ряда причин.

Н. А. Белякова и М. Добсон рассматривают повседневную жизнь общин ЕХБ и пятидесятников через призму гендера, поскольку женщины составляли большинство в общинах, именно они определяли повседневную жизнь общин [Белякова, Добсон 2015]. Авторы не ограничиваются характеристикой роли женщин во внутренней жизни общин, а показывают степень их участия во взаимоотношениях общин с государственными структурами, анализируют модели сопро-

тивления женщин как ответ на дискриминацию и насильственную атеизацию.

Проблема сектантского движения не рассматривалась казахстанскими исследователями как самостоятельная проблема, но ее отдельные аспекты были предметом исследования. Основные тренды развития христианских конфессий в Казахстане представлены в работе З. Б. Малгараевой и Р. И. Камаровой [Малгараева, Камарова 2024]. Автор Л. А. Бургарт анализирует религиозную политику государства в отношении сектантов в исторической ретроспекции и в контексте этнической принадлежности верующих. Круг научных интересов автора — секты с преобладанием граждан немецкой национальности [Бургарт 2018]. Историко-религиоведческий анализ деятельности секты Свидетелей Иеговы на территории Казахстана и Средней Азии дан в монографии А. И. Артемьева [Артемьев 2010].

Ряд исследователей применяют региональный подход в изучении проблемы. В работах В. Шмидт показана история немецких общин лютеран, католиков, ЕХБ и меннонитов Северо-Казахстанской области [Шмидт 2021]. Антирелигиозный курс советского государства, по мнению исследователей, не помешал немцам Северного Казахстана придерживаться своих религиозных верований и национальных культурных ценностей [Мажитова и др. 2023]. Автор Ю. И. Подопригора рассматривает историю формирования конфессионального состава немцев Павлодарского Прииртышья в XX – начале XXI вв. Ученый считает, что формирование немецких компактных поселений в регионе стало следствием миграционных процессов в регион, приводит статистические сведения о численном составе немецких общин и духовных лидерах [Подопригора 2010].

В целом можно резюмировать, что вопросы сектантских организаций в Казахстане в 1940–1980 гг. получили частичное освещение в работах исследователей, которые рассматривают проблему на примере отдельных конфессий. В контексте сказанного задачи нашего исследования состоят в том, чтобы комплексно изучить историю развития сектантских общин в указанный период,

обозначить региональные аспекты проблемы, охарактеризовать наиболее распространенные практики коммуникаций сектантов Казахстана с советскими органами, формы и методы борьбы государства с сектантством, выявить и обосновать причины и факторы роста сопротивления верующих политике государства.

4. Основные этапы развития сектантского подполья в Казахстане

4.1. Сектантские общины в 1940–1965 гг.

В первой половине 1940-х гг. в Казахская ССР в составе СССР была поликонфессиональным регионом страны, где проживали люди разных вероисповеданий и действовали религиозные объединения различных конфессий. В 1946 г. в республике было выявлено 6 922 религиозных общества [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1а. Д. 30. Л. 8]. Кроме мусульманских и православных (РПЦ) общин была зафиксирована деятельность католической, греко-католической, лютеранской, армянской, старообрядческой (белокриничское согласие, беспоповцы) церквей, общин ЕХБ, иудейского и буддийского вероисповеданий, нелегальные секты и группы СЦ ЕХБ, пятидесятников, АСД, меннонитов, иеговистов.

Оживление деятельности сектантских общин в Казахстане происходит в годы Великой Отечественной войны на фоне роста религиозного движения в стране в целом, после периода запрета и преследования религиозных организаций в 1920–1930-е гг. Причинами религиозного возрождения были не только послабления в вероисповедной политике государства в годы войны, вызванные поддержкой церковью советского правительства и народа в борьбе с фашизмом, но и объективные факторы. Религиозное движение достигает особой силы в годы моральных потрясений и страданий. Война, разлука с близкими, тревога за их жизнь и горечь невозможных утрат влияли на людей: они обращались к религии. На подъем религиозного движения в Казахстане оказали влияние и специфические особенности региона, так, депортация в республику значительного количества немцев и поляков

существенно пополнила ряды лютеран, католиков, баптистов.

Военный период отмечен не только активностью, но и стремлением религиозных групп к организационному оформлению своего положения. Растет число последователей культов, не избегающих открытого проявления своих религиозных чувств. В местные исполнительные органы стали обращаться с заявлениями о регистрации общины разных конфессий, в том числе сектантские. В 1945 г. несколько общин ЕХБ в Карагандинской, Кызыл-Ординской, Павлодарской, Кустанайской, Семипалатинской и Северо-Казахстанской областях ходатайствовали об открытии молитвенных домов [ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д.5. Л. 39, 51]. В 1946 г. официально зарегистрировались общины ЕХБ в Кустанае, Караганде, Семипалатинске, Алма-Ате [ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 21. Л. 17].

Ряды общин, получивших регистрацию, стали быстро расти. Так, община ЕХБ в Караганде на момент регистрации в июле 1946 г. насчитывала 48 чел., в январе 1947 г. — 289 чел., в январе 1955 г. — 1 200 чел. [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1а. Д. 30. Л. 173–175]. По сведениям уполномоченного СДРК при Карагандинском облисполкоме численный рост общины шел как по линии прибытия старых членов из других областей и республик, так и за счет принятия новых членов [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1а. Д. 30. Л. 5]. В общинах чаще стали проводиться

молитвенные собрания, выросла посещаемость верующими молитвенных собраний, ежегодно проводились религиозные праздники «Рождество», «Пасха», «День жатвы», в праздничных богослужениях участвовали тысячи человек. С ростом числа верующих выросли поступления денежных средств в общины: 1952 г. — 91 383 руб., 1953 г. — 109 341 руб., 1954 г. — 117 401 руб. [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1а. Д. 30. Л. 5–9].

Если военный период отмечен ростом и стремлением религиозных групп зарегистрировать свои объединения, то в послевоенные годы (вторая половина 1940–1950-е гг.) происходит стабилизация и даже спад активности, сократилось число заявлений на регистрацию. Об этом свидетельствуют и показатели количества совершаемых обрядов на примере общин ЕХБ (см. табл. 1).

Снижение религиозной активности обусловлено было новым вектором в религиозной политике государства. По мнению исследователей, он характеризовался *«усилением государственного контроля за деятельностью религиозных общин и введением сдерживающих механизмов, которые были направлены на снижение религиозности населения, ограничение возможности получения официальной регистрации, усиление налогообложения священнослужителей, активизацию атеистической работы и т. д.»* [Дашковский, Монгуш 2023: 1156].

Таблица 1. Данные о посещаемости молитвенных собраний в общинах ЕХБ Северо-Казахстанской области

[Table 1. Attendance data for Evangelical Christian Baptist communities of North Kazakhstan Region]

Религиозные обряды	Посещаемость молитвенных собраний по годам (чел.)				
	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Крещение на «Пасху»	175	200	150	170	100
Праздник «Жатвы»	Нет сведений	Нет сведений	100	100	50
Праздник «Единства»	Нет сведений	Нет сведений	100	100	Не праздновали
Рождество	175	175	150	150	150
Бракосочетание	3	1	нет	1	1
Погребение	2	4	1	2	2
Водное крещение	26	19	6	5	4

Источник: [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 65. Л. 66].

Регистрация общин шла медленно, не все обратившиеся получали разрешение. Во второй половине 1950-х гг. в Казахстане официально зарегистрировано было 11 общин баптистов, 2 иудейские синагоги и один молитвенный дом лютеран [АП РК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 1471. Л. 21]. Большое количество религиозных общин и групп действовали без регистрации. В отчетах уполномоченных сообщается о нелегальной деятельности сект во вверенных им областях: «Все они (имеются в виду сектанты. — А. Г., Д. К., Ж. Г., А. Х.) в прежние годы ходатайствовали о регистрации молитвенного дома, но получив отказ, за последние годы прекратили ходатайства, однако, продолжают проводить свои погребальные и прочие обряды по требованию их верований» [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1а. Д. 30. Л. 237]. В 1950-е гг. в Павлодарской области нелегально действовали несколько десятков групп ЕХБ [ГА ПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 3. Л. 40], в Северо-Казахстанской — 10 общин ЕХБ, в Талды-Курганской — 9, в Семипалатинской — 16, в Карагандинской — более 40 [ЦГА РК. Ф. Р-1711. Оп. 10. Д. 13. Л. 46]. Вопрос регистрации оставался острым в течение всего рассматриваемого времени, причем не только для казахстанских верующих. О сложностях регистрации в других регионах страны даже в годы частичной либерализации религиозной политики пишут многие авторы [Дашковский, Монгуш 2024: 530; Белоусов 2016: 75].

Некоторые сектанты, как, например, пятидесятники, иеговисты, приверженцы СЦ ЕХБ сознательно уходили от регистрации по причине непринятия ими советского религиозного законодательства. Старший инспектор СДРК при Совете Министров (далее — СМ) СССР В. С. Уточкин во время очередной инспекции в населенных пунктах Целиноградской области беседовал с руководителями секты баптистов-раскольников, участниками общесоюзного каткомбного движения. В беседе они пытались убедить чиновника в том, что действующее законодательство о религиозных культах ущемляет права верующих, что «их преследуют за веру, поэтому они и требуют его отмены» [ГА ГА. Ф. 33. Оп. 2. Д. 19. Л. 17].

Сектанты ссылались на ст. 52 Конституции СССР 1977 г., которая гарантировала гражданам свободу атеистической пропаганды, но не предусматривала свободу религиозной пропаганды [ГА ГА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 19. Л. 60]. Возможно, общины уклонялись от регистрации, чтобы минимизировать контроль своей деятельности со стороны властей.

Но большинство общин не могли зарегистрироваться по причине отказа в местных органах. Приведем несколько фактов. Община ЕХБ в поселке Алексеевка Целиноградской области восемь раз подавала заявление, однако все просьбы чиновники горисполкома оставляли без ответа. Руководитель этой общины Н. Ю. Ульмер в беседе с инспектирующим сказал: «Мы желаем придерживаться законодательства о религиозных культах, просим об этом, а нас заставляют поневоле нарушать его» [ГА ГА. Ф. 33. Оп. 2. Д. 19. Л. 14]. Руководитель общины АДС г. Петропавловска Ф. Рембанд заявил уполномоченному, что «...никакой надежды на регистрацию группы у него нет, ввиду того что во всем Советском Союзе существует единственная зарегистрированная община адвентистов в Москве» [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 85. Л. 36].

Чиновники в регионах не осознавали важность регистрации религиозных объединений, считая регистрацию «уступкой религии». Они не понимали, что неконтролируемая, нелегальная церковная деятельность представляла намного большую опасность для тоталитарного режима, чем деятельность легальная и контролируемая. Нередко заявления верующих о регистрации отклонялись из соображений иметь «благополучную» статистику [ГА ГА. Ф. 33. Оп. 2. Д. 19. Л. 19]. Ничем не обоснованный отказ в регистрации вызывал недовольство верующих. Отсутствие контроля только активизировало нелегальную деятельность общин.

4.2. Активизация религиозной деятельности сектантских общин (1965–1980 гг.): численный, этнический, гендерный состав общин

Следующий этап роста активности сектантских общин в стране в целом и в Ка-

захстане в частности происходит со второй половины 1960-х гг. Заметно оживились общины ЕХБ, что связано с празднованием в 1967 г. столетнего юбилея основания братства ЕХБ в России. По этому случаю повсеместно проходили торжественные молебны, на которых зачитывали обращение и юбилейный доклад генерального секретаря Высшего Совета ЕХБ А. В. Крева. Доклад и юбилей в целом, по сведениям уполномоченных в регионах, «*были встречены верующими с большим энтузиазмом*» [ГА КОО. Ф. 808. Оп. 1 доп. Д. 4. Л. 40]. Общины ЕХБ чаще стали обращаться в исполкомы с просьбой о регистрации.

Фактором оживления деятельности сектантов стал выход Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1965 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с участников сект Свидетели Иеговы, истинно-православные христиане, „иннокентьевцы“, „адвентисты-реформисты“ и членов их семей». Согласно Указу сектанты, направленные на спецпоселение в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 г. и специальным постановлением СМ СССР, были освобождены из-под административного надзора органов охраны общественного порядка [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1а. Д. 62. Л. 142].

В связи с ростом сектантского движения государство ужесточает меры их учета и контроля. В период с 1975 г. по 1984 г. в СССР было выявлено и взято на учет более 400 новых объединений, уточнены характер и направления их деятельности, 461 объединение зарегистрировано, более сотни групп прекратили деятельность. Если в 1974 г. в СССР из 702 сектантских обществ было зарегистрировано 118 объединений (17 %), то в 1984 г. из 1 028 обществ и групп зарегистрировано 560 (54 %) [ГА АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 6].

Общины сектантов действовали практически во всех областях Казахстана. Авторами была сделана выборка данных из отчетов областных уполномоченных СДРК по количеству сектантских общин и числу верующих в них за 1970–1980 гг. (см. табл. 2).

Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о высоком уровне конфессиональной гетерогенности республики. Из всех областей Казахстана наиболее многочисленными были общины в Карагандинской области. Область отличалась разнообразием культов, что обусловлено было притоком в регион немецкого населения в годы Великой Отечественной войны в связи с депортацией и мобилизацией для работы в промышленности. Караганда была местом ссылки католических священников, большая часть которых после освобождения осталась здесь на постоянное проживание. Значительная концентрация верующих католиков и наличие духовных кадров в последующем стали факторами становления Караганды как центра католической веры в СССР [Бургайт 2013: 78].

Конфессиональная карта Казахстана формировалась этническим составом населения региона; в местах компактного проживания немцев нелегально действовали общины лютеран, ЕХБ, баптистов-раскольников, иеговистов, меннонитов. Сектантские объединения с высокой концентрацией немцев вызывали беспокойство властей, поскольку отличались активностью, заметным влиянием на молодежь и детей, стремлением служителей культа ограничить круг интересов верующих рамками религиозного сообщества. В 1950–1960-е гг. в республике числились учтенными 102 общины, состоящие исключительно из граждан немецкой национальности: 51 община лютеран, 26 ЕХБ, 19 католических и 6 меннонитских [АП РК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 265. Л. 191]. Этнически смешанные объединения, русско-немецкие и польско-немецкие, в это число не вошли. Общины меннонитов и лютеран в Караганде состояли исключительно из верующих-немцев, а в общинах ЕХБ немцы составляли более 60 % [ГА КОО. Ф. 1п. Оп. 25. Д. 67. Л. 7–10].

Подобная статистика характерна и для 70–80-х гг. XX в. Сельские общины ЕХБ в Кустанайской области на 80–90 % состояли из верующих немецкой национальности [ГА КостО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 285. Л. 12]. В 1979 г. в семи общинах СЦ ЕХБ Павлодарской области состояло 233 чел., из них 189 —

Таблица 2. Сектантские общины в областях Казахстана в 1970–1980 гг.

[Table 2. Sectarian communities in regions of Kazakhstan, 1970s–1980s]

Области	Наименование религиозных общин, количество общин/численность верующих в них (чел.)							
	католи- ки	лютера- не	ЕХБ	пятиде- сятники	АСД	менно- ниты	иегови- сты	другие
Алма-Атинская	5 / 166	11 / 561	18 / 1196	8 / 183	6 / 189	1 / 36	4 / 328	–
Восточно-Казахстанская	1 / 12	9 / 187	10 / 380	2 / 21	3 / 126	–	1 / 26	5 / 140
Джезказганская	1 / 60	4 / 350	15 / 1050	–	1 / 18	–	1 / 12	–
Карагандинская	1 / 1600	9 / 2560	12 / 2800	7 / 850	1 / 108	3 / 1590	5 / 55	1 / 85
Кзыл-Ординская	–	1 / 12	2 / 49	–	1 / 24	1 / 19	–	1 / 50
Кокчетавская	–	6 / 112	16 / 792	6 / 112	1 / 66	5 / 172	1 / 8	–
Кустанайская	2 / 124	9 / 244	11 / 877	3 / 70	4 / 60	–	2 / 99	–
Северо-Казахстанская	5 / 244	12 / 256	19 / 225	7 / 128	3 / 24	–	1 / 8	4 / 35
Семипалатинская	1 / 83	14 / 398	9 / 597	4 / 90	4 / 118	3 / 41	–	3 / нет дан- ных

Источник: [АП РК. Ф. 708. Оп. 39. Д. 1293. Л. 128; ЦГА РК. Ф. Р-2079. Оп. 1. Д. 3 Л. 112, 130–131; ЦГА РК. Ф. Р-2079. Оп. 1. Д. 220. Л. 31–32, 191–192; ЦГА РК. Ф. Р-2079. Оп. 1. Д. 221. Л. 74, 220–221; ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 126. Л. 10; ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 99. Л. 92; ГА КостО. Ф. 268. Оп. 11. Д. 285. Л. 22–33].

немцы [ГА ПО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 13. Л. 31]. Из 49 религиозных объединений Карагандинской области 40 состояли полностью или частично из немцев [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 130. Л. 22]. В г. Караганде в шести сектантских обществах состояло 4 924 чел., в том числе 4 056 немцев, более 82 % (см. табл. 3).

О высокой степени религиозности немцев свидетельствуют цифры по количеству проводимых обрядов. Приведем данные из отчета уполномоченного СДРК по Целиноградской области А. И. Тишкова: «Если процент крещения в 1969 г. в целом в области составил около 6 %, то среди немцев — свыше 50 %, процент церковных похорон в области 2,5 %, среди немецкого населения свыше 60 %. Юноши и девушки из числа немцев венчаются в церкви и соблюдают обряд конфирмации» [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 297. Л. 154]. Высокая религиозность немецкого населения обусловила принятие в июне 1974 г. специального Постановления ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы среди граждан немецкой национальности»

[АП РК. Ф. 708. Оп. 58. Д. 52. Л. 21а–21б]. Уполномоченные СДРК в областях принимали меры по учету религиозных объединений немцев, выявляли подпольные группы, изучали характер деятельности общин, взгляды и настроения служителей культа и верующих, проводили кустовые семинары-совещания, на которых делились опытом борьбы с подпольными сектами.

В феврале 1985 г. было принято Постановление СДРК при СМ СССР «О ходе упорядочения сети религиозных объединений, состоящих из верующих граждан немецкой национальности» [ГА АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 303. Л. 1]. В рамках его реализации была составлена статистика по количеству таких объединений (см. табл. 4).

Согласно приведенным данным, наибольшее количество общин с концентрацией граждан немецкой национальности находилось в Казахстане, а деятельность 118 общин характеризовалась как «противозаконная». Между тем процент зарегистрированных объединений заметно вырос; если

Таблица 3. Состав сект г. Караганды в 1976 г.
[Table 3. Karaganda-based sects, 1976]

Наименование культа	Всего членов, в том числе немецкой национальности (чел.)
Евангельские христиане-баптисты	1 304 / 705
Меннониты братские	869 / 869
Меннониты церковные	368 / 368
Лютеране	1 988 / 1988
ЕХ в духе Апостолов	300 / 73
Адвентисты Седьмого дня	95 / 53

Источник: [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–3].

в 1974 г. он составлял 13 %, то в 1984 г. — 61 %. Безусловно, этому способствовал изменившийся курс государства, отказ от политики грубого административного и идеологического давления на верующих. Вектор борьбы с религией был направлен преимущественно на совершенствование системы атеистической пропаганды [Белоусов 2017: 35–36].

В постановлении содержалась критика работы исполнительных органов Алма-Атинской, Джамбульской, Кокчетавской, Павлодарской, Кустанайской, Талды-Курганской и Чимкентской областей Казахстана по противодействию сектантским объединениям. В этих областях наблюдался значительный рост немецких религиозных объединений (см. табл. 5).

Изучение гендерного состава сектантских объединений Казахстана выявляет преобладание женщин (см. табл. 6). В общинах ЕХБ г. Караганды в 1963 г.

состояло 984 члена, из них 755 женщин [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1а. Д. 63. Л. 23]. В Семипалатинской области в 1960–1980-х гг. в общинах баптистов женщины составляли 80–90 % [АП РК. Ф. 708. Оп. 37. Д. 1293. Л. 128].

5. Практика религиозного воспитания детей-сектантов и борьба за молодежь в условиях политики «научного атеизма»

Характерной чертой внутренней жизни сектантских объединений было религиозное воспитание детей, приобщение к общине. Уполномоченный СДРК Северо-Казахстанской области В. П. Ляпунов так описывал воспитание детей в семьях верующих: «Сектанты ограждают своих детей от влияния советской культуры, тщательно скрывая это, детям запрещается посещать клубы, библиотеки, кино, театры, участвовать в спортивных мероприятиях. Музыка, пение, чтение книг не носит харак-

Таблица 4. Религиозные объединения верующих немецкой национальности в регионах СССР в 1970–1980-е гг.

[Table 4. Faith associations of ethnic Germans in regions of the Soviet Union, 1970s–1980s]

Регионы СССР	Всего немецких объединений / из них зарегистрировано		Из незарегистрированных	
	1974 г.	1984 г.	Стоят на противозаконных позициях	Могут быть зарегистрированы
Казахская ССР	352 / 47	507 / 311	118	78
РСФСР	214 / 28	385 / 183	106	96
Киргизская ССР	74 / 18	74 / 38	27	11
Таджикская ССР	20 / 3	31 / 10	11	10
Узбекская ССР	13 / 2	27 / 17	9	1

Источник: [ГА АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 3–9].

Таблица 5. Религиозные объединения верующих немецкой национальности в Казахстане в разрезе областей

[Table 5. Faith associations of ethnic Germans in Kazakhstan. Details by regions]

Области	Всего немецких объединений/ из них зарегистрировано		Из незарегистрированных	
	1974	1984	Стоят на «противо- законных позициях»	Могут быть заре- гистрированы
Алма-Атинская	25/7	44/25	18	1
Джамбульская	42/2	44/30	10	4
Кокчетавская	36/2	69/38	10	21
Карагандинская	24/6	40/27	9	4
Кустанайская	25/7	37/25	6	6
Павлодарская	42/2	46/25	11	10
Северо-Казахстанская	19/1	24/16	5	3
Семипалатинская	20/3	19/16	-	3
Талды-Курганская	38/6	34/18	15	1
Чимкентская	18/3	43/17	8	18
Целиноградская	22/4	38/30	8	-
Всего	352/47	507/311	118	78

Источник: [ГА АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 3–9].

Таблица 6. Состав общин адвентистов, пятидесятников и иеговистов по полу, в % к общему количеству верующих в культе

[Table 6. Adventists, Pentecostals, Jehovah's Witnesses by sex, % of the total number of believers]

Наименование культа	Соотношение в общинах (%)	
	Мужчин	Женщин
Евангельские христиане-баптисты	19,6 %	80,4 %
Лютеране	27 %	73 %
Католики	27,3 %	72,7 %
Адвентисты Седьмого Дня	35,8 %	64,2 %
Пятидесятники	43,8 %	56,2 %
Иеговисты	55,5 %	44,5 %

Источник: [ЦГА РК. Ф. Р-2079. Оп. 1. Д. 3. Л. 84–98].

тер прямого запрета, но ребенка с ранних лет приучают любить музыку и пение тех мотивов, которые приняты в секте. С раннего возраста ребенка учат молиться, а затем заучивать целые молитвы. Никогда открыто не говорят, что запрещают детям посещать культурные советские уч-

реждения» [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 81. Л. 13].

Приверженцы АСД воспитывали детей в духе сектантских требований «о соблюдении субботы» и отказе от учебы в этот день [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 85. Л. 21]. Первое причастие у лютеран проводилось в воз-

расте 14–15 лет. Ему предшествовала «конфирмация» — экзамен на знание детьми «закона божьего», проводимый пастором. В некоторых областях Казахстана пасторов не было, лютеране обращались в советские органы за разрешением пригласить к ним пастора из другой области страны. Власти под различными предлогами отказывали верующим [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 85. Л. 22]. В общинах ЕХБ, пятидесятников, меннонитов в дни религиозных праздников дети принимали участие в религиозных хорах. В пос. Батамши Актюбинской области община меннонитов организовала хор школьников, исполнявших песни религиозного содержания. Активная участница хора, ученица 9 класса Л. Д. Классен отказалась от комсомольского билета, заявив: «В комсомол вступила по ошибке и лишь в общине баптистов узнала истину» [АП РК. Ф. 708. Оп. 42. Д. 228. Л. 6]. Религиозное воспитание детей и вовлечение их в религиозные практики квалифицировались советскими органами как нарушение религиозного законодательства.

Под пристальным вниманием государственных структур, органов образования и общественности были семьи, в которых мать и отец были сектантами, либо если главой семьи была мать-сектантка. Воспитание детей в таких семьях осуществлялось в духе религиозных убеждений, дети становились сектантами. По наблюдениям уполномоченных, влияние матери-сектантки в семье было сильнее, чем влияние отца, более равнодушно относящегося к воспитанию своих детей. И если юноша или девушка уходили из сектантских семей, то, как правило, «под влиянием неверующего отца», либо «под влиянием школы» [ГА СКО. 2376. Оп. 1. Д. 81. Л. 15].

Деятельность сектантских объединений вызывала у советских органов большую обеспокоенность, чем мусульманских или христианских (РПЦ), так как сектанты вовлекали в общины молодежь. Уполномоченный СДРК Северо-Казахстанской области В. П. Ляпунов писал: «Если основной целью деятельности мусульманских общин является стремление к увеличению доходов общины, то основное направление деятельно-

сти общины ЕХБ заключается в значительном увеличении численного состава общины за счет молодых и стремление поднять ее до уровня руководящей областной религиозной инстанции» [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 81. Л. 6]. Члены Комиссии по контролю за соблюдением законодательства о культах г. Целинограда в докладе по итогам посещения сектантских собраний отмечали: «Обеспокоенные снижением религиозности, старением и естественной убылью общин и групп, секты баптистов-раскольников принимают активные меры к пополнению их главным образом за счет молодежи. Они ведут активную борьбу за молодежь, связывая с ней будущее религии. В проповедях религиозные деятели стремятся „осовременить“ религиозную идеологию и внушить молодежи мысль, что между наукой и религией не существует противоречий, что они находятся в гармонии, взаимно дополняя друг друга» [ГА ГА. Ф. 33. Оп. 2. Д. 98. Л. 198].

Об активном вовлечении молодых в сектантские группы говорят архивные источники. Две баптистские общины г. Алма-Аты в 1957 г. приняли через водное крещение в свои ряды 102 новых члена, из них 57 были студентами институтов и учащиеся техникумов. В общину АСД вступило 90 чел., из них более половины молодежь до 25 лет. Руководитель группы М. Кулаков, ранее судимый за религиозную деятельность, создал внутри общины «Комитет молодежи». Члены комитета вели работу среди молодежи, по субботам проводили «юношеские собрания», ездили по близлежащим селениям, агитируя молодых ступить в секту [АП РК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 1471. Л. 13, 15]. В поселении Мартук Актюбинской области нелегальная община ЕХБ за шесть месяцев 1967 г. увеличилась на 70 чел., из которых 52 были молодые люди [АП РК. Ф. 708. Оп. 42. Д. 228. Л. 6]. В католических общинах Караганды молодые люди составляли 40–45 %, у баптистов-раскольников — до 30 % [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 123. Л. 12]. Последователи СЦ ЕХБ г. Алма-Аты практиковали слеты молодых верующих. В июне 1977 г. они организовали «молодежное собрание» в ущелье Марсалан Талгарского

района Алма-Атинской области с участием более 500 молодых людей из Алма-Атинской области, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 122. Л. 16]. Пятидесятники-воронаевцы нелегально открывали «Воскресные школы» [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 127. Л. 32].

6. О мерах государства по противодействию сектантам

Государственные органы вели борьбу с религиозными объединениями, ведущими «противозаконную» деятельность. «Противозаконной» считалась деятельность общин, открыто не признававших советское законодательство и уклоняющихся от регистрации. К таковым относились группы иеговистов, пятидесятников-воронаевцев, баптистов-раскольников, братских меннонитов. На особом контроле властей была деятельность пятидесятников и АСД. Свое отношение к советской власти они определяли так: «Нет власти, кроме как от Бога» [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 85. Л. 34]. К долгу службы в армии подходили с отговорками, признавая обязанность, но полагая, что служба не должна выражаться в нарушении божьей заповеди «не убий». Молодые сектанты не уклонялись от призыва в армию, но стремились занять в ней место, не связанное с применением оружия. Одним из основных догматов АСД был отказ от работы «в день седьмой субботы» для общения с богом. Невыход на работу не одобрялся властью, особенно в периоды активных сельскохозяйственных работ. Многочисленные по составу общины пятидесятников и субботников действовали в Карагандинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областях, в г. Алма-Ате [АП РК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 1431. Л. 15].

Немало хлопот партийным и государственным функционерам доставляла деятельность 29 групп баптистов-раскольников, находившихся под влиянием подпольного сектантского центра [ГА АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 102. Л. 39]. Они имели тесные связи с единоверцами в других областях и городах СССР, часто выезжали для координации действий, приглашали духовных лидеров в свои регионы, постоянно контактирова-

ли с «представителями центра» [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 85. Л. 36].

В 1975 г. вышло Постановление ЦК КП Казахстана «Об активизации политической вредной и антиобщественной деятельности реакционной части церковно-сектантского актива в республике» [ЦГА РК. Ф. 2079. Оп. 1. Д. 6. Л. 21–23]. В постановлении отмечалось: «Отдельные экстремистки настроенные лица в религиозных объединениях проявляют действия, носящие антиобщественный, политически вредный характер, подогревают эмиграционные настроения, порочат советский государственный и общественный строй, искажают положение церкви в СССР» [ГА КОО. Ф. 1п. Оп. 25. Д. 67. Л. 7–9]. В отчетах уполномоченных за 1960–1980 гг. излагаются факты проведения руководителями сект тайной агитации, сбора подписей и коллективных заявлений на выезд в ФРГ, призывы к отказу от советского гражданства, подстрекательства верующих к игнорированию законодательства о культах [ГА ГА. Ф. 33. Оп. 2. Д. 54. Л. 49; ГА КОО. Ф. 1п. Оп. 25. Д. 67. Л. 10].

В советской повседневной практике сложилось негативное восприятие сектантских общин. В этом отчасти виноваты советские органы власти, в ведении которых были вопросы религии. В отчетах они всячески демонизируют сектантов и их духовных лидеров. Уполномоченный СДРК по Северо-Казахстанской области В. П. Ляпунов так характеризовал баптистов: «Общины ЕХБ это антисоветски настроенные люди, которые поставили перед собой цель отгородиться стенами молитвенного дома от советского общества. Они стремятся создать свой собственной мирок, управляемый своими законами и прописями своей морали. Все, что может принести ущерб этой замкнутой общине, что может ее скомпрометировать, не должно выноситься за ее пределы» [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 47. Л. 10]. Об общинах пятидесятников и АСД он писал: «Члены общины являются людьми недостаточной культуры, не позволяющей им подняться над религиозными предрассудками и критически отнестись к ним» [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 61. Л. 3].

Между тем не все сектантские общины

были настроены враждебно по отношению к советской власти, надеясь на компромисс с государством. Руководитель общины старообрядцев-беспоповцев Н. С. Естеев в беседе с уполномоченным СДРК по Кызыл-Ординской области Ж. Б. Боташевым заявил: *«Наша деятельность не направлена против советской власти. Мы всегда стараемся внушить верующим, что советская власть дана богом, а поэтому мы требуем от них неукоснительно исполнять законы»* [ГА КОО. Ф. 808. Оп. 1. Д. 6. Л. 90]. Такие заявления чиновниками расценивались как *«приспособленчество духовенства к современным условиям, стремление их примирить религию и советскую власть»* [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 62. Л. 36].

Большинство сектантских объединений не имели специальных культовых зданий и проводили молитвенные собрания в арендуемых у частных лиц помещениях. Так, объединения ЕХБ в СССР в 1960-е гг. имели в своем пользовании всего 433 молитвенных здания, переданных им государством, а 1 210 объединений проводили молитвенные собрания в арендуемых помещениях [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 95. Л. 16]. Чиновники на местах под предлогом нарушения верующими требований санитарной или пожарной инспекций необоснованно закрывали молитвенные дома. Действия чиновников вызывали недовольство верующих, в связи с чем много жалоб и заявлений поступало в ЦК КПСС и СДРК при СМ СССР. Закрытие молитвенных домов административными методами подталкивало верующих к нелегальной деятельности.

Запретительные меры в отношении сектантов лишь активизировали их деятельность. В отчетах уполномоченных мы обнаруживаем много фактов самовольного строительства верующими объектов культа. В г. Павлодаре сторонники СЦ ЕХБ построили молитвенный дом и оборудовали подземный бункер, который, по сведениям уполномоченного, *«использовался для противозаконных целей»* [ГА АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 3]. В пос. Осакаровке Карагандинской области баптисты-раскольники построили здание молитвенного дома без разрешения местных органов [ГА КОО.

Ф. 1п. Оп. 25. Д. 67. Л. 7]. Приверженцы ИПЦ, проживавшие на железнодорожном разъезде близ г. Темир-Тау, создали подпольный монастырь с монахами и монашками [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 59. Л. 5].

В регионы из ЦК КПСС и правительства регулярно поступали инструктивные указания, разъяснения и распоряжения о недопустимости подмены воспитательной работы с верующими жестким администрированием их деятельности. Приведем выдержку из Постановления СДРК при СМ СССР от 16 октября 1965 г.: *«Если местные органы власти не могут предоставить верующим в пользование специальное помещение, то они не должны чинить препятствий к устройству молитвенных собраний и исполнению обрядов в других помещениях, приобретенных верующими в установленном порядке или предоставленных им частными лицами на правах аренды»* [ГА СКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 101. Л. 29].

Одной из форм контроля религиозных групп было посещение агентами советской власти и общественными активистами молитвенных собраний. Чтобы минимизировать такой контроль, религиозные объединения часто разбивались на мелкие группы и проводили молитвенные собрания в домах и на квартирах верующих, а иногда даже под открытым небом [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 122. Л. 3]. Наиболее радикальные лидеры общин предлагали инспектирующим покинуть собрания. Пресвитер общины ЕХБ г. Целинограда В. С. Соловьев попросил проверяющих чиновников удалиться со словами: *«У вас бывают закрытые партийные собрания, и у нас сейчас закрытое баптистское собрание»* [ГА ГА. Ф. 33. Оп. 2. Д. 32. Л. 10].

В борьбе с семейным религиозным воспитанием применялась практика проведения собраний общественности города, так называемые «суды общественности», на которых верующим родителям выносили порицания, грозили уголовным преследованием. Лишение родительских прав родителей-сектантов было крайней мерой, и на практике такая мера применялась довольно редко, так как могла вызвать протестную реакцию со стороны верующих. В источниках

выявлено несколько подобных фактов. В 1963 г. был лишен родительских прав член общины ЕХБ в Восточно-Казахстанской области А. Я. Акава, имеющий девять детей, но впоследствии был восстановлен в правах [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 173. Л. 187–196].

В борьбе с сектантским подпольем применялись разные меры наказания, от административных штрафов до более крайних мер: осуждение по уголовным статьям, высылка в отдаленные районы и области. В январе 1958 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР издал Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» [Ведомости Верховного Совета РСФСР 1961: 286], известный в народе как «Указ о тунеядцах». Он стал правовой основой для вынесения собраниями общественности постановлений о высылке в отдаленные районы и области верующих-активистов. В соответствии с Указом в 1958 г. из Карагандинской области было выслано 19 чел. с обязательным привлечением к труду в местах ссылки, 3 чел. лишены родительских прав [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 59. Л. 5–8]. По Указу с 1958 г. по 1961 г. из республики выслано 25 чел. [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 173. Л. 194].

Управление Комитета государственной безопасности при СМ Казахской ССР по Карагандинской области в сентябре 1961 г. возбудило уголовное дело против руководителей и активных участников нелегальной организации иеговистов «Обвод», в ней состояло 220 чел. Организация объединяла нелегальные группы и кружки иеговистов в городах: Караганде — 6 групп, Джезказгане — 8, Балхаше и пос. Никольском — по 4 группы [ГА КОО. Ф. 1364. Оп. 1а. Д. 31. Л. 84–95].

В период с 1961 г. по 1965 г. в СССР было осуждено 1 234 верующих. Наибольшее количество осужденных проживало в пяти республиках: РСФСР — 640, Украинская ССР — 324, Казахская ССР — 98, Белорусская ССР — 76, Узбекская ССР — 40. Из 98 осужденных казахстанцев 81 были членами общин ЕХБ и меннонитов, 6 — АСД, 6 — приверженцы истинно православной

церкви, 3 — пятидесятники, 2 — иеговисты [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 173. Л. 189]. В связи с этим с середины 1960-х гг. увеличивается поток жалоб верующих в центральные органы, в которых сообщалось о дискриминации по религиозным чувствам. Росту протестного движения способствовало и создание в 1964 г. в СССР христианской правозащитной организации — Совета родственников узников ЕХБ. С 1971 г. Совет выпускал нелегальный «Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ», в котором печатались информация о гонениях и преследованиях за религиозные убеждения. Рост протестных движений заставлял власть идти на уступки. По указанию высших органов решения местных горисполкомов пересматривались и отменялись. В Казахской ССР были отменены решения в отношении 36 осужденных в 1964 г. [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 173. Л. 194].

Практика обращения верующих с письмами-протестами в высшие инстанции продолжалась до развала Советского Союза. За девять месяцев 1980 г. в СДРК при СМ СССР поступило 59 коллективных писем и заявлений от сторонников СЦ ЕХБ из разных регионов страны, в том числе из Джезказганской, Павлодарской, Тургайской, Семипалатинской и Целиноградской областей Казахской ССР [ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1759. Л. 96–102]. Так, сообщалось, что у гражданки Л. Майер в г. Щучинске провели обыск и изъяли духовную литературу [Бюллетень 1982б: 31]. Для сектантов выплата штрафов была ощутимым наказанием, так как семьи верующих, как правило, были многодетными и материально нуждающимися.

В письмах верующие поднимали вопросы дискриминации по религиозным воззрениям не только взрослых, но и детей, приводили факты их унижения и преследования, описывали приемы обмана и психологического давления на детей. Баптисты села Ольгино Павлодарской области в жалобе на имя Генерального прокурора СССР писали: *«Во время допроса наших детей следователем Н. С. Любимовым были допущены грубости, крики, обман. Детей вызывал ложным путем в школу, якобы поливать*

приусадебный участок, а в действительности для допроса, при этом обещал детям подарки, запрещал им об этом говорить родителям» [Бюллетень 1982а: 24]. Сектанты Казахстана были активными участниками общесоюзного религиозного протестного движения, сами обращались с письмами в центральные органы и подписывали письма в поддержку осужденных единоверцев из других регионов СССР.

7. Выводы

Развитие сектантского подполья в Казахстане в 1940–1980-е гг. характеризуется периодами спада и подъема и, в целом, вписывается в общую логику религиозного движения в СССР, обусловленную вероисповедной политикой государства. Региональная особенность проблемы заключалась в высокой степени религиозной гетерогенности Казахстана, которая обусловлена была историческими процессами миграций в край в дореволюционный и советский периоды истории. Дискурсивный анализ архивных документов выявляет глубокие противоречия во взаимоотношениях государства с сектантскими объединениями на всем протяжении рассматриваемого периода. И виной этому была не только позиция части сектантских общин, не признававших советское религиозное законодательство и уклоняющихся от регистрации. Противоречия состояли в том, что чиновники на местах всячески препятствовали регистрации общин (дабы не испортить статистику), и в тоже время обвиняли сектантов в противозаконной нелегальной деятельности. Стремление к компромиссу с советской властью

лояльной части сектантства не всегда поддерживалось властными структурами. Непоследовательность в действиях местных органов только разжигала антагонизм и вынуждала секты действовать скрытно.

Лидеры наиболее радикальных сект выражали свое несогласие с религиозной политикой государства, называя ее недемократической и ущемляющей их права. Находясь в статусе незарегистрированных, они продолжали нелегально проводить богослужения и исполнять требы. Государство применяло разные формы и методы противодействия сектантскому подполью: от предупредительных бесед до более крайних мер. Но даже репрессивные меры в виде административных штрафов, закрытия объектов культа, разгона молитвенных собраний, конфискации религиозной литературы, арестов и высылки духовных лидеров не были эффективны. Жесткий контроль и администрирование духовной жизни сектантов не ослабляли деятельность общин, наоборот, формировали у них протестное настроение.

В 1940–1980-е гг. преобладающее большинство сектантских объединений в Казахстане продолжали вести нелегальную религиозную жизнь. Формы ее проявления в рассматриваемый период практически не менялись, несмотря на послабления в конфессиональной политике государства в брежневский и горбачевский периоды. Заметные изменения происходят в 1980-е гг., когда круг участников религиозного подполья уменьшается, количество зарегистрированных сектантских общин в республике возрастает. Центр религиозной жизни сект постепенно перемещается в легальную сферу.

Источники

- АП РК — Архив Президента Республики Казахстан.
 Бюллетень 1982а — Бюллетень совета родственников узников ЕХБ в СССР. 1982. № 107. 105 с.
 Бюллетень 1982б — Бюллетень совета родственников узников ЕХБ в СССР. 1982. № 109. 109 с.
 ГА АК — Государственный архив Алтайского края.

Sources

- Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
Bulletin of the Council of Relatives of Prisoners of the ECB in the USSR. 1982. No. 107. 105 p. (In Russ.)
Bulletin of the Council of Relatives of Evangelical Christian Baptist Prisoners in the USSR. 1982. No. 109. 109 p. (In Russ.)
 State Archive of Altai Krai.

ГА ГА — Государственный архив г. Астаны.	State Archive of Astana.
ГА КОО — Государственный архив Кызыл-Ординской области.	State Archive of Qyzylorda Region.
ГА КостО — Государственный архив Костанайской области.	State Archive of Kostanay Region.
ГА ПО — Государственный архив Павлодарской области.	State Archive of Pavlodar Region.
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.	State Archive of the Russian Federation.
ГА СКО — Государственный архив Северо-Казахстанской области.	State Archive of North Kazakhstan Region
ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.	Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.

Литература

- Алпыспаева и др. 2022 — *Алпыспаева Г. А., Саметова Г. С., Джумалиева Л. Т.* Конфессиональное измерение переселенческой политики самодержавия в Казахском крае в начале XX века: борьба с сектантским прозелитизмом // *Bylye Gody*. 2022. № 17(2). С. 975–985. DOI: 10.13187/bg.2022.2.975
- Артемьев 2010 — *Артемьев А. И.* Свидетели Иеговы Казахстана и Средней Азии: историко-религиоведческий анализ. Изд. 2-е, перераб. и доп. Алматы: Кочевники, 2010. 349 с.
- Беглов 2008 — *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Арефа, 2008. 352 с.
- Белоусов 2016 — *Белоусов С. С.* Служебная деятельность уполномоченных по делам религиозных культов в Калмыцкой АССР в 1960–1991 гг. // *Вестник Калмыцкого научного центра РАН*. 2016. № 1(23). С. 73–80. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-73-80
- Белоусов 2017 — *Белоусов С. С.* Государственная власть и православные приходы Калмыкии в условиях перестройки советского общества (вторая половина 1980-х гг. – 1991 г.) // *Вестник Калмыцкого научного центра РАН*. 2017. № 30(2). С. 34–43. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-30-2-34-43
- Белякова, Добсон 2015 — *Белякова Н. А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследования и источники. М.: Индрик, 2015. 512 с.
- Бургарт 2010 — *Бургарт Л. А.* Из истории католической веры и церкви в Казахстане. Усть-Каменогорск, 2010. 155 с.

References

- Alpyspaeva G. A., Sametova G., Jumaliyeva L. T. The confessional dimension of the resettlement policy of the autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: The fight against sectarian proselytism. *Bylye Gody*. 2022. Vol. 17. No. 2. Pp. 975–985. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2022.2.975
- Artemyev A. I. Jehovah's Witnesses in Kazakhstan and Central Asia: Historical and Religious Analyses. Almaty: Kochevniki, 2010. 349 p. (In Russ.)
- Beglov A. In Search of 'Ideal Church Catacombs': Church Underground Movement in the Soviet Union. Moscow: Arefa, 2008. 352 p. (In Russ.)
- Belousov S. S. The official activities of the Commissioners of religious cult affairs in the Kalmyk ASSR in 1960–1991. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No.1. Pp. 73–80. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-73-80
- Belousov S. S. Governmental authorities and Orthodox parishes in Kalmykia during the transitional period of Soviet Perestroika (the second half of the 1980s – 1991). *Oriental Studies*. 2017. Vol. 10. No. 2. Pp. 34–43. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-30-2-34-43
- Belyakova N. A., Dobson M. Women in Evangelical Communities of the Postwar Soviet Union, 1940s – 1980s: A Study and Sources. Moscow: Indrik. 2015. 512 p. (In Russ.)
- Burgart L. A. Catholic Faith and Church in Kazakhstan: Glimpses of History. Ust-Kamenogorsk, 2010. 155 p. (In Russ.)

- Бургарт 2013 — *Бургарт Л. А.* Перепись населения Республики Казахстан 2009 г.: вопрос о вероисповедании // *Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. науч. тр. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Семей, 26–27 сентября 2013 г.), под. ред.: Алексеенко А. Н., Краснобаевой Н. Л., Сарсембаевой Г. А.* Семей: Сальменова Д. М., 2013. С. 33–47.
- Ведомости Верховного Совета РСФСР 1961 — *Ведомости Верховного Совета РСФСР (1957–1989).* М.: Верховный Совет РСФСР, 1961. № 18 (139). Ст. 273. С. 286–287.
- Дашковский, Монгуш 2023 — *Дашковский П. К., Монгуш А. В.* Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // *Oriental Studies.* 2023. Т. 16. № 5. С. 1152–1166. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166
- Дашковский, Монгуш 2024 — *Дашковский П. К., Монгуш А. В.* Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. // *Oriental Studies.* 2024. Т. 17. № 3. С. 25–539. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539
- Мажитова и др. 2023 — *Мажитова Ж. С., Ильясова К. М., Шамишева Г. С., Шукеева А. Т., Еспенбетова А. Т., Утегенов М. З.* История религиозной жизни немецкого населения Северо-Казахстанской области в конце 1950-х гг. по докладным запискам в Совет Министров СССР (по материалам Северо-Казахстанского государственного архива) // *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Гумилева. Сер.: Исторические науки. Философия. Религиоведение.* 2023. № 4(145). С. 92–109. DOI: 10.32523/2616-7255-2023-145-4-92-109
- Малгараева, Камарова 2024 — *Малгараева З. Б., Камарова Р. И.* Основные тренды развития христианства в Казахстане // *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Гумилева. Сер.: Исторические науки. Философия. Религиоведение.* 2024. № 3(148). С. 329–343. DOI: 10.32523/2616-7255-2024-148-3-329-343
- Подопригора 2010 — *Подопригора Ю. И.* Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы: Полиграфсервис, 2010. 160 с.
- Burgart L. A. Kazakhstan's Census of 2009: Religion in question. In: Alekseenko A. N., Krasnobayeva N. L., Sarsembayeva G. A. (eds.) *Ethnodemographic Processes in Kazakhstan and Neighboring Territories. Conference proceedings (Semey, 26–27 September 2013).* Semey: D. Salmenova, 2013. Pp. 33–47. (In Russ.)
- Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1957–1989. Moscow: Supreme Soviet of the RSFSR. 1961. Vol. 18 (139). Article 273. Pp. 286–287. (In Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Tuva's religious communities and the change in official Soviet religious policy: Late 1940s – early 1950s. *Oriental Studies.* 2023. Vol. 16. No. 5. Pp. 1152–1166. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166
- Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Faith communities of Tuva and the mid-1940s shaping of the Soviet Government-religion relations system. *Oriental Studies.* 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 525–539. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539
- Mazhitova Zh., Ilyassova K., Shamshiyeva G., Shukkeyeva A., Yespenbetova A., Utegenov M. R. Everyday religious life of German population in North Kazakhstan Region in the late 1950s. *Bulletin of the L. N. Gumilyov ENU. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series.* 2023. Vol. 145. No. 4. Pp. 92–109. (In Russ.) DOI: 10.32523/2616-7255-2023-145-4-92-109
- Malgaraeva Z., Kamarova R. Main trends of Christianity development in Kazakhstan. *Bulletin of the L. N. Gumilyov ENU. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series.* 2024. Vol. 148. No. 3. Pp. 329–343. (In Russ.) DOI: 10.32523/2616-7255-2024-148-3-329-343
- Podoprigora Yu. I. Germans of Pavlodar's Irtysh River Valley. *Almaty: Poligrafservis,* 2010. 160 p. (In Russ.)

- Сафронов 2013 — *Сафронов Р. О.* Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2013. № 5(49). С. 96–112.
- Савин 2019 — *Савин А. И.* «Религиозная организация действует самовольно»: нелегальные молитвенные дома в позднюю советскую эпоху // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 2(45). С. 109–121. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-2-109-121
- Шмидт 2021 — *Шмидт В.* Немецкие конфессии Казахстана // Восточный архив. 2021. № 1(43). С. 85–90. DOI: 10.31696/2072-5795-2021-1-85-90
- Шумило 2024 — *Шумило С.* Нелегальные связи между РПЦ и катакомбными обществами в СССР в 1960-е-1980-е годы // *Textus et Studia*. Краков. Польша. 2024. № 1(37). С. 133–171. DOI: 10.15633/tes.10106
- Safronov R. O. Sect studies in USSR: Terminology and approaches. *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2013. No. 5 (49). Pp. 96–112. (In Russ.)
- Savin A. I. “Religious organization is functioning without permit”: Illegal praying houses during the late Soviet era. *Bulletin of Perm University. History*. 2019. No. 2 (45). Pp. 109–121. (In Russ.) DOI: 10.17072/2219-3111-2019-2-109-121
- Schmidt W. German denominations in Kazakhstan in 1945–1960s. *Oriental Archive*. 2021. No. 1 (43). Pp. 85–90. (In Russ.) DOI: 10.31696/2072-5795-2021-1-85-90
- Shumylo S. Clandestine connections between the ROCOR and Catacomb communities in the USSR from the 1960s to the 1980s. *Textus et Studia*. 2024. No. 1 (37). Pp. 133–171. (In Russ.) DOI: 10.15633/tes.10106

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 139–151, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(470) + 821.411.21 + 930
 DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-139-151

Рассказ о башкирах географической школы ал-Балхй: содержание, источники, верификация

Салават Ишмухаметович Хамидуллин¹

¹ Уфимский университет науки и технологий (д.32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий специалист

0000-0002-6251-7537. E-mail: [hamidullah\[at\]mail.ru](mailto:hamidullah[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Хамидуллин С. И., 2025

Аннотация. *Введение.* Ученые классической школы арабо-мусульманской географии X в., или школы ал-Балхй, донесли до нашего времени большой объем информации о народах Восточной Европы. *Цель.* В статье рассматривается рассказ о башкирах в произведениях представителей школы ал-Балхй с целью выявления его источников и верификации достоверности приводимых в нем известий. *Материалы и методы.* Источниками исследования являются списки рукописей и опубликованные критические тексты «Китаб масалик ал-мамалик» («Книга путей царств»), автором которого является Абӯ Исхāқ Ибрахīm ал-Истахрй, а также труд Абӯ-л-Қāсима ибн Хауқāля ан-Насйбй, разновременные редакции которого были изданы под двумя названиями — «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и царств») и «Китаб сурат ал-ард» («Книга картины земли»). Кроме того, в статье рассмотрен картографический материал, сопровождавший перечисленные тексты. Для достижения заявленной цели были применены источниковедческий и историко-текстологический анализ, сравнительно-исторический метод. *Результаты.* Основным источником школы ал-Балхй о народах Восточной Европы были рассказы горганных, хорасанских и прочих купцов и путешественников Каспийского региона, освоивших Волжский речной путь. Они посещали «внутренних башкир» в Причерноморье, о чем говорит наличие соответствующего итинерария и обозначение места их жительства на круглой карте мира. В отличие от них путь к башкирам Южного Урала, так называемым «внешним башкирам», им был знаком гораздо хуже. Поэтому основную часть своего рассказа о южноуральских башкирах географы классической школы позаимствовали у других авторов. *Выводы.* Рассказ о башкирах школы ал-Балхй представляет собой многослойный нарратив, в который, предположительно, вошли сведения из сочинений Ибн ал-Муқāффа, Ибн Фадлāна, ал-Мас'ūdй, а также показания восточных купцов и путешественников.

Ключевые слова: школа ал-Балхй, ал-Истахрй, Ибн Хауқаль, Масалик, Атлас Ислама, Бахр ал-Хазар, башджирт, «внутренние башкиры», «внешние башкиры»

Для цитирования: Хамидуллин С. И. Рассказ школы ал-Балхй о башкирах: содержание, источники, верификация // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 1. С. 139–151. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-139-151

The Narrative of Bashkirs by the Balkhī School: Essentials, Sources, Verification

Salavat I. Khamidullin¹

¹ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Specialist

 0000-0002-6251-7537. E-mail: hamidullah[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Khamidullin S. I., 2025

Abstract. *Introduction.* Scholars of the tenth-century classical school of Arab-Muslim geography — or the al-Balkhī school — have preserved a large amount of information about the peoples of Eastern Europe. *Goals.* The article examines the narrative of Bashkirs in the works of the Balkhī school to identify its sources and verify the reliability of messages contained therein. *Materials and methods.* The study focuses on manuscripts and published critical texts of Kitāb masālik al-mamālik ('Book of Roads of the Kingdoms') authored by Abū Ishāq Ibrāhīm al-Iṣṭakhrī, as well as the work of Abū-l-Qāsim ibn Hauqal an-Naṣībī distinguished by that its various editions were published under two titles — Kitāb al-masālik wa-l-mamālik ('Book of Roads and Kingdoms) and Kitāb ṣūrat al-arḍ ('Book of Depicting the Earth'). In addition, the article reviews the cartographic material accompanying the mentioned texts. To facilitate these, the work employs tools of source analysis, textual criticism, and those of the comparative historical method. *Results.* The main source of the Balkhī school about the peoples of Eastern Europe was testimonies of merchants and travelers from Gorgan, Khorasan and other localities of the Caspian who mastered the Volga River Route. They visited the 'inner Bashkirs' in the Black Sea region, which is evidenced by the presence of a corresponding itinerary and the designation of the latter's place of residence on the round world map. Meanwhile, the route to the Bashkirs of the Southern Urals — the so-called 'outer Bashkirs' — was less familiar to them. Therefore, the geographers of the Classical school borrowed major parts of their narrative pertaining to the South Ural Bashkirs from other authors. *Conclusions.* The narrative of the Bashkirs of the Balkhī school is essentially multi-layered, and may have been compiled from writings of Ibn al-Muqaffa', Ibn Faḍlān, al-Mas'ūdī, as well as from messages delivered by Muslim merchants and travelers.

Keywords: Balkhī school, al-Iṣṭakhrī, Ibn Hauqal, Masālik, Atlas of Islam, Baḥr al-Khazar, bashjirt, 'inner Bashkirs', 'outer Bashkirs'

For citation: Khamidullin S. I. The Narrative of Bashkirs by the Balkhī School: Essentials, Sources, Verification. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 139–151. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-139-151

1. Введение

Произведения ученых классической школы арабо-мусульманской географии имеют огромное значение для истории народов Евразии, обитавших в раннем средневековье к северу от мамлакат ал-ислām, т. е. Багдадского халифата. Известия о хазарах, булгарах, бургасах, русах, славянах, башкирах и др., сохранившиеся в традиции ал-Балхī, а также в работах ал-Джайхāнī, Ибн Руста, ал-Мас'ūdī, ал-Марвазī, Гардīзī, анонимном сочинении «Худūd ал-'ālam»

и других составили, по формулировке Б. Н. Заходера, «Каспийский свод сведений о Восточной Европе», отличительной чертой которого был «волжский характер» тематики [Захoдeр 1962: 36]. Таким образом, представители классической школы, основоположником которой был Абū Зайд Ахмад ал-Балхī, оставили первое дошедшее до нас описание народов Восточной Европы, населявших территорию Волжской речной системы.

2. Материалы и методы исследования

В данной статье представлен источниковедческий и историко-текстологический анализ рассказа о башкирах, наличествующий в текстах географов школы ал-Балхй. Согласно распространенному мнению, ал-Балхй завершил свой труд «Сувар ал-ақāлим» («Изображения климатов»)¹ около 308–309 гг. хиджры (920–921 гг.) [De Goeje 1871: 49; Крачковский 1957: 195]. До сих пор считалось, что он утрачен, однако в последние годы появилась надежда на обратное². Так или иначе, первым из бесспорно дошедших до нас произведений классической школы является «Китāб масāлик ал-мамāлик» («Книга путей царств»), автором которого был Абū Исхāқ Ибрāхīm ал-Истахрй. Сочинение последнего, представлявшее собой «второе, сильно дополненное издание» работы ал-Балхй, было составлено между 930 и 933 гг. [De Goeje 1871: 57; Бартольд 1973: 520; Заходер 1962: 79; Ahmad 1991: 581]. Ал-Муқаддасй, знакомый с работой ал-Балхй, писал, что тот «имел намерение привести в своей книге карты (ал-амсила) и изображение (сūra) земли, потом разделил ее на двадцать частей и вкратце прокомментировал каждую карту (мисāl)» [Mokaddasi 1877: 4].

Третьим после ал-Истахрй представителем рассматриваемой географической традиции был Абū-л-Қāсим ибн Хауқаль ан-Насйбй, который завершил свое произведение около 977 г. Списки последнего имели хождение под разными названиями, поэтому критический текст, опубликованный М. Я. де Гье, именуется «Китāб ал-масāлик ва-л-мамāлик» («Книга путей и царств») [Ibn Haukal 1873], а издание Й. Х. Крамерса — «Китāб сūрат ал-ард» («Книга картины земли») [Ibn Haukal 1939]. Ибн Хауқаль значительно обновил работу ал-Истахрй, но

¹ Ал-Балхй, вслед за своими предшественниками (ал-Фаргāнй, ал-Хвāризмй), заимствовал греческое название широтного пояса «климат» (араб. *иклим*), придав ему значение географического региона.

² По утверждению казахстанской исследовательницы Р. Б. Кумековой, в Институте арабских рукописей Лиги арабских стран в Каире была обнаружена рукопись сочинения ал-Балхй [Кумекова 2013: 325].

интересующий нас блок сведений о башкирах остался почти неизменным.

Наконец, Шамс ад-Дүн Абū ‘Абдуллах Мухаммад ал-Муқаддасй, чей трактат «Ахсан ат-тақāсим фй ма‘рифати ал-ақāлим» («Лучшее разделение для познания климатов») был завершен во второй редакции в 988–989 гг., считается последним представителем традиции ал-Балхй. В его сочинении рассказ о буртасах и башкирах отсутствует, вероятно, из-за категорического отказа от повторений и плагиата, заявленного автором [Mokaddasi 1877: 6]. Однако сводка сведений, касающаяся других обитателей округа (*кūra*) ал-Хазар (хазар, волжских болгар, русов), в его сочинении все же наличествует. Подобная избирательность объясняется тем, что относительно последних он имел оригинальную информацию, которую он, действительно, приводит в соответствующем месте, тогда как для буртасов и башкир таковая, по всей видимости, отсутствовала. Поэтому сочинение ал-Муқаддасй в данной статье не рассматривается.

Последовательную череду наслаивавшихся друг на друга текстов Балхй-Истахрй-Ибн Хауқаль исследователь арабо-мусульманской географии М. Я. де Гье обобщенно назвал «Масāлик» [De Goeje 1871: 47]. Ал-Истахрй и Ибн Хауқаль строго придерживались структуры, однажды заданной основоположником школы. Она включает в себя 20 климатов с приложением к каждому из них отдельной карты. Й. Х. Крамерс писал, что «Масāлик» «представляет собой наиболее совершенное выражение „имперской“ географии мамлакат ал-ислām, как она сформировалась в IV в. хиджры» [Kramers 1932: 11]. К. Миллер охарактеризовал «Масāлик» как «Islam-Atlas» [Miller 1926: 14]. И. Ю. Крачковский предположил, что в основе «Атласа Ислама» «мог лежать даже древний „Атлас Ирана“», который воспроизводит «карты провинций старой сасанидской державы», а также тех областей, в частности берегов Каспийского моря, «которые в течение большего или меньшего времени находились в той или иной зависимости от них...» [Крачковский 1957: 208]. Дж. Тиббетс полагает, что «карты, в конечном счете, могут быть основаны на ранних

списках почтовых маршрутов, сохранившихся со времен Сасанидов» [Tibbetts 1992: 115]. Как видим, исследователи не исключали вероятности того, что свод сведений о Восточной Европе, вошедший в «Масāлик», начал формироваться еще в сасанидскую эпоху.

3. Содержание рассказа

Особо следует отметить, что в основу издания Й. Х. Крамерса был положен старейший из известных списков «Масāлик», а именно стамбульская рукопись сочинения Ибн Хауқāля 1086 г. Рассказ о башкирах в ней мало отличается от тех, которые имеются в других опубликованных произведениях школы. Его фрагменты приводятся здесь по опубликованному Й. Х. Крамерсом «Китāб сūрат ал-ард» как хронологически наиболее близкому к оригиналам ал-Балхй и ал-Истахрй.

1-й фрагмент:

و اما حدّ بلد الروم فإنّ مشارق بلادهم
المضمومة اليهم والمضافة علي مَرّ الأوقات الي ممتلكيهم
ما وجه من ناحية الثغور الشامية والجزيرة الي آخر حدود
ارمنية وشمالها من نواحي البجناكية وبشجرت وبعض بلد
الصقالية

‘Что касается границы страны ар-Рум, то, поистине, восток [ар-Рума] — это области, собранные и присоединенные с течением времени к их владению, те, что находятся со стороны портов аш-Шāmūйя и ал-Джазарūйя до крайних границ Армūнūйя; ее север [начинается] от областей (навāхй) Баджанāкūйя, Башджирт и части страны ас-Сақāлиба’ [Ibn Hauḳal 1939: 199].

Прежде чем приступить к рассмотрению первого фрагмента, необходимо сделать предварительные замечания относительно прочтения этнонима «башкир» в текстах школы ал-Балхй. В научной литературе принята конъектура *басджирт* / *башджирт*. Однако она умозрительна, так как в самых ранних списках «Масāлик» (Готский манускрипт ал-Истахрй, Стамбульский манускрипт Ибн Хауқāля), а также в «Рисāла» («Записка») Ибн Фадлāна диакритика отсутствует, — следовательно, позволительно чи-

тать *басджурт* / *башджурт*, т. е. через звук [y] во втором слоге. Такое чтение наиболее близко к самоназванию башкир, а также к форме его фиксации в башкирских земельных актах XVII–XX вв., шежере и хрониках: *bašqort* (طروقشاب), (دروقشاب), (ةدروقشاب) и др. Неоднозначность ситуации заключается в том, что Махмūd ал-Кāшгарй, огласовавший все термины и лексемы своего «Дивана», приводит этноним башкир в форме *башгирт* (بشغرت) [Kashgari 1915: 28]. По всей вероятности, *кясра* второго слога отражала в живой речи звук [ы], а не [и]. В свою очередь [ы] и [y] в тюркских языках близки друг другу. Например, название Волги стамбульской рукописи Ибн Хауқāля проводится в форме *Атул* (اتل) [Ibn Hauḳal 1939: 13]. Однако ясно, что в живой речи она должна была звучать как *Атыл* — именно так, как звучит данный гидроним на чувашском языке. Поэтому, отдавая дань традиции, мы будем следовать конъектуре известного филолога XI в., не забывая при этом, что она не вполне соответствует самоназванию башкир и форме его фиксации в автохтонных текстах.

Итак, первый фрагмент, помещающий одну группу башкир к северу от Византии (ар-Рум) по соседству с печенегами и славянами (ас-сақāлиба), содержится в главе «Бахр ар-Рум» («Византийское море») Ибн Хауқāля, но отсутствует в аналогичной главе произведения ал-Истахрй. Это не значит, что последний не был осведомлен о миграции печенегов в западном направлении, о чем говорит его фраза: «И вот выделилась из числа тюрков группа людей и поселилась между ал-Хазар и ар-Рум; их называют ал-баджанāкūйя» [Iṣṭakhrī 1927: 10]. Ал-Истахрй, как будет показано ниже, также знал о существовании другого разряда (*синф*) башкир, обитавшего рядом с печенегами и ар-Румом. Однако он не стал выносить эту информацию в главу «Бахр ар-Рум», определив ей место ниже по тексту в главе «Бахр ал-Хазар» («Каспийское море»), в которой помещена основная часть рассказа о башкирах.

Подробное объяснение причин переселения из района Аральского моря «четырех племен тюрков» в числе *баджнй* (или

йаджнй), баджжирд, баджанāк, нўкарда с описанием их набегов в 320 г. (932 г.) и 332 г. (944 г.) хиджры на провинции Византийской империи привел в своих трудах «Мурūdж аз-захаб ва ма‘āдину-л-джавахир» («Золотые луга и копи драгоценных камней») и «Китāб ат-танбих ва-л-ишрāф» («Книга предостережения и наблюдения») арабский историк X в. Абū-л-Хасан ‘Али ал-Мас‘ūdй, завершивший работу над ними незадолго до своей смерти в 956 г. Он особо подчеркнул связь названных «племен» с Черным морем, маркировав последнее их этнонимами: «Как следует из слов астрономов, обладателей зйджей и других знатоков, море [народов] ал-бургаз, ар-рўс, баджнй, баджанāк и баджжирд — а это три разновидности тюрков — это и есть море Нймас¹» [Maçoudi 1861: 262]. Причиной, побудившей Ибн Хāуқāля добавить приведенный выше фрагмент в значительно расширенную им главу «Бахр ар-Рўм», могло быть ознакомление с работами ал-Мас‘ūdй, которые подтвердили актуальность для второй половины X в. старого, отражавшего реалии конца IX – начала X в., сообщения ал-Истахрй о миграции печенегов и башкир к пределам ар-Рўма.

В связи с этим нелишне отметить один нюанс в процессе отбора им информации для главы «Бахр ар-Рўм». По собственному признанию Ибн Хāуқāля, в его распоряжении имелась недошедшая до наших дней «книга ал-Джайхāнй», в которой, как полагают исследователи, содержались сведения так называемой «Анонимной записки о народах Восточной Европы» [Ibn Hāuqal 1939: 5]. Последняя сохранилась в цитатах целого ряда авторов, но полнее всего в работе географа первой трети X в. Ибн Русте, который помещает в Причерноморье страну мадьяр (билад ал-маджжарййа) [Ibn Rosteh 1892: 142]. Таким образом, Ибн Хāуқāль, критически оценив противоречащие друг другу источники, пришел к выводу о том, что данные ал-Джайхāнй устарели, и заменил мадьяр на печенегов и башкир.

¹ Форма Нйташ или Нймас (نيطس) появилась как искажение в результате ошибочной перестановки диакритических точек в названии Бонтос (بنطس) — арабской передачи греческого названия Понт или Понтос (Черное море).

2-й фрагмент:

برطاس اسم الناحية وهم أصحاب بيوت خشب
وهم مفترشون في نواحيهم لكثرتهم وقوتهم ، ويشجرت اسم
الناحية أيضا وهم صنفان فصنف في آخر الغزاة علي ظهر
بلغار ومبلغهم نحو ألفي رجل مجتمعون في مشاجر لا يُقدر
عليهم وهم في طاعة بلغار ولبشجرت ديار متاخمة لبجناك
وهم وبجناك أتراك في جوار الروم

‘Буртāс — название области (nāḫīya); они обитатели деревянных домов; они распространены по своим областям из-за своей многочисленности и силы. И Башджирт — также название области; их две категории (синфāн). Одна категория находится в конце ал-Гуззййа позади булгār; их численность около 2 тыс. чел., недоступных в лесной местности; над ними никто не властен, [хотя] они подчиняются булгарам. И есть у башджиртов [еще] страна (дййār), которая граничит с баджанāк; они и баджанāк — тюрки, которые живут по соседству с ар-Рўм’ [Ibn Hāuqal 1939: 396].

2-й фрагмент с определенными вариациями имеется во всех изданиях «Масāлик». Однако уже в Готской рукописи (1172 г.) ал-Истахрй отсутствует его часть [Iṣṭakhrī 1839: 97]. Это видно по сюжету о буртасах, обрывающемся посередине предложения после глагола «они распространены» (مفترشون) Выпавший отрывок мы помещаем в квадратные скобки: «Буртāс — название области; они обитатели деревянных домов; они распространены [по своим областям из-за своей многочисленности и силы. И Басджирт также название области. — X. С.]; Басджирт (بسجرت) — их две категории...» (далее — в схожих по смыслу с текстом Ибн Хāуқāля словах) [Iṣṭakhrī 1927: 225]. Таким образом, из-за вероятной небрежности переписчика в тексте ал-Истахрй исчезла фраза «Басджирт также название области».

Следует отметить еще одно разночтение в текстах «Масāлик». В издании Ибн Хāуқāля, осуществленном М. Я. де Гье, имеется любопытная деталь, которой нет у ал-Истахрй: «Басджирт — бōльшая их часть (аксарухум) — граничат с баджанāк. Они и баджанāк — тюрки, граничащие с ар-Рўмом» [Ibn Hāuqal 1873: 285]. Из смысла написанного следует, что на Южном Урале

осталась меньшая часть народа. Эта подробность также отсутствует в стамбульской рукописи Ибн Хаукаля, изданной Крамерсом. Следовательно, ее появление стало результатом творчества позднейших редакторов.

3-й фрагмент:

ومن يجناك الي بشجرت الداخل عشرة أيام ومن بشجرت

الداخل الي بلغار خمس وعشرون مرحلة

‘От баджанāk до *баиджирт ад-дāхил* 10 дней, а от *баиджирт ад-дāхил* до *бұлғар* 25 переходов’ [Ibn Haukal 1939: 398].

3-й фрагмент вошел во все издания «Масāлик». Он представляет собой один из дорожников (итинерариев), приводимых в конце главы «Бахр ал-Хазар». Кроме географов школы ал-Балхй, его использовал для статьи «Башгирд» своей многотомной энциклопедии «Му‘джам ал-булдāн» арабский ученый XIII в. Йāкūt ар-Рūмй. Он писал: «Что касается ал-Истахрй, то он упоминал в своей книге: от *бāиджирд* до *булғар* 25 переходов, а от *бāиджирд* до *баджанāk*, — а они разряд (синф) тюрок, — 10 дней» [Yāqūt 1977: 323]. «Внутренними *баширами*» географы школы ал-Балхй именовали западную группу народа, т. е. башкир Причерноморья, а под «внешними» подразумевалась соответственно южноуральская группа [Хамидуллин 2019: 34–43].

4. Картографический материал

Карты Бахр ал-Хазар в самых ранних Готской (1172 г.) [Iṣṭakhrī 1839] и Лейденской (1193 г.) [Iṣṭakhrī 1193] рукописях ал-Истахрй, а также в Стамбульском (1086 г.) [Ibn Haukal 1939: 387] и Парижском манускриптах (1445–1446 г.) Ибн Хаукаля [Ibn Hawqal 1445] не оправдывают ожиданий отображения всех населявших климат ал-Хазар народов: в них, как правило, отмечена лишь страна хазар (*билād ал-хазар*) с городом Итил, разделенным надвое рекой, а иногда только дельта Волги (*нахр Атил*). Изображение земель, находившихся к северу от страны хазар, на картах Бахр ал-Хазар отсутствует. Совершенно по-другому выглядит круглая карта мира, на которой помещены такие известные составителям этногеографические объекты, как однопо-

рядковые явления без учета их соразмерности: ас-Син, ал-Хинд, ар-Рūм, буртās, башджирт, сақāлиба и т. д. На круглой карте мира стамбульской рукописи «Масāлик» также показаны народы Волжского бассейна, упомянутые в тексте. Но из двух групп башкир показана только причерноморская: надписи *баджанāk* и *баиджирт* помещены к западу от хазар, но восточнее дунайских булгар [Tibbetts 1992: 123]. Комментарий, прилагаемый к северной части ойкумены, гласит: «В этой части позади слова „север“ читается „области йāджūdж и мāджūdж“, затем, если подниматься наверх¹ — „ас-сақāлиба“, и это отдельным фрагментом в наименьшей части суши, затем позади этого в сторону востока — „ал-бұлғар“ и „ар-рūs“, затем на заливе² — „области Атрāбзунда“³, а сверху реки⁴, идущей рядом, — „ал-бұлғар“ и „ар-рūs“, „баиджирт“, „ал-буртās“, „ал-хазар“, „ал-баджанākийа“, „ал-булғār“...» [Ibn Haukal 1939: 9].

5. Термин *баиджирт*

Вернемся к упомянутой выше статье Йāкūта, в которой следует выделить два момента. Первый: автор энциклопедии, видимо, не понимая выражения «*баиджирт ад-дāхил*» («внутренний *баиджирт*»), искал цитату, исключив из нее определение *ад-дāхил* и оставив лишь *бāиджирт*. Второй: приведенное им название *бāиджирд* (باجيرد) с длинным звуком [a] (алиф *мамду-да*) и *дāль* (د) в конце слова, возможно, являлось изначальной формой этнонима *башкир* в «Масāлик», которую Йāкūt заимствовал из оригинала или ранних списков ал-Истахрй. Эта форма частично сохранилась в старейшем Готском манускрипте 1172 г., в которой есть вариация *басджирд* (باجيرد), также заканчивающаяся на *дāль* (د) [Iṣṭakhrī 1839: 97]. Кроме того, в *бāиджирд* Йāкūта стоит буква *шйн* (ش), которую также можно видеть в стамбульской рукописи. Следовательно,

¹ Ориентировка карт противоположная современным, т. е. север внизу, а юг наверху.

² Здесь имеется в виду Черное море, являвшийся, по представлению арабов, заливом Средиземного моря (*бахр ар-Рūм*), соединяющимся с Северным океаном.

³ Византийский провинция Трапезунд.

⁴ Под рекой имеется в виду Волга (Атил).

буква *сйн* (س) в манускриптах, легших в основу изданий ал-Истахрī и Ибн Хауқаль, осуществленных де Гье, стала следствием утраты трех надстрочных точек над исходной *шйн* (ش) в процессе неоднократного переписывания текста. Таким образом, форма *басджирт* является испорченной.

Иранское происхождение сведений так называемого Каспийского свода о Восточной Европе, вошедших в главы «Бахр ал-Хазар» и другие, не оспаривается исследователями. Нам представляется очень ценным наблюдение Б. Н. Заходера, писавшего, что «первоначальная литературная обработка Свода восходит, очевидно, к малопомытным временам, когда пехлеви был живым литературным языком» [Заходер 1962: 37]. Его замечание подтверждает написание этнонима *башкир* в «Масāлик»: арабографичные вариации *башджирт* / *бāшджирт* / *бāшджирд* представляют собой адаптацию к нормам арабского языка среднеперсидской формы этнонима. Данный механизм иллюстрируется примерами иранизмов в арабской лексике. Так, среднеперсидский [г], соответствующий букве *гаф* (گ) новоперсидской письменности, во всех позициях превращался в звук [дж]: *тāдж* < *tāg* ‘корона’, *джавхар* < *gāvhār* ‘самоцвет’, *занджабйл* < *сангйитил* ‘имбирь’, *Джурджāн* < *Горгāн* (область), *Йаздиджирд* < *Йездигерд* (антропоним), *джурзан* < *гурзан* (этноним ‘грузины’). Таким образом, арабизированная форма *бāшджирд* на среднеперсидском должна была звучать как *бāшгирд* с персидским [г] во втором слоге [Саитбатталов, Хамидуллин 2021: 330–336].

Йāкūt ар-Рūмī ясно осознал, что буква *гайн* арабского написания Ибн Фадлāна (باشگرد) заместила персидскую фонему: «*Бāшгирд*: с *сукūном* над *шйн* и неарабской (معجمة) *гайн*; некоторые также говорят *бāшджирд* через *джйм*, а некоторые — *башкирд* через *каф*» [Yāqūt 1977: 322]. Приведенный анализ ясно показывает несостоятельность выдвинутой еще в XIX в. Д. А. Хвольсоном теории о том, что этнонимы *magyar* (мадьяр) и *baṣqort* (башкорт) «происходят от первоначального *баджгард*» [Хвольсон 1869: 114]. Арабские термины *маджгар* для мадьяр и *бурджāн*

для дунайских булгар, по всей вероятности, также были результатами описанной метаморфозы. Однако этноним волжских булгар (بلغار) по причине непосредственных контактов последних с арабами, возможно, именно с Ибн Фадлāном, быстро обрел правильное написание в арабской литературе¹. Интересно, что предполагаемое исследователями знакомство ал-Истахрī с данными его «Записки» не вызвало аналогичную коррекцию книжного термина *бāшджирт* в соответствии с фадлановской формой *бāшгирд* (باشگرد). Создается впечатление, что описание башкир, составленное секретарем посольства, для ал-Истахрī осталось неизвестным. С другой стороны, географическая локализация башкир («в конце *ал-Гуззййа позади булгйр*») отражает маршрут и направление движения багдадского посольства через земли огузов к булгарам, а потому может быть свидетельством обратного.

6. Численность башкир

Ибн Хауқаль писал, что численность башджирт составляет «около 2 тысяч человек, недоступных в лесной местности» [Ibn Hauqal 1939: 396]. В тексте ал-Истахрī есть небольшое отличие: «Говорят, что их число около 2 тысяч человек» [Iṣṭakhrī 1927: 225]. При этом не поясняется, кто именно «говорит». На странное совпадение численности башкир с численностью дружины хазарского «нобия» Башджирта, упоминаемого в сочинении «Зайн ал-ахбār» («Украшение известий») персидского историка Гардйзй, в свое время обратил внимание В. Ф. Минорский [Hudud al-‘Alam 1970: 319]. При многократном цитировании вторичных источников (кросс-цитировании) часто искажается смысл первоисточника, но имя числительное, как наиболее конкретный элемент заимствования, обычно в неизменности кочует из сочинения в сочинение. Однако ал-Истахрī жил в X в., а Гардйзй веком спустя. Как же первый мог цитировать второго? Дело в том, что, по словам самого Гардйзй,

¹ Фиксация их этнонима в форме *булкар* (بلکار) у Ибн Русты, по всей видимости, отражает влияние среднеперсидского произношения, реализованного через букву *каф* (ک), которая в период становления *фарси* читалась как *гаф* (گ) [Ibn Rosteh 1892: 141].

одним из его источников было утраченное сочинение «Китāб руб‘ ад-дунйā» («Книга о четвертой части мира») арабоязычного писателя VIII в. Ибн ал-Муқаффа’ [Бартольд 1897: 80, 103]. В тексте «Зайн ал-ахбār» сюжет о Башджирте содержится в легенде о происхождении енисейских кыргызов. К. Цегледи, проанализировавший текст «Зайн ал-ахбār», пришел к выводу, что это и другие этногенетические предания были заимствованы Гардизй из произведения Ибн ал-Муқаффа’ [Czegledy 1972: 261–263]. Нам неизвестен путь, проделанный сюжетом о Башджирте, прежде чем он попал на страницы «Масāлик», но его компилятивный характер очевиден.

В упомянутой легенде сообщается: «...Башджирт был одним из хазарских вельмож и жил между владениями хазаров и кимаков с 2 000 всадников» [Бартольд 1897: 109]. Й. Маркварт писал, что в данном рассказе речь идет не о человеке, а о башкирах как народе [Marquart 1914: 97]. К. Макартни также отождествил антропоним *Башиджирт* с этнонимом *башкир* [Macartney 1930: 37]. З. В. Тоган писал: «Согласно Гардизи, башкиры, будучи подданными хазар, обитали в горной области между хазарами и кимаками (или в горах Южного Урала) с войском численностью около 2 000 всадников и являются дружественным енисейским кыргызам народом» [Toğan 2003: 5]. И. Зимони пишет, что «это типичное использование эпонима, то есть личного имени, представляющего этноним» [Zimonyi 2016: 79]. Таким образом, можно предположить, что информация, пройдя через определенное число передатчиков, исказилась: если первоначально речь шла о дружине башкирского князя, то в «Масāлик» уже о численности всех башкир.

7. Итинерарии

Б. Н. Заходер писал: «...в основе традиции, связанной с именем ал-Балхй, лежал, по-видимому, несколько иной материал, чем, например, у Ибн Хордадбега и Джейхани. В этом материале мы находим в значительно большей степени, чем у Ибн Хордадбега, и древнее предание, и рассказы путешественников-очевидцев, и побывальщинки горган-

ских мореходов» [Заходер 1962: 50–51]. Перечень народов в главе «Бахр ал-Хазар», попавших в фокус внимания школы ал-Балхй, информативен сам по себе, ибо он очерчивает диапазон странствий мусульманских купцов по землям к северу от «мамлакат ал-ислām».

Ибн Хаукаль предваряет последний абзац главы «Бахр ал-Хазар» заглавием: «Памятка о расстояниях между ал-Хазар и его областями» [Ibn Haukal 1939: 398]. В ней описываются маршруты между различными объектами указанного климата: «От Абаскўна до страны ал-Хазар с правой стороны около 300 фарсахов. От Абаскўна по левой стороне по направлению к ал-Хазар также 300 фарсахов. От Абаскўна до Дихистāна налегке около 6 переходов (мархала). И пересекают это море, когда попутный ветер, по ширине от Табаристāна до Бāб ал-Абвāба за неделю. Что касается пути от Абаскўна до страны ал-Хазар, то он удлиняется в ширину потому, что он становится угловатым. От Атыла до Самандара 8 дней. От Самандара до Бāб ал-Абвāба 4 дня. От Атыла к первой границе буртāс 20 дней, а от начала территории буртāсов до его конца около 15 дней. От буртāсов до баджанāк 10 дней. От Атыла до баджанāк месяц пути. От Атыла до булгār по суше около месяца, а по воде два месяца при подъеме [вверх по течению. — Х. С.], а при спуске — 20 дней. От булгār к первой границе ар-Рўма около 10 дней, а от булгār до Куйāба — около 20 переходов. От баджанāк до башиджирт ад-дāхил 10 дней, а от башиджирт ад-дāхил до булгār 25 переходов» [Ibn Haukal 1939: 398]. Итинерарии ясно показывают, что основной базой каспийского купечества был Абаскўн — главный порт Горгана (Джурджāна), куда стекалась продукция северных стран и, следовательно, информация о тамошних народах.

Примечательно, что в «Масāлик» нет не только дорожника к «внешним башкирам», но даже отсутствует вербализация данного понятия, хотя оно в качестве антитезы «внутренним» должно было присутствовать в тексте. При этом выдающийся арабский географ XII в. Мухаммад ал-Идрисй, назы-

вавший в качестве одного из своих источников сочинение Ибн Хаукаля, не только упоминает «внешних башкир» (*басджирт ал-х̣ариджа*), но и уделяет им целый сектор в шестом климате, в описании которого соединились данные «Масāлик» и его собственных источников. Он использовал не стамбульский, а более поздний манускрипт, поскольку при описании «внешних» и «внутренних башкир» этноним *башкир* приводится в форме *басджирт*. Пока трудно сказать, чем обусловлено появление в его тексте названия «внешних башкир» — заимствованием из работы Ибн Хаукаля или логическим заключением о необходимости данного понятия как элемента дихотомии «внешний / внутренний»? Как бы то ни было, из наличествующих в «Масāлик» дорожников следует вывод, что путешественникам хорошо была известна дорога к «внутренним башкирам», но отнюдь не к «внешним».

8. Башкиры и булгары

Пожалуй, самым сложным для понимания местом рассказа о башкирах в «Масāлик» является двусмысленная, заключающая в себе взаимоисключающие тезисы, фраза «над ними [башкирами. — С. X.] никто не властен, [хотя] они подчиняются булгарам [или Булгару. — С. X.]» [Ibn Haukal 1939: 396]. Это сообщение является уникальным в арабо-мусульманской литературе. Для его верификации необходимо обратиться к другим источникам. Хронологически самое близкое к «Масāлик» свидетельство Ибн Фадлāна говорит скорее о конфронтации башкир с своими западными соседями, чем о подчиненности, коль скоро участники каравана, в составе которого находились послы к булгарам, со страхом ожидали их нападения уже на берегах Эмбы [Ibn Faḍlān 1961: 105].

Дополнительную пищу для размышлений дает рассказ арабского путешественника XII в. Абū Хамида Мухаммада ал-Гарнāтī, посетившего Волжскую Булгарию в 1135–1136 гг. Он хорошо знает город *Сақсйн* в низовьях Волги, а также народы *арū* (удмурты), *в̣исū* (весь), *й̣ūrā* (югра), с которыми булгарские купцы вели торговлю, поднимаясь вверх по Каме. Ему была известна

этнография всего Волго-Камского пути от Приполярного Урала до Каспия. Однако, находясь в г. Булгар, он ни единым словом не упоминает соседних башкир, чьи земли, по Ибн Фадлāну, вплотную соседствовали со страной булгар. При этом он прекрасно знает этноним *б̣ашигирд* (باشغرد) и экстраполирует его на население Венгрии [Ġarnāṭī 1993: 69, 152 и др.]. А. Рона-Таш заметил по этому поводу: «Единственная причина, по которой кто-то именовал мадьяр Карпатского бассейна в XII веке башкирами, есть то, что он приехал из того места, где мадьяры именовались башкирами. Ал-Гарнати прибыл из страны волжских булгар и использовал их обозначение [мадьяр]» [Róna-Tas 1999: 293]. Находясь башкиры в зависимости от булгар, столь подвижный и не лишенный литературных способностей человек, каким был ал-Гарнāтī, вряд ли упустил бы шанс отметить этот факт, как в случае с племенем *в̣исū*, платившим, по его словам, булгарам *х̣арāдж*. Очевидно, относительно южноуральских башкир он не обладал достаточной информацией.

Если сведения Ибн Фадлāна и ал-Гарнати имеют косвенный характер, то в сочинении ал-Идрīsī «Нузхат ал-муштāk фи-х̣тирāk ал-āфāk» («Отрада страстно желающего пересечь мир») имеется прямое указание по данному вопросу. Описывая один из городов «внешних башкир» *Қārūķīyā*, он сообщал: «На него часто нападают булгары, до которых шестнадцать переходов пути (*мархала*)¹. И война между ними идет с незапамятных времен» [Idrīsī 2010: 924]. Показательно, что в «Нузхат» приведены данные дорожника от башкир к булгарам, тогда как в «Масāлик» нет указания длины пути из Булгара в Башкирию. Информация ал-Идрīsī о «внешних башкирах», как видно из характера сообщаемых сведений, имеет не поволжское, а среднеазиатское проис-

¹ Как показали расчеты И. Г. Коноваловой, один дневной переход у ал-Идрīsī равнялся от 37 до 46 км в зависимости от региона [Коновалова 2006: 51]. Если взять среднее значение, равное 41,5 км, и умножить на число дневных переходов (41,5 x 16), указанное автором, то получается 664 км — примерное расстояние между Булгаром (г. Болгар Республики Татарстан) и предгорьями Уральского хребта.

хождение. Он, например, указывает ориентир, по которому проходила граница между «страной *ал-Гузййа* и страной *ал-Баиджиртййа*» [Idrīsī 2010: 839]. Подобное знание мог передать только человек, лично бывавший в тех краях. Очевидно, географ описывал огузов, хангакишей и башкир на основе независимых от «Масāлик» источников, о чем говорит даже форма написания этнонима последних (*ал-баиджиртййа* или *баиджиртййа*), в то время как почти все сведения о хазарах, русах, буртасах и булгарах заимствованы им из работы Ибн Хайукаля. Рассказ ал-Идрйсй об огузах и башкирах следует датировать не ранее начала X и не позднее середины XI в., поскольку печенегов, ушедших в конце IX в. в Причерноморье, в Приаралье уже нет, а огузы, изгнанные оттуда кыпчаками к середине XI в., еще присутствуют. Сообщения указанных выше географов и путешественников X–XII вв. дают важную информацию для анализа характера отношений между башкирами и булгарами, но, к сожалению, недостаточную для полной реконструкции ситуации.

9. Заключение

Анализ рассказа о башкирах традиции ал-Балхй приводит к выводу, что он является многослойным нарративом, основным источником для которого были отнюдь не рассказы горганских и других купцов, оперировавших в Поволжье и достигавших временами Булгара, но дальше которого на восток из-за тревожной ситуации на болгарско-башкирском пограничье не ходивших. Совершенно иной уровень информированности представлен в

среднеазиатских, вероятно хорезмийских, источниках, использованных ал-Идрйсй. К сожалению, для описания климата ал-Хазар представители школы ал-Балхй их не привлекали. Но даже в «Масāлик» имеются отголоски путешествий хорезмийцев на север. В главе «Мā варā' ан-Нахр» стамбульской рукописи Ибн Хайукаля говорится, что в Хорезме есть «*купцы, которые ходят в области Йāджудж и Мāджудж для того, чтобы добывать шкуры бобра и меха*» [Ibn Haukal 1939: 482]. В обзорной главе «Сўрат ал-ард» («Изображение земли») имеется дополнение: «*Что касается Йāджудж, то они находятся в стороне севера, вклинившись между ас-сақāлиба и ал-кймāкййа. Аллах лучше знает их количество, а их страна — высокие горы, на которую не могут взобраться животные и можно взойти лишь пешком... Купцы из весей Хорезма иногда совершают восхождение на гору и спуск за неделю и десять дней...*» [Ibn Haukal 1939: 14–15]. Не исключено, что упомянутые горы соответствовали Уральскому хребту, ведь между *сақāлиба* (славянами) и *кймāками* нет других горных систем.

На наш взгляд, горганским и иным купцам, ходившим по Волжскому речному пути, можно лишь приписать двусмысленную сентенцию о подчиненности башкир булгарам, ставшую результатом плохо понятой информации, исходившей от жителей Булгара. Таким образом, большую часть рассказа о башкирах «Масāлик» составили сведения компилятивного свойства, предположительно восходящие к Ибн ал-Муқафа', Ибн Фадлану и ал-Мас'удй.

Источники

- Ġarnāṭī 1993 — *al-Ġarnāṭī, Abū Hāmid Muḥammad*. Tuḥfat al-ālbāb wa nuḥbat al-a'ḡab / ed. Ismā'īl 'Arabī. Maḡrib: Dār al-āfāq al-ḡadīda bi-l-maḡrib, 1993. 223 p.
- Hudud al-'Alam 1970 — *Hudud al-'Alam*. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D / trans. and expl. by V. Minorsky. Second edition. London: Luzac & Co LTD, 1970. 524 p.

Sources

- Al-Ġarnāṭī. Gift of Hearts. I. 'Arabī (ed.). Maḡrib: Dār al-āfāq al-ḡadīda bi-l-maḡrib, 1993. 223 p. (In Arab.)
- Al-'Alam. The Regions of the World: A Persian Geography, 372 A. H. / 982 A. Minorsky (transl., expl.). Second edition. London: Luzac & Co. LTD, 1970. 524 p. (In Eng.)

- Ibn Hauḳal 1873 — *Abu'l-Kāsim Ibn Hauḳal. Viae et Regna* / ed. M. J. de Goeje // *Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars II*. Leiden: E. J. Brill, 1873. 406 p.
- Ibn Hauḳal 1939 — *Ibn Hauḳal. Opus Geographicum* / ed. J. H. Kramers // *Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars II (II)*. Leiden: E. J. Brill, 1939. 528 p.
- Ibn Hawqal 1445 — *Abū al-Qāsim ibn Hawqal. Al-Masālik wa-al-mamālik* // *Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Ms. Arabe 2214*. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84061557/> (accessed 10.05.2024).
- Ibn Rosteh 1892 — *Ibn Rosteh. Kitab al-a'lak an-nafisa* / ed. M. J. de Goeje // *Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars VII*. Leiden: E. J. Brill, 1892. 373 p.
- Ibn Faḍlān 1961 — *Ibn Faḍlān. Risālat Ibn Faḍlān*. Ed. Sāmī al-Dahhār. Dimashq, 1961. 203 p.
- Idrīsī 2010 — *al-Idrīsī. Nuzhat al-muštāq fi-ḥtirāq al-āfāq*. Vol. II. Cairo: Maktabat al-thaqāfa al-dīniya, 2010. Pp. 522–1102.
- Iṣṭakhrī 1193 — An abridgement of Kitāb al-masālik wa-al-mamālik by Abū Ishāq Ibrāhīm b. Muḥammad al-Iṣṭakhrī. Leiden University Libraries. Ms. Or. 3101. URL: <https://digitalcollections.universiteitleiden.nl/view/item/1577846#page/1/mode/1up> (accessed 10.05.2024).
- Iṣṭakhrī 1839 — *Liber climatum auctore scheiho Abu-Ishako el-Faresi vulgo el-Issthachri* / ed. Dr. J. H. Moeller. Gohae, 1839. 132 p.
- Iṣṭakhrī 1927 — *Abu Ishāk al-Fārisī al-Istakhrī. Viae Regnorum* / ed. M. J. de Goeje // *Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars I*. Leiden: E. J. Brill, 1927. 348 p.
- Kashgārī 1915 — *Maḥmūd al-Kashgārī. Dīwān luḡāt al-turk*. Vol. 1. Istanbul: Dār al-ḥilāfa al-‘alīya, 1915. 351 p.
- Maḥoudi 1861 — *Maḥoudi. Les praires d’or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. T. I. Paris: L’Imprimerie Nationale, 1861. 408 p.
- Mokaddasi 1877 — *Mokaddasi. Descriptio imperii moslemici* / ed. M. J. de Goeje. *Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars III*. Leiden: E. J. Brill, 1877. 498 p.
- Yāqūt 1977 — *Yāqūt al-Ḥamawī al-Rūmī. Mu‘jam al-buldān*. Vol. I. Beirut: Dār ṣādir, 1977. 540 p.
- Ibn Hauḳal. *Viae et Regna* (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum 2*). M. de Goeje (ed.). Leiden: E. Brill, 1873. 406 p. (In Arab.)
- Ibn Hauḳal. *Opus Geographicum* (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum 2/2*). J. Kramers. Leiden: E. Brill, 1939. 528 p. (In Arab.)
- Ibn Hauḳal (Hawqal). *Al-Masālik wa-al-mamālik*. On: *Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Manuscript. Arabe 2214*. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84061557/> (accessed: 10 May 2024). (In Arab.)
- Ibn Rosteh. *Kitab al-a'lak an-nafisa* (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum 7*). M. de Goeje (ed.). Leiden: E. Brill, 1892. 373 p. (In Arab.)
- Ibn Faḍlān. *Risālat Ibn Faḍlān. S. al-Dahhār* (ed.). Damascus, 1961. 203 p. (In Arab.)
- Al-Idrīsī. *Nuzhat al-muštāq fi-ḥtirāq al-āfāq*. Vol. 2. Cairo: Maktabat al-thaqāfa al-dīniya, 2010. Pp. 522–1102. (In Arab.)
- Al-Iṣṭakhrī. An abridgement of Kitāb al-masālik wa-al-mamālik by Abū Ishāq Ibrāhīm b. Muḥammad al-Iṣṭakhrī. On: *Leiden University Libraries. Digital Collections. Manuscript. Or. 3101*. Available at: <https://digitalcollections.universiteitleiden.nl/view/item/1577846#page/1/mode/1up> (accessed: 10 May 2024). (In Arab.)
- Al-Iṣṭakhrī. *Liber climatum / auctore scheiho Abu-Ishako el-Faresi, vulgo el-Issthachri*. J. Moeller (ed.). Gohae, 1839. 132 p. (In Lat.)
- Al-Iṣṭakhrī. *Viae Regnorum* (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum 1*). M. de Goeje (ed.). Leiden: E. Brill, 1927. 348 p. (In Arab.)
- Al-Kashgārī. *Dīwān luḡāt al-turk*. Vol. 1. Istanbul: Dār al-ḥilāfa al-‘alīya, 1915. 351 p. (In Turk.)
- Al-Maḥoudi. *Les praires d’or*. C. B. de Meynard (text prep., transl.). Vol. 1. Paris: L’Imprimerie Nationale, 1861. 408 p. (In Arab. and French)
- Al-Mokaddasi. *Descriptio imperii Moslemici* (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum 3*). M. de Goeje (ed.). Leiden: E. Brill, 1877. 498 p. (In Arab.)
- Al-Rūmī (Yāqūt). *Mu‘jam al-buldān*. Vol. 1. Beirut: Dārṣādir, 1977. 540 p. (In Arab.)

Литература

- Бартольд 1897 — *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. СПб.: Тип. Акад. наук, 1897. 151 с.
- Бартольд 1973 — *Бартольд В. В.* Введение к изданию *Худūd al-‘Ālam* // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII / отв. ред. тома А. С. Тверитинова. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. С. 504–545.
- Заходер 1962 — *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Вост. лит., 1962. 278 с.
- Коновалова 2006 — *Коновалова И. Г.* Ал-Идрили о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий. М.: Вост. лит., 2006. 328 с.
- Крачковский 1957 — *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV / ред. тома Г. В. Церетели. М.; Л.: АН СССР, 1957. 919 с.
- Кумекова 2013 — *Кумекова Р. Б.* Сведения классических арабских географов о тюркских племенах Казахстана // Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники: сб. мат-лов междунар. науч. конф., посвящ. 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры / отв. ред. А. Мусагалиева. Астана: [б. и.], 2013. С. 324–330.
- Сантбатталов, Хамидуллин 2021 — *Сантбатталов И. Р., Хамидуллин С. И.* Этноним *başqort* в арабских и персидских источниках IX–XV вв. // Башкиры в контексте междисциплинарных исследований тюркских народов Евразии: Мат-лы науч. сессии по этнической истории и антропологии башкир (г. Уфа, 22–24 июня 2021 г.). Уфа: Самрау, 2021. С. 330–336.
- Хамидуллин 2019 — *Хамидуллин С. И.* «Внешние» и «внутренние» башкиры арабо-мусульманской географической традиции // Восток (Oriens). 2019. № 5. С. 34–43.
- Хвольсон 1869 — *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1869. 199 с.
- Ahmad 1991 — *Ahmad S. Maqbul.* Djughrāfiyā. The Encyclopaedia of Islam. New edition / ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht. Vol. II. Leiden: E. J. Brill, 1991. Pp. 575–587.

References

- Bartold V. V. An Essay on [My] Research Journey to Central Asia, 1893–1894. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1897. 151 p. (In Russ.)
- Bartold V. V. Preface to the *Ḥudūd al-‘Ālam*. In: Bartold V. V. Writings. Vol. 8. A. Tveritinoва (ed.). Moscow: Nauka — GRVL, 1973. Pp. 504–545. (In Russ.)
- Zakhoder B. N. Collected Messages from across the Caspian on Eastern Europe, Ninth-Tenth Centuries AD: Gorgan and Volga Region. Moscow: Oriental Literature Press, 1962. 278 p. (In Russ.)
- Al-Idrisi M. [Collected Messages] on Countries and Peoples of Eastern Europe. I. Konvalova (text prep., transl., comment.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 328 p. (In Russ.)
- Krachkovsky I. Yu. Arabic geographical writings. In: Krachkovsky I. Yu. Selected Works. Vol. 4. G. Tsereteli (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 919 p. (In Russ.)
- Kumekova R. B. Messages of classical Arabic geographers on Turkic tribes of [present-day] Kazakhstan. In: Musagalieva A. (ed.) Kipchaks of Eurasia: History, Language and Written Monuments. Jubilee conference proceedings. Astana, 2013. Pp. 324–330. (In Russ.)
- Saitbattalov I. R., Khamidullin S. I. The ethnonym *başqort* in Arabic and Persian sources of the ninth to fifteenth centuries. In: Bashkirs in Interdisciplinary Studies of Eurasian Turks. Conference proceedings (Ufa, 22–24 June 2021). Ufa: Samrau, 2021. Pp. 330–336. (In Russ.)
- Khamidullin S. I. Outer and inner Bashkirs in the Arab-Muslim geographic tradition. *Oriens*. 2019. No. 5. Pp. 34–43. (In Russ.)
- Ibn Rustah A. [Collected] Messages on Khazars, Burtases, Bulgars, Magyars, Slavs and Russians. D. Khvolson (text prep.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. 199 p. (In Russ.)
- Ahmad S. Maqbul. Djughrāfiyā. In: Lewis B., Pellat Ch., Schacht J. (eds.) The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. 2. Leiden: E. J. Brill, 1991. Pp. 575–587. (In Eng.)

- Czegledy 1972 — *Czegledy K.* Gardizi on the history of Central Asia // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. 27. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1972. Pp. 257–267.
- De Goeje 1871 — *De Goeje M. J.* Die Istakhrī-Balkhī Frage // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (ZDMG)*. Bd. 25. Leipzig: Brockhaus, 1871. Pp. 42–58.
- Kramers 1932 — *Kramers J. H.* La question Balhī-Iṣṭahrī-Ibn Ḥawkal et l'Atlas de l'Islam // *Acta Orientalia*. Vol. X. Leiden: Brill, 1932. Pp. 9–30.
- Macartney 1930 — *Macartney C. A.* The Magyars in the Ninth Century. Cambridge: University Press, 1930. 241 p.
- Marquart 1914 — *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen // *Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. Neue Folge*. Bd. XIII. Berlin: Weidmann, 1914. S. 25–238.
- Miller 1926 — *Miller K.* Mappae Arabicae: arabische Welt- und Länderkarten des 9.–13. Jahrhunderts in arabischer Urschrift, lateinischer Transkription und Übertragung in neuzeitliche Kartenskizzen. Bd. 1. Heft 1. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1926. 32 p.
- Róna-Tas 1999 — *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest: Central European University Press, 1999. 566 p.
- Tibbetts 1992 — *Tibbetts R. Gerald.* The Balkhī School of Geographers // *The History of Cartography. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies*. Vol. 2. Book 1. Chapter 5 / Ed. by J. B. Harley and David Woodward. Chicago & London: University of Chicago Press, 1992. Pp. 108–136.
- Toğan 2003 — *Toğan Zeki Velidi.* Başkurtların Tarihi. Türksoy Yayınları. № 18. Ankara: Türksoy Genel Müdürlüğü; Yücel Ofset, 2003. 523 p.
- Zimonyi 2016 — *Zimonyi I.* Muslim Sources on the Magyars in the Second Half of the 9th Century: The Magyar Chapter of the Jayhānī Tradition. Leiden: E. J. Brill, 2016. 440 p.
- Czegledy K. Gardizi on the history of Central Asia. *Acta Orientalia Hungaricae*. 1972. Vol. 27. Pp. 257–267. (In Eng.)
- De Goeje M. J. Die Istakhrī-Balkhī Frage. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (ZDMG)*. 1871. Vol. 25. Pp. 42–58. (In Germ.)
- Kramers J. H. La question Balhī-Iṣṭahrī-Ibn Ḥawkal et l'Atlas de l'Islam. *Acta Orientalia*. 1932. Vol. 10. Pp. 9–30. (In Fr.)
- Macartney C. A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. 241 p. (In Eng.)
- Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. In: *Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. Neue Folge*. Vol. 13. Berlin: Weidmann, 1914. Pp. 25–238. (In Germ.)
- Miller K. Mappae Arabicae: arabische Welt- und Länderkarten des 9.–13. Jahrhunderts in arabischer Urschrift, lateinischer Transkription und Übertragung in neuzeitliche Kartenskizzen. Vol. 1. Pt. 1. Stuttgart, 1926. 32 p. (In Germ.)
- Róna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest: Central European University Press, 1999. 566 p. (In Eng.)
- Tibbetts G. R. The Balkhī school of geographers. In: Harley J. B., Woodward D. (eds.) *The History of Cartography: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies*. Vol. 2. Book 1. Chapter 5. Chicago, London: University of Chicago Press, 1992. Pp. 108–136. (In Eng.)
- Toğan Z. V. Başkurtların Tarihi (Türksoy Yayınları 18). Ankara: Türksoy Genel Müdürlüğü; Yücel Ofset, 2003. 523 p. (In Turk.)
- Zimonyi I. Muslim Sources on the Magyars in the Second Half of the 9th Century: The Magyar Chapter of the Jayhānī Tradition. Leiden: E. J. Brill, 2016. 440 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 152–168, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 303.446.4
 DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-152-168

Устные «предтексты» монгольских летописей XVII в.

Анна Дамдиновна Цендина¹, Мария Алексеевна Овчинникова²

¹ Высшая школа экономики (д. 21/4, стр. 3, Старая Басманная ул., 105066 Москва, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор
 0000-0003-0909-6953. E-mail: [annatsendina\[at\]gmail.com](mailto:annatsendina[at]gmail.com)

² Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 аспирант
 0009-0005-1757-8524. E-mail: [mariatereza\[at\]yandex.ru](mailto:mariatereza[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Цендина А. Д., Овчинникова М. А., 2025

Аннотация. *Введение.* В основе структуры монгольских летописей XVII в. лежит генеалогический принцип как средство организации текста. Родовая история — «архетипическая» черта монгольских летописей, она характерна для историографии всех монгольских народов — вплоть до начала XX в. Другой основополагающей чертой монгольских летописей является компилятивный принцип составления сочинения. Мы видим, как целые фрагменты кочуют из одного сочинения в другое. При сравнении пяти монгольских летописей XVII в., в которых эти черты проявлены наиболее ярко, и «Сокровенного сказания монголов» (XIII в.) точно определить письменные источники той или иной летописи трудно. *Цель* исследования заключается в выявлении истоков таких сходжений в устной традиции, включающей лексически фиксированные тексты по истории монголов. Ставятся задачи описать главные черты монгольских летописей XVII в.: генеалогический принцип и компиляцию как средства конструирования текста и попытаться на этой основе установить истоки и источники пяти монгольских летописей XVII в. *Результаты.* Проведен сравнительный анализ текстов монгольских летописей XVII в. и «Сокровенного сказания монголов» для возможного выявления иерархической соподчиненности. Все пять летописей содержат фрагменты, имеющие дословные совпадения с «Сокровенным сказанием монголов» или между собой. Наиболее очевидно это проявлено в начальной части летописей, повествующей о предках Чингис-хана. Но, несмотря на все сходжения в летописях, строгую систему в их взаимоотношениях или схему соподчиненности, установить не представляется возможным. Сделан вывод о том, что истоки многих сюжетов и мотивов монгольских летописей XVII в. обнаруживаются в так называемом «авантексте», или их устных «предтекстах».

Ключевые слова: монгольская традиционная историография, летописи XVII в., устные исторические легенды монголов, авантекст

Для цитирования: Цендина А. Д., Овчинникова М. А. Устные «предтексты» монгольских летописей XVII в. // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 1. С. 152–168. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-152-168

Oral ‘Pretexts’ of Seventeenth-Century Mongolian Chronicles

Anna D. Tsendina¹, Maria A. Ovchinnikova²

- ¹ National Research University Higher School of Economics, Institute for Oriental and Classical Studies (Bldg. 3, 21/4, Staraya Basmanaya St., 105066 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina[at]gmail.com

- ² Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)
Postgraduate Student

 0009-0005-1757-8524. E-mail: mariatereza[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Tsendina A. D., Ovchinnikova M. A., 2025

Abstract. *Introduction.* In terms of structure, seventeenth-century Mongolian chronicles basically follow the genealogical principle. Clan histories constitute an ‘archetypal’ feature of the Mongolian chronicles, which is characteristic of all Mongolic historiographies up to the early twentieth century. Another one is the compilation principle. So, entire fragments tended to migrate from text to text. Our comparative insights into five seventeenth-century chronicles with the aforementioned features and the thirteenth-century Secret History of the Mongols cannot trace any written source of a particular chronicle for certain. *Goals.* The study seeks to identify sources behind such similarities in the oral tradition that comprises the lexically fixed historical narratives of the Mongols. To facilitate this, the paper shall describe some major features of seventeenth-century Mongolian chronicles, such as the genealogical principle and that of compilation — to further uncover sources of the five writings. *Results.* The comparative analysis aims to reveal some hierarchical subordination patterns. All the five chronicles contain fragments that letter for letter coincide with those of the Secret History or themselves. These are most evident for initial parts dealing with the ancestors of Genghis Khan. However, despite all the similarities and coincidences no strict interrelation patterns or subordination schemes can be identified. So, the work concludes quite a variety of plots and motifs inherent to seventeenth-century Mongolian chronicles be rooted in the so called *avant-textes*, or their oral *pretexts*. **Keywords:** traditional Mongolian historiography, seventeenth-century chronicles, oral historical legends of the Mongols, *avant-texte*

For citation: Tsendina A. D., Ovchinnikova M. A. Oral ‘Pretexts’ of Seventeenth-Century Mongolian Chronicles. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 152–168. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-152-168

1. Введение

Все монгольские летописи XVII–XIX вв., описывающие историю монголов от «сотворения мира» и до времени написания каждого конкретного труда, связаны между собой генетически и типологически, не являясь писаниями, появившимися самостоятельно в герметичном пространстве. Несмотря на то, что некоторые тексты могли быть утрачены, а в преемственности летописей существуют очевидные лакуны, их связь между собой очевидна.

Эти многообразные связи обусловлены, прежде всего, общей канвой развития мон-

гольской историографической традиции. Возникнув в период бурного становления монгольской общности, когда объединенные Чингис-ханом племена ощутили себя единством, она, воплотившись в замечательном сочинении «Сокровенное сказание монголов» (XIII в.), с распадом империи угасла почти на два столетия и возродилась уже на новых культурно-исторических основах. Самым значительным фактором, изменившим всю культурную, политическую и, прежде всего, духовную жизнь монголов, стал буддизм, начавший стремительное распространение среди кочевников Восточной Азии в XVI–XVII вв.

Разумеется, это сказалось и на видении монголов своего места в истории. Они восприняли буддийское учение о мироздании, поместив себя в конце цепочки главных буддийских «событий» (возникновение вселенной, появление Будды и его учения, правление индийских и тибетских царей), таким образом став частью «всемирной истории», согласно буддийской мифологической традиции. Главным в писаниях монголов стала не история Чингис-хана, а история буддизма в Монголии. Не менее важным в развитии монгольской историографии стало вхождение монголов в империю Цин (XVII в.) и постепенное ее включение в административно-историографическую традицию маньчжурского двора. Интересы цинского дома заключались в описании всех монголоязычных племен, включенных в империю, что ярче всего отразилось в «Илэтхэл шастир» — сборнике документов по истории монгольских князей, составленном в канцелярии маньчжурского императора [Санчи́ров 1990].

Постепенно идея об общности монголоязычных племен (не только потомков Чингис-хана) переключалась и в монгольские сочинения. Особенно отчетливо это видно уже в XIX в. в таких хронографах, как «Драгоценные четки» Галдан-туслэгчи [Galdan 1960]. Однако, несмотря на разнообразные тенденции в развитии традиционной историографии монголов, она сохраняла главные черты на всем протяжении своего существования. Наиболее ярко они видны в исторических сочинениях монголов XVII в.

Цель исследования заключается в выявлении истоков таких схождений в устной традиции, включающей лексически фиксированные тексты по истории монголов. Ставятся задачи описать главные черты монгольских летописей XVII в.: генеалогический принцип и компиляцию как средства конструирования текста и попытаться на этой основе установить истоки и источники пяти монгольских летописей XVII в.

2. Генеалогический принцип построения текста

Одному из авторов этой статьи уже приходилось писать о том, что монгольские летописи представляют собой «пульсирую-

щие» родословные, когда развернутые эпизоды о том или ином члене рода вставлены в перечисление имен предков этого рода [Цендина 2007: 97]. Родавая история — «архетипическая» черта монгольских летописей, от нее они не избавились вплоть до начала XX в. Но, конечно, наиболее отчетливо принадлежность к родовой истории проявлена в летописях XVII в., в которых она еще мало размыта более поздним влиянием. Главные ее элементы — генеалогический принцип построения текста и центральное место в них повествования о Чингис-хане, его предках и ближайших потомках.

Понимание истории как истории рода определило особенности традиционной историографии и других монгольских народов, в частности ойратов и бурят. Становление ойратской «истории истории» связано со сравнительно поздним процессом сложения западно-монгольской общности. Ойратские рода ощутили себя более или менее единой силой в противостоянии маньчжурской династии Цин и монгольским ханам в XVI–XVII вв. Бурятское этническое единство сформировалось еще позднее, едва ли не в советское время. Вероятно, кроме многих других факторов, это связано еще и с тем, что среди ойратов и бурят не появилось лидеров, объединивших бы все племена западных и северо-восточных монгольских народов, чьи рода стали бы восприниматься центральными и послужили бы основой истории всех родов этих народов¹. В конце концов ни тот ни другой этнос не создали своей «единой» истории: «истории ойратов» и «истории бурят», ограничившись описанием генеалогий различных родов (дурбэн-ойратов, торгутов, джунгаров у ойратов [Санчи́ров 2016] и хоринских, селенгинских, баргузинских и других родов у бурят [Цыдендамбаев 2001]). Монголы же такого лидера имели, и история его рода легла в основу описания истории всех монголов.

Очевидно, что автор каждой монгольской летописи был сосредоточен на предках той ветви рода, к которой принадлежал сам,

¹Здесь мы намеренно не затрагиваем историю калмыков, создавших собственное Калмыцкое ханство в XVII в., просуществовавшее до 1771 г., поскольку эта тема требует отдельного исследования.

о которой он, кроме всего прочего, был и лучше осведомлен. Так, сочинитель «Желтой истории» большую часть своего труда посвятил ханам Халхи, потомкам Гэрэсэндзэ [Желтая история 2017]. Саган-Сэцэн много внимания уделил князьям Ордоса, к которым принадлежал сам [Sayang Secen 1990]. И так далее. Однако родословные до Чингис-хана в летописях XVII в., казалось бы, должны быть едины. Если в них есть разночтения, они могут указывать на принципиальную позицию автора или какие-то другие фундаментальные явления. При сравнении «Сокровенного сказания монголов» с летописями XVII в. видно, что последние отмечают генеалогии «побочных» родов монголов. Так, в памятнике XIII в. в § 11 повествуется о потомках Дува-сохора, — кроме Саган-Сэцэна, об этом не рассказывает никто [Street 2013: 3]. В § 12–16 говорится о некоем Малихе, которого Добун-мэргэн получил у бедняка за кусок мяса и которого подозревали в отцовстве трех младших сыновей Алун-гоа [Street 2013: 3], в § 40–49 — о родах, ведших свое происхождение от сыновей жены Бодончара, от старших сыновей Добун-мэргэна, от других жен Бодончара, т. е. родов, не относящихся прямо к роду борджигид, — таких частей в летописях XVII в. нет. Это может указывать на то, что в памяти автора той или иной летописи сохранялись имена лишь предков рода Чингис-хана.

При этом в летописях есть разночтения и в именах предков Чингис-хана, и некоторых деталях из его родословной (см. табл. 1).

Выявленные разночтения на первый взгляд кажутся незначительными. Так, два «Золотых сказания» упоминают, что Бортэ-чино и Хоа-марал ушли на север [Altan tobči 1990: 4a; Quriyangyui altan tobči 1989: 6], а «Желтая история» и Саган-Сэцэн, что на восток [Желтая история 2017: 133; Sayang Secen 1990: 47]. Саган-Сэцэн единственный приводит имена двух (!) сыновей Бортэ-чино — Батасаган и Батацаган [Sayang Secen 1990: 47], что из-за схожести можно принять за редупликацию. Автор «Краткого Золотого сказания» сына Сэм-Сочи и отца Борджигидая называет именем Сали-Халчагу — так же, как сына Угуджим-Бугурала, в

отличие от остальных, которые приводят имя Харчу / Харачус / Хаджу, а Саган-Сэцэн — гибридное — Сали-Харчу [Quriyangyui altan tobči 1989: 7; Street 2013: 1; Altan tobči 1990: 4; Asarayči 1984: 17; Sayang Secen 1990: 47]. Асрагчи называют жену Торголджин-баяна и мать Добу-мэргэна Баргуджин-гоа, тогда как все остальные — Борогчин-гоа. Авторы «Краткого Золотого сказания» и «Истории Асрагчи» приводят в качестве имен старших братьев Бодончара, рожденных Алун-гоа от Добу-мэргэна, не Бэлгундэя и Бэхундэя, а Буха-Хатагина и Буху-Салджи, которые в других летописях относят к братьям, рожденным Алун-гоа «от небесного луча» [Quriyangyui altan tobči 1989: 11; Asarayči 1984: 17]. Асрагчи затем доводит такое решение до логического конца, утверждая, что «от луча» родился один Бодончар [Asarayči 1984: 18]. В «Кратком Золотом сказании» приводятся на этом месте имена, похожие на имена двух сводных братьев Тэмуджина — Бэгтэра и Бэлгэдэя [Quriyangyui altan tobči 1989: 11]. Еще одно разночтение касается старшинства Добу-мэргэна и Йисугэя. Асрагчи ставит Добу-мэргэна на место перед Дува-сохором, намекая на его старшинство [Asarayči 1984: 17]. «Сокровенное сказание» называет Йисугэя третьим сыном Бартан-багатура [Street 2013: 11], но уже Лубсандандзан, казалось бы, «верный последователь» «Сокровенного сказания», помещает его на место старшего сына [Altan tobči 1990: 10]. Так же поступает автор «Краткого Золотого сказания» и Саган-Сэцэн [Quriyangyui altan tobči 1989: 15; Sayang Secen 1990: 50]. Асрагчи вообще опускает остальных сыновей.

Можно предположить, что эти разночтения произошли при передаче ранних родословных в письменной форме. На это указывают упоминания авторов о своих письменных источниках, например, Асрагчи [Asarayči 1984: 17] называет тибетское историческое сочинение Гой-лоцавы Шоннупала «Синюю тетрадь» (XV в.) в качестве источника списка потомков Бортэ-Чино [Гой-лоцава Шоннупэл 2001: 53–54]. Однако нельзя игнорировать и гипотетически устные истоки этих ошибок. Во-первых, родословные предков Чингис-хана могли быть записаны лишь в XIII в., когда монголы начали пользоваться уйгурским

Таблица 1. Сравнение фрагмента о предках Чингис-хана¹
[Table 1. Comparison of the fragment about Genghis Khan's ancestors]

«Сокровенное сказание» ²	«Краткое Золотое сказание» ³	«Золотое сказание» Лубсандандзана ⁴	«Желтая история» ⁵	«Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна ⁶	«История Асрагчи» ⁷
<i>Потомки Бодончара</i>					
(§ 1–3) böрте cino qoay maral) Bataciqan Tamasa Qoricar_mergenAujam_boroul Sali_qacau Yeke_nidün Sem_soci Qarcu Borjigiday_mergen (Mo ^o qoljin_qoa) Toroqoljin_bayan (Boroqcin_qoa) Duwa_soqor Dobun_mergen	(6–9) altan sandali-tu böрте cino-a (umar-a jüg) (yoa maral) batai čayan tamuijin qaričal mergen uyjim buyurul sali qalčay yeke nidün sem soči sali qalčay borčigida mergen torayalčin bayan (boruyčün you-a) duva soqur dobu mergen	(4a–4b) altan sandali-tu böрте cino-a (umara jüg) (qou-a maral) bata čayan tamačin qoričar mergen uyčim buyurul sali qalčay yeke nidün sem soči qaračus borčigida mergen (mongyolčin you-a) toryolčin bayan (boruyčün you-a) dou-a soqur dobu mergen	(19–20) altan sandali-tu börtü čino (qou-a maral) (doruna jüg) dobu mergen	(24v) altan siregetü böрте cino(qou-a maral) (doruna jüg) bataşayan batačayan tamčay qoričar mergen ayučam buyurul sali qalčay yeke nidün sem soči sali qarču borčigida mergen (mongyolčin you-a) toryalčin bayan (boruyčün you-a) dou-a soqur dobu mergen	(16–17) altan sandali-tu böрте cino-a (qou-a maral) batačay tamačay qoričar mergen uyučam buyurul yeke nidün semsoči qaju (ene anu köke debter-ün yosun) sali qalčay u borjigida mergen toryalčin bayan : (baryujin qou-a) dobu mergen dou soqur
<i>Старшие сыновья Алун-гоа</i>					
(§ 10) Bügüntütey Belgüntütey	(10) buqu qatagis buquči salji	(5b) belgüntüdei beküntüdei	—	(25r) belgüdei : beküntüdei	(17–18) buqu qatagi . buquči salji
<i>Младшие сыновья Алун-гоа</i>					
(§ 10) Buqu_qadagi Buqatu_salji Bodoncar_mu ^o qac	(10) begter belgedei . bodunčar	(6b) buqu qatagi : buquči sal: bodunčar mungqay :	(22) bodungčar	(25r) buqu qatagi . buqu salčiyu . bodančar mungqay	(18) bodungčari
<i>Сыновья Бартан-багатура</i>					

¹ Жирным шрифтом выделены слова и фрагменты, содержащие разночтения.

² Здесь и далее тексты цитируются по [Street 2013].

³ Здесь и далее тексты цитируются по [Quriyangyui altan tobči 1989].

⁴ Здесь и далее тексты цитируются по [Altan tobči 1990].

⁵ Здесь и далее тексты цитируются по [Желтая история 2017].

⁶ Здесь и далее тексты цитируются по [Sayang Secen 1990].

⁷ Здесь и далее тексты цитируются по [Asaračı 1984].

(§50) Bartan_ baatur-un köü+d Mönggüti_ kiyān Nēkūn_ tayisi Yisügey_ baatur Da:ritay_ odeigin e+de dörben büt=lee...	(15–17) bartam bayatur . tegünü köbegün yisügei bayatur . daritai . oöuyun qoyar degüben abü	(9v–11r) bartan bayatur-un köbegün yisügei bayatur : nekün tayiji menggetü kiy-a : mergen jang-tai daritai odögin tede tabun bölüge	(26r) bartan bayatur : tegünü köbegün yisügei bayatur : nekün tayisi menggetü seçen : daritai öögin dörbegülen buyu :	(18–20) bartam bayatur : tegünü köbegün yisügei bayatur
--	--	---	---	---

письмом — до этого они распространялись в устной форме [Ardajab 1993: 27]. Во-вторых, несмотря на то, что устная фиксация текста родословных не была свободной, позволяющей произвольные изменения, она, конечно, была подвержена трансформации в большей степени, чем письменная. Так, ею можно объяснить искажение имен предков Добу-мэргэна, путаницу с именами братьев Бодончара, которая, возможно, произошла из-за схожести имени старшего брата Бодончара Бэлгундэя и старшего брата Тэмуджина — Бэлгудэя / Бэлгэдэя. Она же могла породить традицию называть своего предка старшим сыном (Добу-мэргэн, Йисугэй). Таким образом, эти разночтения указывают на существование родословных Чингис-хана в виде так называемого «авантекста»¹, или устного «предтекста».

3. Компилятивный принцип построения текста

Еще более ярко это видно на примере исторических легенд, входящих в летописи. Мы видим, как целые фрагменты кочуют из одного сочинения в другое. Так, в «Желтой истории» вписаны большие куски из «Истории Асрагчи» [Желтая история 2017: 16–17]; два «Золотых сказания» — Лубсандандзана и «Краткое» — повторяют друг друга многожды [Лубсан Данзан 1973: 20–21]; лексические совпадения «Драгоценного сказания» Саган-Сэцэна и «Желтой истории» очевидны [Желтая история 2017:

¹ Авантекст (фр. *l'avant-texte* 'до-текст, прототекст') — основная форма существования фольклорного текста. Фольклорный текст никогда не имеет основного варианта, а всегда существует в виде множества равноправных вариантов текста.

² Жирным шрифтом выделены совпадающие фрагменты. Подчеркиванием обозначены слова, совпадающие не во всех летописях.

52–53]; дословное повторение в произведении Саган-Сэцэна отрывков из «Краткого Золотого сказания» так же бесспорны. Все это дало основание В. Хайссигу предположить, что анонимное «Краткое Золотое сказание» является сокращенным вариантом «Золотого сказания» Лубсандандзана [Heissig 1959: 76–79], а внутренимонгольскому ученому Сэцэнбэлэгу утверждать, что «Краткое Золотое сказание» является сочинением Шарба-хутухты, которое Саган-Сэцэн называет в числе источников своего труда [Sečenbilig 1996: 27]. Такие выводы основаны на убеждении, что автор той или иной летописи пользовался в качестве источника другой летописью — в большей или меньшей степени, выборочно, фрагментарно, но пользовался.

В попытке установить иерархическую соподчиненность монгольских летописей XVII в., т. е. «кто у кого что заимствовал», мы составили каталог исторических легенд летописей, сравнили их тексты между собой и с «Сокровенным сказанием монголов», ставя перед собой задачу установить, если это возможно, какой текст гипотетически первичен, а какой — вторичен. На первом этапе мы ограничились корпусом легенд, относящихся к предыстории Чингис-хана, начиная от Бортэ-чино и кончая женитьбой Йисугэя на Оэлун. Вот к каким выводам мы пришли.

Все пять летописей содержат фрагменты, имеющие дословные совпадения с «Сокровенным сказанием монголов» или между собой. Наиболее очевидно это проявлено в начальной части летописей, повествующей о предках Чингис-хана (см. табл. 2).

Массированные совпадения наблюдаются в двух «Золотых сказаниях» и «Сокровенном сказании». При этом «Золотое сказание» Луб-

сандандзана ближе к «Сокровенному сказанию», чем «Краткое Золотое сказание» (см. табл. 3).

Однако есть такие лексические совпадения в двух «Золотых сказаниях», которые отсутствуют в «Сокровенном сказании», но обнаруживаются в других летописях, например, в сочинении Саган-Сэцэна (см. табл. 4).

Что касается «Желтой истории», «Драгоценного сказания» и «Истории Асрагчи», они отличаются от «Сокровенного сказания» и двух «Золотых сказаний» довольно сильно. В «Истории Асрагчи» лексические совпадения редки, спорадически и относятся к отдельным фразам и выражениям [Asarayči 1984: 18; и др.] (см. табл. 5).

В части о Йисугэе и Оэлун летописи, на наш взгляд, еще более очевидно расходятся, распадаясь на две группы (1. «Сокровенное сказание» и сочинение Лубсандандзана; 2. «Краткое Золотое сказание, сочинения Саган-Сэцэна и Асрагчи), сохраняя сюжетную канву, но все больше теряя лексическое сходство (см. табл. 6).

Из приведенных сопоставлений видно, что «Золотое сказание» Лубсандандзана часто и массированно повторяет текст «Сокровенного сказания», Саган-Сэцэн и Асрагчи ближе к «Краткому Золотому сказанию», «Желтая история», построенная на иных традициях, содержит минимальное число таких сходжений, так как практически не приводит исторических легенд из предыстории Чингис-хана, его детства и юности [Желтая история 2017: 134], а в сочинении Саган-Сэцэна эти легенды, имеющиеся в довольно полном составе, не повторяют известные фрагменты дословно, а дают их в пересказе. Пожалуй, Саган-Сэцэн единственный, кто осознанно и откровенно подвергает текст редактуре. Например, «светлый человек» является Алун-гоа не в реальности, а во сне, который она пересказывает родственникам: (25r) *qoyina alung you-a qatun-u jégüden-dür : söni büri nigen you-a üjësükeng-tü köbegümerküi kümün irejü : der-e nigedün suyuad : ür čayiqu-luy-a yarču odun aqui jégüdelmüi : kemen abisun nügüdegen ögülejü yabun atala* [Sayang Secen 1990:

48]. Два ее старших сына высказывают свои подозрения матери под влиянием наговоров «плохих людей»: (25r) *tendeče ted köbegüd anu ösügsen-ü qoyina jarim mayui sedkil-tü arad yenggüken ögöljü* [Sayang Secen 1990: 48]. Братья Бодончара «жили в дружбе», прежде чем стали делить наследство: (25v) *tendeče köbegüd anu jokildun yabuju ömči qubi-yuyan qubiyaqui-dur* [Sayang Secen 1990: 49]. Здесь очевидно авторское переосмысление событий в комплиментарном для членов рода Чингис-хана плане. Сильное авторское начало, не характерное для двух «Золотых сказаний» и «Истории Асрагчи», заставляет Саган-Сэцэна уйти от дословного использования тех или иных легенд. Саган-Сэцэн — и предтеча, и продукт более поздней стадии развития монгольского историоописания. Поэтому для «Желтой истории» и сочинения Саган-Сэцэна не характерно включение в повествование устойчивых фрагментов, лексически совпадающих с другими летописями.

Несмотря на все сходжения в летописях, строгую систему в их взаимоотношениях или схему соподчиненности, установить не представляется возможным. Например, Саган-Сэцэн единственный из всех авторов XVII в. повторяет легенду, приведенную в «Кратком Золотом сказании» и отсутствующую в «Сокровенном сказании», о том, что Йисугэй умыкнул Оэлун, увидев ее следы на снегу и поняв, что она родит хорошего сына, и таких деталей, когда он следует «Краткому Золотому сказанию», много. Однако он же приводит слова о том, что Алун-гоа пришла в монгольские земли в поисках новых охотничьих угодий [Sayang Secen 1990: 48], которых нет в «Кратком Золотом сказании», но которые объяснены в «Сокровенном сказании» и сочинении Лубсандандзана рассказом о ссоре на родине из-за охотничьих угодий [Street 2013: 2; Altan tobči 1990: 4b] (см. табл. 7).

Есть такие детали, которые характерны для всех летописей XVII в. и отличают их от «Сокровенного сказания». И в этом сочинении Лубсандандзана ближе к остальным четырем летописям XVII в., чем к «Сокровенному сказанию». В каждом таком «кочу-

Таблица 2. Сравнение эпизода о смерти Добу-мэргэна¹
[Table 2. Comparison of the fragment about Dobu-Mergen's death]

«Сокровенное сказание»	«Краткое Золотое сказание»	«Золотое сказание» Лубсанданзана	«Желтая история»	«Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна	«История Асрагчи»
(§ 17) <u>Teyin a=tala Dobun_mergen ügey bol=BA;</u> Dobun_mergen-i ügey bol=qqsan-u qoyina Alan_qoa ere ügeüy bö=ed	(10) <u>dobu mergen ügei bolba : ügei boluysan qoyina alung you-a er-e ügei yabuju</u>	(6a-b) <u>tediti atala dobu mergen ügei bolba : dobu mergen ügei boluysan-u qoyina : alun you-a er-e ügei yabuju :</u>	(20-22) <u>dobu mergen yegüdkegsen qoyina alang you-a qatun anu ere ügei yabuqui-tur</u>	(25r) <u>dobu mergen yegüdkebei :: tegünü qoyina alung you-a</u> <u>γayčayar yabuysayar :</u>	(17) <u>dobu mergen-i ükügsen qoyina alan you-a ere ügei yabuju</u>

Таблица 3. Сравнение эпизода о Добу-мэргэне²

[Table 3. Comparison of the fragment about Dobu-Mergen]

«Сокровенное сказание»	«Краткое Золотое сказание»	«Золотое сказание» Лубсанданзана
(§ 4) <u>Duwa_soqor ma"lay dumda qaqca nidü-tü qurban neür+ d qajar-a qar-a=qu bü=lee</u> (§ 5) <u>Niken üdür Duwa_soqor Dobun_mergen deü-lie-been Burqan_qaldundeere qar=BA</u>	(9-10) <u>dowa soqor manglai qoyur dumda γayča nidü-tei yurban negüri γajar-a üjekü ajayu : dayir boru qoyar mori-tai: duwa soqor dobu mergen degüben abču : burqan qaldun-a degere γarču sayutala :</u>	(4b) <u>dou-a soqor manglai dumda γayča nidütü bögetele yurban negüri negüdel gajara üjem bölüge : nigen edür aq-a degü qoyayula görögeleged burqan qaldun-a degere γarbasu</u>

Таблица 4. Сравнение эпизода о встрече Добу-мэргэна с Алан-гуа³

[Table 4. Comparison of the fragment about how Dobu-Mergen met Alan-Gua]

«Сокровенное сказание»	«Краткое Золотое сказание»	«Золотое сказание» Лубсанданзана	«Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна
(§ 5) <u>Duwa_soqor Burqan_qaldun deere-ce qara=ju Tü'gelig qoroqan huruu niken bölg irgen newü=jü oro=ju ayis=qu-yi qaraju üje=jü</u> (§6) <u>ügüle=rün Te+de newü=jü ayisu=qu+n irgen-ü dotora niken qarau-fay tergen-ü öljige-de niken ökin sayin bu=yu</u>	(10) <u>duwa soqor dobu mergen degüben abču : burqan qaldun-a degere γarču sayutala : düireng giridi-ecē tengkelig yoruqan uruyu irekü negüdeli duwa soqor üjeju : degü-degen dobu mergen-tü kelebe : tengkelig yoruqan uruyu irekü negüdelün tergen-ü öljigen dotur-a nigen ökin sayunam</u>	(4b) <u>nigen edür aq-a degü qoyayula görögeleged burqan qaldun-a degere γarbasu düiren garu-dača tünggelig yoruqan uruyu nigen bölg irgen negüjü ayisuqui-yi aq-a inu duw-a soqor üjeju ögülerün : tere tünggelig yoruqan uruyu negüjü ayisuqui irgen-ü dotura nigen arγutai tergen-ü ölcigede sayuysan nigen ökin-ü</u>	(25r) <u>tere aqa degü qoyar burqan qalduna deger-e yabun atala : aq-a inu ögü=lerün : düürüng garudi-ača : tünggelig yoroqan uruyu nigen bölg negüdel ayisui : tegün-dür nigen tergen-ü dotora : nigen you-a üjeskülengtei ökin bui ajayu :</u>

¹ Жирным шрифтом выделены совпадающие фрагменты. Подчеркиванием обозначены слова, совпадающие не во всех летописях.

² Жирным шрифтом выделены совпадающие фрагменты.

³ Жирным шрифтом выделены совпадающие фрагменты. Подчеркиванием обозначены слова, отсутствующие в «Сокровенном сказании».

ющем» фрагменте есть особые слова и выражения, которые являются элементами, на которых держится весь отрывок. Чаще всего это или стихотворные фрагменты, или поговорки, аллитерированные обороты, стилистически выделенные слова и выражения, которые обычно намного более устойчивы и в разных версиях письменных памятников сохраняют текст довольно точно. Так, во фрагменте об умыкании Оэлун во всех летописях XVII в. употреблено довольно редкое слово *tuγar* (совр. монг. *тугаар*) в значении 'давешний, недавний', которого нет в «Сокровенном сказании».

Таким образом, сказать, что Саган-Сэцэн пользовался только «Кратким Золотым сказанием», а Лубсандандзан почти переписал «Сокровенное сказание», нельзя. В каждом из сочинений есть элементы, которых нет в гипотетическом источнике, стоящем ближе всего к нему.

4. Заключение

С одной стороны, многочисленные повторяющиеся фрагменты в разных летописях, а с другой — разночтения в них трудно объяснить лишь существованием различных письменных версий и источников. Многие исследователи на основе анализа языка конкретного памятника приходили к выводу, что тот не может быть источником для другого сочинения непосредственно, что между ними стоял неизвестный промежуточный текст [Ligeti 1971: 5–10; Желтая история 2017: 54]). По этой логике должно было существовать множество летописей или их версий, написанных уйгурским письмом, но не дошедших до нас. Это, конечно, возможно, но маловероятно. Гораздо более понятным и логичным нам кажется объяснение этого факта существованием устного текста / устных текстов, имевших твердую фиксированную форму и сохранявшихся в памяти рода, — то, что в фольклоре называют «авантекстом». Несмотря на то, что он не был свободен и произволен в словах и выражениях, этот текст был подвержен коррозии в большей степени, чем письменный. Именно устные фиксированные тексты послужили полем, где главным образом формировались различные летописи XVII в. и

их версии. Поэтому мы не можем утверждать, что то или иное сочинение послужило источником другому, а можем лишь предполагать, что оба они использовали схожий устный прототекст.

Говоря о влиянии устной формы словесности на монгольские летописи, исследователи обычно имеют в виду включение в них легенд (об Аргасун-хорчи [Лубсан Данзан 1973: 200–218], о Гурбэлджин-гоа [Лубсан Данзан 1973: 237–238] и пр.), стихотворных фрагментов (поучения Чингис-хана [Лубсан Данзан 1973: 206–207, 238–239], хвала гвардии [Лубсан Данзан 1973: 149–157] и пр.), многочисленных паремий [Козин 1941: 34–35]. Другой формой влияния фольклора на монгольские летописи называют использование моделей устного эпического творчества, когда, например, жизнь Чингис-хана описывается по лекалу эпических героев [Неклюдов 2019: 45–46; Цендина 2007: 53–54]. Все это верно. Однако такое влияние было, безусловно, шире. Устная фиксация текста была распространена у монголов не только в области эпоса и фольклора, но и в сфере этических, юридических и, наконец, исторических знаний. Кроме того, она функционировала как до появления у монголов письма, так и некоторое время параллельно с последним. Если принять такую точку зрения, то «Сокровенное сказание» — это не письменный «прототекст», не источник для других исторических памятников, а такое же, как летописи XVII в., переложение устного текста на бумагу, только сделанное намного раньше. У академика Ц. Дамдинсүрэна есть знаменитое сравнение «Сокровенного сказания монголов» с сосной, которая может вырасти только в окружении собратьев [Монголын нууц товчоо 1957: 8]. Мы хотим сказать, что ее «собратья в сосновом лесу» были большей частью устными.

Конечно, нельзя относить эту гипотезу ко всему тексту летописей тотально. Могли быть случаи сосуществования двух моделей фиксации текста — устного и письменного, и в XVII в., (а тем более позже) скорее всего, так и было. Но главное — авантекст летописей продолжал существовать и тогда, когда письменные нарративы стали активно заполнять поле монгольской словесности. Напри-

Таблица 5. Сравнение эпизода о разговоре Алан-гуа с сыновьями¹

[Table 5. Comparison of the fragment about Alan-Gua's speech addressed to her sons]

«Сокровенное сказание»	«Краткое Золотое сказание»	«Золотое сказание» Лубсандандзана	«История Асрагчи»
(§ 18–19) eke an-u Alan_qoa uqa=ju... sere=küy @ber tan-u jöb	(12) eke ni alung you-a medejü... serikü tani jöb gejü	(6b) alun you-a uqaју : ... seriküi-ber tan-u jöb bui :	(18) eke inu medejü tan-u serikü jöb buyu :

Таблица 6. Сравнение эпизода об умыкании Йисугеём Оэлун

[Table 6. Comparison of the fragment about how Yesugei captured Hö'elün]

«Сокровенное сказание»	«Краткое Золотое сказание»	«Золотое сказание» Лубсандандзана	«Желтая история»	«Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна	«История Асрагчи»
(§ 50) Barta_n_ baatur-un köü+d Mö'getü_ kiyan Nekün_ taysi Yisügey_ baatur Da:ritay_ odcigin e+de dörben bü=lee	(15–17) bartam bayatur	(9v–11r) bartan bayatur- un köbegün yisügei bayatur : nekün tayiji menggetü kiy-a : mergen jang-tai daritai odcigin tede tabun bölüge...	—	(26r) bartan bayatur : tegünü köbegün yisügei bayatur : nekün tayisi menggetü seçen : daritai očigin dörbegülen buyu : tendeče yisügei bayatur :	(18–20) bartam bayatur :
(§ 54) Tere caq-tur Yisügey_ baatur Onan müren-e šibawula=n yabu=quy-tur	tegünü köbegün yisügei bayatur daritai očurun	tere čay-tu bartan bayatur- un köbegün yisügei bayatur onan mören-e sibayulun бүкүи-tür			tegünü köbegün yisügei bayatur : aq-a degüs-iyer görügelün yabutala :
Merki+d-ün Yeke_ ciledü Olqunu+ud irgen-ece öki ab=cu eüs=ge=jü ayisu=qu-yi jolqa=ju ö'geyi=jü üje=esü ö'ge~ jisü buši-tay öki qatu	qoyar degüben abču anglan yabuquui-dur nigen činday-a biyu gejü qayaba : tere nigen ekener šigegsen ajuwu : tegündür tergen-ü mör- iver	merged-ün yeke čiledü olqunud irgen-eče ökin-i abču egüsgejü ayisuquui- tur jolqaju : tergen-tür inu		nekün daritai qoyar degüben abču časun-dur činday-a mösgjü yabun atala : nigen terge-tü negüdel-ün mör-tür : nigen em-e kümün-i sigesün-i üjegeč : ene em-eče sayin köbegün	nigen merged-ün ere čiledü olqunud-ača ögelen nertü ökin-i abaču qariqu aysan

¹ Жирным шрифтом выделены совпадающие фрагменты.

üje=jü ger-tür-iyen qar1=n~ hawul=jü Nekün_ taysi aqa-yu-an Da:ritay_ odçigin deü-ben udurid=cu ire-jüüy (§55) Gür=küy-lüe Ciledü	eçijü_ yisügei degüü- tegen tere eme-eçe sayin köbegün törükü gejü keleged tergen-ü mör-iyer nekejü eçiküle tayıçuyud-un	önggevijü üjebesü öngge jısın busıtai ökin qatun-i üjejü ger-tür-ıyan qarıju aq-a-yuyan nekün	törükü_ aysan ajıyu : kemeged : tere negüdel-ün mör-tür orıju güıcebesü : <u>tatar-un</u> er-e ciledü kemekü <u>olqunud</u> -aça <u>ögel</u> en eke-yi bayulyaju qarın ajıyu : tedüü tere ireju <u>jolyuyad</u> odbasu :	ajıyu : yisügei bayatur aq-a degüüs-ıyer kürküı-luy-a :
ayu=jü)) qurdun qubi-tu a=juu)) qubi-yu-an quya in-u deled=cü quburi nambalis buru:d=quy-lua qoyına-ca in-u	er-e ciledü ögelen eke- yi olqunud-aça abçu qariqui-dur nekejü güıcejü yisügei qoyar degüü-tegen kelebe egüni dauliy-a gejü	tayısı-yi degüü-yuyan darıtai odçigin-i uduridçu kürküı-lüge : ciledü ayuju qurdun quba- yuyan yuy-a deldüged	ögelen eke ciledü-de eyin öğülebei : çi <u>toyar-un</u> yurban kümün-ü yeke-yin jang-i ajıyabuu :	
qurbaula udaara=ldu=BA Ciledü qoşıun quclis qari=ju tergen-dür- iyen ire=küy-lüe tende Höelün_ üjin üğüle=rün Te+de qurban haran-i uqa=BA@u: ciCıray cıray- aca busu+d	eçiküı-yi ögelen eke ere- tegen kelebe : çi medebeü <u>tuyar-un</u> yurban köbegün=i jang ni mayuqai çi yar gejü emüsügen çamçaban tayılju ögtele tere aq-a degüü yurbanula daulıba :	qyburı alus buruyudduluy-a : qoyına- aça inu yurbanula udayarid-un qatarıbasu ciledü qosıyu quçıju tergen-tür-ıyan irebesü : ögelen üjin öğülerün	kemeged dotura <u>emüsügen</u> <u>çamçaban</u> tayılju öggün_ ödtür yarçu ög kemen öğüleküı jayura : tede mayui jabdun kürçu iregsen-dür :	
	ciledü-yi yurban youl getülgebe : <u>yurban yorbi</u> <u>ketü kögejü ese güıcebe</u> : ögelen eke-yi yisügei bulıyaju abuba : <u>ger jüg</u> <u>qarju ireküı-dür ögel</u> en <u>qatun uyılaju vabuquı-</u> <u>dur</u>	tuyar-un yurban arad-i uqabau çi : tede kümün-ü çirai çirai busu buı : amin-tur çinu gour kürgekü medege ügei irgen buı amin ele çinu bolbasu: qaray-a tutum	er-e ciledü buruyuddun dutayabai <u>yurban youl</u> alus tüdeged : ögelen eke-yi bulıyaju yisügei bayatur bey-e-degen abubai :: <u>ger jüg qarıju ireküı-</u> <u>dür ögel</u> en qatun uyılaju <u>yabuqudu</u>	çiledü qurdun quba- yuyan yuyadan dutayabai : kögejü yabutala : qosıyu toyuriyad : qarıju tergen-dür-ıyen irebesü
bu=y Amin-tur cin-u gür=küy cıray-ta +n bu=y; amin @ele cin-u bö=esü {öljige tutum öki+d {qarau~ tutum qatu+d } bu=y Amin @ele cin-u bö=esü öki qatu	qatud : öljige tutum ökid buı j-a : minu metü öngge-tü-yi oldaqun j-a : busu daki ner-e-tei kümün uçirabasu ögelem nereyiddüyü j-a		ögelen öğülerün <u>toyar-un</u> yurban kümün-ü çirai çirai- aça öbere buyu amin- dur çinu gour	

<i>ol=ıyı @je ci; busu nere-tey-i Höelün @ taki nereyid=üyü~ @ je; ci amin-ıyanqoroq; höünür min-u höünüs=cü yabu kee=n camca-ban mültül=jü morin deere-ce naruyid=cu ab=quy-</i>	: či amin-ıyan qoriyayad jorçı : qoruy ütür-i minü ünüsçü yabuu kemen çamčaban möltüjü öggülgä : morin degere- eče naruyıju			kürgektü boluyajai : amin činu yabubasu em-e oldumja : em-e kümin-ü tulada ejen beveben ögüdeg biyu :
<i>lua qurbaula qošiun quci=ldu=jü gü=cü aysu=qu-lua Ciledü qurdun qubi-yinquya in-u deled=cü juqu=s dutaa=jü Onan müren öde dutaa=BA (§ 56)</i>	abqui-dur qoyin-ača inu aq-q degüü nar yurbayula qosiqu qučilduju irebesü : čiledü ayuju qurdun quba-yuyan deleddüged			ütür-i minü ünüsçü yabu kemen čamča- ban tayılju ögküi- luy-a čiledü ayurlaju abutala :
<i>Qurbaula qoyina-ca neke=jü doloan quburi daba=talahüde=jü qari=jü ire=jü Höelün_ üjin-i Yisügey_ baatur delbege- dece kötöl=jü Nekün_ tayisi aqa in-u</i>	onan mörin ögede juqus dudayaju talbiba qoyina- ača inu doluyan yorbi dabtala nekejü güičen yadaju qariju ireged yisügei			aqanar degüner kürčü ireküi-dür čiledü dutayabai yurban youl gitütele
<i>udurid=cu Da:ritay_ odcigin deü in-u kiligü dergece=jü ayisu=quy-tur Höelün_ üjin ügüle=rün Aqa min-u Ciledü {key~ öde {kegöl-ıyen keyis=ümser {keer qajar-a {keeli-ben ölös=ümser bü=ılyi;</i>	bayatur ögelen üjin-ü delbege-eče bariju aq-a inu nekün tayisi uduridču degüü inu darıtai odčın temegen kelijü ayisuqu- tur üjin eke yeke dayun- bar uyılaju ögülerün			kögejü ese güičeged ögelen-i abaču ireküi- dür yisügei bayatur delbigün-eče bariju : aq-a inu nekün tayisi uduju degüü inu

<i>{edöe ker~ @ele }qoyar şibülger-iyen niken-te aru~ deere-yen oor=cu niken-te ebür-a:n deere oor=cu niken-te uruqşı-da niken-te qoyinaqşı-da))ker~ @ele~ ki=jü od=umuy ke:=ed {Onan müren-i tolkis=tala {hoy~ jubur dawuris=tala {yeke dawu-bar uyıla=ju ayisu=quy-tur</i>	aq-a minu çiledü kei ögede kegül-iyen keyisügseger keger yañar-a kegelı-ben ölüssseger bölüğe edüğe ker ele kisü bi kemen qoyar sibelger- iyen nigen-te aru degere nigen-te ebçigün degere oyorçu ker ele kījü oduy-a kemeged onan mören tolkistala oi büri dayuristala yeke dayu- bar uyılađu ayisuquı-tur :		daritai očigin keliđu yabubai : <u>öge=len</u> <u>yeke dayubar uyılađu</u> yabuquı-dur :
<i>Da:ritay_ ödöcigin dergece=jü yabu=ju ügüle=rün {Teberi=gü cin-u {dabaa+d olon daba=BA; {uyıla=qda=q cin-u {usu+d olon ketül=BA{Qayıla=asu {qarayı=ju ülü üje=gü cima-yi</i>	daritai očıyın <u>üge</u> <u>öçirün yurban youl</u> <u>getülbe yurban yorbi</u> <u>dabuyulba qayıbasu mör</u> <u>ügei qarbasu</u>	daritai očigin <u>üge öçirün</u> : <u>yurban youl getelbe : yurban</u> <u>yorbi dabuba : qayıbasu mör</u> <u>ügei : qarabasu burqan ügei</u> :	daritai očigin keliđu <u>öçi=run dabariqu</u> çinu dabayan olan dababa : uyılaqu çinu usun olan getülbe : qayıbasu <u>mör ügei qarabasu</u> <u>baray-a</u>
<i>{Qayı=basu {qauluqa in-u ülü ol=quci; }sem~ bol=i kee=jü idqa=BA Höelün_ üjin-i Yisügey tedüy ger-dür-iyen abcira=BA Höelün_ üjin-i Yisügey-in abcira=qsan yosun teyimü</i>	baray-a <u>ügei qayıbasu</u> <u>ülü sonusum gebe : tere</u> <u>üge-vi ögelen eke sonusçu</u> <u>dayun ügei yabuba :</u>	<u>uyılabasu ülü sonusum</u> <u>kemebesü : tere ügeyi sonusçu</u> <u>ögelen dayun ügei yabuba ::</u>	<u>ügei : qayılabasu ülü</u> <u>sonusun</u> : qarıju ülü ireyü : sem bolai=ri gebe : <u>ögelen dayun</u> <u>ügei yabubai</u> : yisügei bayatur-un ögelen-i abırsan anu eyimü ^{oekü} :

Таблица 7. Сравнение фрагмента о перекочевке Алун-гоа
[Table 7. Comparison of the fragment about Alun-Gua's migration]

«Сокровенное сказание»	«Краткое Золотое сказание»	«Золотое сказание» Лубсандандзана	«Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна
(§9) Qorilartay_mergen <u>Qori_tuma+d-un qajar-tur-ıyan buluqan keremün göröe-tey qajar-ıyan qorila=ldu=ju mawula=ldu=ju</u> Qorilar oboq-tu bol=ju <u>Burqan_qaldun-u göröesün görüüli sayı-tu qajar sayın kee=n</u> Burqan_qaldun-u eje+d Burqan_bos=qa=qsan Sinci_bayan Urya'qay-tur newt=jü ayis=un a=juu. Qori_tuma+d-un Qorilartay_mergen-ü ökin Ariq_usun-a töre=gsen Alan_qoa-yi tende quyu=ju Dobun_mergen-ü ab=uqsan yosun teyimü.	(4a) tere ökin qori tümed-ün qorildai mergen-ü baryujin you-a ay-a-aça ariy usun dotur-a törügsen : alung you-a neretü ökin bile gebe :	(4b) tümed-ün ejen qorildai mergen-ü baryujin you-a-daça törügsen alun you-a tere ajuyu : qorildai mergen <u>tümed-ün yajar-tur bulayun kerem-üd görökü yajad qorilaju qorilaiduju öber jayuraban mayuzalin bolulcaju</u> qorilar-un omuy-tan bolba: burqan qaldun-a görügüji olan-tu bui kemen burqan qaldun-a-aça burqan uriyangqai singsing bayan-tur negüju ayısun ajuyu : qori tümed-ün qorildai mergen-ü ökin ariy usun-a törügsen alun you-a-yi dobu mergen-ü abuyısan yosun teyimü böltüge ::	«Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна (25r) qori tümed-ün qorildai mergen-ü barayujin you-a-gergei-eçe : ariy usun-a törügsen : alun you-a neretü ökin : <u>yajar songzun yabumui</u> kemebe :

мер, разве не устные истоки имеют фрагменты о борьбе монголов и ойратов, касающиеся XIV–XVI вв.? Разве не устные сказания о Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи легли в основу сочинения его правнука Саган-Сэцэна, а биография Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи появилась уже позднее — в XIX в. и на основе сочинения Саган-Сэцэна [Gegen toli 2010: 1]?

ЗаклЮчить нашу статью мы хотим словами знаменитого Рашид-ад-Дина, писавшего: «... обычай монголов издревле таков, что они блюдут [память] о своем происхождении и о родословных, и так как у них нет ни религиозной общины [миллат], ни веры [дйн], при помощи которых они наставляли бы дитя, подобно другим [людям], на праведный путь, то каждому народившемуся дитяти отец и мать объясняют предания о роде [қабйлэ] и родословной [насаб], и они [монголы] всегда соблюдали таковое правило, и в настоящее время оно почитается у них...» [Рашид-ад-Дин 1952: 29].

Литература

- Гой-лоцава Шоннупэл 2001 — Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя летопись. Deb-ther sNgon-po. История буддизма в Тибете, VI–XV вв. / пер. с тиб. Ю. Н. Рериха; пер. с англ. О. В. Альбедилы и Е. Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001. 760 с.
- Желтая история 2017 — Желтая история (Шара туджи) / пер. с монг., транслит., введ. и коммент. А. Д. Цендиной. М.: Наука; Вост. лит., 2017. 416 с. (Памятники письменности Востока. CXLVII).
- Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol un niguča tobèj an. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с. (Труды Академии наук СССР, Институт востоковедения; Т. 34).
- Лубсан Данзан 1973 — Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., введ. коммент и прилож. Н. П. Шастиной. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 437 с. (Памятники письменности Востока. Вып. 10).
- Монголын нууц товчоо 1957 — Монголын нууц товчоо. Хоёр дахь удаагийн хэвлэл. Хуучин монгол хэлнээс одоогийн монгол хэлээр Цэндийн Дамдинсурэн орчуулав (= Сокровенное сказание монголов. Второе издание. Перевёл со старомонгольского на современный монгольский Цэндийн Дамдинсурэн). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1957. 254 х.
- Неклюдов 2019 — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Рашид-ад-Дин 1952 — Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой; прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенова; отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1952. 315 с.
- Санчилов 1990 — Санчилов В. П. «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М.: ГРВЛ, 1990. 137 с.
- Санчилов 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчилова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.

References

- Gö Lotsawa Zhönnu-pel. Blue Annals. Deb-ther sNgon-po: A History of Tibetan Buddhism, Sixth to Fifteenth Centuries. Yu. Roerich (Tib.-to-Eng. transl.); O. Albedil, E. Kharkova (Eng.-to-Russ. transl.). St. Petersburg: Evraziya, 2001. 760 p. (In Russ.)
- Yellow Annals (Sira Tuyuji). A. Tsendina (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 416 p. (In Mong. and Russ.)
- Kozin S. A. The Secret History [of the Mongols]: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled 'Monggolun niguča tobčijan. Yuan chao bi shi'. Vol. 1: A Research Introduction, Translation, Texts, Glossaries. A. Barannikov (ed.), N. Poppe (foreword). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ. and Mong.)
- Luvsandanzan. Altan Tobchi (Golden Summary). N. Shastina (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1973. 437 p. (In Russ. and Mong.)
- Secret History of the Mongols. Second edition. Ts. Damdinsuren (transl.). Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1957. 254 p. (In Mong.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscapes of Mongolia: Published and Oral Epic Narratives. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 2. O. Smirnova (transl.); B. Pankratov, O. Smirnova (comment.); A. Semenov, S. Tolstov (eds.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 315 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. Iletkhel Shastir as a Source in Oirat History. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. (comp.) Collected Oirat Historical Chronicles, Seventeenth – Eighteenth Centuries. V. Sanchirov (transl., comment., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 270 p. (In Kalm. and Russ.)

- Цендина 2007 — *Цендина А. Д.* Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции / *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XII. М.: РГГУ, 2007. 269 с.
- Цыдендамбаев 2001 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные / Ц. Б. Цыдендамбаев; под ред. Б. В. Базарова, И. Д. Бураева. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. 256 с.
- Altan tobči 1990 — *Erten-ü qad-un ündüsülügsen törü yosun-u jokiya-l-i tobčilan quriya-san altan tobči kemekü orusobai* (= Золотое Сказание, являющееся кратким изложением сведений о правлении древних [монгольских] ханов). *Ulaγanbaγatur: Ulus-un keblel-ün γaγar*, 1990. 177 q.
- Ardaγab 1993 — *Ardaγab*. *Mongγol-un niyuča tobčiyan daki obuγ-un čadiγ* (= Генеалогии в «Сокровенном сказании монголов») // *Gabiya-a jidkül-ün durasqal*. Professor doktor Walter Heissig-ün *nayan nasun-u oi-du* (= Фестшифт в честь 80-летия профессора доктора Вальтера Хайссига). *Öbör mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a*, 1993. Q. 27–46.
- Asarayči 1984 — *Asarayči neretü-yin teüke*. B. Baγan-a *kinan γarγayulju baγulγaju tayilburi kibe* (= История Асрагчи. Комментарии Б. Багана). *Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a*, 1984. 319 q.
- Galdan 1960 — *Galdan*. *Erdeni-yin erike kemekü teüke bolai*. Če. *Nasun baljir keblel-dü beletgebei* // *Monumenta historica*. T. III. Fasc. I. Улаанбаатар, 1960. X. 65–183.
- Gegen toli 2010 — *Qutuγtai sečen qung noyan-u ündüsulel-ün čiday gegen toli kemekü sudur osudibai* (= Жизнеописание Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи, сутра под названием «Светлое зеркало»). *Möngkedalai, Serendorji emkidken nayirayulba*. *Kökeqota: Öbür mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a*, 2010. 314 q.
- Heissig 1959 — *Heissig W.* Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. Teil I: 16–18. Jahrhundert // *Asiatische Forschungen*. Bd. 5. 111 s.
- Ligeti 1971 — *Ligeti L.* Histoire secrète des Mongols. Texte en écriture ouigoure incorporé dans la chronique Altan Tobči de blo-bzan bstan-'jin (*Monumenta Linguae Mongolicae Collecta*, VI). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974. 268 p.
- Tsendina A. D. *Mongolian Chronicles, Seventeenth to Nineteenth Centuries: Narration Traditions (Orientalia et Classica 12)*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2007. 269 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. *Buryat Historical Chronicles and Genealogies*. B. Bazarov, I. Buraev (eds.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2001. 256 p. (In Russ.)
- Altan Tobči (Golden Summary of Narratives on Mongolian Khans). Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1990. 177 p. (In Mong.)
- Ardaγab. *Genealogies in the Secret History of the Mongols*. In: *Celebrating the 80th Birthday of Professor Walter Heissig*. Hohhot: Inner Mongolia Culture Press, 1993. Pp. 27–46. (In Mong.)
- The Story of Asarayči. B. Bagan (comment.). Beijing: People's Publ. House, 1984. 319 p. (In Mong.)
- Galdan. *Erdeni-yin Erike (Precious Rosary)*. Če. *Nasun* (ed.). In: *Monumenta Historica Mongolorum*. Vol. 3. Pt. 1. 1960. Pp. 65–183. (In Mong.)
- Möngkedalai, Serendorji (comps.) *Gegen Toli (Luminous Mirror)*. Hohhot: Inner Mongolia Culture Press, 2010. 314 p. (In Mong.)
- Heissig W. *Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen*. Teil I: 16–18. Jahrhundert (*Asiatische Forschungen* 5). 111 p. (In Germ.)
- Ligeti L. *Histoire secrète des Mongols. Texte en écriture ouigoure incorporé dans la chronique Altan Tobči de blo-bzan bstan-'jin (Monumenta Linguae Mongolicae Collecta 6)*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974. 268 p. (In Mong. and Fr.)

- Quriyangyui altan tobči 1989 — Qad-un ündüsün quriyangyui altan tobči. Bulay γaryuγulju tayilburilaba (= Краткое Золотое Сказание о происхождении [монгольских] ханов. Комментарии Булага). Kökeqota: Öbür mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 1989. 449 q.
- Sayang Secen 1990 — *Sayang Secen*. Erdeni-yin tobci. ('Precious summary'). A Mongolian Chronicle of 1662. II. Word-Index to the Urga text prepared by I. de Rachewiltz, J. R. Krueger. Canberra: Australian National University, 1990. 267 q.
- Sečenbilig 1996 — *Sečenbilig Če*. Erten-ü gad-un ündeselsegsen törü yosun-u jokiyal-i tobčilan quriyaγsan Altan tobči-yin surbulji joliyayči kiged jokiyaydayγsan on čaγ (= *Сэцэнбэлэг Ц*. Об источниках и дате составления «Золотого Сказания, являющегося кратким изложением сведений о правлении древних [монгольских] ханов»). Kökeqota: Öbür Mongγol-un neyigem-ün sinjilekü uqayan, 1996. № 5. Q. 301–308.
- Street 2013 — *Street J. C.* Street's text of the Secret History of the Mongols. Version 24 of 10. Monumenta altaica: алтайское языкознание. 2013. 192 p.
- Quriyangyui Altan Tobči (Concise Golden Summary). Bulag (comment.). Hohhot: Inner Mongolia Culture Press, 1989. 449 p. (In Mong.)
- Sayang Secen. Erdeni-yin Tobci (Precious Summary): A Mongolian Chronicle of 1662. Vol. 2: Word-Index to the Urga [Text]. I. de Rachewiltz, J. R. Krueger (text prep.). Canberra: Australian National University, 1990. 267 p. (In Eng.)
- Sečenbilig Če. Altan Tobči: More on sources and date of the text. *Öbür Mongγol-un neyigem-ün sinjilekü uqayan*. 1996. No. 5. Pp. 301–308. (In Mong.)
- Street J. C.* Street's text of the Secret History of the Mongols. Version 24 of 10. Monumenta altaica: алтайское языкознание. 2013. 192 p.

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 1, Pp. 169–190, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-169-190

Планы городов Туркестана и Бухары по материалам экспедиции Д. Г. Мессершмидта

*Мухтар Бакадырулы Кожя¹, Зибегул Сулейменовна Ильясова²,
Багдаулет Сапарбаевич Сиздигов³*

- ¹ Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (д. 29, пр. Бекзата Саттарханова, 161200 Туркестан, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
 0000-0001-9619-7968. E-mail: mukhtar.kozha[at]yu.edu.kz
- ² Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (д. 2, ул. Сатпаева, 010000 Астана, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
 0000-0002-6507-4364. E-mail: zita.08[at]mail.ru
- ³ Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (д. 29, просп. Бекзата Саттарханова, 161200 Туркестан, Республика Казахстан)
Ph.D., ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник
 0000-0001-8115-5810. E-mail: bagdaulet.sizdikov[at]ayu.edu.kz

© КалмНЦ РАН, 2025

© Кожя М. Б., Ильясова З. С., Сиздигов Б. С., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются рукописные планы г. Туркестана и Бухары, хранящиеся в материалах путешественника Д. Г. Мессершмидта. *Цель* статьи — рассмотреть историю исследования указанных планов и произвести анализ различных версий составителей и вопроса о времени создания планов Туркестана и Бухары. *Материалы и методы.* *Материалом* для исследования являются рукописные картографические изображения городов Туркестана и Бухары из личного фонда Д. Г. Мессершмидта, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). Для выявления сходства и различий производилось сопоставление чертежа из фонда Д. Г. Мессершмидта с планом г. Туркестана, обнаруженным в Архиве внешней политики Российской империи (г. Москва). В качестве методологической основы использовались традиционные общенаучные принципы историзма и объективности, а также применялись проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы исследования. *Результаты.* Сравнение плана г. Туркестана Д. Г. Мессершмидта из двух разных российских архивов показало, что план г. Туркестана, выявленный в личном фонде Д. Г. Мессершмидта, является исходным документом, с которого была произведена копия плана г. Туркестана К. Миллера. В планах гг. Туркестана и Бухары отсутствует масштаб, элементы планово-ортогонального абстрактного изображения, которые позднее начинают появляться в образцах картографии петровского времени. Способы изображения башен, домов, пояснения на указанных планах имеют сходство с аналогичными объектами на картографических работах

конца XVII – начала XVIII в. Представлена версия о создании планов г. Туркестана и г. Бухары в 1695 г. одним из членов дипломатической миссии Федора Скибина, возвратившегося из столицы Казахского ханства — г. Туркестана через г. Бухару в г. Тобольск, и изготовление копий этих планов для Д. Г. Мессершмидта во время его пребывания в 1719–1721 гг. в г. Тобольске в ходе его сибирской экспедиции. В статье приводится расшифровка всех наличных надписей на плане г. Туркестана, интерпретация объектов и их обозначений по материалам топографии, картографии и археологии. **Выводы.** В статье впервые сопоставляется план г. Бухары из фонда Д. Г. Мессершмидта с более поздними планами и материалами этнографического обследования указанного города. Впервые предложена расшифровка и интерпретация ряда надписей чертежа, некоторых изображений плана г. Бухары. Рассматриваемые планы из личного фонда Д. Г. Мессершмидта представляют собой важный источник, дающий новые сведения о двух столичных городах Средней Азии периода позднего средневековья.

Ключевые слова: Туркестан, Бухара, Д. Г. Мессершмидт, Тауке-хан, Ф. Скибин, К. Миллер, Казахское ханство, ханака Ходжа Ахмеда Ясави, минарет, мечеть Калян

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации программы Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Историческая география Центральной Азии» (№ BR21882416).

Для цитирования: Кожа М. Б., Ильясова З. С., Сиздилов Б. С. Планы городов Туркестана и Бухары по материалам экспедиции Д. Г. Мессершмидта // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 1. С. 169–190. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-169-190

City Plans of Turkistan and Bukhara: Analyzing Materials of D. G. Messerschmidt's Expedition

Mukhtar B. Kozha¹, Zibagul S. Ilyassova², Bagdaulet S. Sizdikov³

¹ Akhmet Yassawi University (26, B. Sattarhanov St., 161200 Turkistan, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0001-9619-7968. E-mail: mukhtar.kozha[at]yu.edu.kz

² L. N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satbaev St., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sci. (History), Associate Professor

 0000-0002-6507-4364. E-mail: zita.08[at]mail.ru

³ Akhmet Yassawi University (26, B. Sattarhanov St., 161200 Turkistan, Republic of Kazakhstan)

PhD, Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-8115-5810. E-mail: bagdaulet.sizdikov[at]ayu.edu.kz

© KalmSC RAS, 2025

© Kozha M. B., Ilyassova Z. S., Sizdikov B. S., 2025

Abstract. Introduction. The article analyzes some handwritten city plans of Turkistan and Bukhara contained in materials of the traveler D. G. Messerschmidt. **Goals.** The work examines who and when investigated the plans, analyzes their different versions, and resumes when they were compiled. **Materials and methods.** The study focuses on D. G. Messerschmidt's handwritten cartographic depictions of Turkistan and Bukhara housed at St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Messerschmidt Collection). The drawings have been compared to another plan of Turkistan discovered at the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (Moscow). In terms of methodology, the work rests on the principles of historicism and objectivity, with due use of chronological and comparative historical method tools. **Results.** Our analysis of D. G. Messerschmidt's plans of Turkistan from two different Russian archives shows the one from the compiler's personal collection served a source for the copy made by K. Miller. The plans of Turkistan and Bukhara have neither scale nor orthographic elements that would further emerge in Peter the Great's era. Depictions of towers, houses, and captions resemble ones traced in cartographic works of the late seventeenth and early eighteenth centuries. The paper suggests the plans were created by a member of Fyodor Skibin's diplomatic mission upon the latter's return from Turkistan (the capital of the Kazakh Khanate) via Bukhara to Tobolsk in 1695. So, the copies of these plans may have been made for D. G. Messerschmidt.

schmidt during a visit to Tobolsk as part of his Siberian expedition in 1719–1721. The article involves a variety of topographic, cartographic and archaeological materials to explain all the available inscriptions on the plan of Turkistan, interprets the objects and their designations. *Conclusions.* The article is first to compare the plan of Bukhara from the Messerschmidt Collection to subsequent ones, including some ethnographic research materials pertaining to the designated city. It also attempts a number of explanations and interpretations for a variety of identified inscriptions. The considered plans from the Messerschmidt Collection secure further important insights into the two capital cities of Central Asia in the late Middle Ages.

Keywords: Turkistan, Bukhara, D. G. Messerschmidt, Khan Tauke, F. Skibin, K. Miller, Kazakh Khanate, khānaqāh of Khoja Akhmet Yasawi, minaret, Kalyan Mosque

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, research program no. BR21882416 ‘Historical Geography of Central Asia’.

For citation: Kozha M. B., Ilyassova Z. S., Sizdikov B. S.. City Plans of Turkistan and Bukhara: Analyzing Materials of D. G. Messerschmidt’s Expedition. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 169–190. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-169-190

1. Введение

История средневековых городов Центральной Азии остается важной темой научных исследований. Одними из наиболее известных городов региона являются Туркестан и Бухара. Если для исследования ранних этапов истории указанных городов в основном служат археологические данные и сообщения средневековых авторов, то для воссоздания истории города периода позднего средневековья и нового времени важны сведения, содержащиеся в картографических источниках. Необходимо отметить, что до настоящего времени не известны планы городов Средней Азии, выполненные в средние века.

В архиве известного немецкого исследователя Даниила Готлиба Мессершмидта (1685–1735) — путешественника, который в ходе семилетнего путешествия в Сибирь в 1720–1727 гг. собрал крупные этнографические и археологические коллекции [Магидович, Магидович 1984: 90], были выявлены рукописные планы городов Туркестана и Бухары.

Указанные планы еще не изучались в качестве объектов специального историко-источниковедческого исследования с использованием накопленных данных по истории картографии, археологии, этнографии, искусствоведения Средней Азии. Некоторые вопросы изучения плана Тур-

кестана рассматривались при изложении общих вопросов археологии и истории города. Не решены вопросы происхождения и авторства планов Бухары и Туркестана, высказаны различные точки зрения о времени создания чертежей, многие пометки на планах не расшифрованы, не все условные обозначения интерпретированы.

2. Материалы и методы исследования

Материалом и объектом исследования в данной статье являются рукописные картографические изображения городов Туркестана и Бухары из личного фонда Д. Г. Мессершмидта, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Российской академии наук [Планы г. Туркестана и г. Бухары] и впервые опубликованные (в натуральную величину) в работе В. Ф. Гнучевой¹ [Гнучева 1940: 26, 27, 302] (рис. 1). Первый чертеж имеет в верхней части надпись «*Gorod Turkistan*» и включает в себя план г. Туркестана. Размер изображения 21 x 16 см. На второй половине этого же листа располагается рукописный план г. Бухары с надписью «*Gorod Buchara*» (рис. 2). Размер изображения

¹ В. Ф. Гнучева указывает выходные данные в архиве: Ф. 98. Оп. 1. Д. 41 [Гнучева 1940: 302]. В настоящее время картографические материалы входят в опись 2, дело № 41 числится в описи под №18.

21 x 16 см. Оба чертежа, как указывает автор их первой публикации В. Ф. Гнучева, имеют «*надписи и пометки выполненные рукой Д. Г. Мессершмидта*» [Гнучева 1940: 302].

В качестве методологической основы в статье использовались традиционные общенаучные принципы историзма и объективности, а также применялись проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы.

Для определения даты создания первоначального рукописного чертежа г. Туркестана и г. Бухары, с которых были сделаны копии для Д. Г. Мессершмидта, производились сравнения с планами городов из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова (1642–1720).

Для выявления сходства и различий осуществлялось сопоставление чертежа из архива Д. Г. Мессершмидта с планом г. Туркестана, хранящимся в Архиве внешней политики Российской империи в г. Москве [План г. Туркестана К. Миллера] в деле К. Миллера (? – после 1745 г.), опубликованным И. В. Ерофеевой [Ерофеева 2001: 8] (рис. 3). Далее нами будут использованы для обозначения двух ранних планов города Туркестана, выявленных в разных архивах Российской Федерации, условные названия: «план г. Туркестана Д. Г. Мессершмидта» и «план г. Туркестана К. Миллера».

3. Историографический обзор

Первое упоминание в научной литературе планов г. Туркестана и г. Бухары из архива Д. Г. Мессершмидта относится к 30-м гг. XX в. В книге «Архив Академии наук СССР» указывается, что в фонде путешественника, кроме рукописей, также имеются материалы по археологии, этнографии и истории с рисунками, рукописные карты Сибири и отдельных ее мест и городов, «карта Туркестана и Бухары» [Князев 1933: 165].

В книге об истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв., подготовленной ученым-архивистом В. Ф. Гнучевой и изданной в 1940 г., были опубликованы фотографии рукописных чертежей с указанием: «План (рукописный) г. Туркестана.

Из материалов Д. Г. Мессершмидта, с надписями и пометками его рукой» [Гнучева 1940: 26] и «План (рукописный) г. Бухары. Из материалов Д. Г. Мессершмидта, с надписями и пометками его рукой» [Гнучева 1940: 27].

С середины XX в. схематический план г. Туркестана из архива Д. Г. Мессершмидта публикуется в ряде научных изданий Центральной Азии. В качестве иллюстрации «План города Туркестана (зарисовка начала XVIII в.)» был представлен в первом томе «Истории Казахской ССР» 1957 г. [Дахшлейгер, Сапаргалиев 1957: 173].

Автор книги о Д. Г. Мессершмидте, созданной на основе тщательного изучения подлинных документов путешественника, М. Г. Новлянская, указала на отсутствие фактов, проливающих свет на происхождение планов городов Туркестана и Бухары [Новлянская 1970: 177].

Журнал «Общественные науки в Узбекистане» в 1985 г. в разделе «По страницам архивов» опубликовал небольшую заметку немецкого археолога и историка-востоковеда Бурхарда Брентьеса (1929–2012) «Планы городов Бухара и Туркестан XVIII века» [Брентьес 1985: 55–58]. В публикации указывается, что в тетради «*Curiosa Sibiriae ...*», включающей более 40 листов археологических рисунков и карт, имеются планы Бухары и Туркестана, выполненные Д. Г. Мессершмидтом. Далее Б. Брентьес пишет о том, что «*Туркестан представлен на плане с явным нарушением пропорций. Показаны многочисленные улицы, караван-сарай, большое число колодцев*» [Брентьес 1985: 55].

Историк-востоковед первым обратил внимание на значение некоторых пояснений на чертеже, записанных немецкими буквами, указал на зарисовку печати в левом углу чертежа: «*Рядом с планом города — печать некоего Табакуль Маамета (Мохамеда?) Бутурхана*» [Брентьес 1985: 55]. По предположению этого исследователя, Д. Г. Мессершмидт «*действительно мог посетить во время своего путешествия г. Туркестан. В Бухаре же он никогда не был*» [Брентьес 1985: 55]. Однако никаких аргументов в пользу своей версии о пребывании Д. Г. Мессерш-

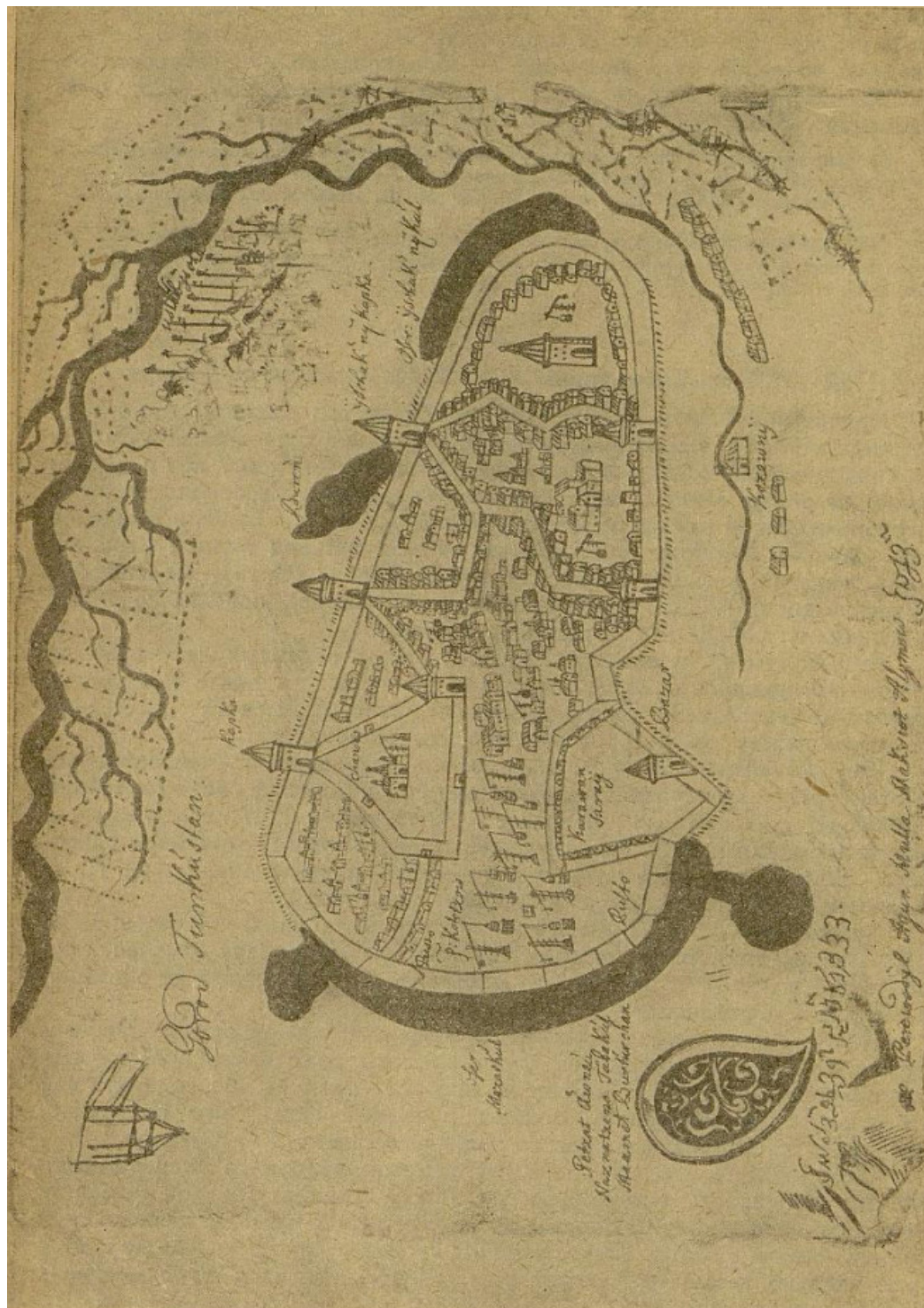

Рис. 1. План г. Туркестана из архива Д. Г. Мессершмидта [Гнучева 1940: 26]
[Fig. 1. City plan of Turkistan from D. G. Messerschmidt's archives]

Рис. 2. План г. Бухары из архива Д. Г. Мессершмидта [Гнучева 1940: 26]
[Fig. 2. City plan of Bukhara from D. G. Messerschmidt's archives]

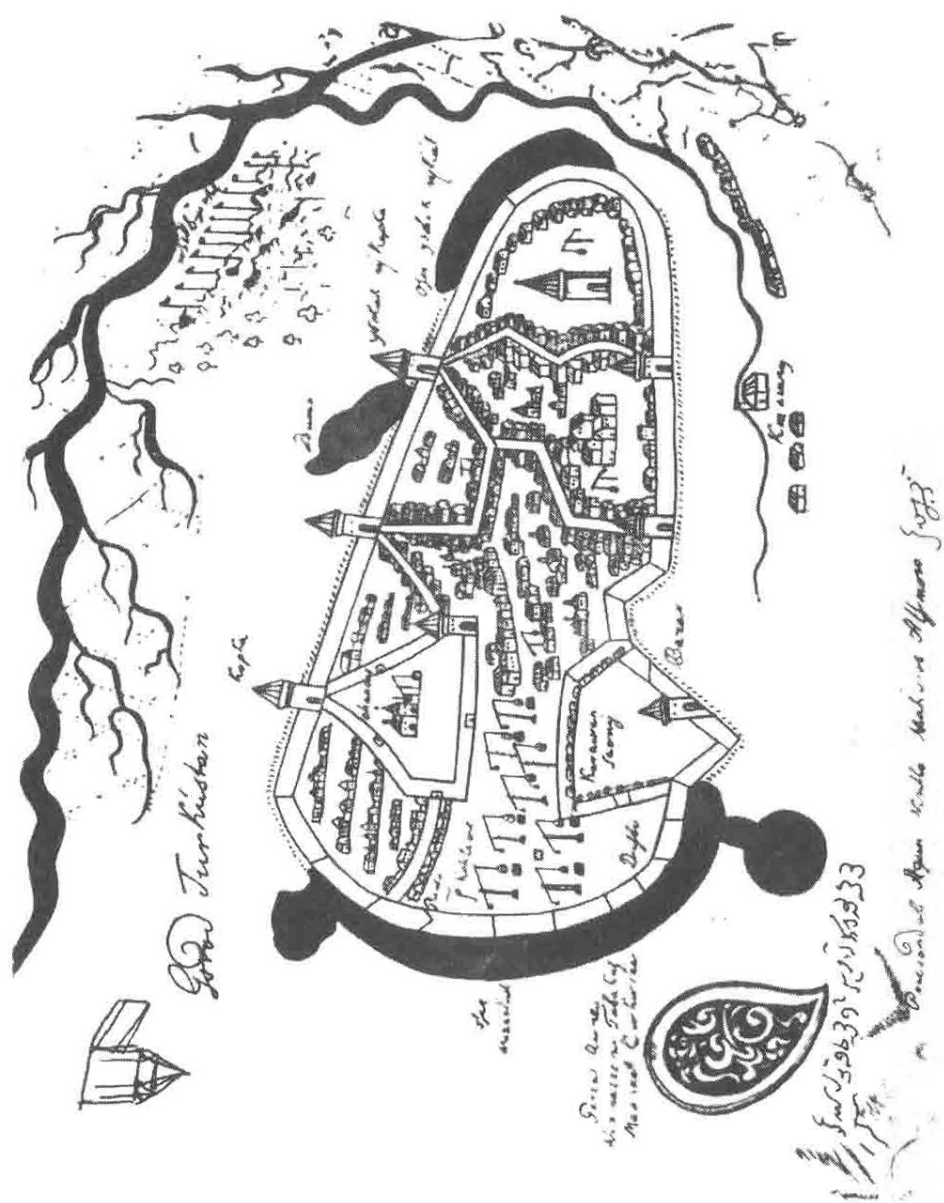

Рис. 3. План г. Туркестана из архива К. Миллера [Ерофеева 2001: 8]
[Fig. 3. City plan of Turkistan from K. Miller's archives]

мидта в г. Туркестане автор не привел. Если следовать гипотезе Б. Брентьеса, то план г. Туркестана был составлен в период путешествия Д. Г. Мессершмидта в Сибирь, т. е. в промежутке с 1719 г. по 1727 г. [Брентьес 1985: 55]. Однако автор не объясняет происхождение рукописного чертежа г. Бухары.

«План Д. Г. Мессершмидта» как исторический документ с указанием даты создания «начало XVIII в.» или «XVIII в.» публикуется в различных научных изданиях Казахстана [Моисеев 1991: 142; Байпаков и др. 1994: 31; Мустафаев и др. 1994: 264; Кожа 2000: 39].

Казахстанские археологи в первой обобщающей работе по средневековой истории г. Туркестана указали на план из архива Д. Г. Мессершмидта как один из письменных источников по исторической топографии городища [Смагулов и др. 1999: 45–46]. Авторы книги назвали чертеж «схематический аксонометрический план г. Туркестана (зарисовка начала XVIII в.)» [Смагулов и др. 1999: 45]. Для описания топографии позднесредневекового города исследователи использовали не только изображения объектов, но и некоторые пометки Д. Г. Мессершмидта на плане [Смагулов и др. 1999: 45].

Архитекторы Б. Т. Туякбаева и А. Н. Проскурин в 90-е гг. XX в. ознакомились с оригиналом рассматриваемого исторического документа в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 98. Оп. 2. Д. 18), что позволило им изложить ряд важных наблюдений в статье о цитаделях г. Туркестана. Они указали на наличие на другой половине листа вместе с планом Туркестана изображения плана г. Бухары, а на оборотной стороне — плана Урги. По мнению исследователей, «размещение на одном листе бумаги выполненных в единой графической манере планов трех населенных пунктов, географически расположенных в очень отдаленных друг от друга местах, свидетельствует о том, что планы были одновременно срисованы с каких-то документов, на что указывает и пририсованная печать» [Туякбаева, Проскурин 2000: 19]. Другими словами, они не считают автором чертежей Д. Г. Мессершмидта, он, по их мнению, скопировал чертежи.

Еще одним достижением указанных авторов является датировка плана г. Туркестана. Исследователи, используя текст надписи к прорисованной печати, где указаны титулы и имя хана, фамилия переводчика, и найдя аналогичные сведения в письме 1694 г. казахского правителя Тауке Петру I, датировали время составления плана годами правления указанного казахского хана, т. е. 1680–1718 гг. На основе этих наблюдений было высказано предположение о происхождении оригинала плана — «очевидно, план г. Туркестана происходит из документов этого хана, жившего, как известно, в г. Туркестане» [Туякбаева, Проскурин 2000: 20].

Исследователи отметили схожесть конфигураций города с реальной топографией археологического объекта — городища Ески Туркестан («Старый Туркестан»). Высказано мнение о предполагаемом месте, с которого и был срисован план города, — бугор Культобе. Дана «расшифровка» ряда пометок Д. Г. Мессершмидта и высказано мнение о местонахождении ставки казахских ханов XVII в. [Туякбаева, Проскурин 2000: 19–20]. Позднее археологи г. Туркестана на основе сличения данных чертежа о местоположении «ханова» места с топографическими особенностями городища Ески Туркестан провели археологические раскопки с целью выявления местоположения резиденции казахских ханов [Туякбаев 2009: 77–78; Туякбаев 2012: 336–338; Туякбаев и др. 2021: 133–138].

Обнаружение в другом российском архиве в г. Москве в документах другого путешественника, Карла Миллера, схожего плана г. Туркестана привело к появлению новой версии об обстоятельствах происхождения чертежа и его создателе. И. В. Ерофеева в своей книге, посвященной биографии казахского хана Абулхайра, опубликовала план г. Туркестана и указала, что данный чертеж есть рисунок другого путешественника К. Миллера и относится к «40-м гг. XVIII в.» [Ерофеева 1999: 257]. Согласно другой публикации историка, данный план г. Туркестана был обнаружен ею в Архиве внешней политики Российской империи (рис. 3). План официальной резиденции казахских ханов XVII – начала XIX в. был, по

ее мнению, составлен российским путешественником майором К. Миллером в 1743 г. [Ерофеева 2001: 8; Ерофеева 2014: илл. 5]. В «Большом атласе истории и культуры Казахстана» автором чертежа г. Туркестана назван К. Миллер и как год создания указан 1743 г. [Бимендиев, Ускенбай 2008: 436].

Ю. А. Ёлгин в историографическом обзоре о мавзолее Ходжа Ахмеда Ясави, указав, что первые наземные съемочные работы в топографии известны с XVI в., а на строго научной основе они начинают выполняться только в XVII в., высказал версию о возможности отнесения плана к разряду «топографической съемки» [Ёлгин 2013: 64]. Ю. А. Ёлгин, вслед за Б. Т. Туякбаевой и А. Н. Проскуриным, считает Д. Г. Мессершмидта не автором, а копиистом. Исследователь датирует исходный чертеж, с которого сделан «план Д. Г. Мессершмидта», XVI в. и относит его появление к периоду казахского хана Таваккула (1585–1598) [Ёлгин 2013: 65–66]. Автор не упоминает «план г. Туркестана К. Миллера» из московского архива.

В издании «Свод памятников истории и культуры Туркестанской области» высказаны различные версии об авторстве и времени составления картографического изображения г. Туркестана. Во введении утверждается: о «*плане Туркестана, составленном в 1743 г. российским путешественником Карлом Миллером на основе письменных материалов конца XVII в. и собственных наблюдений*» [Григорьев и др. 2018а: 43].

В другой части этой же публикации приводится иная версия происхождения чертежа: «*на схематическом плане Д. Г. Мессершмидта, составленном в конце XVII – начале XVIII в., с печатью хана Тауке...*» [Григорьев и др. 2018б: 68–99].

К числу последних работ о «плане Д. Г. Мессершмидта» относится доклад одного из авторов данной статьи в рамках Тюркологического конгресса [Кожа 2021: 409–417].

Итоги обзора литературы о плане г. Туркестана Д. Г. Мессершмидта показывают, что без историко-источниковедческого анализа плана данные чертежа выборочно привлекались для решения некоторых вопросов истории и археологии города. При этом да-

тировка документа расходится в пределах двух веков. Нахождение плана г. Туркестана в двух различных архивах требует выяснения вопроса о том, какой из них считать оригиналом, а какой — копией. Высказаны различные версии об авторстве и происхождении плана: Д. Г. Мессершмидт, канцелярия казахского хана Тауке или К. Миллер. Необходимо отметить, что в публикациях по плану г. Туркестана используются выборочно надписи и пометки на чертеже.

Из обзора научной литературы вытекает необходимость рассмотреть вопросы датирования планов городов Туркестана и Бухары, определения круга лиц, имеющих отношение к составлению рукописных чертежей, расшифровки и интерпретации пометок, изображений.

4. Время создания и автор составления планов г. Туркестана и г. Бухары

В ходе нашего исследования было проведено сличение «плана Д. Г. Мессершмидта г. Туркестана» с «планом К. Миллера г. Туркестана». При детальном рассмотрении двух планов были выявлены небольшие различия в написании букв, в изображении домов, башен, колодцев, в заполнении рисунка печати. При сравнении визуально прослеживается, что московский план более схематичен, нежели Санкт-Петербургский. На нем отсутствуют некоторые мелкие детали. Например, если в рисунках башен на «плане Д. Г. Мессершмидта г. Туркестана» имеются точки, изображающие бойницы, то такие элементы на башнях в «плане К. Миллера г. Туркестана» отсутствуют (рис. 1, 3).

Важно иметь в виду, что при публикации Санкт-Петербургского чертежа исследователи архива, изучившие все доступные им документы путешественника, указали, что пометки на плане г. Туркестана и г. Бухары выполнены рукой самого Д. Г. Мессершмидта [Гнучева 1940: 26]. Необходимо учесть и тот факт, что Д. Г. Мессершмидт скончался в 1735 г., задолго до поездки К. Миллера в 1743 г. в г. Туркестан. Поэтому Д. Г. Мессершмидт не мог скопировать «план К. Миллера г. Туркестана», хранящийся в московском архиве. Отсутствие мелких деталей и повторов надписей, выполненных рукой само-

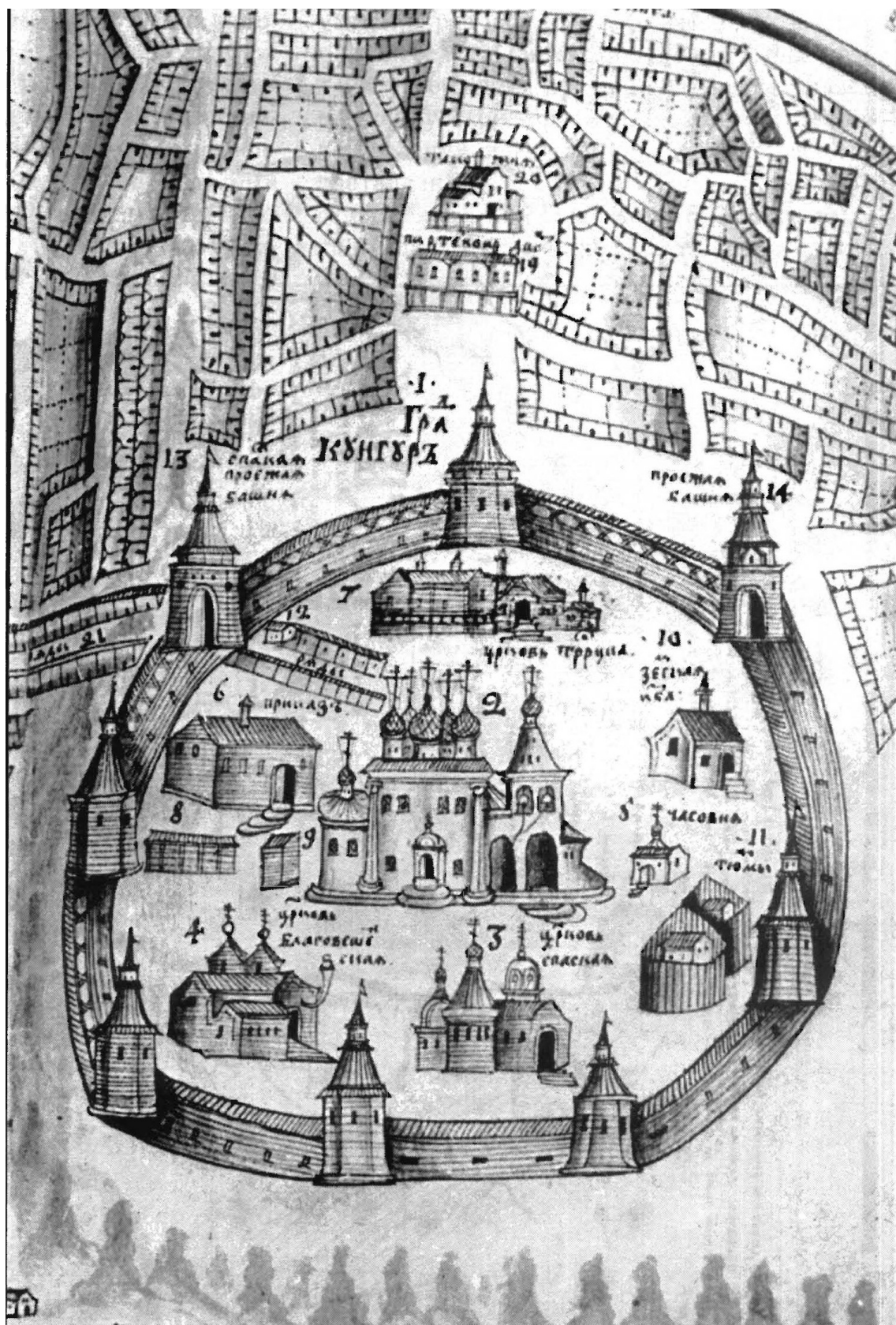

Рис. 4. Фрагмент «Чертежа земель Нарымского города» [Кусов 2003]
[Fig. 4. Lands of Narym town. Fragment of drawing]

Рис. 5. Фрагмент «Чертежа земель Кунгурского города» [Кузов 2003]
[Fig. 5. Lands of Kungur town. Fragment of drawing]

го Д. Г. Мессершмидта, прослеживаемых на московском чертеже, свидетельствует, что план г. Туркестана из Архива внешней политики Российской империи был скопирован с Санкт-Петербургского чертежа, т. е. с «плана Д. Г. Мессершмидта г. Туркестана». Скорее всего, в связи с подготовкой к предстоящей поездкой в города Туркестан и Ташкент К. Миллер сделал копию плана г. Туркестана с пометками Д. Г. Мессершмидта, и он сохранился в упомянутом выше московском архиве. И судя по сохранившемуся отчету о поездке К. Миллера, в результате ограбления торгового каравана, как пишет сам путешественник, *«имевшие у меня обстоятельные всedневные записки в случившееся над караваном несчастье взяты без остатку»*, т. е. все были отняты. Следует отметить, что и описание г. Туркестана К. Миллера не соответствует плану г. Туркестана из фонда Д. Г. Мессершмидта. Например, К. Миллер пишет об отсутствии базара в городе: *«Базаров никаких в Туркестане нет...»* [История Казахстана 2007: 32–50], что противоречит обозначению базара на плане города (рис. 1). Таким образом, высказанная в литературе версия об авторстве К. Миллера плана г. Туркестана не может считаться достоверной.

Для выяснения происхождения и обстоятельств создания «плана Д. Г. Мессершмидта г. Туркестана» следует учесть, что маршрут поездки немецкого путешественника пролегал очень далеко от местоположения городов Туркестана и Бухары [Магидович, Магидович 1984: 87–90]. В архиве сохранился дневник путешествия, где аккуратно и точно занесены все наиболее важные события и сведения, связанные с путешествием Д. Г. Мессершмидта [Соболев 2019: 84], и там отсутствует какая-либо информация о пребывании в городах Туркестане и Бухаре. Поэтому можно уверенно говорить о том, что Д. Г. Мессершмидт не был в указанных городах и не мог составить планы данных городов. Совокупность фактов подтверждает предположение, высказанное Б. Т. Туякбаевой и А. Н. Проскуриным, о том, что Д. Г. Мессершмидт скопировал планы городов г. Туркестана и г. Бухары.

Маршрут поездки немецкого путешественника пролегал через г. Тобольск, являвшийся столицей Сибири, и через него осуществлялась дипломатическая переписка и обмен послов с казахскими ханами в конце XVII в. В этом городе во время своего путешествия в Сибирь в 1719–1721 гг. проживал Д. Г. Мессершмидт (год и три месяца!), и здесь он через шведского пленного Ф. И. Страленберга, занимавшегося сбором картографических материалов и составившего карту Великой Тартарии и Сибири, *«приобрел целую коллекцию русских чертежей Сибири и сибирских городов, представлявших собой копии с чертежей „Служебной чертежной книги“ С. У. Ремезова»* [Новлянская 1970: 18–21; Новлянская 1966: 33]. Вероятно, что в период пребывания в г. Тобольске у Д. Г. Мессершмидта была возможность скопировать планы городов Туркестана и Бухары, тогда же он мог записать на карте пояснения привычными для него немецкими буквами.

На наш взгляд, о времени создания первоначального плана г. Туркестана и г. Бухары, с которых сделали копии Д. Г. Мессершмидту, свидетельствуют не только упоминание имени казахского хана и переводчика надписей печати на русский язык, на что впервые обратили внимание Б. Т. Туякбаева и А. Н. Проскурин [Туякбаева, Проскурин 2000: 19–20], но и сами чертежи, выполненные в традициях русских картографических работ конца XVII – начала XVIII в.

Планы г. Туркестана и г. Бухары из архива Д. Г. Мессершмидта не имеют масштаба, на них отсутствуют элементы планово-ортогонального абстрактного изображения, которые уже появляются на ряде русских чертежей петровского времени начала XVIII в. Изображения башен, домов, пояснения на чертежах имеют сходство с аналогичными объектами на картографических работах, известных как «Чертеж земель Нарымского города» (рис. 4), «Чертеж земель Кунгурского города» (рис. 5) из первого атласа С. У. Ремезова «Чертежная книга Сибири», датированного 1 января 1701 г. [Кусов 2003: 20–25].

При явном сходстве планов с европейскими образцами и при отсутствии образцов

местной картографической традиции предположение Б. Т. Туякбаевой и А. Н. Проскурина о том, что план г. Туркестана из архива Д. Г. Мессершмидта происходит из документов казахского хана Тауке [Туякбаева, Проскурин 2000: 20], и версия Ю. А. Ёлгина об отнесении его к периоду казахского хана Таваккула (1585–1598) [Ёлгин 2013: 65–66] являются маловероятными. Характер и содержание поясняющих надписей на плане показывают, что они явно рассчитаны не на жителей г. Бухары и г. Туркестана. Последним не нужно было бы объяснять местоположение мечети, минарета, базара, караван-сарая, ханской ставки и указывать названия ворот, каналов и водоемов.

Особенностью плана г. Туркестана из архива Д. Г. Мессершмидта являются расположенный в правом углу чертежа рисунок каплевидной (миндалевидной) формы печати, заполненный внутри завитками, и пояснения к нему. Над рисунком печати в три строки написано немецкими буквами на русском «Petzat Awnè Naznatzeno Tabakùl Maxmet Baturchan» — «Печать. А в ней назначено Тавакул Махмет Батурхан». Под печатью в одну строку размещено 20 знаков, напоминающих арабские буквы. Еще ниже надпись: «Perevodyl Agun Mulla Maksut Alımtow» — «Переводил Агун Мулла Максуд Алимов» (рис. 1).

Указанное в пометке к рисунку печати плана Д. Г. Мессершмидта словосочетание «Тавакул Махмет Батурхан» соответствует полному имени и титулу старшего казахского хана Тауке, владевшего г. Туркестаном во второй половине XVII в. Полное имя Тауке, по данным востоковеда Т. И. Султанова, — «Таваккул-Мухаммад-батыр-хан» [Султанов 2001: 226]. С 60-х гг. XVII в. он являлся верховным правителем Казахского ханства [Атыгаев 2015: 253]. Если год смерти хана Тауке в различных научных изданиях XX в. указывался по-разному [Басин 1971: 121; Сулейменов, Моисеев 1988: 144; Туякбаева, Проскурин 2000: 20], то современные историки пришли к единому мнению и считают, что хан Тауке умер в 1715 г. [Ерофеева 1997: 103; Султанов 2001: 226; Атыгаев 2015: 255].

Наличие на одном листе бумаги планов г. Бухары и г. Туркестана с прорисовкой пе-

чати казахского хана Тауке, на наш взгляд, помогает уточнить время составления карты. Известно, что Ф. Скибину, возглавлявшему в 1694 г. российское посольство из г. Тобольска к хану Тауке в г. Туркестан, пришлось пробыть в столице Казахского ханства пятнадцать месяцев [Магидович, Магидович 1984: 135]. Казахский правитель Тауке тайно от своих политических противников «дал проезжие ерлыки» членам посольства [Дополнения к актам 1867: 388], т. е. бумагу с оттиском печати хана.

Оттиски печатей казахских ханов выполняли функцию «охранных грамот» [Ерофеева 2001: 34]. В 1749 г. хан Младшего жуза Нуралы (1748–1786) в беседе с оренбургским губернатором И. И. Неплюевым (1744–1786) упомянул о том, что у казахов «изстари обыкновение бывало сюда едущим купцам для свободного проезда от хана печати брать ... а отсюда чрез их орду едущим отсель с печатьми же отпускать» [Казахско-русские 1961: 477]. Автор книги о казахах 1832 г. А. И. Левшин отмечал, что «печать, приложенная к белой бумаге, служит вместо доверительной грамоты тому, кто предъявит оную, слова его приемлются вместо письменного послания» [Левшин 1996: 351].

Посольству Ф. Скибина в конце 1695 г. пришлось возвращаться через г. Бухару. Это объясняет, на наш взгляд, наличие на одном листе с рисунком печати Тауке-хана планов г. Туркестана и Бухары. Скорее всего, на полученном от хана Тауке ярлыке — листе бумаги с печатью хана Тауке Ф. Скибин в октябре 1695 г. перед отъездом из Туркестана нарисовал план города. Ф. Скибин прибыл в Бухару 5 ноября 1695 г. В конце ноября Ф. Скибин, М. Трошин и В. Кобяков вышли из Бухары в Хиву с торговыми людьми [Княжецкая 1980: 69]. Скорее всего, в ноябре 1695 г. в период пребывания в г. Бухаре указанными лицами был составлен план города.

В июле 1696 г. Ф. Скибин и М. Трошин прибыли в Тобольск, где они явились к воеводе А. Ф. Нарышкину и подали ему «за своими руками» статейный список о путешествии и «Роспись городков Казачьей орды», который сохранился в архиве г. Тобольска.

По мнению Е. А. Княжецкой, многие из собранных Ф. Скибиным сведений отразились на чертежах картографа С. У. Ремезова [Княжецкая 1980: 70]. В документе, составленном весной 1697 г., говорится о чертеже, составленном в Тобольской приказной избе для Петра I по результатам поездки к казахскому хану Тауке: «и по тем их сказкам велели мы, холопы твои, сделать чертеж на бухарской вязи, и реки, урочища, и дороги, и города на том чертеже подписаны именно. И тот чертеж послали к тебе, великому государю...» [История Казахстана 2005: 386]. Возможно, среди поданных бумаг был и лист бумаги с печатью хана Тауке, на котором изображены планы г. Туркестана и г. Бухары.

Судя по надписи «Perevodyl Agun Mulla Maksut Alymow» на плане Туркестана, по возвращению Ф. Скибин и М. Трошина в г. Тобольск, откуда осуществлялись дипломатические контакты Российского государства с ханом Тауке и другими казахскими правителями [Басин 1971: 107–115], для перевода надписи на печати привлекли Агун Мулла Максюту Алимова, который указан в ряде документов того времени как «тобольский житель», «тобольский юртовский бухаретин» [Ерофеева 2014: 85, 88]. Имя Ахун Мулла Максют Алимова встречается в переводах ряда писем хана Тауке и других представителей казахской элиты в г. Тобольск с 1687 г. по 1694 г. [Казахско-русские 1961: 15; Ерофеева 2014: 82, 83, 85–87, 89, 93]. Судя по опубликованным документам, в последующие годы имя Ахун Мулла Максют Алимов не встречается. Из указанных выше источников следует, что Ахун Мулла Максют Алимов жил в конце XVII в. в г. Тобольске, что также указывает на время создания плана г. Туркестана.

5. Пометки на планах г. Туркестана и г. Бухары из фонда Д. Г. Мессершмидта

5.1. Пометки на плане г. Туркестана из фонда Д. Г. Мессершмидта

Мы попытались расшифровать и интерпретировать все пометки на плане г. Туркестана из фонда Д. Г. Мессершмидта. На одном из шести ворот на внешней городской стене имеется надпись «Карка», что означа-

ет «ворота» (производное от древнетюркского «qаруа» [Мурзаев 1984: 253]). «Карка» идентично кыргызскому «капка» [Юдахин 1965: 343] и близко к современному в казахском языке обозначению ворот — «қақпа» [Қазақ 1980: 567]. На пояснительных надписях карты г. Туркестана 1854 г. обозначены названия городских ворот: «Орда капка, базар капка, Мусалла капка, Ишекь капка» [Bimendiev et al. 2022: 227–229]. В начале XX в. ворота Туркестана носили следующие названия: «Ишак-капка, Мусалля-капка (или Баб-араб, по имени одного из видных учеников Ходжа Ахмеда Ясави), Иетты-ата-капка и Дарваза-капка» [Массон 1930: 9]. Капка — традиционное обозначение ворот у жителей г. Туркестана, фиксируемое с XVII в. по начало XX в. включительно.

В левой части плана за крепостной стеной располагается водоем «Ozer mazarkul» — «озеро мазаркул» (рис. 1). Согласно «Казахско-русскому толковому словарю арабско-иранских заимствованных слов», слово *мазар* обозначает «1. посещаемое святое место; 2. надгробный памятник; гробница; 3. кладбище» [Рустемов 1989: 180]. Скорее всего, «Ozer mazarkul» означало водоем рядом с кладбищем. Два других водоема располагались у ворот «Yschakny Karpa». Водоем слева помечен как «Buren». Тюркское слово «Бурян» — название небольшого озера, старицы, рукава реки [Мурзаев 1984: 104].

Справа от ворот водоем обозначен как «Ozer: Yschaknykul» — «озеро Ишакникул». Есть версия иного чтения данной пометки «Исхак-коль» [Туякбаева, Проскурин 2000: 19–20]. Однако нетрудно заметить, что название данного водоема повторяет имя ворот «Yschakny Karpa» — «Ишекни капка», т. е. ослиные ворота. О том, что это традиционное историческое название одних из ворот г. Туркестана, указывает план города 1854 г. (рис. 5), где одни из ворот обозначены как «Ишекь капка» [Bimendiev et al. 2022: 227–229]. Это название сохранялось еще в 20-х гг. XX в. и было зафиксировано в работе М. Е. Массона как «Ишак-капка» [Массон 1930: 9].

Судя по чертежу, территория примерно $\frac{3}{4}$ города была занята плотной одно-двух-

этажной застройкой с выходящими к воротам улицами. На территории города были и незастроенные участки, которые обозначены в двух местах пометкой «*Pusto*» — «пусто» (рис. 1). Прилегающие к этим пометкам территории заняты колодцами-журавлями. На чертеже довольно детально переданы их конструкции, представляющие собой рычаг с противовесом на одном плече и ведром для забора воды на другом. Единичные колодцы представлены в районах плотной застройки города.

Внутри города выделен огороженный отдельной стеной подтреугольный участок с угловой башней. Данный район Туркестана обозначен словом «*chanow*» — «ханов» (рис. 1), что, скорее всего, обозначает место проживания ханов, также есть версия чтения как «ханово» [Туякбаева, Проскурин 2000: 19–20]. В центре цитадели изображен ряд башнеобразных сооружений, размерами меньше, чем городские ворота. Угловая башня «ханова» места, скорее всего, соответствует указанию Н. Витсена «*Ротонда у дома Тевки-хана сооружена из обожженного кирпича*» [История Казахстана 2006: 66–67]. Место проживания хана Тауке упоминается в документе 1687 г. под термином «полата»: «*И привезли с собою в город Туркестан, где живет Тевки хан их. И с приезде де взял их Тевки хан в полату к себе*» [История Казахстана 2005: 388]. Слово «палата» согласно словарю русского языка XVIII в. означало большое жилое (обычно каменное) здание, дворец, большую комнату, помещение в доме, здание специального назначения, орган управления, здание, помещение этого органа» [Словарь 2011: 178–179]. В документе 1696 г. о расспросных речах казака В. Кобякова о пребывании его в г. Туркестане ставка Тауке-хана обозначена словом «урга»: «*ходили к Тевки хану ... в ургу*» [История Казахстана 2005: 424]. Слово урга означало «дом, дворец, богатую юрту». Исходная тюркская форма *örge*; монгольское *örğö* — «дворец, резиденция хана, ставка хана, князя» [Мурзаев 1984: 580].

Участок, примыкающий к месту проживания ханов, обозначен как «*Koktzow*», что можно интерпретировать как «зеленая трава» (*kökshap* [PKC 2007: 300]). Можно пред-

положить, что на незастроенных, покрытых зеленью участках города располагались юрты. Наличие юрт внутри г. Туркестана неоднократно упоминается в статейном списке пребывания (апрель-июль 1694 г.) в Казахской Орде Федора Скибина и Матвея Трошина [История Казахстана 2005: 412, 415, 417]. При раскопках в юго-западном углу поздней цитадели Туркестана в слое XVI–XVII вв. были выявлены три каменных основания юрт [Смагулов и др. 1999: 159–160].

На чертеже указан огороженный участок с надписью внутри «*Karawan Saraj*» — «*Караван Сарай*» (рис. 1), т. е. постоянный двор для купцов, торговцев. За городской стеной напротив караван-сарая расположен участок, обозначенный словом «*Bazar*», т. е. рынок, торг, ярмарка, место, где собираются торговцы [Мурзаев 1984: 63].

На плане города ханака Ходжа Ахмеда Ясави представлена в виде крупной отдельно стоящей башни. Примечательно описание памятника конца XVII в.: «*В этом городе есть здание, и называется это строение „астана“, длиной в двадцати семь, а шириной двадцать пять сажений, стены раскрашены разными красками, отдельные места с позолотой, наверху — две башенки. Внутри этой астаны более ста помещений. В одном из помещений стоит котел высотой с человеческий рост. К котлу присоединены вокруг девять ручек с нанесенной на них гравировкой. ... В астане находится могила святого человека Азрет-кожа...*» [История Казахстана 2006: 67].

В различных частях города среди домов выделяются небольшие башенки размерами выше, чем дома, но меньше, чем ворота. Скорее всего, этими символами обозначены небольшие мечети, медресе, мавзолеи и другие сооружения. В опросе посланников джунгарского хана о Казахском ханстве 1691 г. указано, что «*в городках де поставлены мечати великие, где збираются на мольбице*»; в документе 1693 г. о Туркестане сообщается «*да в том же городе по их закону построена мечеть*» [История Казахстана 2005: 40]. «Согласно условным значкам на плане 1854 года, в центральной части города находилось 5 мечетей и „Надмогильная

часовня Гумбязи Карахан “» [Bimendiev et al. 2022: 230–231].

На плане г. Туркестана из архива Д. Г. Мессершмидта в предместье города начерчены четыре строения, в середине которых надпись «*Koşewni*» (рис. 1), т. е. «*Кожевни*», что говорит о наличии в предместьях города мастерских, связанных с обработкой кож. Известно, что кожевенное производство в г. Туркестане сохранялось и в конце XIX в. [Добросмыслов 1912: 155–156].

В верхней части и справа ближе к краям на плане г. Туркестана изображена водная артерия. Она закрашена, как и указанные выше водоемы. У реки сделана надпись «*Uste bysche*» (рис. 1), что означает, на наш взгляд, «устье выше». Это слово, наряду со значением «место впадения в другую реку», могло означать и начало течения реки — ее исток, верховье. От водной артерии как ветви нарисованы каналы, вокруг которых обозначенные пунктирной линией четырехугольники представляют, на наш взгляд, условные обозначения посевов, поля.

Сведения письменных источников показывают, что жители г. Туркестана, наряду с ремеслом, занимались и сельским хозяйством. Побывавший в конце XVII в. в городе В. Кобяков отметил: «*А хлеб де у Тевки хана родитца многое число, пшеница и ячмень и проса, а хлебы сеют озимые и еровые*» [История Казахстана 2005: 430]. Посетивший г. Туркестан в первой половине XVIII в. К. Миллер упоминал о возделывании хлопка в округе города: «*Около Туркестана родится ... хлопчатая бумага*» [История Казахстана 2007: 55].

5.2. Пометки на плане г. Бухары из фонда Д. Г. Мессершмидта

Рассмотрим план «*Gorod Buchara*» (рис. 2) с точки зрения его содержания, сравнив его данные с тем, что установлено наукой относительно топографии Бухары XIX – начала XX в. В отличие от плана г. Туркестана контуры города Бухары прямоугольной формы, и план несколько вытянут по меридиану. Более поздние планы, при которых применялась инструментальная съемка 20-х гг. XX в., показала, что в

действительности территория города была вытянута с запада на восток в отношении 2:3 [Сухарева 1976а: 144].

На крепостной стене Бухары изображены 14 башен (рис. 2). К 11 башням подведены городские улицы, что позволяет считать их укрепленными воротами. Согласно опросу 1697 г. Ф. Скибина и других лиц о путях в Казахскую Орду и Бухарию, «*Град де Бухария строением и вышиною, что Туркестан, а входу де в него двенадцать башен*» [История Казахстана 2005: 385]. Эти данные согласуются с высказыванием этнографа, востоковеда, известного исследователя Бухары О. И. Сухаревой (1903–1983) о том, что в городской стене XIX в. было 11 ворот. Она также указала на распространенное в Бухаре мнение, что раньше ворот было 12 [Сухарева 1966: 36].

На чертеже г. Бухары много пометок, часть из них полустертые, что затрудняет чтение. Ряд надписей удалось интерпретировать. В левом углу чертежа к ближайшим угловым воротам города проведена пунктирная линия с пометкой «*Kazatsi ord...*» (рис. 2). По-видимому, так обозначен конец маршрута членов посольства Ф. Скибина из столицы Казахского ханства — г. Туркестана в г. Бухару в ноябре 1695 г.

Угловая башня-ворота в правой части чертежа имеет пометку «*Mazarsky*», т. е. мазарские. По О. И. Сухаревой, такое название было у восточных ворот г. Бухары, которые вели к двум популярным святыням-мазарам: Файзабад и Ходжа Баховаддин Накшбанд [Сухарева 1976а: 144–145, 204, рис. 50].

Ниже обозначены ворота «*chartxensky*» — Каршинские, т. е. от этих ворот начиналась дорога в г. Карши. «*Ворота Карши*» указаны на плане из архива П. И. Лерха, созданном в промежутке 1827–1897 гг. [Мухамеджанов 1965: 33, 41, рис. 1, 2]. «*Ворота Мазар*» и «*Ворота Каваля Каршинские*» обозначены на планировочной схеме г. Бухары в книге об архитектурных памятниках Узбекистана [Пугаченкова, Рempel 1958: 63]. «*Ворота Мазор*», «*ворота Карши*» обозначены на схеме расположения джабиров (микрорайонов) в г. Бухаре [Сухарева 1976б: 365]. Как на чертеже Бухары из фонда Д. Г. Мессершмидта, так и в отмечен-

ных выше планах указанные ворота располагаются рядом.

Внутри города вблизи ворот «*Mazarsky*» выделен участок с изображениями зданий, обозначенный как «*Tzabar*» — «Тзабар» (рис. 2). Скорее всего, так обозначен бухарский квартал Джабар-ходжи, где располагалось одноименное медресе. На плане г. Бухары между этим участком города и стеной располагался «*sad*» — сад. Особенности указанного участка соответствуют описанию О. И. Сухаревой квартала Джабар-ходжи, который «занимал северо-восточную часть города, располагаясь между Самаркандскими и Каршинскими (Каволя) воротами. На этом отрезке городской стены помещались и ворота Мазарские. Эта часть территории Бухары до постройки последней городской стены, вероятно, находилась вне города, была сельской местностью ... Здесь располагалась большая часть садов, которых в Бухаре было очень мало, и даже пашни и огороды» [Сухарева 1976б: 245]. В примыкавших к кварталу «*Tzabar*», т. е. Джабар-ходжи, участках города выделяется большой по площади район, отмеченный вертикальными пунктирными линиями с пометкой «*Zasewi*» — «засевы», т. е. поля или огороды. Сады и пашни в северной части города обозначены и на плане О. И. Сухаревой [Сухарева 1958: 96–97].

На плане г. Бухары (рис. 2) выше центра чертежа города изображена отдельная башенка, которая, на наш взгляд, изображает величественный 46-метровый минарет Калян, определяющий и в наше время в значительной мере силуэт города. Пометка рядом с башней «*metzat*» относится, скорее всего, к мечети Калян, которая была известна как Масжади-джума (пятничная, соборная мечеть) и рядом с которой располагался минарет Калян [Пугаченкова, Ремпель 1958: 80]. На чертеже из фонда Д. Г. Мессершмидта отсутствуют надписи, указывающие на другие мечети. В трех точках есть пометки «*medresi*», «*medresu*», т. е. медресе — высшее духовное училище мусульман.

На указанном плане г. Бухары изображены каналы, по которым поступала вода в город. Один из них отмечен пометкой «*Ark A.*». Отмеченные на чертеже пруды

или водоемы, к которым подведены каналы, обозначены пометкой «*auz*». Данное обозначение скорее всего есть видоизмененное от термина хауз, которым в Средней Азии называли искусственные открытые водоемы, заполнявшиеся водой из каналов.

Однако на плане нам не удалось выделить участок арка — цитадель, крепость-резиденцию правителя. Один канал обозначен «*Ark A.*», что можно трактовать как арык-канал ведущий в район арка.

В участке, примыкающем к стене между воротами «*Mazarsky*» и «*chartxensky*», есть пометка «*mogylu*» — «могилы». На территории города было много кладбищ и могил [Сухарева 1966: 84–85].

Подводя некоторые итоги «расшифровки» пометок на плане г. Туркестана и г. Бухары, следует отметить, что составитель чертежей непосредственно побывал в указанных городах, так как кроме местных микротопонимов для указания особенностей объектов топографии или назначения отдельных сооружений использовал русские слова («*Ozer*», «*Uste bysche*», «*Pusto*», «*Kozewnĭ*», «*Sad*», «*Mogylu*», «*Zasewi*»). Названия ряда ворот имеют окончания, характерные для русского языка («*Mazarsky*», «*Chartxensky*»). Расшифровка надписей на планах не противоречит нашему предположению о том, что составителем планов были члены посольства Ф. Скибина, посетивших как г. Туркестан, так и г. Бухару в 1695 г.

6. Заключение

Исследование показало, что планы города Туркестана и Бухары из личного архива Д. Г. Мессершмидта были составлены не в XVIII в. а в 1695 г. и что автором чертежей является один из членов посольства Ф. Скибина к казахскому хану Тауке.

Первоначальные планы городов Туркестан и Бухара были скопированы в промежутке 1719–1721 гг. в г. Тобольске Д. Г. Мессершмидтом и позже оказались в фонде путешественника.

Чертежи в совокупности с другими историческими данными служат важным источником по истории г. Туркестана и г. Бухары периода позднего средневековья. Несмотря

на то, что планы схематичны и выполнены на основе визуального осмотра городов без каких-либо измерений, они содержат важные сведения о топографии указанных городов и ближайшей округе. Расшифровка всех пометок и условных обозначений плана г. Туркестана, части пометок и условных обозначений плана г. Бухары дали информа-

цию о политических и торговых, религиозные центрах, о занятиях горожан ремеслами (кожевенным, строительным) и земледелием. Особенности пометок на чертежах еще раз указывают, что составителем первоначальных планов г. Туркестана и г. Бухары был не Д. Г. Мессершмидт, а носитель русского языка.

Источники

- Планы г. Туркестана и г. Бухары — Планы г. Туркестана и г. Бухары, выполненные в период экспедиции Д. Г. Мессершмидта // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 98. Оп. 2. № 18. Л. 1 (прежний шифр: Оп. 1. Д. 41).
- План г. Туркестана К. Миллера — План г. Туркестана, выполненный в период экспедиции К. Миллера // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 122/1. Д. 4.

Литература

- Атыгаев 2015 — *Атыгаев Н. А.* Казахское ханство в потоке истории. Алматы: Елтаным, 2015. 382 с.
- Байпаков и др. 1994 — *Байпаков К. М., Герасимова Э. И., Джанысбеков Т. Д., Малиновская Е. Г., Подушкин А. Н., Проскурин А. Н., Синенькая Н. И., Смаилов Н. К.* Введение // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область / отв. ред. М.Х. Асылбеков. Алма-Ата: Казак энциклопедиясы, 1994. 368 с.
- Басин 1971 — *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1971. 275 с.
- Бимендиев, Ускенбай 2008 — *Бимендиев А. Ш., Ускенбай К. З.* Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: АБДИ Компани, 2008. 880 с.
- Брентъес 1985 — *Брентъес Б.* Планы городов Бухара и Туркестан XVIII века // Общественные науки в Узбекистане. 1985. Вып. 6. С. 55–58.
- Гнучева 1940 — *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описания архивных материалов / под общ. ред. акад. В.Л. Комарова. (Труды Архива АН СССР. Вып. 4). М.; Л.: АН СССР, 1940. 310 с.

Sources

- City plans of Turkistan and Bukhara compiled during D. G. Messerschmidt's expedition. At: Archives of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch. Coll. 98. Cat. 2. File 18. P. 1. (Former call number: Cat. 1. File 41). (In Russ.)
- City plan of Turkistan compiled during K. Miller's expedition. At: Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Coll. 122/1. File 4. (In Russ.)

References

- Atygayev N. A. *Kazakh Khanate in the Stream of History*. Almaty: Eltanym, 2015. 382 p. (In Russ.)
- Baypakov K. M., Gerasimova E. I., Dzhanyzbekov T. D., Malinovskaya E. G., Podushkin A. N., Proskurin A. N., Sinenkaya N. I., Smailov N. K. Introduction. In: Asylbekov M. Kh. (ed.) *Collected Writings on Kazakhstan's History and Culture: South Kazakhstan Region*. Almaty: Kazak Entsiklopediyasy, 1994. 368 p. (In Russ.)
- Basin V. Ya. *Russia and Kazakh Khanates, Sixteenth to Eighteenth Centuries*. Almaty: Nauka, 1971. 275 p. (In Russ.)
- Bimendiev A. Sh., Uskenbay K. Z. *The Unabridged Atlas of Kazakhstan's History and Culture*. Almaty: ABDI Kompani, 2008. 880 p. (In Russ.)
- Brentjes B. City plans of Bukhara and Turkestan, eighteenth century. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. 1985. No. 6. Pp. 55–58. (In Russ.)
- Gnucheva V. F. Materials for the History of Expeditions [Arranged] by the [Imperial] Academy of Sciences in the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Chronological Reviews and Descriptions of Archival Materials (Proceedings of the Archives of the USSR Academy of Sciences 4.). V. Komarov (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 310 p. (In Russ.)

- Григорьев и др. 2018а — Григорьев Ф. П., Ерофеева И. В., Камалова Г. М., Проскурин А. Н., Туякбаев М. К. Введение // Свод памятников истории и культуры Туркестанской области. Города Туркестан и Кентау / отв. ред. Г. М. Камалова, Ф. П. Григорьев. Т. I. Алматы: Академия наук Республики Казахстан, 2018. С. 9–63.
- Григорьев и др. 2018б — Григорьев Ф. П., Смагулов Е., Камалова Г. М., Мухамедиева Н. Н., Оразбек Е. Туркестан // Свод памятников истории и культуры Туркестанской области. Города Туркестан и Кентау / отв. ред. Г. М. Камалова, Ф. П. Григорьев. Т. I. Алматы: Академия наук Республики Казахстан, 2018. С. 68–99.
- Дахшлейгер, Сапаргалиев 1957 — Дахшлейгер Г. Ф., Сапаргалиев М. С. Казахские ханства в XVI–XVII вв. // История Казахской ССР / редкол.: М. О. Ауэзов и др. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1957. С. 171–177.
- Добросмыслов 1912 — Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент: Тип. О. А. Порцева, 1912. 204 с.
- Дополнения к актам 1867 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 10. СПб.: Тип. Э. Праца, 1867. 516 с.
- Ерофеева 1997 — Ерофеева И. В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Мат-лы к летнему Университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4–23 августа 1997 г.). Алматы: Фонд-Сорос¹ Казахстан, 1997. С. 46–144.
- Ерофеева 1999 — Ерофеева И. В. Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с.
- Ерофеева 2001 — Ерофеева И. В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время). Алматы: Аркаим, 2001. 152 с.
- Ерофеева 2014 — Ерофеева И. В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сб. истор. документов в 2-х томах. Автор проекта, введения, биографий ханов, науч. коммент.; сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Т. I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: Абди Компани, 2014. 696 с.
- Grigoryev F. P., Yerofeeva I. V., Kamalova G. M., Proskurin A. N., Tuyakbayev M. K. Introduction. In: Kamalova G. M., Grigoryev F. P. (eds.) Collected Writings on the History and Culture of Turkistan Region: Cities of Turkistan and Kentau. Vol. 1. Almaty: National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 2018. Pp. 9–63. (In Russ.)
- Grigoryev F. P., Smagulov E., Kamalova G. M., Mukhamedieva N. N., Orazbek E. Turkestan. In: Kamalova G. M., Grigoryev F. P. (eds.) Collected Writings on the History and Culture of Turkistan Region: Cities of Turkistan and Kentau. Vol. 1. Almaty: National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 2018. Pp. 68–99. (In Russ.)
- Dachschleiger G. F., Sapargaliev M. S. Kazakh Khanates in the sixteenth–seventeenth centuries. In: Auezov M. O. Et al. (eds.) History of the Kazakh SSR. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1957. Pp. 171–177. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Cities of Syr Darya Region: Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-Ata and Shymkent. Tashkent: O. Portsev, 1912. 204 p. (In Russ.)
- Supplements to Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 10. St. Petersburg: E. Prats, 1867. 516 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Kazakh khans and ruling dynasties, eighteenth to mid-nineteenth centuries. In: Culture and History of Central Asia and Kazakhstan: Research Challenges and Prospects. Summer University proceedings (4–23 August 1997). Almaty, 1997. Pp. 46–144. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Khan Abulkhair: Warlord, Ruler and Politian. Almaty: Sanat, 1999. 336 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Symbols of Kazakh Statehood: Late Middle Ages and Modern Times. Almaty: Arkaim, 2001. 152 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Epistolary Heritage of Kazakh Elites, 1675–1821. Collected historical documents. In 2 vols. I. Yerofeeva (comp., ed., introd., etc.). Vol. 1: Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780. Almaty: Abdi Company, 2014. 696 p. (In Russ.)

¹ Фонд Сорос признан в Российской Федерации нежелательной организацией.

- Ёлгин 2013 — Ёлгин Ю. А. Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Алматы: [б. и.], 2013. 224 с.
- История Казахстана 2005 — История Казахстана в русских источниках (XV–XVII вв.). Т. 1 / сост. А. Исин. Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
- История Казахстана 2006 — История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Немецкие исследователи в Казахстане / пер. А. П. Евдокимова, Л. И. Быковской. Т. 6. Алматы: Санат, 2006. 312 с.
- История Казахстана 2007 — История Казахстана в русских источниках. Т. 6. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.
- Казахско-русские отношения 1961 — Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сборник документов и материалов / сост. Ф. Н. Киреев, А. К. Алейникова, Г. И. Семенюк, Т. Ж. Шоинбаев. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 743 с.
- Княжецкая 1980 — Княжецкая Е. Путешествие тобольского казака Федора Скибина в Казачью орду в 1694–1696 гг. // Страны и народы Востока. Вып. 22. М.: Наука, 1980. С. 66–73.
- Князев 1933 — Князев Г. А. Архив Академии Наук СССР. Обзор архивных материалов. Л.: АН СССР, 1933. 259 с.
- Кожа 2000 — Кожа М. Б. История Ясы-Туркестана. Алматы: ҚАЗАқпарат, 2000. 44 с.
- Кожа 2021 — Кожа М. Б. О первом плане г. Туркестана // IX халықаралық түркология конгресі. Түркі мәдениеті мен өркениеті сабақтастығы. 20–22 қазан 2021 ж. Түркістан: ХҚТУ, 2021. С. 409–417.
- Кусов 2003 — Кусов В. С. Памятники отечественной картографии. М: МГУ, 2003. 146 с.
- Левшин 1996 — Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Магидович, Магидович 1984 — Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. В 5 тт. Т. 3. М.: Просвещение, 1984. 319 с.
- Массон 1930 — Массон М. Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент: Сыр-Дарьинское отделение Общества изучения Казакстана, 1930. 23 с.
- Elgin Yu. A. Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi: Studies in Archaeology, History and Architecture. Almaty, 2013. 224 p. (In Russ.)
- Isin A. I. (comp.) Tsardom of Russia and Its Ambassadorial Papers, Fifteenth to Seventeenth Centuries (History of Kazakhstan from Russian Sources 1). Almaty: Daik-Press, 2005. 704 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) History of Kazakhstan from Western Sources, Twelfth to Twentieth Centuries: German Explorers in Kazakhstan. A. Yevdokimov, L. Bykovskaya (transl.). Vol. 6. Almaty: Sanat, 2006. 312 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V., Zhanaev B. T. (comps.) Itinerary Notes and Official Reports on Travels through Southern Steppes, Eighteenth–Nineteenth Centuries (History of Kazakhstan from Russian Sources 6). Almaty: Daik-Press, 2007. 516 p. (In Russ.)
- Kireev F. N., Aleynikova A. K., Semenyuk G. I., Shoinbayev T. Zh. Kazakh-Russian Relations, Sixteenth to Eighteenth Centuries. Collected documents and materials. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1961. 743 p. (In Russ.)
- Knyazhetskaya E. Tobol Cossack Fedor Skibin and his journey to the Kazakh Horde in 1694–1696. In: Countries and Peoples of the East. Vol. 22. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 66–73. (In Russ.)
- Knyazev G. A. Archives of the USSR Academy of Sciences: A Review of Archival Materials. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1933. 259 p. (In Russ.)
- Kozha M. B. A History of Yasi-Turkistan. Almaty: QAZAqparat, 2000. 44 p. (In Russ.)
- Kozha M. B. On the earliest plan of Turkistan. In: Ninth International Turkology Congress. Continuity of Turkic Culture and Civilization. Proceedings (20–22 October 2021). Turkistan, 2021. Pp. 409–417. (In Russ.)
- Kusov V. S. Monuments of Russian Cartography. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2003. 146 p. (In Russ.)
- Levshin A. I. Descriptions of Kirghiz-Qazaq, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppes. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russ.)
- Magidovich I. P., Magidovich V. I. Historical Essays on Geographical Discoveries. In 5 vols. Vol. 3. Moscow: Prosveshchenie, 1984. 319 p. (In Russ.)
- Masson M. E. Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi. Tashkent: Society for the Research of Qazaqstan (Syr Darya Branch), 1930. 23 p. (In Russ.)

- Моисеев 1991 — *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Мурзаев 1984 — *Мурзаев Э.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Мустафаев и др. 1994 — *Мустафаев Н. Н., Мухамедиева Н. Н., Смагулов Е. А.* Туркестан // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область / редколл.: М. Х. Асылбеков, К. М. Байпаков и др. Алматы: Казак энциклопедиясы, 1994. С. 263–268.
- Мухамеджанов 1965 — *Мухамеджанов А. Р.* Историко-топографический план Бухары Ахмада Дониша // Общественные науки в Узбекистане. 1965. № 5. 1965. С. 31–42.
- Новлянская 1970 — *Новлянская М. Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.
- Новлянская 1966 — *Новлянская М. Г.* Филипп Иоган Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.: Наука, 1966. 94 с.
- Пугаченкова, Ремпель 1958 — *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент: Гос. изд-во худож. лит. УзССР, 1958. 292 с.
- РКС 2007 — Русско-казахский словарь / ред. М. Мусапирова, Г. Султанкулова. Т. I: А–О. Алматы: Арыс, 2007. 640 с.
- Рустемов 1989 — *Рустемов Л. З.* Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. Алма-Ата: Мектеп, 1989. 320 с.
- Словарь 2011 — Словарь русского языка XVIII века / гл. ред.: З. М. Петрова. Вып. 18. СПб.: Наука, 2011. 261 с.
- Смагулов и др. 1999 — *Смагулов Е. А., Григорьев Ф. П., Итенов А. О.* Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Наука, 1999. 232 с.
- Соболев 2019 — *Соболев В. С.* Первое «ученое путешествие» по Сибири. К 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта // Вестник Российской академии наук. Т. 89. 2019. № 1. С. 83–88.
- Сулейменов, Моисеев 1988 — *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Из истории Казахстана XVIII в. (О внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.
- Султанов 2001 — *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
- Moiseev V. A. Dzungar Khanate and Kazakhs, Seventeenth–Eighteenth Centuries. Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 p. (In Russ.)
- Murzaev E. The Handbook of Folk Geographical Terms. Moscow: Mysl, 1984. 653 p. (In Russ.)
- Mustafaev N. N., Mukhamedieva N. N., Smagulov E. A. Turkistan. In: Asylbekov M. Kh., Baypakov K. M. Et al. (eds.) Collected Historical and Cultural Monuments of Kazakhstan: South Kazakhstan Region. Almaty: Kazak Entsiklopediyasy, 1994. Pp. 263–268. (In Russ.)
- Mukhamedzhanov A. R. The historical and topographic plan of Bukhara by Ahmad Donish. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. 1965. No. 5. Pp. 31–42. (In Russ.)
- Novlyanskaya M. G. Daniel Gottlieb Messerschmidt and His Explorations of Siberia. Leningrad: Nauka, 1970. 184 p. (In Russ.)
- Novlyanskaya M. G. Philipp Iohan von Strahlenberg and His Explorations of Siberia. Moscow: Nauka, 1966. 94 p. (In Russ.)
- Pugachenkova G. A., Rempel L. I. Prominent Architectural Monuments of Uzbekistan. Tashkent: Uzbek SSR Fiction Publishing House, 1958. 292 p. (In Russ.)
- Musapirova M., Sultankulova G. (eds.) Russian-Kazakh Dictionary. Vol. 1: A–O. Almaty: Arys, 2007. 640 p. (In Russ. and Kaz.)
- Rustemov L. Z. Kazakh-Russian Explanatory Dictionary of Arabic and Persian Loanwords. Alma-Ata: Mektep, 1989. 320 p. (In Russ.)
- Petrova Z. M. (ed.) Dictionary of Eighteenth-Century Russian. Vol. 18. St. Petersburg: Nauka, 2011. 261 p. (In Russ.)
- Smagulov E. A., Grigoryev F. P., Itenov A. O. Essays in the History and Archaeology of Medieval Turkistan. Almaty: Nauka, 1999. 232 p. (In Russ.)
- Sobolev V. S. The first scientific journey in Siberia. On the 300th anniversary of D. G. Messerschmidt's expedition. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*. 2019. Vol. 89. No. 1. Pp. 83–88. (In Russ.) DOI: 10.31857/S0869-587389183-88
- Suleymenov R. B., Moiseev V. A. Excerpts on the History of Eighteenth-Century Kazakhstan: Revisiting External and Internal Policies of Khan Ablai. Alma-Ata: Nauka, 1988. 144 p. (In Russ.)
- Sultanov T. I. The Ones Lifted onto White Felt: Descendants of Genghis Khan. Almaty: Daik-Press, 2001. 276 p. (In Russ.)

- Сухарева 1958 — *Сухарева О. И.* К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки. Ташкент: АН Узб. ССР, 1958. 148 с.
- Сухарева 1966 — *Сухарева О. И.* Бухара в XIX – начало XX в. Позднефеодальный город и его население. Москва: Наука, ГРВЛ, 1966. 327 с.
- Сухарева 1976а — *Сухарева О. И.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, ГРВЛ, 1976. 365 с.
- Сухарева 1976б — *Сухарева О. И.* Очерки по истории среднеазиатских городов // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: Наука, ГРВЛ, 1976. С. 132–148.
- Туякбаев 2009 — *Туякбаев М. К.* Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса. Алматы: Эффект, 2009. 208 с.
- Туякбаева, Проскурин 2000 — *Туякбаева Б. Т., Проскурин А.* О цитаделях города Туркестана // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2000. Вып. 1. С. 17–27.
- Юдахин 1965 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 973 с.
- Bimendiev et al. 2022 — *Bimendiev A. Sh., Kozha M. B., Uskenbay K. Z.* A Little-Known Plan of the City of Turkestan in 1854 from the Archive of the Russian Geographical Society // *Bylye Gody*. 2022. № 17(1). Pp. 225–236. DOI:10.13187/bg.2022.1.22
- Қазақ 1980 — Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі 5 т. / ред. А. М. Ибатов. Алматы: Ғылым, 1980. 640 б.
- Тұяқбаев и др. 2021 — *Тұяқбаев М. Қ., Бақтыбаев М. М., Мурғабайев С. С., Сиздиқов Б. С.* 2020 жылы «Хан ордасында» жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижесі // «Ұлы Жібек жолы мен Қазақстан керуен жолдарының урбанизация үдерісіндегі маңызы» атты халықаралық далалық семинар материалдары. Алматы: [б. и.], 2021. Б. 133–138.
- Тұяқбаев 2012 — *Тұяқбаев М. К.* Түркістандағы алғашқы хан ордасының орынын зерттеу мен тұмшалау // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. Алматы: Litera, 2012. С. 336–338.
- Sukhareva O. I. The Khanate of Bukhara and Its Cities: Essays in History and Ethnography. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences, 1958. 148 p. (In Russ.)
- Sukhareva O. I. Bukhara in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries: The Late Feudal City and Its Population. Moscow: Nauka — GRVL, 1966. 327 p. (In Russ.)
- Sukhareva O. I. City Blocks of Late Feudal Bukhara: Historical Insights. Moscow: Nauka — GRVL, 1976. 365 p. (In Russ.)
- Sukhareva O. I. Essays in the history of Central Asian cities. In: History and Culture of Soviet Central Asian Peoples in Ancient and Medieval Times. Moscow: Nauka — GRVL, 1976. Pp. 132–148. (In Russ.)
- Tuyakbayev M. K. Cities and Settlements of the Turkestan Oasis: Historical Topography and Development. Almaty: Effect, 2009. 208 p. (In Russ.)
- Tuyakbayeva B. T., Proskurin A. City of Turkistan and its citadels. *Izvestiya MON RK, NAN RK. Ser. obshchestv. nauk*. 2000. No. 1. Pp. 17–27. (In Russ.)
- Yudakhin K. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 973 p. (In Russ.)
- Bimendiev A. Sh., Kozha M. B., Uskenbay K. Z. A little-known plan of the city of Turkestan in 1854 from the Archive of the Russian Geographical Society. *Bylye Gody*. 2022. No. 17 (1). Pp. 225–236. (In Russ.) DOI:10.13187/bg.2022.1.22
- Ibatov A. M. (ed.) Explanatory Dictionary of the Kazakh Language. Vol. 5. Almaty: Gylym, 1980. 640 p. (In Kaz.)
- Tuyakbayev M. K., Baktybayev M. M., Murgabayev S. S., Sizdikov B. S. Introducing results of investigations held across Khan Orda in 2020. In: Significance of the Silk Road and Kazakhstan's Caravan Routes for Urbanization Processes. Seminar proceedings. Almaty, 2021. Pp. 133–138. (In Kaz.)
- Tuyakbayev M. K. The first Khan's residence in Turkestan: Investigation and conservation of the site. In: Antiquities of Otrar and the Otrar Oasis, Kazakhstan and Eurasia. Almaty: Litera, 2012. Pp. 336–338. (In Kaz.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 191–211, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.145

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-191-211

Словари Г. Ф. Миллера как источник для изучения истории диалектов татарского языка (на материале платформы LingvoDoc)

Фануза Шакуровна Нуриева¹, Гульшат Раисовна Галиуллина², Айрат Фаикович Юсупов³

¹ Казанский федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-9957-9734. E-mail: [fanuzanurieva\[at\]yandex.ru](mailto:fanuzanurieva[at]yandex.ru)

² Казанский федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0001-6923-2190. E-mail: [caliullina\[at\]list.ru](mailto:caliullina[at]list.ru)

³ Казанский федеральный университет (д. 18, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, доцент

 0000-0003-0363-5303. E-mail: [faikovich\[at\]mail.ru](mailto:faikovich[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Нуриева Ф. Ш., Галиуллина Г. Р., Юсупов А. Ф., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию трех словарей Г. Ф. Миллера по языкам народов Поволжья и Урала, датированных второй половиной XVIII в. Г. Ф. Миллер в рамках Великой Северной экспедиции прибыл в Казанскую губернию (1733), где приступил к изучению языка, жизни и быта поволжских народов. В настоящей статье мы проанализируем на платформе LingvoDoc (<https://lingvodoc.ispras.ru>) графо-фонетические особенности словарей по материалам татарского языка. *Материалы и методы.* В работе впервые вводятся в научный оборот рукописные словари Г. Ф. Миллера из фонда Российского государственного архива древних актов № 1125 («Портфель Г. Ф. Миллера 199»). На платформе LingvoDoc размещены словари Г. Ф. Миллера, которые включают в себя языковые материалы, собранные от носителей языка, два из которых — по архивным словарям (с делами 513 g1 и 513 g2) и один словарь по изданной книге (1791 г). Они обрабатывались с помощью инструментария платформы LingvoDoc, на ней же строится график степени близости словарей к современному татарскому литературному языку и его диалектам. *Использованные методы исследования* — сопоставительный и сравнительно-исторический. *Результаты и выводы.* В процессе графо-фонетического анализа татарского материала словников можно сделать следующие выводы: 1) все процессы перехода в области согласных в татарском языке в XVIII в. уже завершились; 2) перелом поволжских гласных к этому периоду для всех гласных еще не закончен, а для [*o] и [*u] данный процесс даже не начался; 3) в XVIII в. в татарском языке были уже выделяются диалектные зоны; 4) словарь 1791 г. на кириллической графике отличается инновациями от современного татарского литературного языка и словарей на латинской графике; 5) словари на

латинской графике более близки к современному татарскому литературному языку. Размещенные на платформе LingvoDoc словари Г. Ф. Миллера дают возможность исследования языков народов Поволжья и верифицировать полученные выводы на более широком материале.

Ключевые слова: лингвистическая платформа, LingvoDoc, Г. Ф. Миллер, фонетика, архив, словарь, диалект, татарский язык

Благодарность. Данная статья была написана в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства Казанского федерального университета, а также при финансовой поддержке РФ в рамках проекта «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ» (№ 25-78-20002).

Для цитирования: Нуриева Ф. Ш., Галиуллина Г. Р., Юсупов А. Ф. Словари Г. Ф. Миллера как источник для изучения истории диалектов татарского языка (на материале платформы LingvoDoc) // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 1. С. 191–211. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-74-1-191-211

G. F. Müller's Dictionaries as a Source for Insights into Tatar Dialect History: A LingvoDoc-Based Analysis

Fanuza Sh. Nurieva¹, Gulshat R. Galiullina², Ayrat F. Yusupov³

¹ Kazan Federal University (18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-9957-9734. E-mail: fanuzanurieva[at]yandex.ru

² Kazan Federal University (18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Department

 0000-0001-6923-2190. E-mail: caliullina[at]list.ru

³ Kazan Federal University (18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-0363-5303. E-mail: faikovich[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Nurieva F. Sh., Galiullina G. R., Yusupov A. F., 2025

Abstract. Introduction. The article examines a total of three G. F. Müller's dictionaries of languages spoken by peoples inhabiting the Volga Region, the Urals, and created in the mid-to-late eighteenth century. As a member to the Great Northern Expedition, G. F. Müller arrived in Kazan Governorate (1733) to explore languages, habits and household life of the Volga peoples. *Goals.* The article employs tools of the LingvoDoc platform (<https://lingvodoc.ispras.ru>) to analyze grapho-phonetic features of the Tatar language contained in the dictionaries. *Materials and methods.* The work is first to introduce handwritten dictionaries of G. F. Müller included in Collection 1125 (Müller's Portfolio 199) at the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Müller's dictionaries that comprise language materials collected from native speakers have been uploaded onto the LingvoDoc platform, namely: two units compiled from archival dictionaries (Files 513 g1 and 513 g2), and one dictionary from a published book (1791). Those are processed with the aid of LingvoDoc tools to yield a graph of proximity degrees between the dictionaries — and modern standard Tatar, its dialects. The comparative and historical comparative methods prove most instrumental herein. *Results.* The grapho-orthographic analysis into Tatar-language materials of the dictionaries reveals as follows: 1) all processes of the Tatar consonant shift were completed in the eighteenth century; 2) meanwhile, the Volga vowel shift had not yet been completed, and for [*o] and [*u] the process had not even started; 3) in the eighteenth century, Tatar dialect zones were shaped already; 4) the 1791 Cyrillic dictionary differs from modern standard Tatar and dictionaries in Latin characters by some innovative elements; 5) the latter dictionaries are closer to modern standard Tatar. The corpora and concordances of G. F. Müller's dictionaries hosted by the LingvoDoc platform make it possible to investigate languages of the Volga Region and verify obtained conclusions using broader materials.

Keywords: linguistic platform, LingvoDoc, G. F. Müller, phonetics, archive, dictionary, dialect, Tatar language

Acknowledgements. The reported study was funded by the Strategic Academic Leadership Program of Kazan Federal University and Russian Science Foundation (project no. 25-78-20002 'AI

Opportunities for Comparative Historical Insights into Under-resourced Languages of Russia’).

For citation: Nurieva F. Sh., Galiullina G. R., Yusupov A. F. G. F. Müller’s Dictionaries as a Source for Insights into Tatar Dialect History: A LingvoDoc-Based Analysis. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 191–211. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-191-211

1. Введение

Древнейшие рукописные, а также печатные памятники являются важнейшей частью культурного и исторического наследия татарского народа. Изучение данных лингвистических источников очевидно: они позволяют раскрыть изменения, происшедшие на разных этапах развития языка [Nurieva et al. 2022: 176]. Одной из главных задач в изучении истории развития татарского языка и его диалектов является создание максимально полной и непротиворечивой картины языковой эволюции.

По новым исследованиям кириллических памятников на уральских и алтайских языках, созданных в XIX в., показано, что эти книги написаны с большой точностью, но не на литературных языках, а на диалектах. Учет их данных имеет важнейшие значения для истории уральских и алтайских языков [Кириллические памятники 2022: 7–16].

История фиксации, накопления материалов по диалектам татарского языка начинается с середины XVIII в., когда шло выявление элементов духовной и материальной культуры и одновременно накопление лексического материала по отдельным зонам расселения татар различными деятелями, учеными-историками, такими как Г. Ф. Миллер, И. Георги, Ф.-И. Страленберг, П. С. Паллас и др. [Миллер 1791; Георги 1799; Strahlenberg 1730; Паллас 1787–1789]. Следует отметить, что в этом аспекте большое научное значение имеет трехязычный словарь Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: с показанием их жительства, политического учреждения...» [Миллер 1791], который в татарском языкознании до сих пор не получил комплексного и целостного научного освещения.

Герхард Фридрих (в русском обиходе Федор Иванович) Миллер (1705–1783) — выходец из вестфальского городка Герфорд в Германии. Г. Ф. Миллер после окончания школы был зачислен в студенты Ринтельнского университета на отделение гуманитарных наук. В студенческие годы он серьезно занимается историей, философией, а также классическими языками.

Г. Ф. Миллер посетил один из культурных центров тогдашней Германии — Лейпциг, там возникла идея отправиться в далекую, но заманчивую страну, где многие вчерашние студенты уже сделали блестящую карьеру, подобно недоучившемуся в Йене студенту-теологу А. И. Остерману [Шапиро 1993: 190].

В 1725 г. Г. Ф. Миллер приехал в Санкт-Петербург и навсегда связал себя с Россией, приняв в 1748 г. российское подданство. Он оставил воспоминания о начале своей службы в России: «в вышнем классе гимназии..., особливо же преподавал я наставления в латинском языке, в истории и в географии» [Миллер 1937: 147].

Начало его работы совпадает с годами реализации идей Петра I об организации академических экспедиций для всестороннего изучения территорий и языков Российского государства, прежде всего ее восточных областей. Изучение природы и естественных богатств внутренних районов Сибири, истории и этнографии коренных народов было поручено участникам академического отряда. В него вошел профессор Санкт-Петербургской Академии наук, историк Г. Ф. Миллер, который стал руководителем отряда. Путешествие академика по Сибири (1733–1743) проходило в рамках Великой Северной экспедиции.

Необходимо отметить, что экспедиция в научном плане была серьезно организована. В состав экспедиции были включены сту-

денты и вольнонаемные переводчики, копиисты и проводники, которые занимались поиском и первичной обработкой исследовательского материала.

Г. Ф. Миллер 18 октября 1733 г. по пути в Сибирь прибыл в Казанскую губернию, где приступил по заданию Санкт-Петербургской Академии наук к изучению поволжских народов и памятников старины; собрал сведения об особенностях культурной жизни и быта народов Поволжья и Урала. Результатом его пребывания в пределах губернии стали записки, положенные в основу более серьезных академических работ, в частности его «Описания трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков» [Описания трех языческих 1756: 34–64] (см. факсимиле 1). Труд впервые был опубликован в «Ежемесячных сочинениях...» в 1756 г., т. е. спустя 23 года после экспедиции автора в Урало-Поволжский регион.

Знакомство с жителями Поволжья описано автором во введении: «В Казанской Губернии кроме поселенных там русских переведенцев находится шесть народов, которые из давнейших времен в оной жительство имели, и ныне по большей части в тех же местах живут. Оные народы по известному в России званию суть следующие: 1) Татары, которые живут отчасти в самом городе Казани, также и в окольных деревнях, так что их и в Кунгурском уезде¹ — довольно число находится, к чему причисляются и Башкирцы, живущие в Уфимской провинции. 2) Черемисы, и 3) Чуваш, которые живут по обоим берегам реки Волги, выше и ниже города Казани. 4) Вотяки, которые почти все места между Волгою и Камою под собою имеют. 5) Мордва, которые настоящее жительство имеют в Нижегородской губернии; однако некоторое число их есть и в Пензенской провинции, которая принадлежит к Казанской Губернии. 6) Пермьки и Пермичи, яко жители между Солью-Камскою и Чердынем, которые с Зырянами Устюжскими, Соль-Вычегоцкими и Яренскими, за один народ почитаются» [Миллер 1791: 7–10].

¹ Ныне Пермский край.

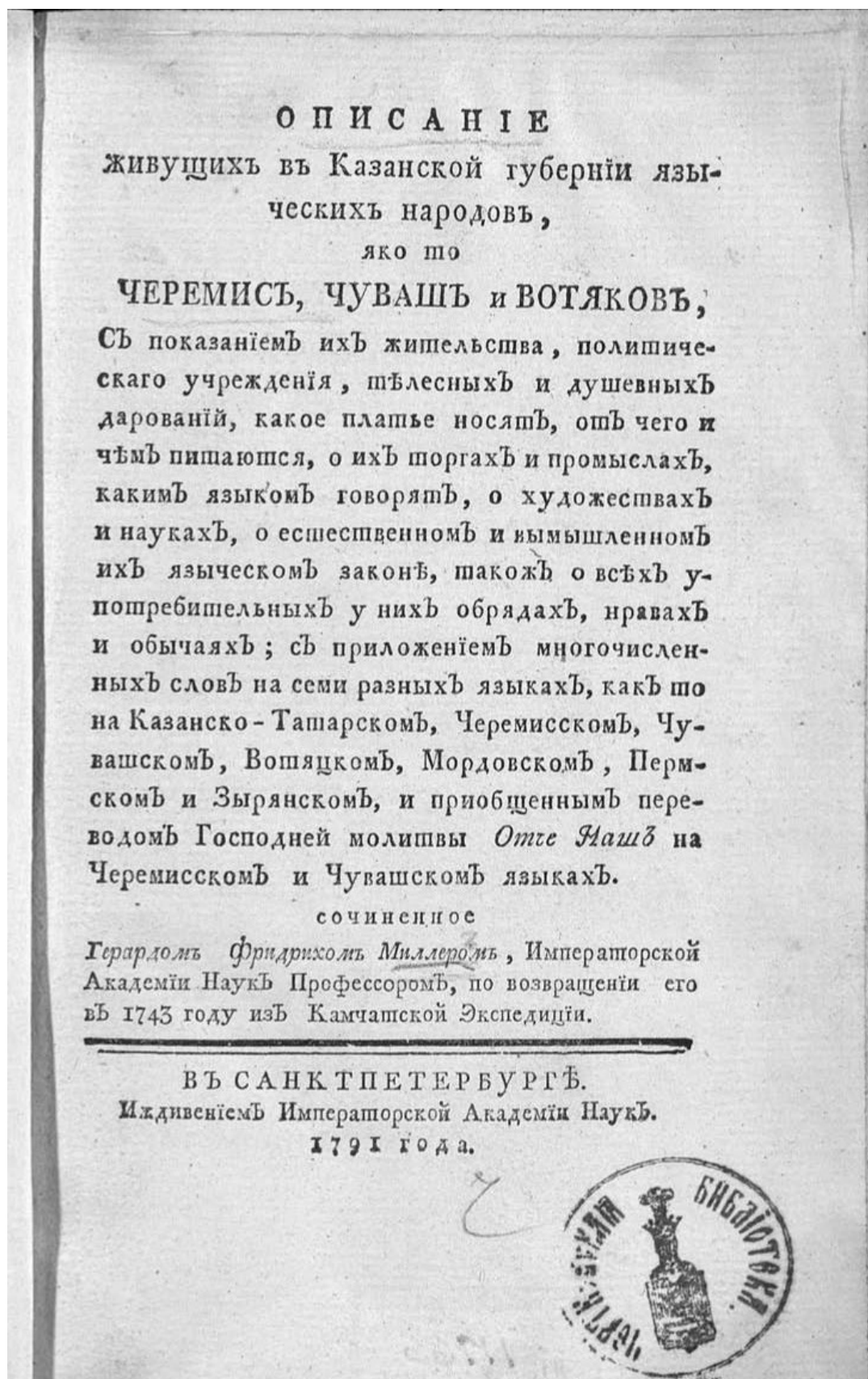
В структурном отношении исследование Г. Ф. Миллера состоит из восьми глав: «О их жилищах и гражданских распорядках», «О их качествах телесных и душевных», «О одежде их», «О пропитании, промыслах и торгах их», «О языках, художествах и науках их», «О естественном их законе, и какое имеют они понятие о боге и о божественных делах», «О языческом их законе и принадлежащих к оному обрядах», «О светских обыкновениях их» [Миллер 1791: 2–80], что, на первый взгляд, представляет сравнительно-этнографическое описание, выполненное в духе европейской литературы об экзотических уголках ойкумены, который получил широкое распространение в эпоху Просвещения.

В нашем исследовании работа велась по фотокопиям рукописных словарей из фонда Российского государственного архива древних актов № 1125 («Портфель Г. Ф. Миллера 199») с делами 513 g1 (см. фото 1) и 513 g2 (см. фото 2) и материала словаря на кириллице, который представлен отдельным приложением в издании 1791 г. [Миллер 1791: 81–99].

Словари Г. Ф. Миллера 513 g1 и 513 g2 написаны на латинской графике, представленный в них лексический материал практически одинаков. Нужно отметить и близкое сходство состава алфавита, и характер почерка, поэтому можно предположить, что работа принадлежит одному писцу. Вместе с тем словари отличаются принципами построения словника и подачей материала по изучаемым языкам народов Поволжья. Корпус словаря 513 g1 представлен в двух столбцах, включающих латинскую и татарскую лексику (всего представлено 325 слов).

В словаре 513 g2 представлены 4 столбца, кроме латинской и татарской лексики, добавлены слова из мордовского и зырянского (язык народа коми) языков (всего представлено 325 слов). Как видно, по численности корпус татарской лексики в словарях в основном совпадает. Писец использовал в обоих словарях черные чернила, которые хорошо читаемы.

Словарь Г. Ф. Миллера 1791 г. издан на кириллице, отличается от двух словарей элементами внутренней организации кор-

Факсимиле 1. Обложка работы Г. Ф. Миллера 1791 г.
[Facs. 1. Cover of the 1791 edition by G. F. Müller]

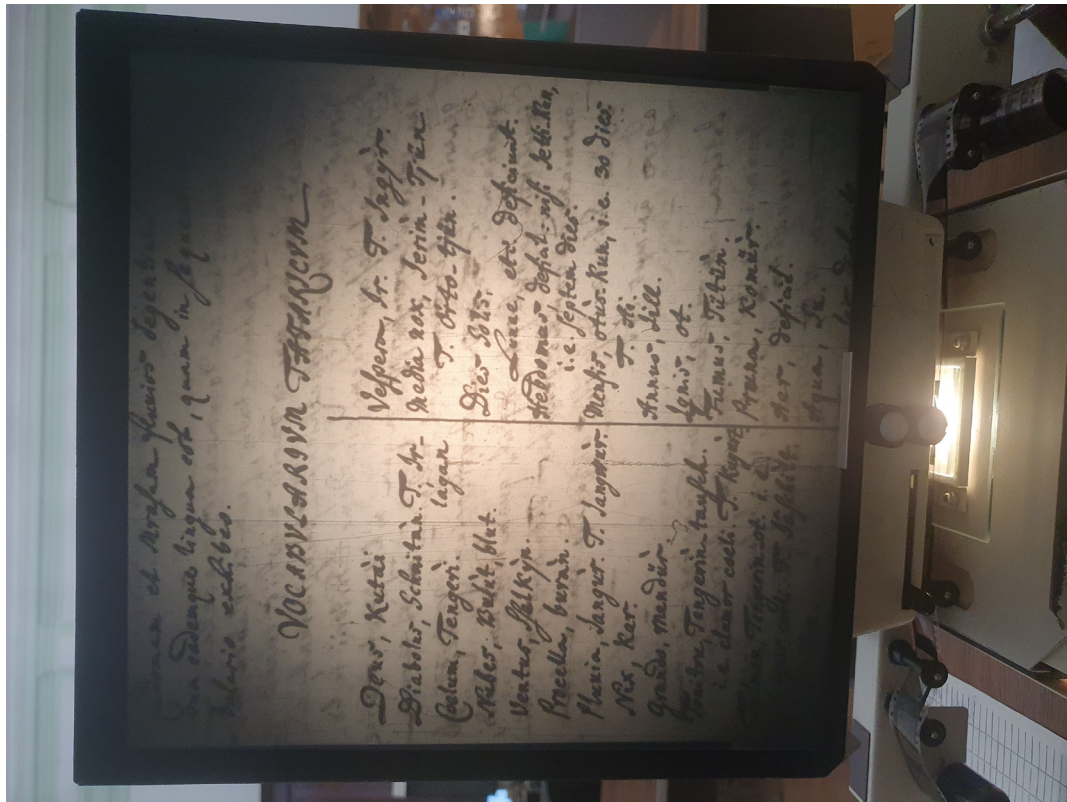

Фото 1. Словарь Г. Ф. Миллера, 513 gl (1756 г.)
[*Photo 1. Müller's Dictionary, 513 gl*]

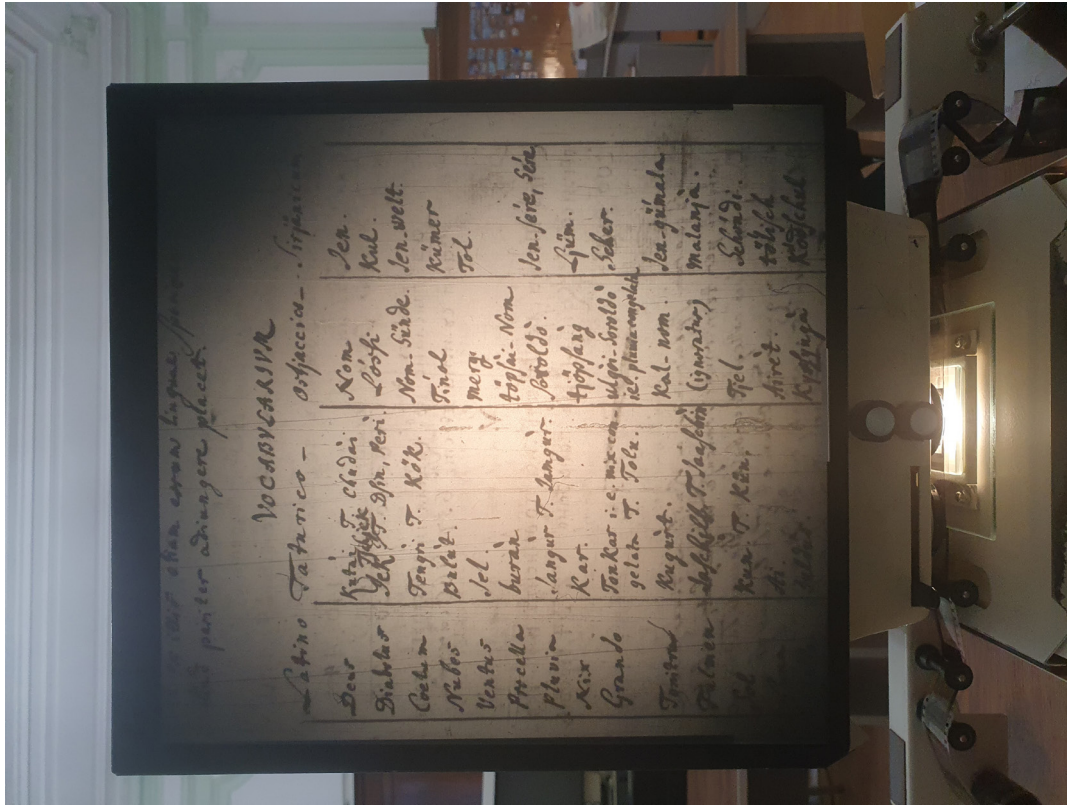

Фото 2. Словарь Г. Ф. Миллера, 513 g2 (1759 г.)
[*Photo 2. Müller's Dictionary, 513 g2*]

82				83			
По русск.				По Мордовск.			
По Татарск.				По Пермск.			
По черемисск.				По Зырянск.			
Богъ. - - -	Тере Гулай	Юма - - -	Тора	Иммеръ - - -	Песъ - - -	Ель - - -	Ель
Дьяволъ. - -	Шайпанъ -	Шайпанъ -	Шайпанъ, Шу- данъ	Шайпанъ -	Шайпанъ	Куль - - -	Куль
Небо - - -	Куль - - -	Кульне Юма, жизнище божье	Пелъ, Пелъ- люль	Колемъ Ин- маръ	Меникъ Вере- пелъ	Ель-Ель- Ель-Велъ	Ель-Ель- Ель-Велъ
Облака - - -	Андагъ - -	Пуллуни	Пуллуни	Пилемъ - -	Пилемъ	Колемъ Кюмеръ	Колемъ Кюмеръ
Вспрь - - -	Ашуръ - -	Мордунъ	Синаль	Талло - - -	Вирматъ	Талъ, Талъ	Талъ, Талъ
Ажъ - - -	Ашуръ - -	Юрь	Семморъ	Соре - - -	Полне	Зеръ	Зеръ
Ситъ - - -	Кара - - -	Ауль	Юрь	Ашуръ - -	Ашуръ	Ашуръ	Ашуръ
Градъ - - -	Вусъ - - -	Шолемъ	Эрмюръ	Восорамъ, ш.- чарамакъ	Шера	Шера	Шера
Громъ - - -	Кузуръ - -	Келюрь	Ассъ	Градъ Машъ	Пургинъ	Градъ, Ептомала	Градъ, Ептомала
Молния - - -	Яшиъ - - -	Веломъ	Хсель, Швелъ	Нашъ - - -	Колемъ	Вн, Тсинаъ	Вн, Тсинаъ
Солнце - - -	Куль - - -	Кече	Омхъ, Ухъ	Шулак - - -	Шулак	Шолак	Шолак
Луна - - -	Ан - - -	Тилъ	Тилъ	Толсъ - - -	Толсъ	Толсъ	Толсъ
Звезда - - -	Пилеръ - -	Пилеръ	Соллеръ	Колемъ - -	Колемъ	Колемъ	Колемъ
День. - - -	Кече - - -	Кече	Конъ	Югунъ, Ну- насъ, Нуналъ	Тилъ	Хунъ	Хунъ
Ночь. - - -	Юль - - -	Юль	Солеръ, Солеръ или Кисно- ль	Унъ - - -	Вн, Вн	Вн	Вн
Утро - - -	Ирпъ - - -	Шеръ	Ярь	Чулъ - - -	Валшкъ, Валш- ски	Азъмъ, Ассъмъ	Азъмъ, Ассъмъ
Полдень - -	Юрматунъ -	Кечебалъ	Кундуръ	Ашмюръ - -	Нуллуъ	Ашмюръ, Аш- мюръ	Ашмюръ, Аш- мюръ
Вечеръ - -	Кессъ - - -	Кассъ	Кассъ	Ашмюръ, Ашмюръ- де	Шокъ	Рюль	Рюль
Полночь - -	Юрматунъ -	Юрматунъ	Солеръ	Ушмюръ - -	Пилемъ	Ошмюръ	Ошмюръ
Воскресенье	Ашмюръ - -	Пунъ-Ариъ	Виресъ-Ариъ	Дючъ Ариъ	Недасъ-чи	Воскресенье	Воскресенье
Понедельникъ	Ашмюръ - -	Пунъ-Ариъ	Тунъ-Ариъ	Дючъ-Ариъ-бе- ре	Понедельникъ	Вучалъ-Ариъ	Вучалъ-Ариъ
Вторникъ. -	Сейменбе -	Кушумма	Ушмюръ-Конъ	Боръ-Конъ -	Боръ-Конъ	Валмюръ	Валмюръ
Среда. - - -	Чарменбе	Воретъ	Сомъ-Конъ	Нуналъ - - -	Нуналъ	Шера	Шера
Четвертокъ	Киче-Али	Мелъ-Ариъ	Кено-Ариъ	Виръ-Нуналъ	Пилемъ, кавъ	Четверкъ	Четверкъ
Пятница - -	Ушмюръ-Али	Кушъ-Ариъ	Ариъ-Конъ	Похъ-Ариъ	по Русси	Пятница	Пятница
Суббота - -	Шанба, Али	Шанба-Кечъ	Шанба-Конъ	Ариъ Нуналъ	Ариъ Нуналъ	Суббота	Суббота
Неделя. - -	Али - - -	Ариъ	Ариъ	Косъ-Нуналъ	Косъ-Нуналъ	Неделя	Неделя
Мсяцъ. - - -	Ан - - -	Тилъ	Ашмюръ-Ариъ	Ариъ - - -	Ариъ	Земель Ариъ	Земель Ариъ
Годъ. - - -	Ан - - -	Илалъ	Селалъ	Толсъ, Илалъ	Косъ	Неделя	Неделя
Огонь - - -	Ош - - -	Тулъ	Волъ	Ариъ, Ариъ	Ариъ	Телъ	Телъ
Алмазъ - - -	Топомъ	Сикъ	Топомъ	Толъ	Толъ	Вн	Вн
Уголь (горю- ще) - - -	Кюмеръ	Ссхю	Бунаръ	Кечемъ	Кечемъ	Чемъ	Чемъ
				Сыравала	Сыравала	Шомъ	Шомъ

Факсимиле 2. Словарь Г. Ф. Миллера, 1791, с. 82-83
[Facs. 2. Müller's Dictionary, 1791, pages 82 and 83]

пуса: графикой, фонетическими особенностями, а также структурой (см. факсимиле 2). Представлен материал семи языков народов Поволжья с переводом на русский язык. Словарная часть труда представлена на 81–99-й страницах в издании 1791 г.: «СЛОВАРЬ на Татарскомъ, Черемисскомъ, Чувашскомъ, Вошлцкомъ, Мордовскомъ, Пермскомъ и Зырянскомъ языкахъ, съ Россійскимъ переводомъ» [Миллер 1791: 81] и содержит более 2 650 словоформ на 7 языках народов Поволжья. Материал на татарском языке содержит более 325 словоформ, который представлен на 82, 84, 86, 88, 90, 92, 94, 96, 98-й страницах словаря.

Все три словаря Г. Ф. Миллера были загружены в Корпус письменных памятников татарского языка на платформу LingvoDoc (<https://lingvodoc.ispras.ru/>), который и послужил источником анализируемого материала. До настоящего времени словари Г. Ф. Миллера не были привлечены в исследования татарского языка. Такой материал дает возможность включения в научный оборот бесценного культурного наследия народов Поволжья.

Материалы Г. Ф. Миллера из Российской государственного архива древних актов привлекаются учеными для исследования языков и диалектов народов, проживающих в Сибири. Статья Н. А. Кошелюк посвящена исследованию мансийского словаря по р. Чусовая [Кошелюк 2023]. Следует отметить, что на платформе LingvoDoc размещаются ранее неопубликованные и неисследованные рукописные словари, новые полевые и архивные данные [Норманская, Кошелюк 2020; Нуриева, Фахретдинова 2021; Норманская 2023].

Актуальность исследования обусловлена тем, что словарный материал из словаря Г. Ф. Миллера служит важным источником сведений об истории и, в частности, исторической диалектологии татарского языка. Материал ценен и тем, что Г. Ф. Миллер оставил сведения о местах пребывания экспедиции [Миллер 1791: 2–11]. Сопоставление материалов с современными данными позволяет выявить как архаичные явления в истории татарского языка, так и инновации,

иллюстрирующие важнейшие языковые процессы в исследуемом периоде.

Целью статьи является представление результатов графико-орфографического, фонетико-орфографического анализа татарского материала словаря, выявления диалектных фонетических особенностей, зафиксированных Г. Ф. Миллером в XVIII в., на разных территориях проживания татар. Материалом послужили три словаря Г. Ф. Миллера, которые до настоящего времени не были объектом специальных исследований и впервые размещены на платформе LingvoDoc.

В рамках достижения цели нами решались следующие задачи:

- подготовка полного описания трех словарей Г. Ф. Миллера;
- расшифровка словарей на современный татарский язык и подготовка словаря;
- перевод словарных статей на современный русский язык;
- размещение трех изданий словаря (513 g1, 513 g2, 1791 г.) в базу данных словарей платформы LingvoDoc (которые отличаются принципами построения словаря и подачей материала по изучаемым языкам народов Поволжья);
- поиск и создание этимологических связей между словами в трех словарях, современным татарским литературным языком и диалектами;
- выявление графических и орфографических особенностей словарей;
- проведение фонетического анализа при помощи инструментария LingvoDoc с целью выявления общего и специфического в словарях при помощи программы обработки и анализа данных;
- анализ когнатов словарей с помощью программы LingvoDoc и установление природы этих сходств и отличий.

2. Фонетико-графический анализ словарей Г. Ф. Миллера

Используя программу обработки и анализа фонетических данных на платформе LingvoDoc, мы получили полное описание фонетической системы трех словарей Г. Ф. Миллера. В процессе обработки материала словарей с помощью инструментария

Согласные звуки:	Гласные звуки:
m n	i y i u
p b t d c k g q	e ø o
ʃ	a ä
s z ʒ	
x h	
w j	
r	
l	

Рис 1. Результаты анализа программы LingvoDoc фонологические системы гласных и согласных звуков словаря Г. Ф. Миллер (1956)

[Fig. 1. Müller's Dictionary (1956). Phonological vowel and consonant systems. LingvoDoc analysis results]

Согласные звуки:	Гласные звуки
m n	i y i u
p b t d c k g q	e ø o
ʃ	a ä
s z ʒ	
f x h	
j	
r	
l	

Рис. 2. Результаты анализа программы LingvoDoc фонологические системы гласных и согласных звуков словаря Г. Ф. Миллер (1759)

[Fig. 2. Müller's Dictionary (1759). Phonological vowel and consonant systems. LingvoDoc analysis results]

Согласные звуки	Гласные звуки:
m mʲ n nʲ	i i u
p b bʲ t tʲ d dʲ k kʲ g gʲ	e o
ʃ	a
s sʲ z zʲ ʒ ʒʲ	
f v x	
j jʲ	
r rʲ	
l lʲ	

Рис 3. Результаты анализа программы LingvoDoc фонологические системы гласных и согласных звуков словаря Г. Ф. Миллер 1791

[Fig. 3. Müller's Dictionary (1791). Phonological vowel and consonant systems. LingvoDoc analysis results]

ев LingvoDoc, программа выдала следующие данные.

1) фонологические системы гласных и согласных звуков словарей (рис. 1, 2, 3):

2) таблицы сочетаемости фонем (рис. 4, 5, 6).

Как показывает инвентарь фонем и аллофонов, в словарях наблюдается общая закономерность при передаче согласных звуков, заметны отличия лишь в графическом оформлении следующих согласных: ng [н], Tsch / tsch [ч], Sch / sch [ш] в латинских вариантах словаря.

Сложную картину представляют гласные: в кириллическом варианте отсутствуют [ö], [ü], [i], а в словарях на латинской графике представлены все гласные татарского языка.

Анализ материалов трех словарей с точки зрения графики позволил установить ряд особенностей:

3. Общие фонетико-графические особенности словарей

На основе регулярных соответствий гласных и согласных система показала об-

Распределение гласных									
	i	y	ï	u	e	ø	o	a	ä
# ____:	+	+		+	+		+	+	+
+ГУБ_:	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+ЗУБ_:	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+ПАЛ_:	+	+		+	+		+	+	+
+ЗЯЗ_:	+		+	+	+	+	+	+	+
+ЛАР_:	+								
_+ГУБ:	+	+	+	+	+		+	+	+
_+ЗУБ:	+	+	+	+	+	+	+	+	+
_+ПАЛ:	+		+	+				+	+
_+ЗЯЗ:	+	+	+	+	+	+	+	+	+
_+ЛАР:								+	+

Распределение согласных																				
	m	n	p	b	t	d	c	k	g	q	ʃ	s	z	ʒ	x	h	w	j	r	l
# ____:	+		+	+	+	+		+	+	+	+	+		+				+		
+ПЕР_:	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
+ЦНТ_:	+	+	+		+			+			+	+	+	+				+	+	+
+ЗАД_:	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+	+	+			+	+	+
+ОГУ_:	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+	+	+			+	+	+
_+ПЕР:	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
_+ЦНТ:	+			+	+	+		+	+			+	+	+					+	+
_+ЗАД:	+		+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+
_+ОГУ:	+		+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+

Рис 4. Сочетаемость гласных и согласных звуков в словаре Г. Ф. Миллер (1756)
 [Fig. 4. Müller's Dictionary (1756). Co-occurrence of vowel and consonant sounds]

шую графико-фонетическую близость словарей. Отмечены следующие ряды общих соответствий в трех словарях Г. Ф. Миллера:

Удалось выявить характерный для гласных ряд архаических черт, в частности сохранение пратюркского рефлекса *o и *u (рис. 7, 8).

Как видно из представленного в таблице материала, во всех словарях Г. Ф. Миллера зафиксировано регулярное употребление графемы *o > y, *y > o в соответствии с современными литературными графемами. Это соответствует данным, приведенным в монографии диалектолога Л. Т. Махмутовой, где указывается, что в мишарских диалектах кыпчакский процесс передвижения

гласных *u > o, *o > u, *ü > ö, *ö > ü не завершился [Махмутова 1978: 34].

По начальным гласным второго слога все три словаря в основном совпадают. Анализ на основе инструментария LingvoDoc выдает следующие надежные ряды в области гласных:

- [e] — [e] — [e] — [e];
- [a] — [a] — [a] — [a];
- [i] — [i] — [u] — [a];
- [i] — [u] — [u] — [u];
- [e] — [i] — [i] — [e];
- [e] — [u] — [u] — [e].

Было установлено, что по согласным графемам словаря Г. Ф. Миллера в основном совпадают. При анализе на инструментарии

Распределение гласных									
	i	y	ï	u	e	ø	o	a	ä
#____:	+	+	+	+	+		+	+	+
+ГУБ_	+	+	+	+	+		+	+	+
+ЗУБ_:	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+ПАЛ_:	+	+		+	+	+	+	+	+
+ЗЯЗ_:	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+ЛАР_:	+			+					
_+ГУБ:	+	+	+	+	+		+	+	+
_+ЗУБ:	+	+	+	+	+	+	+	+	+
_+ПАЛ:	+			+				+	+
_+ЗЯЗ:	+	+	+	+	+	+	+	+	+
_+ЛАР:					+			+	+

Распределение согласных																					
	m	n	p	b	t	d	c	k	g	q	ʃ	s	z	ʒ	f	x	h	j	r	l	
#____:	+		+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+		+			
+ПЕР_:	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	
+ЦНТ_:	+	+			+			+	+		+	+	+	+		+			+	+	
+ЗАД_:	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+	+		+		+	+	+	
+ОГУ_:	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+	+		+		+	+	+	
_+ПЕР:	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
_+ЦНТ:	+			+	+	+		+	+			+	+	+		+			+	+	
_+ЗАД:	+			+	+	+		+	+		+	+	+			+	+	+	+	+	
_+ОГУ:	+			+	+	+	+	+	+		+	+	+			+	+	+	+	+	

Рис 5. Сочетаемость гласных и согласных звуков в словаре Г. Ф. Миллера (1756)
 [Fig. 5. Müller's Dictionary (1756). Co-occurrence of vowel and consonant sounds]

LingvoDoc были выявлены следующие надежные ряды по согласным (табл. 9, 10, 11):

Надежные ряды:

- [b] — [b] — [b] — [b];
- [s] — [s] — [s] — [s];
- [t] — [t] — [t] — [t];
- [j] — [j] — [j] — [j];
- [k] — [k] — [k] — [k];
- [j] — [j] — [j] — [dʒ];
- [m] — [m] — [m] — [m];
- [n] — [n] — [n] — [n];
- [ʃ] — [ʃ] — [ʃ] — [ʃ];
- [r] — [r] — [r] — [r];
- [l] — [l] — [l] — [l].

4. Фонетико-графические отличия в словарях Г. Ф. Миллера

4.1. Отличия по начальным гласным.

Лексемы в словаре 1756 г. сохранили архаичный древнетюркский *е, а в словарях 1759 г. и 1791 г. произошел поволжский перелом гласных, они соответствуют гласному [i], как и в современном татарском языке (табл. 12). В словарях 1759 г. и 1791 г. сохраняется древнетюркский рефлекс [u], а в словаре 1756 г. по этому признаку совпадает с написанием в современном татарском языке (табл. 13).

4.2. Особенности по признаку [i] ~ [u].

Лишь в словаре 1756 г. зафиксирована осо-

Распределение гласных					
	i	ɪ	u	e	a
# _____:	+		+		+
+ГУБ_:	+	+	+	+	+
+ЗУБ_:	+	+	+	+	+
+ПАЛ_:	+		+	+	+
+ЗЯЗ_:	+		+	+	+
+ЛАР_:					
+ГУБ_:	+	+	+	+	+
+ЗУБ_:	+	+	+	+	+
+ПАЛ_:	+		+	+	+
+ЗЯЗ_:	+	+	+	+	+
+ЛАР_:					

Распределение согласных													
	m	mʲ	n	nʲ	p	b	bʲ	t	tʲ	d	dʲ	k	kʲ
# _____:	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+ПЕР_:	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+ЦНТ_:						+	+					+	+
+ЗАД_:	+	+	+	+				+	+	+	+	+	+
+ОГУ_:	+	+	+	+				+	+	+	+	+	+
+ПЕР_:	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+ЦНТ_:	+	+											
+ЗАД_:	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
+ОГУ_:	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+

Рис. 6. Сочетаемость гласных и согласных звуков в слове Г. Ф. Миллер (1791)
[Fig. 6. Müller's Dictionary (1791). Co-occurrence of vowel and consonant sounds]

бенность по признаку [i] ~ [u], не выявленная в двух других словарях (рис. 14).

Анализ инструментами LingvoDoc дал в одном ряду разные языковые явления: а) графическое отражение архаичного губного сингармонизма: *олтурдым* ‘я сел’, *одун* ‘дрова’ и б) диалектную особенность в передаче лексемы *сару* ‘желтый’, *йылу* ‘теплый’. Данная инновация отмечена в трудах татарских диалектологов с пометой «соответствие *ы* ~ *у* встречается лишь в вятском говоре в ограниченных словах *сару* – *сары*, *кыру көн* – *коры көн*, *тулумады* – *тулмады*» [Татар халык 2008: 146]. Таким образом, это языковое явление является диалектной особенностью казанского говора.

4.3. Наблюдается специфическое отличие в соответствии [s] ~ [z]. Лишь в словаре 1759 г. сохраняется [s] (рис. 15). Отмеченное Г. Ф. Миллером оглушение согласных [s] ~ [z] по настоящее время наблюдается в говорах казанских кряшен и Нижнего Прикамья [Махмутова 1978: 68].

4.4. В рассматриваемых словарях при общей последовательности передачи согласных, в словаре на кириллице (1791) представлены инновации, которые проявляются в большинстве позиций. Остановимся на наиболее значимых из них:

4.5. Соответствие [j] ~ [dz]. В словаре Г. Ф. Миллера зафиксирована вариативность передачи [j] и [dz] (рис. 16). В татарском литературном языке перед древними задними гласными сохраняется [j]. Ж-оканье является фонетическим идентификационным признаком среднего диалекта татарского языка. Оно наблюдается в таких говорах, как мензелинский, касимовский, казанский, нагорный, и в татарских говорах Приуралья. Ж-оканье в татарском языке представляет собой древнее явление [Баязитова 1986: 62; Татар халык 2008: 30, 43, 70; Юсупов 2023: 42–43].

Наглядно эта особенность представлена в Атласе татарских народных говоров (рис. 17).

4.6. Следующей особенностью, требующей внимания, является соответствие [с] ~ [ч] (рис. 18). Данное фонетическое явление, зафиксированное в словаре Г. Ф. Миллера,

наблюдается в современных говорах татарского языка.

Ниже мы приведем фрагмент Атласа татарских народных говоров, где четко представлена эта особенность (рис. 19).

По данным татарских диалектологов, соответствие [с] ~ [ч] особенно четко выделяется в татарских говорах Приуралья, например в красноуфимском говоре: *себен* – *чебен* ‘муха’, *сэй* – *чэй* ‘чай’, *салгы* – *чалгы* ‘коса’, *сабата* – *чабата* ‘лапти’, *бесэн* – *печэн* ‘сено’, *быскы* – *пычкы* ‘пила’, *сыбырткы* – *чыбырткы* ‘кнут’, *баргас* – *баргач* ‘придя’ [Татар халык 2008: 304]. В сафакульском говоре системно употребляется [с] вместо литературного [ч]: *сэй* – *чэй* ‘чай’, *салгы* – *чалгы* ‘коса’, *сикерткэ* – *чикерткэ* ‘кузнечек’, *систа* – *чиста* ‘чистый’, *килгэс* – *килгэч* ‘придя’ [Татар халык сөйләшлэре 2008: 384; Юсупов 2023: 280].

В мамадышском, лаишевском, касимовском, златоустовском говорах, а также в говоре казанских кряшен зафиксированы единичные случаи соответствия [с] ~ [ч]: *калас* – *калач* ‘калач’, *күмэс* – *күмэч* ‘хлеб’, *кескенэ* – *кечкенэ* ‘маленький’, *эссэ* – *эчсэ* ‘если выпьет’, *умас* – *умач* ‘клецки’, *кесерэк* – *кечерэк* ‘по меньше’ [Татар халык 2008: 30, 44, 88].

4.7. Нарушение сингармонизма во втором слоге: *катинь* | *катинь* – *куль* ‘жена | служанка’; *балчикь* ‘глина’; *итакь* ‘сапоги’; *аигерь* ‘жеребец’; *алтинь* ‘золото’; *джидмышь* | *джиде* ‘семьдесят | семь’.

Данная особенность отмечена в трудах татарских диалектологов с пометой: «в пермском говоре среднего диалекта в подговоре кунгур, шауби имеет широкое употребление: *акрин* — *акрын*, *ишану* — *ышану*, *тастимал* — *тастымал*, *утлик* — *утлык*, *баишлик* — *баишлык*» [Татар халык 2008: 183].

Соответствие задних гласных передним зафиксировано в единичных примерах в сергачском, чистопольском говорах татарского языка: *абзий* — *абзый*, *кина* — *кыйна* [Махмутова 1978: 51], в вятском говоре: *китыр* — *китер*, *тәмны* — *тәмле*, *мескенкаем* — *мескенкәем* [Татар халык 2008: 148].

[u]		[u]		[o]		[o]		[u]		[o]	
унике	'двенадцать'	унике	'двенадцать'	on-iky on-ike	'двенадцать двенадцать'	on-eki	'двенадцать'	унике	'двенадцать'	Онъ Иа	'двенадцать'
утиз	'тридцать'	утиз	'тридцать'	otos otus	'тридцать тридцать'	otus	'тридцать'	утиз	'тридцать'	Отъ-усъ	'тридцать'
утин	'бревно'	утин	'бревно'	otun	'бревно'	otun otun	'бревно'	утин	'бревно'	Отань	'бревно'
утирдам	'сел'	утирдам	'сел'	(utyrdym)	'сел'	olturadym	'сел'	утирдам	'сел'		
		утыз кан	'градцать дней'			otus kun	'градцать дней'				
		утыргыч	'ступ'			oturgusch	'ступ'				
		утырыр	'скдет'			olturar	'скдет'				

Рис. 7. Соответствие [o] ~ [u]¹
[Fig. 7. Correspondence pattern [o] ~ [u]]

[o]		[u]		[u]		[u]	
ком	'песок'	kumak kum	'песок песок'	kumak kum	'песок песок'	кумъ	'песок'
болан	'лось'	bulan	'лось'	bulan	'лось'	Булань	'лось'
бодай	'пшеница'	buktai	'пшеница'	budai	'пшеница'	Будай	'пшеница'
тоз	'соль'	tust	'соль'	tuz	'соль'	Тусъ	'соль'
болак	'источник'	bulak	'источник'	bulak	'источник'		
коры	'сухой'	kulak kuru	'ухо сухой'	kuru kulak	'сухой ухо'		
колын колынчак	'жеребенок жеребен...	kulun	'жеребенок'	uluntschak kulu	'жеребенок жеребен...		
солы	'овес'	sulu	'овес'	sula	'овес'		

Рис. 8. Соответствие [u] ~ [o]
[Fig. 8. Correspondence pattern [u] ~ [o]]

[b]		[b]		[b]		[b]	
баш башмак	'голова башмаки'	besch bashmak basch	'пять башмаки голо...	besch besch	'голова пять'	Бешь Башь Башмакъ	'пять голова башма...
бозау	'теленос'	busau busuu	'теленос теленос'	bozou	'теленос'	Бузау	'теленос'
болан	'лось'	bulan	'лось'	bulan	'лось'	Булань	'лось'
балык	'рыба'	balyk	'рыба'	balyk	'рыба'	Балыкъ	'рыба'
бодай	'пшеница'	buktai	'пшеница'	budai	'пшеница'	Будай	'пшеница'
буген	'сегодня'	bugun	'сегодня'	bugun	'сегодня'	Бугунь	'сегодня'
берсекен берсе к...	'послезавтра после...	birsy kün basa kun	'послезавтра после...	biürsugun birsy-ku...	'послезавтра после...	Бирзакунь	'послезавтра'
бер	'один'	bir bardym	'один ходил'	bir	'один'	Беръ	'один'
балчык	'глина'	baltschik	'глина'			Балчыкъ	'глина'
барыр бардым Бар...	'поедет поехал еха...			baradym	'поехал'	Барыс	'ехать'
буран	'вьюга'	buran	'вьюга'	buran	'вьюга'	Барассе	'ехать'
болак	'источник'	bulak	'источник'	bulak	'источник'		
бер тиен	'копейка'					Бертинь	'копейка'

Рис. 9. Надёжный ряд [b] — [b] — [b] — [b]
[Fig. 9. Reliable range [b] — [b] — [b] — [b]]

[t]		[t]		[t]		[t]	
таш	'камень'	tasch	'камень'	tasch	'камень'	Ташь Тушакъ	'камень постель'
тимер	'железо'	temir	'железо'	temür	'железо'	Темуръ	'железо'
тел	'язык'	til	'язык'	til	'язык'	Телль	'язык'
тиен	'белка'	tiin tijin	'белка белка'	tijin	'белка'	Танде Тонь Тіень	'утро шуба белка'
тоз	'соль'	tust	'соль'	tuz	'соль'	Тусъ	'соль'
тук	'сытый'	tok	'сытый'			Токъ Таукъ Такагъ	'сытый курица бара...
тура	'город'	tura	'город'	tou tura	'гора город'		
тут	'тутонник'	tyt	'тутонник'	tyt	'тутонник'		
		tiün	'ночь'			Тіюнь	'ночь'

Рис. 10. Надёжный ряд [t] — [t] — [t] — [t]
[Fig. 10. Reliable range [t] — [t] — [t] — [t]]

[k]		[k]		[k]		[k]	
кояш	'солнце'	kün kun	'солнце солнце'	kun	'солнце'	Куяшъ	'солнце'
ком	'песок'	kumak kum	'песок песок'	kumak kum	'песок песок'	кумъ	'песок'
курташ каракурташ	'свиное свиное'	korgaschin	'свиное'	kara-korgoldschin	'свиное'	кара-Корташъ	'свиное'
куык	'пузырь'	kok	'пузырь'	kuuk	'пузырь'	Куокъ	'пузырь'
кутак, ир-атнын ...	'мужской детородны...	kutak	'мужской половой о...	kodok kutak	'мужской половой о...	кутакъ	'мужской детородны...
казан	'котел'	kazan	'котел'	kazan	'котел'	Казань	'котел'
койрык	'хвост'	kujurjuk	'хвост'	kujurjuk	'хвост'	Куирукъ	'хвост'
курер	'увидит'	kurden kurer juk k...	'увидит не видел н...	kurer kurmies-men k...	'увидит (я) увидел...	Куремань Куримань	'видеть, вику не в...
кече кечене	'маленький маленьк...	kitschu	'маленький'	kitschu kitschkina	'малый маленький'	Кокене	'малый, маленький'
кырык	'сорок'	kyryk	'сорок'	kyryk	'сорок'	Керкъ	'сорок'

Рис. 11. Надёжный ряд [k] — [k] — [k] — [k]
[Fig. 11. Reliable range [k] — [k] — [k] — [k]]

¹ В таблице последовательность подачи материала следующая: в первом столбце представлены слова татарского литературного языка. Второй столбец — словарь Г. Ф. Миллера (1756); третий

столбец — словарь Г. Ф. Миллера (1759); четвертый столбец — словарь Г. Ф. Миллера (1791); рядом даются переводы на русский язык.

[ɛ]		[ɛ]		[ɛ]		[ɛ]	
иртэн	'утром'	erten erte ertiä	'утро утро утро'	irte erten	'утро утром'	Ирта	'утро'
ишек	'дверь'	eshik (itmiak)	'дверь' 'хлеб'	ischik	'дверь'	Ишекъ	'дверь'
исәйдем	'насытился'			isjedm	'насытился'	Итмякъ	'хлеб'
исерде	'напился'			itschedm itscher i...	'напился напьется ...		

Рис. 12. Соответствие [e] — [i]
[Fig. 12. Correspondence pattern [e] — [i]]

борын	'нос'	burun murun	'нос нос'	mordu	'нос'	Бурынъ	'нос'
бозау	'тенок'	busau busuu	'тенок тенок'	bozou	'тенок'	Бузау	'тенок'

Рис. 13. Сохранение архаичных [u] — [o]
[Fig. 13. Preservation of the archaic [u] — [o]]

[i]		[i]		[u]		[ə]	
(берсекән берсе кә...	'послезавтра после...	birsy kün basa kün	'послезавтра после...	biürsugun birs-i-ku...	'послезавтра после...	Бирзакунъ	'послезавтра'
сары туфрақ сары	'желтая почва желт...	fary-balyk	'осетр'	saru-balyk	'осетр'	Бекра	'осетр'
утырдым	'сел'	sary utyrdym	'желтый' 'сел'	saru dobrjak saru olturadym	'желтая почва желт...		
сарык	'овца'			odun otun	'дрова дрова'	Отанъ	'дрова'
		jily	'теплый'	jilu julu	'теплый теплый'	Саракъ	'овца'

Рис. 14. Соответствие [i] ~ [u]
[Fig. 14. Correspondence pattern [i] ~ [u]]

[z]		[s]		[z]		?	
бозау	'тенок'	busau busuu	'тенок тенок'	bozou	'тенок'	(Бузау)	'тенок'
кузы	'ягненок'	koosy koosu	'ягненок ягненок'	koozy	'ягненок'		
кызыл	'красный'	kysyl	'красный'	kyzyl	'красный'		

Рис. 15. Соответствие [s] ~ [z]
[Fig. 15. Correspondence pattern [s] ~ [z]]

[j]		[j]		[j]		[j]	
янгыр	'дождь'	jangur jangyr	'дождь дождь'	jangur jangwur	'дождь дождь'	Янгуръ	'дождь'
яшен	'молния'	jaschilb jaaschin	'молния молния'	jäschilt	'молния'	Яшимъ	'молния'
йомуртка	'яйцо'	jomurtka	'яйцо'	jamurtka	'яйцо'	Имурткагъ	'яйцо'
яшел	'зеленый'	jaschil	'зеленый'	jaschil	'зеленый'	Яшель	'зеленый'
яркәнат	'летучая мышь'	janganat	'летучая мышь'	janganat	'летучая мышь'		
якты	'светлый'			jeryk jaryk	'светлый светлый'		
ярты кән арты тән	'полдень полночь'	jily	'теплый'	jilu julu	'теплый теплый'		
якшәмбе	'воскресенье'	jarymkun	'полдень'				
еш	'лес'	jek-schambe	'воскресенье'				
йөрер	'ходит'	jisch	'лес'				
		jueger	'ходит'				
[j]		[j]		[j]		[dʒ]	
ел	'год'	jill	'год'	jill	'год'	Джилль	'год'
юл	'дорога'	jel jol	'ветер дорога'	jol sjel kyn	'дорога ветренный д...	Джоль джасишь джил...	'дорога светлый е...
		jetmysch jette jet...	'семьдесят семь се...	jetton jetim jetti...	'семьдесят семьдес...	Джидмыш Джиде	'семьдесят семь'
еләп торам елыйм...	'плакал плачу'	jurjak	'сердце'			Джуракъ	'сердце'
						Джиллименъ	'плачу'

Рис. 16. Соответствие [j] ~ [dʒ]
[Fig. 16. Correspondence pattern [j] ~ [dʒ]]

5. Выводы

На основании проведенного анализа по уточнению фонетической и фонологической транскрипции и обсчету регулярных соответствий слов в трех словарях, связанных между собой этимологиями, выявлена этимологико-фонетическая близость лексем.

В результате их обработки с помощью специальной сравнительно-исторической программы по фонетическо-этимологическим критериям было установлено, что рас-

стояние словарей от современного татарского языка различно (рис. 20).

На рис. 20 видно, что расстояние между рукописными словарями на латинской графике (513 g1, 513 g2) и современным татарским языком небольшое, чем между словарем 1791 г. на кириллице и современным татарским языком.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ на платформе LingvoDoc словарей Г. Ф. Миллера позволил установить:

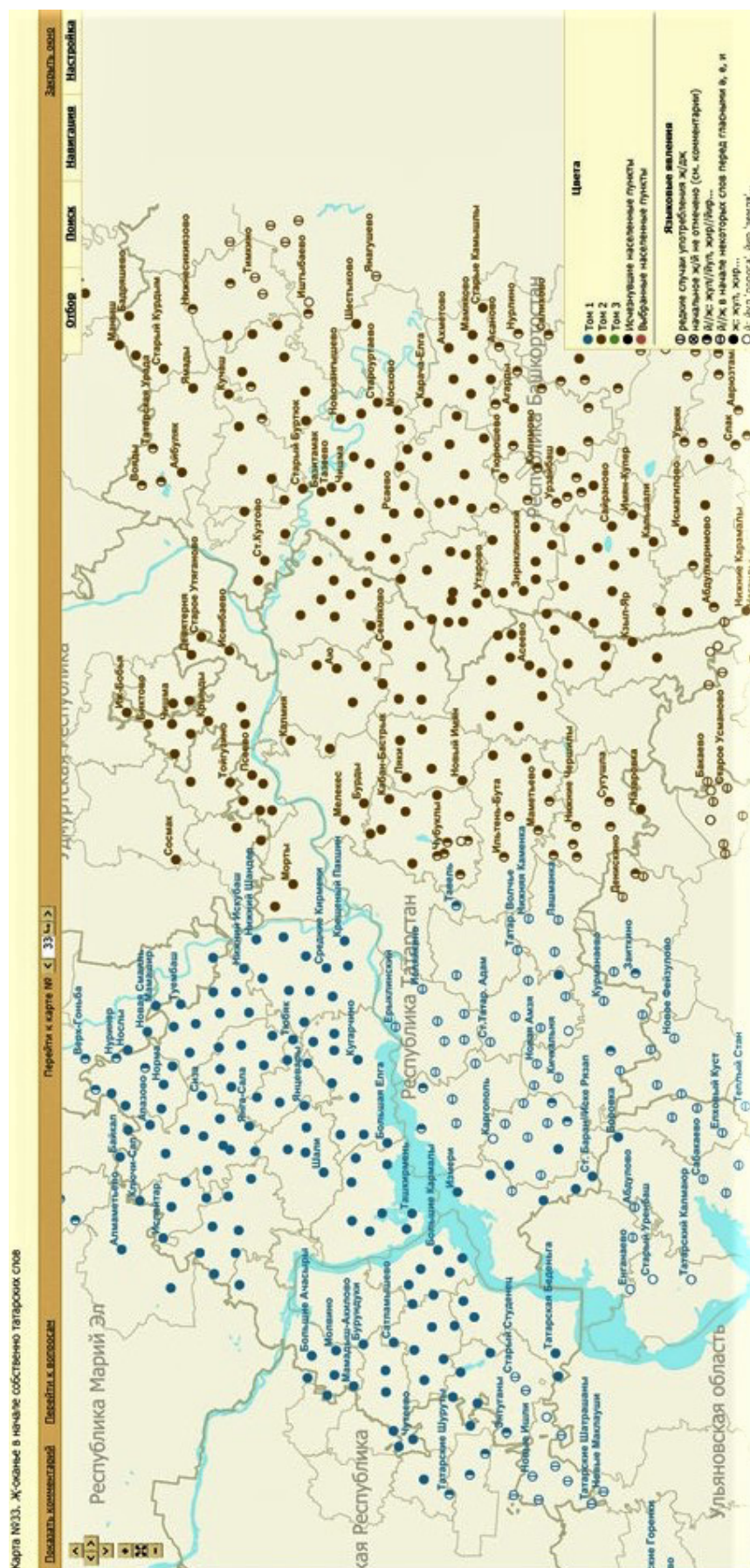

Рис. 17. Атлас татарских народных говоров, карта № 33 [Атлас]
[Fig. 17. Atlas of Tatar Dialects [and Subdialects], map no. 33]

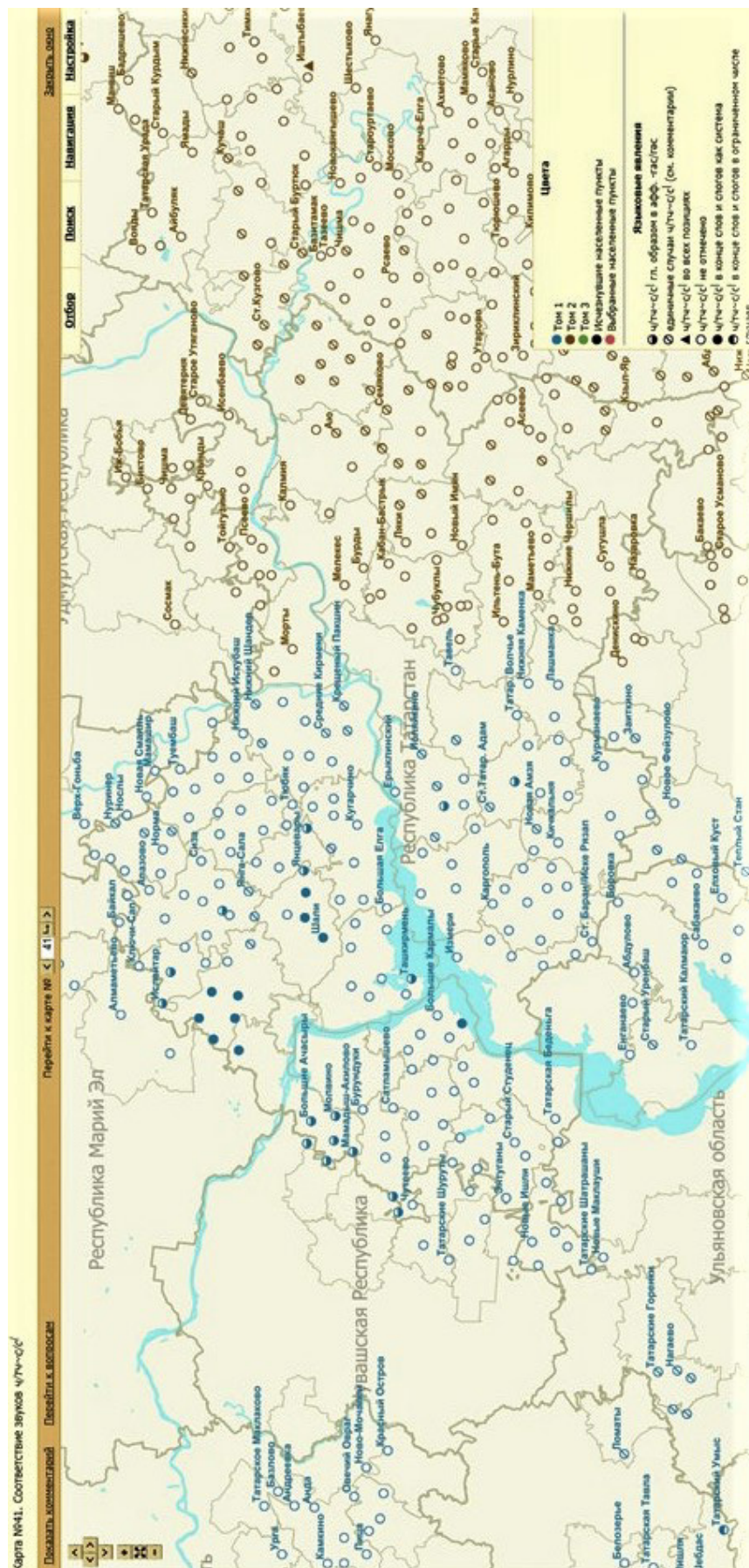

Рис. 19. Атлас татарских народных говоров, карта № 41 [Атлас]
[Fig. 19. Atlas of Tatar Dialects [and Subdialects], map no. 41]

?	[ʃ]	[ʃ]	[ss]
(ач ачыкты)	'голодный голодный' atsch asch tschatsch bitschen	'голодный голодный' (aschtap aschtady) 'волосы' 'сено'	'голодный голодный' Ассь Чассь (Псиень)
(атау)	'холм' kitschi tau	'холм' kitschu-tau	'волосы' 'сено'

Рис. 18. Соответствие [s] ~ [ch]
[Fig. 18. Correspondence pattern [s] ~ [ch]]

1) по полученным данным имеется возможность датировать те или фонетические процессы. Все процессы перехода в области согласных в рассматриваемых диалектах татарского языка к XVIII в. уже завершились;

2) согласно материалам словарей, переходом гласных в XVIII в. не для всех гласных не произошел: для [o] и [u] данный процесс даже не начался;

3) в XVIII в. в татарском языке уже оформились диалектные зоны (в нашем случае диалектные признаки говоров Приуралья уже представлены в словаре Г. Ф. Миллера 1791 г., на что указывает соответствие [с] ~ [ч], соответствие [й] ~ [ж] этому не противоречит); также имеют место нарушения рядной гармонии;

4) на основе анализа выявлено, что кириллический вариант (1791) отлича-

ется от современного татарского языка и латинских вариантов словарей; диалект который зафиксирован в указанном словаре, претерпел изменения, близкие говорам Приуралья, в особенности пермскому говору. По полученным данным видно, что говоры Приуралья практически не изменились на протяжении последних 250 лет, поскольку в словаре представлены материалы, существенно не отличающиеся от пермского говора современного татарского языка;

5) сопоставление систем гласных и согласных рукописных словарей на латинской графике с диалектами татарского языка показывает, что в этих словарях была представлена практически идентичная современному татарскому литературному языку фонетическая система.

Литература

- Атлас — Атлас татарских народных говоров [электронный ресурс] // URL: <https://atlas.antat.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).
- Баязитова 1986 — Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 247 с.
- Георги 1799 — Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. II. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. 178 с.
- Описания 1756 — Описания трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, июль 1756 г. СПб.: Имп. Акад. наук, 1756. С. 33–64.
- Кириллические памятники 2022 — Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. 1. Графико-фонетические особенности книг XIX в. М.: Альма-Матер, 2022. 553 с.

References

- Atlas of Tatar Dialects [and Subdialects]. Available at: <https://atlas.antat.ru/> (accessed: 10 December 2023). (In Tat. and Russ.)
- Bayazitova F. S. Subdialects of Kryashen Tatar: A Comparative Perspective. Moscow: Nauka, 1986. 247 p. (In Russ.)
- Georgi J. G. Description of All Peoples Inhabiting the Russian State, Their Rites, Faiths, Customs, Dwellings, Garments and Other Aspects of Life. Pt. 2: About Tatars and Other Unidentified Siberian Northerners. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. 178 p. (In Russ.)
- Müller G. F. Descriptions of three pagan peoples inhabiting Kazan Governorate, namely the Cheremis, the Chuvash, and the Votyak. *Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie*. 1756, July. Pp. 33–64. (In Russ.)
- Normanskaya Yu. V. (ed.) Cyrillic Texts in Uralic and Altaic Languages. Vol. 1: Graphophonetic Features of Nineteenth-Century Books. Moscow: Alma-Mater, 2022. 553 p. (In Russ.)

Минимальное связующее дерево (встраивание относительного расстояния в 3d)

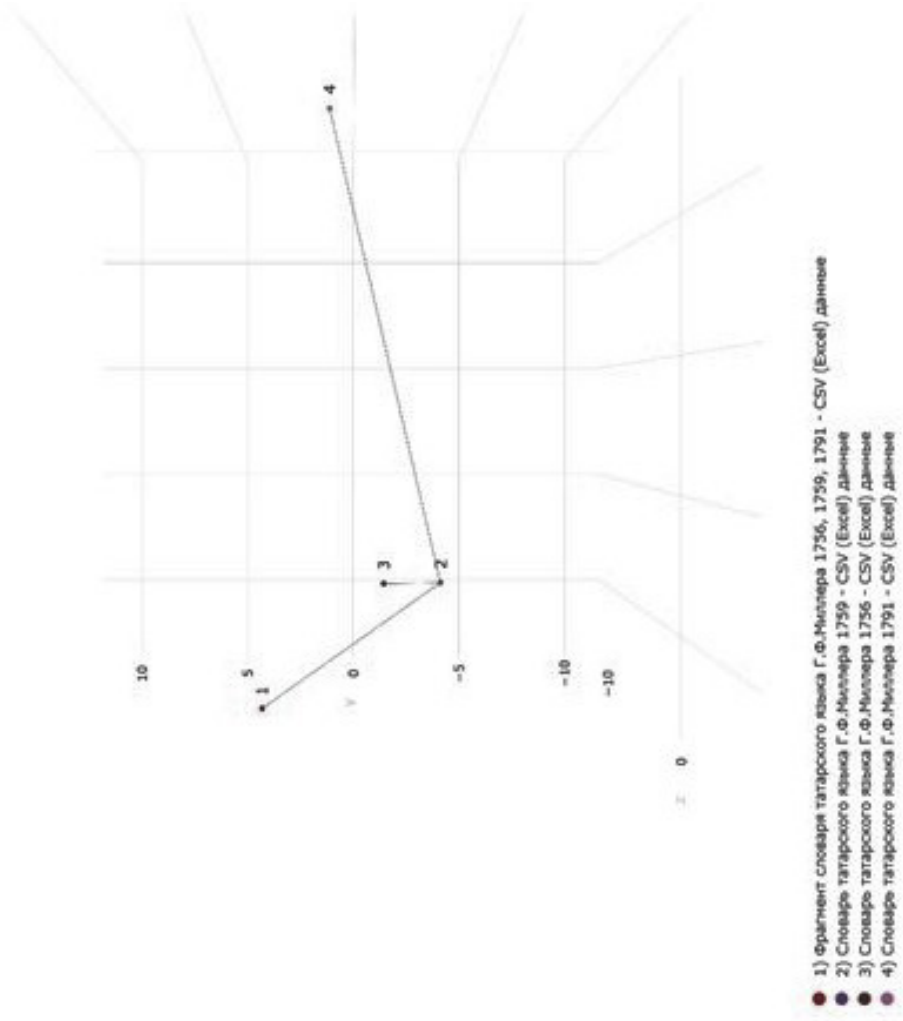

Рис. 20. Близость / дальность словарей Г. Ф. Миллера
[Fig. 20. Müller’s Dictionary. Proximities and distances between editions]

- Кошелюк 2023 — *Кошелюк Н. А.* Чусовой словарь из архива Г. Ф. Миллера: особенности и его значение для классификации мансийских диалектов // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1309–1324. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1309-1324
- Махмутова 1978 — *Махмутова Л. Т.* Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). М.: Наука, 1978. 272 с.
- Миллер 1937 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1937. 608 с.
- Миллер 1791 — *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований ... СПб.: Имп. Акад. наук, 1791. 99, [2] с., [8] л.
- Норманская 2023 — *Норманская Ю. В.* Новые полевые и архивные данные к глоттохронологической классификации самодийских языков // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1343–1366. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1343-1366
- Норманская, Кошелюк 2020 — *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А.* Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект? // *Урало-алтайские исследования*. 2020. № 1(36). С. 92–100.
- Нуриева, Фахретдинова 2021 — *Нуриева Ф. Ш., Фахретдинова Г. Н.* Стихи и письма Якова Емельянова как источник для изучения языковой нормы татар-кряшен XIX века // *Урало-алтайские исследования*. 2021. № 4(43). С. 106–124. DOI: 10.37892/2500-2902-2021-43-4-106-124
- Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницами Всевысочайшей Особы (императрицей Екатериной II). В 2 тт. СПб.: Тип. Шнора, 1787. 423 с.
- Татар халык 2008 — *Татар халык сөйләшләре: ике китапта (= Татарские народные говоры: в 2 кн.).* Кит. 1: Беренче китап. Казан: Мәгариф, 2008. 461 б.
- Шапиро 1993 — *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ассоц. «Россия»; Культура, 1993. 761 с.
- Юсупов 2023 — *Юсупов Ф. Й.* Казан татарлары шивәсе (= Диалект казанских татар). Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. 993 б.
- Koshelyuk N. A. Dictionary of Chusovaya Mansi from G. F. Müller's archives: Its features and significance for Mansi dialect classification. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 5. Pp. 1309–1324. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1309-1324
- Makhmutova L. T. Mishar Tatar: A Turkic Dialectal Study. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.)
- Müller G. F. History of Siberia. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. Vol. 1. 608 p. (In Russ.)
- Müller G. F. Descriptions of Three Pagan Peoples Inhabiting Kazan Governorate, Namely the Cheremis, the Chuvash, and the Votyak, Supplemented with Reviews of Their Habitats, Political Formations, Physical and Spiritual Abilities. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1791. 99, [2], [8] p. (In Russ.)
- Normanskaya Yu. V. More on the glottochronological classification of the Samoyedic languages: New field and archival data. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 5. Pp. 1343–1366. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1343-1366
- Normanskaya Yu. V., Koshelyuk N. A. The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas — an earlier unknown Mansi dialect? *Ural-Altaic Studies*. 2020. No. 1 (36). Pp. 92–100. (In Russ.) DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100
- Nurieva F. Sh., Fakhretdinova G. N. Using Yakov Emelyanov's poems and letters as a language norm for 19th century Kryashen Tatars. *Ural-Altaic Studies*. 2021. No. 4 (43). Pp. 106–124. (In Russ.) DOI: 10.37892/2500-2902-2021-43-4-106-123
- Pallas P. S. The Comparative Dictionary of All Languages and Dialects Collected by Order of Her Majesty [Catherine II of Russia]. In 2 vols. St. Petersburg: Schnor, 1787. 423 p. (In Russ., Latin., etc.)
- Bayazitova F. S. et al. Tatar Dialects [and Subdialects]. Vol. 1. Kazan: Magarif, 2008. 461 p. (In Tat.)
- Shapiro A. L. Russian Historiography: From Earliest Times to 1917. Coursebook. Second edition, rev. & suppl. Moscow: Rossiya, Kultura, 1993. 761 p. (In Russ.)
- Yusupov F. Y. Kazan Tatar. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2023. 993 p. (In Tat.)

- Nurieva et al. 2022 — Nurieva F. Sh., Galiullina G. R., Yusupov A. F. Research Perspectives on the Tatar language based on the LingvoDoc platform // Trudy ISP RAN/Proc. ISP RAS. 2022. Vol. 34. Iss. 6. Pp. 173–178. DOI: 10.15514/ISPRAS-2022-34(6)-13
- Strahlenberg 1730 — Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 p.
- Nurieva F. Sh., Galiullina G. R., Yusupov A. F. Research perspectives on the Tatar language based on the LingvoDoc platform. *Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS (Proceedings of ISP RAS)*. 2022. Vol. 34. No. 6. Pp. 173–178. (In Eng.) DOI: 10.15514/ISPRAS-2022-34(6)-13
- Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: Strahlenberg, 1730. 438 p. (In Germ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 212–230, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.554

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-212-230

Якутская лексика в живой речи современных тундровых юкагиров

Самона Николаевна Курилова¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского, 677013 Якутск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-0300-3771. E-mail: [samonakur\[at\]mail.ru](mailto:samonakur[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Курилова С. Н., 2025

Аннотация. *Введение.* Как и во многих других культурах, в условиях исторически сложившейся поликультурной и многоязычной среды, устная речь современных юкагиров включает исконный и иноязычный материал, что является требованием времени и необходимым условием развития языка. Лексическая система языка, формировавшаяся веками, несмотря на малочисленность носителей, подвергается постоянным изменениям за счет собственных и заимствованных ресурсов, через устную и книжно-письменную речь. *Цель* статьи заключается в анализе лексики якутского языка как одного из доминантных языков Якутии в разговорном тундровом юкагирском языке, который содержит также материал из чукотского, тунгусского и русского языков. *Материал* исследования составляют расшифровки аудиозаписей полевых материалов, таких как монологи и диалоги, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Опираясь на общие и специальные *методы* исследования, а также на имеющуюся базу иноязычных слов из книжно-письменных источников, автор дает качественную и количественную репрезентацию якутских слов в разговорной речи тундровых юкагиров и приходит к выводу, что якутский язык оказывает ощутимое влияние на тундровых юкагиров и выделяется в языковом репертуаре носителей. *Результаты.* Установлено, что якутский язык сохраняет роль языка-посредника, заключающуюся в использовании юкагирами русских слов, усвоенных через якутский, использовании якутских звуков для эффективной интеграции новых русских слов, частом использовании якутских служебных частей речи в виде союзов и частиц. Чуть менее половины якутизмов имеют русское происхождение и широко представлены в лексико-тематической классификации. В целом наиболее актуальными являются лексика, связанная с домом, а также служебные части речи. Около 40 % якутизмов подтвердили или получили статус укоренившихся заимствований на основе частотности, причем иноязычность некоторых из них не ощущается носителями. Как и в письменных источниках, в образцах устной речи вариативность якутских слов отмечается даже в речи одного носителя, что свидетельствует о продолжающихся процессах интеграции и частотности их употребления. Уникальность исчезающего юкагирского языка заключается в его жизнеспособности при активном обогащении словарного фонда и творческой стратегии его носителей сделать свою речь более выразительной.

Ключевые слова: юкагирский язык, якутский язык, русский язык, полилингв, языковой репертуар, живая речь, лексика, иноязычное слово, заимствование, окказионализм, прямой и опосредованный перенос, тематическая классификация, части речи, статус, вариативность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (№ 25-78-30006).

Для цитирования: Курилова С.Н. Якутская лексика в живой речи современных тундровых юкагиrow // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 1. С. 212–230. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-212-230

Yakut Lexemes in Modern Spoken Tundra Yukaghir

Samona N. Kurilova¹

¹ Ammosov Northern-Eastern Federal University (42, Kulakovsky St., 677013 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

0000-0002-0300-3771. E-mail: samonakur[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Kurilova S. N., 2025

Abstract. Introduction. Like in many other cultures, the historically multicultural and multilingual environment entails that the oral speech of modern Yukaghirs tends to comprise native and foreign-language material, which is required by the moment and necessary for language development. Despite the small number of speakers, the centuries-old lexical system experiences constant changes manifested in its own and borrowed resources, through oral and book-written narratives. **Goals.** The article attempts an analysis of Yakut borrowings — the Yakut language being the dominant one across Yakutia — in colloquial Tundra Yukaghir, which also contains elements borrowed from Chukchi, Tungusic and Russian. **Materials and methods.** The study focuses on transcripts of original audio recordings, such as monologues and dialogues, some of which be newly introduced into scientific circulation. The paper employs a variety of general and special research methods, addresses the available base of foreign-language words from book-written sources to give a qualitative/quantitative representation of Yakut borrowings in colloquial Tundra Yukaghir, and resume Yakut does have most essential impacts on the specified speakers' repertoire. **Results.** It has been established that Yakut retains the role of an intermediary language: Yukaghirs tend to absorb Russian words through Yakut, use Yakut sounds for the efficient integration of newly borrowed Russian lexemes, frequently employ Yakut function words (conjunctions and particles). So, slightly less than half of Yakut loanwords prove to be of Russian origin and are widely represented both lexically and thematically. In general, the most relevant lexemes are ones related to home and function words. Ca. 40% of Yakutisms have confirmed or received the status of 'rooted' borrowings on the basis of their high frequency, and their 'foreignness' often stays virtually unmentioned by the speakers. Like in written sources, oral speech patterns are distinguished by variability of Yakut words even for a single speaker, which testifies to the ongoing processes of integration and frequency of their use. The uniqueness of the disappearing Yukaghir language lies in its vitality paralleled by the active enrichment of its vocabulary and the creative strategy of its speakers seeking to make their speech more expressive.

Keywords: Tundra Yukaghir, Yakut, Russian, multilinguals, language repertoire, oral speech, lexicon, borrowing, direct and indirect transfer, thematic classification, parts of speech, status, variability

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-78-30006 'Languages and Cultures of Russia's North and Arctic: Comprehensive Social and Humanities Research (Big Data Analysis)'.

For citation: Kurilova S. N. Yakut Lexemes in Modern Spoken Tundra Yukaghir. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 212–230. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-212-230

1. Введение

Юкагирская культура представляет собой одну из древних и загадочных культур северо-востока Азии, решению дискуссионных вопросов по этногенезу которых сегодня в науке отведено отдельное направление «юкагирская проблема», что важно для реконструкции этнической истории северо-восточной части России и более полного представления процессов этногенеза многих других народов Сибири [Гребенюк, Федорченко 2018: 331–333; Акимова и др. 2021: 5–27]. В лингвистике исследователей также заботят вопросы становления юкагирского языка в свете теории языковых контактов [Крейнович 1958: 221; Крейнович 1982: 5; Николаева 1988: 3–6; Николаева, Хелимский 1997: 155; Немировский 2017: 64–66; и др.] и в частности через призму лексических заимствований [Крейнович 1968: 451; Курилов 2003: 234; Бурыкин 2003: 169; Курилова 2022: 36; и др.].

Иноязычная лексика, как одна из самых репрезентативных последствий взаимодействия культур, отражает отношения между народами в разные периоды их истории, поэтому изучение лексических заимствований имеет существенное значение для развития сравнительно-исторического языкознания и общей лингвистики [Haspelmath 2009: 36]. Осознавая важность и перспективность изучения «своего и чужого» для истории народов и их культур, с 2015 г. началась активная работа по созданию базы данных иноязычной лексики в языке тундровых юкагиров [ЭБДЗ¹]. И если на первых этапах материалом для этой базы послужили главным образом письменные источники (словари, разговорники, фольклорные и художественные произведения, учебные пособия, труды по языку, истории и культуре юкагиров), то сегодня ее пополнение происходит за счет корпуса живой речи. В формируемом нами сегодня корпусе образцов живой речи тундрового юкагирского языка содержатся материалы из корякского, чукотского, тунгус-

ских (эвенизмы и эвенкизмы), якутского и русского языков (включая из русских старожильческих говоров) [Курилова 2015: 332]. Вслед за рядом исследователей, на основании частотности (употребительности, распространенности), включенности в систему принимающего языка и ряда других критериев выявленная инолексика представлена собственно заимствованиями, лексическими переносами и окказионализмами [Ефремов 1959: 18; Крысин 1968: 18, 42; Muysken 2000: 4, 32, 60; Auer, Eastman 2010: 86; и др.]. Данные понятия нами представляются как процесс и результат в схеме эволюции иноязычного слова от случайного вхождения (как явление переключения кодов) до укорененного [Myers-Scotton 1997: 206; Auer 1999: 309; и др.]. Промежуточное положение занимают лексические переносы, которыми мы обозначаем, с одной стороны, лексические единицы, употребляемые с переменной частотностью носителями в устной речи, но не принятые системой принимающегося языка (так называемые иностранные слова), а с другой — любые иноязычные слова независимо от их статуса в качестве общего термина.

Состав иноязычной лексики тундровых юкагиров в базах данных книжно-письменных источников и образцов устной речи в целом схож в плане представленности языками, однако инициативная роль между мажоритарными государственными языками, актуальными после родного (этнического) различна. Если для письменной речи востребованным языком мы определенно можем назвать государствообразующий русский, то для устной таковым оказывается региональный якутский, что проявляется не столько наличием достаточного количества употребляемых якутских лексических переносов, сколько значительным их проявлением в совокупности с другими контактными явлениями, как, например, переключение и смешение кодов [Backus, Dorlejn 2009: 78; Gardner-Chloros 2009: 31; Nivens 2002: 6; Poplack 1988: 50; и др.]. Конверсионный анализ живой юкагирской речи показал,

¹ См. подробнее: [Курилова 2015: 359–381].

что юкагиры-полилингвы охотнее переключаются на якутский язык в диалогическом единстве, на уровне высказываний, чаще используют различные вкрапления, островные и гибридные фрагменты из якутского языка, прибегают к знаковому переключению, выражаемому через употребление различных якутских тэгов, модальных слов и частиц. Но именно лексика как наиболее подвижная и постоянно обновляющаяся часть языка активно отражает изменения и предпочтения, происходящие в одной культуре под влиянием другой / других.

2. Материалы

Эмпирической основой исследования в данной статье послужили полевые материалы автора 2011–2012 гг., представляющие собой расшифрованные аудиозаписи монологического и диалогического характера общей длительностью чуть более 1,45 часов, авторами которых выступили девять тундровых юкагиров. Монолог самой старшей информантки 1938 г. р. [ПМА: Инф. 1], говорящей на родном юкагирском, а также якутском и русском, состоит из трех отдельных обращений и песни к конкретному человеку, с которым ее связывают давние теплые дружественные отношения. Автором второго блока монологов является информантка 1941 г. р. [ПМА: Инф. 2], языковой репертуар которой составляют родной юкагирский, а также эвенский, якутский и русский. В своих девяти отдельных рассказах она делится воспоминаниями о жизни и быте юкагиров, забавных и необычных случаях, имевшим место с ней и родными, нелегком труде оленеводов, некоторых поведении и обычаях. Транскрипты четырех записей третьей информантки 1945 г. р. [ПМА: Инф. 3], владеющей родным юкагирским, а также якутским и русским, содержат повествования о памятных событиях прошлого, кочевках и промысле в тундре, о своих детях и родном поселке. Три коротких монолога даны родными сестрами 1946 г. р. [ПМА: Инф. 4] и 1950 г. р. [ПМА: Инф. 5] и братом 1960 г. р. [ПМА: Инф. 9], в которых они рассказывают о себе, своих родителях и семьях, о жизни в тундре, экологии. Особую ценность для нас имеют два диалога — в

первом происходит общение между родными братом 1949 г. р. [ПМА: Инф. 7] и сестрой 1941 г. р. [ПМА: Инф. 2], являющейся также автором вышеприведенного второго блока монологов, во втором — беседа двоюродных братьев 1952 г. р. [ПМА: Инф. 8] и 1955 г. р. [ПМА: Инф. 6] о жизни и ведении хозяйства в тундре. В целом все анализируемые записи равноценны по своему содержанию (биографичны) и относительно произвольны по своему характеру (отсутствие определенной тематики и регламента), что позволяет нам получить более полное представление о степени частотности и функциональном статусе инолексем в живой юкагирской речи в целом, а также определить степень актуальности как тематической сферы употребления инолексем, так и одного из неэтнических языков репертуара юкагиров-полилингвов после этнического.

На каждом из этапов анализа материала и целевых лексических единиц мы обращались к эмпирическим методам направленной выборки, наблюдения и лингвистического описания, систематизации и классификации, а также статистики.

3. Результаты исследования

Ввиду того, что в тундровом юкагирском языке якутизмы могут быть собственно якутского, а также русского происхождения с соответствующими якутскими ассимилятивными характеристиками, мы предлагаем рассматривать их по отдельности.

3.1. Якутизмы genuinного происхождения

В наших материалах живой речи тундровых юкагиров зарегистрировано 39 лексем якутского происхождения, отнесенных к шести лексико-тематическим группам и пяти лексико-морфологическим группам.

– «Государство и политика»: юк. *мунньах* ‘собрание’ < як. *мунньах* ‘собрание, сбор, совет, сход; совещание, заседание’ [СЯЯ, 2 1959: 1622; ЯРС 1972: 244; СТБУТ 2009: 339];

– «Фауна»: юк. *обус* ‘бык’ < як. *обус* ‘самец крупного рогатого скота, бык; бычий’ [ЯРС 1972: 266; СТБУТ 2010: 218];

– «Транспорт»: юк. *аал* ‘плот’ < як. *аал* ‘плот; всякое плавучее сооружение (судно, баржа, паузок и т. д.)’ [ЯРС 1972: 23; СТБУТ 2004: 134];

– «Сооружения и их части»: юк. *баџана* ‘столб’ < як. *баџана* ‘небольшое бревно, забитое стоймя в землю, столб; столбы, на которых держится каркас юрты; опора, основание чего-л.; бревенчатый’ [ЯРС 1968: 620; ЯРС 1972: 58; СТБУТ 2005: 106];

– «Дом и связанные с ним понятия»: юк. *оһуох* ‘печка’ < як. *оһох* ‘очаг, камин, камелек; печь, печка’ [ЯРС 1968: 421; ЯРС 1972: 279; СТБУТ 2010: 358]; юк. *туннук* ‘окно’ < як. *туннук* ‘окно, окошко’ [СЯЯ, 3 1959: 2894; ЯРС 1972: 412; СТБУТ 2014: 252];

– «Разное»: юк. *акаары* ‘дурак’ < як. *акаары* ‘глупец, дурак; глупый, бестолковый, придурковатый; непродуманный, необдуманый’ [СТБУТ 2004: 372]; юк. *арџаа* ‘запад’ < як. *арџаа* ‘запад, западная сторона; зад, задняя сторона, спина; тыл’ [СЯЯ, 1 1959: 142; ЯРС 1972: 46; СТБУТ 2004: 546]; юк. *эрэй* ‘мучение’ < як. *эрэй* ‘страдание, мучение, мука, беда, несчастье; затруднение, беспокойство; тяжелый, напряженный труд, отнимающий много сил, энергии’ [ЯРС 1972: 546; СТБУТ 2018: 341].

Довольно разнообразно представлена якутская генуинная лексика единицами из других классов слов (около 57 %):

– «Местоимения»: указательное юк. *ити* ‘этот, эта, это (для указания на предмет, находящийся вблизи кого-чего-л.)’ < як. *ити* ‘вон этот, вон это, вот это самое’ [ЯРС 1972: 157; СТБУТ 2006: 780; ГСЯЛЯ 1982: 191]; вопросительное юк. *ким* ‘кто’ < як. *ким* ‘кто’ [ЯРС 1972: 166; СТБУТ 2007: 115; ГСЯЛЯ 1982: 197]; определительное юк. *маннык* ‘вот так, таким образом’ < як. *маннык* ‘(вот) такой, как вон тот, точно такой, подобный; так’ [ЯРС 1972: 235; СТБУТ 2009: 218; ГСЯЛЯ 1982: 195]; неопределенное юк. *хаһан эрэ* ‘некогда в прошлом, когда-нибудь, когда-то, неизвестно когда в будущем, еще нескоро’ < як. *хаһан эрэ* ‘когда-то’ [ЯРС 1972: 487; СТБУТ 2016: 431; ГСЯЛЯ 1982: 200];

– «Глаголы»: юк. *анаан* ‘очень, чрезмерно, слишком’ < як. *анаа* ‘(пред)назначать(ся), (пред)определять(ся); предписы-

ваться; быть назначенным, определенным; завещать, посвящать, адресовать; выделять, оставлять, предназначать определенную долю; выделенный’ [СЯЯ, 1 1959: 102; ЯРС 1972: 41; СТБУТ 2004: 459];

– «Наречия»: юк. *алыс* ‘очень’ < як. диал. *алыс*, лит. *олус* ‘очень, весьма, излишне, более того, чересчур, слишком, шибко; чрезвычайно, необыкновенно; чрезвычайный, исключительный’ [СЯЯ, 1 1959: 88; ЯРС 1972: 271; СТБУТ 2004: 441; СТБУТ 2010: 278]; юк. *букатин* ~ *букатын* ‘совсем, совершенно’ < як. *букатын*, *бугатын* ‘совсем, вовсе, совершенно’ [СЯЯ, 1 1959: 538; ЯРС 1972: 80; СТБУТ 2005: 483]; юк. *наар* ‘всегда’ < як. *наар* ‘все время, постоянно, всегда; чрезмерно, слишком, чересчур’ [СЯЯ, 2 1959: 1680; ЯРС 1972: 250; СТБУТ 2009: 430].

– «Служебные части речи»:

• послелоги: юк. *курдук* ‘как’ < як. *курдук* ‘как, подобно’ [ГСЯЛЯ 1982: 416, 421]; юк. *туохарэ* ‘в течении, на протяжении’ < як. *тухары* ‘в течение, на протяжении, за, до того, что’ [СТБУТ 2014: 231; ГСЯЛЯ 1982: 417, 422]; юк. *устахан* ‘потихоньку на протяжении чего-л.’ < як. *устунан* ‘вдоль, по; к; следом за чем-л., постепенно, потихоньку’ [ЯРС 1972: 443; СТБУТ 2015: 284];

• союзы сочинительные: противительный юк. *буоллар* ‘а’ < як. *буоллар* ‘а, но’; соединительно-временной юк. *да* ‘то’ < як. *да* ‘и, и затем, и сразу’ [СТБУТ 2006: 61; ГСЯЛЯ 1982: 474], юк. *буолаџана* ~ *буолланэ* < як. *буолаџына* ‘а, если; в то время как; но, наоборот, напротив’ [СТБУТ 2005: 529]; разделительно-перечислительный юк. *дуо* ‘или, то ли’ < як. *дуо* ~ *дуу* ‘или, то ли’ [СТБУТ 2006: 185, 198; ГСЯЛЯ 1982: 440, 474];

• союз противительный: юк. *хата* ~ *хайта* ~ *хатэ* ‘но, однако’ < як. *хата* ‘напротив, наоборот’ [СТБУТ 2016: 446];

• модальные частицы: выделительные частицы с различными субъективно-эмоциональными оттенками: юк. *аџай* ‘чуть, немного’ < як. *аџай* ‘чуть, немного, несколько’ [ЯРС 1972: 30; СТБУТ 2004: 255; ГСЯЛЯ 1982: 443, 446], *аџыйахта* ‘малочисленно, незначительно; несколько (незначительное количество) раз’ [ЯРС

1972: 31; СТБУТ 2004: 266; ГСЯЛЯ 1982: 443, 446], юк. *буолла* ‘ведь, же’ < як. *буолла* ‘ведь, же; интересно’ [СТБУТ 2005: 523], юк. *буоллаба* ‘же’ < як. *буоллаба* ‘ведь, же’ [СТБУТ 2005: 524], *да‘и’* < як. *да‘и*, ‘очень, так’ [СТБУТ 2006: 59; ГСЯЛЯ 1982: 443], юк. *да* ~ *дэ* ~ *та* ‘и, же, -то’ < як. *да* ‘и, ну’ [СТБУТ 2006: 59; ГСЯЛЯ 1982: 440, 446, 448], юк. *даҕаны* ‘слишком; же’ < як. *даҕаны* ‘очень, же’ [СТБУТ 2006: 80; ГСЯЛЯ 1982: 443], юк. *дьэ* ‘ну вот’ < як. *дьэ* ‘наконец(-то); ну’ [СЯЯ, 1 1959: 803; ЯРС 1972: 137]; частицы, выражающие предположение с оттенком сомнения, неуверенности, вероятности, допустимости высказываемой мысли: юк. *быһылаах* ‘видимо’ < як. *быһылаах* ‘видно, видимо, видать, по-видимому, кажется, очевидно’ [ЯРС 1972: 96; СТБУТ 2005: 778; ГСЯЛЯ 1982: 439]; частицы, выражающие эмоциональное утверждение: юк. *буолумуна* ‘конечно’ < як. *буолумуна* ‘конечно’ [ЯРС 1972: 84; СТБУТ 2005: 532; ГСЯЛЯ 1982: 446];

– «Сентиметивные части речи»:

- модальные слова, выражающие: внезапность, неожиданность, динамичность: юк. *арэй* ~ *арай* ‘значит, вот; и вдруг, оказывается’ < як. *арай* ‘только, лишь, разве только, едва; а, и, но; (и) вдруг, (и) вот, оказывается; разве’ [СЯЯ, 1 1959: 129; ЯРС 1972: 44; СТБУТ 2004: 523], юк. *хата* ~ *хатэ* ‘(уж) лучше; а вот; разве; хорошо, что’ < як. *хата* ‘наоборот, а впрочем; как (хорошо)’ [СЯЯ, 3 1959: 3395; ЯРС 1972: 488; СТБУТ 2016: 445]; вероятность, сомнение, предположение: юк. *баҕар* ‘может быть, возможно’ < як. *баҕар* (*баҕардар*) ‘может (быть), возможно; допустим, предположим; например, к примеру; пусть, хоть, даже’ [ЯРС 1972: 58; СТБУТ 2005: 108; ГСЯЛЯ 1982: 453]; отношение к высказываемой мысли с оттенками одобрения или неодобрения: юк. *синь* ‘все равно, все-таки’ < як. *син* ‘все равно, все одно; все-таки, все же; безразлично; довольно, достаточно’ [СЯЯ, 2 1959: 2229; ЯРС 1972: 324; СТБУТ 2011: 410];
- междометия: юк. *иэдээн* ‘неприятность, беда’ < як. *иэдээн* ‘беспокойство, тревога; неприятность; беда; суматоха, суета, спешка’ [ЯРС 1972: 159; СТБУТ 2006: 817; ГСЯЛЯ 1982: 391].

В сравнении с лексикой русского происхождения частеречный состав якутской генуинной лексики в живой речи юкагиров представлен более шире и разнообразнее, в частности служебными и сентиментивными частями речи, преимущественной сферой употребления которых является именно устная разговорная речь, ввиду их тесной связи с прагматической установкой высказывания [Martas 2009: 193]. Юкагиры-полилингвы особенно активно используют в общении между собой якутские модальные частицы, а многие модальные слова давно укоренились в юкагирском активном словаре (*арай*, *синь*, *хата*).

3.2. Якутизмы русского происхождения

В живой речи тундровых юкагиров чуть меньше половины от общего числа якутизмов составляют слова русского происхождения. В нашем материале исследования обнаружено 33 русизма, попавшие в юкагирский язык через посредство якутского (адаптированные согласно правилам якутского языка¹ и сохранившие элементы этого процесса в юкагирском языке) и соотносимые по 16 лексико-тематическим и двум лексико-морфологическим группам.

– «Время»: юк. *баскыһыэнньэ* ‘воскресенье’ < як. *баскыһыанньа* [СТБУТ 2005: 239] < рус. воскресенье; юк. *субуота* ‘суббота’ < як. *собоута*, *субуота* [СЯЯ, 2 1959: 2257; ЯРС 1968: 625; СТБУТ 2012: 97] < рус. суббота.

– «Государство и политика»: юк. *паартийа* ‘партия’ < як. *баартыйа*, *баатыйа*, *паартыйа* [Слепцов 1975: 218] < рус. партия;

– «Общество и экономика»: юк. *наруот* ‘народ’ < як. *норуот* [СЯЯ, 2 1959: 1574; СТБУТ 2009: 476; Слепцов 1964: 65; Аникин 2003: 394] < рус. народ [Курилова 2022: 132]; юк. *пиэнсийа* < як. *пиэнсийэ*, *биэнсийэ* [Слепцов 1975: 218] < рус. пенсия [Курилова 2022: 136]; юк. *уотпуска* ‘отпуск’ < як. *уоптус* [СЯЯ, 3 1959: 3030], *уоптуска* [ЯРС 1968: 388; СТБУТ 2015: 206; Слепцов 1975: 216] < рус. отпуск [Курилова 2022: 162];

¹ См. подробно об адаптации русизмов в якутском языке: [Курилов 2003].

- «Религия»: юк. *аанньэл* ‘ангел’ < як. *аанньал* [РЯС 1968: 20; ЯРС 1972: 24] < рус. *ангел*;
- «Медицина»: юк. *бальнииса* < як. *баланыисса* [Слепцов 1964: 81, 178], *балнисса*, *баланыисса* [Слепцов 1975: 192] < рус. *больница* [Курилова 2022: 71, 141];
- «Просвещение»: юк. *клаас* ‘класс (в школе)’ < як. *акалās*, *кылās* ‘класс (покоса)’, *кылās* ‘определенная группа плательщиков подати; класс (в школе); классный’ [СЯЯ, 1 1959: 60; СЯЯ, 2 1959: 1382], *кылаас* ‘класс; классный’ [ЯРС 1972: 205; СТБУТ 2008: 208; Слепцов 1964: 25, 56, 137, 183; Слепцов 1975: 204] < рус. *класс*; юк. *искуола* ~ *оскуола* ‘школа’ < як. *ускуола*, *оскуола* [СЯЯ, 2 1959: 1883; СЯЯ, 3 1959: 3080; СТБУТ 2010: 347; Слепцов 1964: 56, 104, 185; Слепцов 1975: 167; Аникин 2003: 711] < рус. *школа* [Курилова 2022: 74, 143];
- «Сельское хозяйство»: юк. *стаада* ‘стадо’ < як. *ыстаада* ‘стадо’ [СТБУТ 2017: 508; Слепцов 1975: 231] < рус. *стадо*;
- «Фауна»: юк. *суокур* ‘щокур’ [Курилова 2022: 97] < як. *суокур* ‘сиг’ [СТСТД 2015: 254; СТБУТ 2012: 138] < рус. *щокур*;
- «Профессии и должности»: юк. *дириэктэр* ‘директор’ < як. *дириэктэр*, *дири(э)-хтиир* [Слепцов 1964: 105], *(д/дъ)ириэктэр* [Слепцов 1975: 179, 199] < рус. *директор* [Курилова 2022: 81, 146]; юк. *учуутал* ‘учитель (учительница)’ < як. *учуутал* ‘учитель (учительница), педагог, преподаватель’ [РЯС 1968: 675; СТБУТ 2015: 396] < рус. *учитель*;
- «Продукты питания и напитки»: юк. *алаады* ‘оладья, оладьи’ < як. *алаады* ‘оладья’ [СЯЯ, 1 1959: 63; ЯРС 1972: 36; СТБУТ 2004: 388; Слепцов 1964: 49, 74, 177] < рус. *оладьи*;
- «Дом и связанные с ним понятия»: юк. *кукууль* ‘спальный мешок’ < як. кол. *кукуул* ‘глухая доха с капюшоном, кухлянка’ < рус. *колым*; *кокуль* ‘капюшон кухлянки, парки и т.п.’, сев.-рус. *кокуль*, *куколь* ‘меховой капюшон верхней одежды (кухлянки, парки и т.п.)’ [Аникин 2003: 315]; диал. *кокуль* ‘капюшон кухлянки, парки и всякой верхней одежды; спальный мешок из оленьих шкур’, *кукуль* ‘спальный мешок’ [Зотов 2010: 222, 239; Курилова 2022: 152]; юк. *остуол* ‘стол’ < як. *остуол*, *устуол*, *остол*, *стуол* ‘стол; трапеза’ [СЯЯ, 2 1959: 3083; СЯЯ, 3 1959: 1889], *остуол*, *остоол* ‘стол’ [РЯС 1968: 620; СТБУТ 2010: 350; Слепцов 1964: 42, 97, 106, 185], *остуол* ‘стол; угощение’ [ЯРС 1972: 279] < рус. *стол* [Курилова 2022: 152]; юк. *сапыки* ‘сапоги’ < як. *саппаки*, *саппыгы*, *сапагы*, *сапыгы*, *сапыки* ‘сапоги’ [СЯЯ, 2 1959: 2090; ЯРС 1972: 316; СТБУТ 2011: 255; Слепцов 1964: 46, 88, 110] < рус. *сапоги* [Аникин 2003: 526; Курилова 2022: 158]; юк. *хобордох* ‘сковорода’ < як. *коборддох*, *хоборддох*, *хоморддох* [СЯЯ, 2 1959: 1117; СЯЯ, 3 1959: 3429], *хобордоох* [РЯС 1968: 579; ЯРС 1972: 429; СТБУТ 2016: 496] < рус. *сковорода* [Курилова 2022: 153];
- «Вещества и материалы»: юк. *баата* ‘ватный’ < як. *баата* ‘вата’ [Слепцов 1975: 193], ‘вата; ватный’ [ЯРС 1972: 57; СТБУТ 2005: 91] < рус. *вата* [Курилова 2022: 92, 148]; юк. *ньиит* ‘нитка’ < як. у.-янк. *ньиит*, *ньыит* ‘нить; фабричные нитки’ < рус. *нить* [Аникин 2003: 403; Курилова 2022: 162];
- «Искусство и развлечение»: юк. *бырааһыннык* ‘праздник’ < як. *бырааһыннык* ‘праздник’ [СЯЯ, 1 1959: 1998; РЯС 1968: 471; ЯРС 1972: 93; СТБУТ 2005: 721; Слепцов 1964: 51, 74, 81, 91, 119, 180] < рус. *праздник* [Курилова 2022: 114, 160];
- «Разное»: юк. *миэстэ* ‘место’ < як. *мйāстā* ‘место, занятое чем-либо пространство; ночлег, место, отдельный сверток, тюк; каждая из восьми частей расчлененной конской туши’ [СЯЯ, 2 1959: 1567], *миэстэ* ‘место’ [РЯС 1968: 275; Слепцов 1964: 78, 184; 1975: 180], ‘место; часть разделанной туши’ [ЯРС 1972: 240], ‘место; должность, вакансия; место проживания; часть художественного произведения, отрывок’ [СТБУТ 2009: 272] < рус. *место* [Курилова 2022: 161]; юк. *учаастак* ‘участок’ < як. *учаастак* [СТБУТ 2015: 393; Слепцов 1975: 176] < рус. *участок* ‘часть земли для ведения какой-либо деятельности’ [Курилова 2022: 134]; юк. *хаартыска* ‘фотография’ < як. *хаартыска* ‘карточка’ [РЯС 1968: 221; ЯРС 1972: 468], ‘фотоснимок, фотография’ [СТБУТ 2016: 133], *каатыска*, *хаартыска* ‘карточка, талоны; фотография, фотокарточка’ [Слепцов 1975: 239] < рус. *карточка* [Курилова 2022: 140].

В отличие от рассмотренных выше якутизмов генуинного происхождения, достаточно широко представленные как самостоятельными, так и служебными частями речи, все русизмы в свою очередь восходят к самостоятельным частям речи.

– «Прилагательные»: юк. *пенсионнай* ‘пенсионный фонд’ < як. *пенсионнай* ‘пенсионный’ [РЯС 1968: 404] < рус. *пенсионный*;

– «Глаголы»: юк. *кэнсиэртаа* = ‘давать концерт, выступать с концертом’ < як. *кэнсиэрдээ* ‘1) смотреть концерт, быть на концерте; 2) показывать концерт, быть участником концерта’ [СТБУТ 2008: 500] < рус. *концерт*; юк. *убаа* = ‘целовать’ < як. *убаастаа* ‘уважать’ [РЯС 1972: 429, 68; Слепцов 1975: 147] < рус. *уважать* [Курилова 2022: 167]; юк. *укуоллаа* = ‘ставить прививку’ < як. *укуоллаа* ‘ставить укол, вводить инъекцию’ [СТБУТ 2015: 111; СТСТД 2015: 341] < рус. *укол*; юк. *чаайдаа* = ‘пить чай’ < як. *чаайдаа* ~ *чэйдээ* ‘пить чай; пить за столом чай и есть’ [СТБУТ 2017: 70, 289; СТСТД 2015: 426] < рус. *чай*;

– «Наречия»: юк. *саамай* ~ *саамэй* ‘самый’ < як. *саамай* ‘самый’ [СЯЯ, 2 1959: 2060; РЯС 1968: 560; СТБУТ 2011: 76; Слепцов 1964: 65, 81, 120, 128, 130, 186], ‘самый, совершенно, абсолютно’ [РЯС 1972: 305] < рус. *самый* [Курилова 2022: 168].

Часть фиксируемых русизмов следует рассматривать скорее как прямые, а не опосредованные, на что указывают, с одной стороны, особенности их фонетической ассимиляции в сравнении с другими прямыми русизмами (долгота гласного звука, находящегося под ударением в языке-источнике, субституция нехарактерных для языка-реципиента звуков, приращение звуков в нехарактерных для языка-реципиента дифтонгах). К ним мы относим:

– «Административно-территориальные единицы»: юк. *посьюолак* ‘посёлок’ < рус. *посёлок* (ср. як. *посиэлак* [Слепцов 1975: 221]);

– «Техника и аппаратура»: юк. *радиуа* ‘радио’ < рус. *радио* (ср. як. *раадыйа*, *араадыйа*, *араадыйа* ‘радио’ [СТБУТ 2004: 510; Слепцов 1975: 224]);

– «Время»: юк. *чаас* ‘час’ < рус. *час* (ср. як. *чās* ‘час; часы’ [СЯЯ, 3 1959: 3586], *чаас*

‘час’ [РЯС 1968: 693], ‘час; время’ [РЯС 1972: 506]).

Собственно через якутизмы русского происхождения, а именно производные глаголы, в юкагирский проник продуктивный якутский аффикс *-лаа* и его фонетические варианты (*-даа* ~ *-дэ*, *-лаа*, *-наа*, *-таа* ~ *-тээ*), благодаря которым стала возможным интеграция напрямую других русских лексем (существительных, глаголов, междометий) по якутскому образцу как результат речетворческой деятельности юкагиров-полилингвов [ГСЯЛЯ 1982: 215; Курилова 2017: 115].

3.3. Особенности функционирования и статус якутизмов

По лексико-тематической значимости среди якутизмов выделяются слова, имеющие отношение к дому (около 8,5 %), так как данная группа бытовой лексики является особой частью языковой и этнической культуры народа, непосредственно участвующей в формировании языковой картины мира народа, а также раскрывающей специфику исторического прошлого двух народов и их отношений.

Мы не ставим в данной статье задачу рассмотрения ассимилятивных процессов, однако заметим, что менее половины якутизмов имеют русское происхождение (около 46 %) с характерными для языка-посредника ассимилятивными характеристиками на уровне фонетики (ср. як. *ааннал* < рус. *ангел*, як. *остуол* < рус. *стол*, як. *хаартыска* < рус. *карточка* и др.). Как следствие, наблюдаются две тенденции в механизмах интеграции инолексем под влиянием якутского. Во-первых, адаптации многих русских слов, переносимых напрямую, способствует якутский, которым тундровые юкагиры хорошо владеют и на котором предпочитают сегодня говорить чаще, чем на русском, например:

– юк. *буохалтэр* ср. як. *бубаалтыр* [СТСТД 2015: 64] < рус. *бухгалтер*;

– юк. *искиэмэ* < рус. *схема*, ср. як. *систимэ* < рус. *система* [СТСТД 2015: 241];

– юк. *нашилэ(й)* ~ *начишлэ* ср. як. *нэһишлэ* [СТСТД 2015: 190] < рус. *насилу*;

– юк. *осуотар* < рус. *осетр*, ср. як. *оһуобай* [СТСТД 2015: 207] < рус. *особый*;

– юк. *систиэрна* ср. як. *систиэринэ* [СТСТД 2015: 241] < рус. *цистерна* и др.

Во-вторых, форма ассимилированных в якутском русизмов в юкагирском спустя некоторое время приближается к своему языку-первоисточнику с частичным сохранением некоторым фонетических и / или морфологических особенностей языка-посредника (вторичное освоение на фоне владения русским языком), например:

– юк. *ишкьола*, ср. *искуола* < як. *ыскуола* < рус. *школа*;

– юк. *клаас*, ср. *килаас* < як. *кылаас* < рус. *класс*;

– юк. *стаада*, ср. *истаада* < як. *ыстаада* < рус. *стадо*;

– юк. *уотпуска* < як. *уоппуска* < рус. *отпуск* и др.

Частое переключение носителем с одного на другой из трех активных кодов своего языкового репертуара — юкагирский, якутский и русский — при имеющемся представлении звукобуквенного состава слов этих языков приводит к постепенному сведению

фонетического облика инолексем на языке-источнике ближе к облику, характерному языку-первоисточнику. Этим объясняется широкая вариативность инолексем, когда в речи юкагиров-полилингвов встречаются различные варианты фонетической реализации одной инолексем (например, *кумаагэ* ~ *кумаабы* ~ *кумааги* ~ *пумаагэ* ~ *бумаагэ* ~ *бумааги* ~ *бумаага* ‘бумага’, *тисачьэ* ~ *тисьэчэ* ~ *тиисэчэ* ~ *тиисьяча* ~ *тисача* ‘тысяча’ и др.). Другими причинами вариативности исследователи называют устную или письменную форму бытования, ненормированность и фонетическая субституция, способствующие появлению различных произносительных вариантов иноязычных слов [Гордеева и др. 1982: 17; Маринова 2008: 16]. Приведем в качестве примера (1) фрагмент из монолога носителя 1941 г. р., содержащий три варианта русизма — собственно *школа* без формально-звуковой ассимиляции, один из вариантов данного русизма в якутской транскрипции *оскуола*, а также его адаптированная форма в юкагирском *искуола* (см. пример 1):

(1)	<i>Лайэ-н</i> позади-TMP	<i>ту-н</i> PRXM-AT	<i>сукунмольбал-ба</i> год-LOC	<i>мит</i> 1PL: POSS	<i>искуола-ба</i> школа.Y< R-LOC	<i>ваду-д-аруу-лэ,</i> юкагир-GEN- язык-ACC
	<i>эрпэйэ-д-а-руу-лэ,</i>	<i>йохо-д-а-руу-лэ</i>	<i>ура-ри-ч-и-л-нэ-ги</i>	<i>мэ</i>	<i>лэмлээ-му-й.</i>	
	эвен-GEN- язык-ACC	якут- GEN- язык- ACC	учить-CAUS- MULT-0-NR-PL- POSS:3 AFF	AFF	быть.нормаль- ным- TRNSM- INTR:3SG	
(...)	<i>Та-н</i> DST-AT	<i>оскуо- ла-пул</i> школа. Y<R-PL	<i>ваай</i> тоже	<i>та-н</i> DST-AT	<i>дириэктэр-пул-ги</i> директор.Y<R- PL-POSS:3	<i>ваай</i> тоже
	<i>Мон-ни</i> сказать- INTR: 3PL	<i>йауун-уо</i> все-OBL	<i>почэсэ-й-на.</i> послать-PFV- INTR:3PL			
	<i>Таатлыэр</i> поэтому что-FC	<i>нэмэ-лэнг</i> чело- век-FC	<i>көдэ-н</i> PTL	<i>лыиэ</i> расска- зать- FUT- OF- TR.3SG	<i>ныиэдьи-т-мэ-лэ.</i>	
	<i>Мит</i> 1PL:POSS	<i>школа- пул-банэ</i> школа.R- PL-ACC	<i>лээй</i> PTL	<i>Аласэй</i> А.	<i>лыуку-чуо</i> малень- кий-DIM:ADV	<i>көткэ-й-уо-л-ги.</i> дойти-PFV-RES- NR-POSS:3
	<i>Йауунэ-р</i>	<i>идьиэ</i>	<i>лыуку</i>	<i>оскуола</i>	<i>лауиэ</i>	

все-SS	сейчас	маленький	школа. Y<R	вода
<i>тудуруу</i>	<i>хүд-уо-нь.</i>			
внутри	лечь- STAT- INTR: 3SG			

‘Потом в этом году в школе стали лучше преподавать юкагирский, эвенский, якутский языки. (...) В тех школах директора тоже сказали, что все (учебный материал) отправили. Поэтому нечего сейчас человеку рассказывать. Река Алазея почти до наших школ дошла. Сейчас малая школа вся в воде стоит’ [ПМА: Инф. 2].

Кроме того, если раньше некоторые якутские слова и русизмы в речи юкагиров-полилингвов имели явно якутское звучание или же якутские фонетико-ассимилятивные признаки, то по крайней мере с недавнего времени наблюдается тенденция к замене их собственно русскими словами. Так, чаще слышим вместо *оһуох* ‘камелек, печь’ русское *печка*, вместо *искуола* ~ *оскуола* русское или приближенное к языку-первоисточнику *ишкьола* ~ *школа*, вместо *биригэдьиэр* русское *бригадир* и т. п.

Около 40 % выявленных в живой юкагирской речи якутизмов можно отнести к укоренившимся, из которых почти 10 % русского происхождения вошли в словарь юкагирского языка [Курилов 2001] (*искуола* ~ *оскуола* ‘школа’, *истуол* ~ *остуол* ‘стол’, *кукууль* ‘спальный мешок’, *истаада* ~ *стаада* ‘стадо’, *суокур*, *учуутал* ‘щокур’, *убаа* = ‘целовать’, *укуоллаа* = ‘ставить прививку’). Основанием для отнесения ряда других якутизмов к числу укоренившихся является раннее их внесение в базу иноязычной лексики тундрового юкагирского языка на основании частотности. К такому относятся *алыс* ‘очень, необычайно’, *анаан* ‘очень, чрезмерно, слишком’, *арэй* ~ *арай* ‘вдруг, вот, оказывается, однажды’, *букатин* ~ *букатын* ‘совершенно, совсем’, *дьэ* ‘ну’, *муньнах* ‘собрание’, *наар* ‘всегда, все время’, *оһуох* ‘печь’, *синь* ‘все равно, все-таки’, *хатэ* ~ *хата* ‘лучше; зато; хорошо, что’ и др. Иноязычность части этих слов носителями уже не ощущается. Отдельно мы отмечаем впервые регистрируемые нами якутизмы, в основном носящие разовый характер переноса или характеризующие речь отдельного носителя, как *аанньэл* ‘ангел’,

бабана ‘столб’, *обус* ‘бык’, *эрэй* ‘мучение’, якутские местоимения, послелоги, союзы и частицы. Нельзя не заметить, что в юкагирской живой речи растёт количественное соотношение якутизмов генуинного происхождения за счет служебных слов, что свидетельствует о существенном влиянии якутского языка.

И здесь особый интерес вызывает частотное употребление юкагирскими носителями (в речи пяти из девяти информантов) якутских служебных слов *буолла* ‘а; ведь; уж’, *буоллаба* ‘вот, же’, *буоллабана* ~ *буолланэ* ‘(и) вот’ и *буоллар* ‘а; же’, которые, вероятнее всего, вошли в живую речь юкагиров намного раньше других якутских слов постсоветского времени (устная речь юкагиров ранее не исследовалась, поэтому о датировании этого процесса что-либо сложно сказать). В якутской грамматике эти слова принято относить к разным группам служебных слов — частицы *буолла* ‘а; ведь; уж’ и *буоллаба* ‘вот, же’ к отглагольным постпозитивным частицам (примыкают к какому-либо слову или члену предложения), а союзы *буоллабына* ‘(и) вот’ и *буоллар* ‘а; же’ к отглагольным союзам (не имеют грамматической связи с другими членами предложения) [СТБУТ 2005: 529, 532; ГСЯЛЯ 1982: 400, 437, 441, 473, 475]. Юкагиры также различают эти схожие по форме единицы и употребляют их соответственно — как частицы с модально-усилительным значением и как союзы для связи предложений. Так, отмечаем употребление частиц *буолла* ‘а; ведь; уж’ и *буоллаба* ‘вот, же’ в постпозиции после существительных с эмфатической целью и сопутствующими эмотивными значениями (2, 3).

(2)	<i>Йээ,</i>	<i>та-н</i>	<i>йалбил-нул</i>	<i>буолланэ</i>	<i>йаһнэ-р</i>
	INTJ	DST-AT	озеро-PL	PTL.Y	все-SS
	<i>мэ</i>	<i>кэwэ-й-һи.</i>	<i>Лавйу-м-диэ-нул</i>	<i>һол-аа-һи.</i>	
	AFF	уйти-PFV-INTR:3PL	вода-0-DIM-PL	быть-INCH- INTR:3PL	

‘Вот, те озера-то все вытекли (высохли). Маленькими озерами стали’ [ПМА: Инф. 9].

(3)	<i>Mut</i>	<i>монго</i>	<i>буолаба</i>	<i>туутэ-лэ</i>	<i>тади-нун-һи.</i>
	1PL.POSS	шапка	PTL.Y	наполнить-CVB	дать-HAB- TR:3PL

‘В свои шапки же набрав (морошку), давали (детям)’ [ПМА: Инф. 2].

Другие случаи связаны с употреблением частицы *буолла*, как и в языке-источнике, в постпозиции после глаголов для усиления их модальности, а также придания всему высказыванию различных смысловых оттенков, как, например, убеждения и согласия (4), сетования, роптания (5), вынужденности, предопределенности (6), вероятности, допустимости (7) и др.:

(4)-А:	<i>Элэнь.</i>	<i>Элэнь.</i>	<i>Юбилэ-й-ги</i>	<i>кэл-тэ-л-ги</i>
	NEG	NEG	юбилей.R-POSS:3	приходить-FUT-NR-POSS:3
	<i>сукумольбал-ба</i>	<i>һо-тэ-й</i>	<i>буолла.</i>	
	год-LOC	быть-FUT-3SG	PTL.Y	

‘Нет. Нет. Его юбилей в следующем году будет ведь’ [ПМА: Инф. 2].

(4)-Б:	<i>Ээ,</i>	<i>йэлуку-н</i>	<i>сукунмольбал-ба</i>	<i>буолла.</i>
	INTJ	четыре-AT	год-LOC	PTL.Y

‘Да, четыре года же (прошло)’ [ПМА: Инф. 7].

(5)-А:	<i>Тадаа-т</i>	<i>лайэ-н</i>	<i>мэ</i>	<i>сабалэ-йэ-һ</i>
	там-ABL	позади-TMP	AFF	прекратить-INTR-1SG
	<i>албадьаа</i>	<i>йарха-лэн</i>	<i>чам-уол-һун-у-л.</i>	
	PTL	лед-FC	большой-STAT-HAB-0-SF	

‘Потом позже заканчиваю, уж слишком лед большим бывает’ [ПМА: Инф. 8].

(5)-Б:	<i>Кэти-һэ-й</i>	<i>буолла</i>	<i>йарха-ги.</i>
	толстый-STAT-PTCL	PTL.Y	лед-POSS:3

‘Толстый же лед’ [ПМА: Инф. 9].

(6)	<i>Мм,</i>	<i>мол</i>	<i>һиэ</i>	<i>хуод-ии-т-уок</i>	<i>һэмэн</i>
	INTJ	PTL	PTL	как-TRR-FUT-ITR:1PL	PTL
	<i>мэр</i>	<i>ичуо-һу-тэ-й</i>	<i>буолла</i>	<i>кэй-гудэ-һ.</i>	
	AFF	видеть-IPFV-FUT- TR:1PL	PTL.Y	перед-DIR-FC	

‘Да, ну что ж, что поделаем, увидим в будущем’ [ПМА: Инф. 2].

(7)	<i>Хуодэ-бан-дьэ</i>	<i>һимэ</i>	<i>һолһэлк</i>	<i>тудуруу-ги</i>
	как-AUX-PTCL	дом	INTS	внутри-POSS:3

эл	йуо-йэ-н	буолла	идьиэ.
NEG	видеть-TR:1SG	PTL.Y	сейчас
‘И какой дом изнутри не видел нынче’ [ПМА: Инф. 9].			

Фиксируются случаи употребления сокращенной формы *буо* ‘вот, же’, что типично для разговорной речи среди якутоязычного населения (пример 8):

- (8) *Хабун* *чаас...*
 сколько час.Y<R
Мит-ханэ *эһльэ*
 1PL-ACC NEG
буо.

PTL.Y

‘Во сколько часов... У меня же нет (часов)’
 [ПМА: Инф. 2].

Как и в собственно якутском языке, союзы *буоллар* (< як. *буоллар*) и *буолаҕана* (< як. *буолаҕына*) встречаются в юкагирских высказываниях со структурой сложносочиненного и сложноподчиненного предложений (примеры 9, 10, 11):

- (9) *Уо-нол-аа-р* *паартийнай...* *паартийа-ба* *сэw-рэ-на.*
 ребенок-AUX-INCH-CVB партийнай.Y<R партия.Y<R-LOC войти-CAUS-TR:1PL
Ту-н *Ленин* *нэмэ-банэ* *йаwн-уо*
 PRXM-AT Л. что-ACC все-OBL
ура-ри-ч-чи-на *ту-н* *туом* *буолаҕана*
 учить-CAUS-MULT-TR:1PL PRXM-AT том.R PTL.Y
танниги.
 тогда

‘В молодежную партийную... партию вошли. И вот заставили в то время этот том Ленина и все такое учить’ [ПМА: Инф. 2].

* Сочинительный союз *буолаҕана* как присоединительный, развивающий или дополняющий высказанную мысль.

- (10) *Та-нун* *адуо* *С.* *waай*
 DST-NR:FC сын С. тоже
мэт-хат *маарха-н* *сукунмольбал-эк* *акаа-лэн*
 1SG-ABL один-AT год-INS старший.брат-FC
тудэ *йохо-д-илэ-ба* *саҕанаа-нун-и,* *мит*
 3SG:POSS якут-GEN-олень-LOC сидеть-HAB-INTR:3SG 1PL
буоллар *уор-пэ-лэ* *wэгийэ-нун-у-л.*
 PTL.Y дети-PL-ACC вести.за.собой-HAB-0-OF

‘Тот его сын С., (который) тоже старше меня на один год, (как) старший брат, на своего коня сажался, а мы (за ним) детей вели на поводьях (верхом на оленях)’ [ПМА: Инф. 2].

* Сочинительный союз *буоллар*, противопоставляющий части высказывания друг другу по содержанию.

- (10) *Ээ,* *льиэ* *пой-уо-даҕанэ* *буоллар*
 INTJ PTL много-STAT-CVB PTL.Y
хадаа-т *трактор* *нэмэ-н* *йэдэ-й-т?*
 где-ABL трактор.R что-FC появиться-PFV-FUT-INTR:3

‘Если же много поймашь (рыбы), откуда трактор и тому подобное найдется (чтобы увезти)?’
 [ПМА: Инф. 9].

* Подчинительный союз *буоллар* в высказывании с условным оборотом.

Частотное употребление юкагирскими носителями якутских единиц из служебных и сентиметивных частей речи с их особой прагматической направленностью объясняется не только полилингвальностью и частой сменой кода в пользу якутского, но и желанием сделать речь более выразительной, наполненной по чувственному и смысловому содержанию, как это происходит, например, когда юкагирский носитель переключается на другой язык с тем, чтобы усилить речевой эффект (кодовые переходы, дублирование слова или фразы на другие языки носителя) [Курилова 2023].

4. Заключение

Будучи мажоритарным языком, наряду с русским, якутский оказывает ощутимое влияние на юкагирский и занимает особое место в языковом наборе юкагиров-полилингвов. Наблюдение за живой речью тундровых юкагиров и анализ транскриптов аудиозаписей устной речи раскрывают не только предпочтения носителей при выборе кода, но и специфические признаки, указывающие на актуальность предпочитаемого второго языка после родного этнического.

Несмотря на преобладание как прямых, так и опосредованных русизмов в юкагирской речи, тем не менее, ощущается особая роль якутского языка в позиции актуального в языковом репертуаре тундровых юкагиров. В результате количественного анализа выявлено 72 якутизма, из которых 39 прямые, т. е. имеющие генуинное происхождение из языка-источника, и 33 русского происхождения. С точки зрения тематики, якутизмы распределены по 18 лексико-тематическим и шести лексико-морфологическим группам, из которых наиболее актуальными выступает лексика, связанная с домом, и служебные части речи. Выявленная частотность употребления юкагирскими носителями якутской служебной лексики в виде союзов и частиц, интегрированных в морфосинтаксические рамки высказываний языка-реципиента по подобию таковых в языке-источнике, также указывает на особое положение якутского языка в сознании полилингвальных юкагиров, отражающее признаки более глубокого взаимодействия

языка-реципиента и языка-источника, в результате реализующаяся в виде своеобразной формы языка с двумя способами выражения.

Якутский язык по-прежнему продолжает сохранять роль языка-медиатора, заключающуюся в использовании юкагирскими носителями прошедших ассимиляцию в якутском русских слов, а также в обращении к якутским звукам для эффективной интеграции новых русизмов [Курилов 2003: 214]. При этом наблюдаются признаки вторичного освоения на фоне владения языком-первоисточником и благодаря книжно-письменному языку, когда в принимающем языке опосредованно привнесенный лексический материал языка-первоисточника с характерными фонетическими признаками языка-посредника заменяются словами с оригинальным звуко-буквенным составом языка-первоисточника.

Известная степень вариативности инолексем в юкагирском языке вызывает особый интерес наличием вариантов якутизмов в рамках сверхфразового единства (в речи отдельного носителя). Если признаком укоренения инолексем исследователи называют устранение вариативности, то в юкагирской языковой среде подобного не наблюдается даже по отношению к иноязычным словам, давно употребимым и вошедшим в словарь. С одной стороны, вариативность является следствием отсутствия национального корпуса юкагирского языка, который бы стал источником его кодификации и стандартизации (разработанная письменность, орфографические нормы и кодифицированный алфавит не прижились ввиду младописьменности языка, ограниченного круга носителей, лексического и фонетического расхождения двух сохранившихся юкагирских языков). С другой стороны, варианты в парадигме от двух и более отражают активные и закономерные процессы освоения иноязычных слов и частоту их употребления носителями. Собственно, на устранение вариативности и унификацию варьирующихся слов нужно много времени и достаточное число носителей в перспективе, что не применительно к ситуации юкагирского как языка, находящегося на грани вымирания.

Таким образом, в сознании юкагиров-полилингвов при непрерывном использовании активного блока языков (родного этнического и более одного мажоритарного) происходит постоянное взаимодействие систем типологически разных языков на всех уровнях. При постоянно довлеющей угрозе неминуемого языкового сдвига уни-

кальность юкагирского языка заключается в сохранении себя как матричного в длительных поликультурных и многоязыковых условиях существования, в жизнеспособности языка через активное обогащение словарного фонда, в творческой стратегии носителей придать языку особую выразительность.

Сокращения

кол. — колымский говор якутского языка
 колым. — колымский говор русского языка
 рус. — русский язык
 сев.-рус. — северно-русский говор

у.-янк. — якутский говор Усть-Янского района Якутии
 юк. — тундровый юкагирский язык
 як. — якутский язык

Глоссы

ABL — ablative
 AFF — affirmative
 ACC — accusative
 ADV — adverbial
 AT — attributive
 AUX — auxiliary
 CAUS — causative
 CVB — converb
 DIM — diminutive
 DST — distal
 FC — focus
 FUT — future
 GEN — genitive
 HAB — habitual
 INCH — inchoative
 INTJ — interjection
 INTR — intransitive
 INTS — intensifier
 IPFV — imperfective
 ITR — interrogative
 LOC — locative
 MULT — multiplicative

NEG — negative
 NR — nominalizer
 OBL — oblique
 OF — object focus
 PFV — perfective
 PL — plural
 POSS — possessive
 PRXM — proximal
 PTL — particle
 PTCL — participle
 R — Russian
 RES — resultative
 SF — subject focus
 SG — singular
 SS — same subject
 STAT — stative
 TMP — temporal
 TR — transitive
 TRNSM — transmutative
 Y — Yakut
 0 — нулевой аффикс
 1 — первое лицо
 3 — третье лицо

Полевые материалы автора

Инф. 1 — жен., юкагирка, 1938 г. р., запись 2012 г.
 Инф. 2 — жен., юкагирка, 1941 г. р., запись 2011 г.
 Инф. 3 — жен., юкагирка, 1945 г. р., запись 2012 г.
 Инф. 4 — жен., юкагирка, 1946 г. р., запись 2012 г.
 Инф. 5 — жен., юкагирка, 1950 г. р., запись 2012 г.
 Инф. 6 — муж., юкагир, 1955 г. р., запись 2012 г.
 Инф. 7 — муж., юкагир, 1949 г. р., запись 2011 г.

Author's Field Data

Informant 1: female, ethnic Yukaghir, b. 1938. Rec. in 2012. (In Yuk.)
 Informant 2: female, ethnic Yukaghir, b. 1941. Rec. in 2011. (In Yuk.)
 Informant 3: female, ethnic Yukaghir, b. 1945. Rec. in 2012. (In Yuk.)
 Informant 4: female, ethnic Yukaghir, b. 1946. Rec. in 2012. (In Yuk.)
 Informant 5: female, ethnic Yukaghir, b. 1950. Rec. in 2012. (In Yuk.)
 Informant 6: male, ethnic Yukaghir, b. 1955. Rec. in 2012. (In Yuk.)
 Informant 7: male, ethnic Yukaghir, b. 1949. Rec. in 2011. (In Yuk.)

Инф. 8 — муж., юкагир, 1952 г. р., запись 2012 г.

Informant 8: male, ethnic Yukaghir, b. 1952. Rec. in 2012. (In Yuk.)

Инф. 9 — муж., юкагир, 1960 г. р., запись 2012 г.

Informant 9: male, ethnic Yukaghir, b. 1960. Rec. in 2012. (In Yuk.)

Источники

ЭБДЗ — Электронная база данных заимствований // Личный архив автора.

Sources

Digital database of loanwords. At: Author's personal archives. (In Russ., Yak. and Yuk.)

Литература

Акимова и др. 2021 — *Акимова В. С., Немировский А. А., Шадрин В. И.* Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.). Ч. 1. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. 144 с.

Akimova V. S., Nemirovsky A. A., Shadrin V. I. Yukaghir Ethnic History: From Earliest Times to Twentieth Century. Pt. 1. Moscow, Berlin: Directmedia Publishing GmbH, 2021. 144 p. (In Russ.)

Аникин 2003 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 788 с.

Anikin A. E. (comp.) Etymological Dictionary of Russian Loanwords in Siberian Languages. Novosibirsk: Nauka, 2003. 788 p. (In Russ.)

Бурыкин 2003 — *Бурыкин А. А.* Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхнеколымских юкагиров // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб: Наука, 2003. С. 169–180.

Burykin A. A. Russian lexical borrowings in Forest (or Upper Kolyma) Yukaghir. In: Popov I. A. (ed.) Lexical Atlas of Russian Dialects: Materials and Studies. St. Petersburg: Nauka, 2003. Pp. 169–180. (In Russ.)

Гордеева и др. 1982 — *Гордеева О. И., Ольгович С. И., Охолина Н. М., Палагина В. В.* Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск: Томск. ун-т, 1982. 180 с.

Gordeeva O. I., Olgovich S. I., Okholina N. M., Palagina V. V. Secondary Borrowings in the Middle Ob Dialects. Tomsk: Tomsk State University, 1982. 180 p. (In Russ.)

Гребенюк, Федорченко 2018 — *Гребенюк П. С., Федорченко А. Ю.* Юкагирская проблема в современной историографии // Человек и Север: антропология, археология, экология: мат. Всеросс. науч. конф., г. Тюмень, 2-6 апреля 2018 г. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 331–334.

Grebenyuk P. S., Fedorchenko A. Yu. Yukaghir problem in modern research. In: Bagashev A. N. (ed.) Man and North: Anthropology, Archaeology, Ecology. Conference proceedings (Tyumen, 2–6 April 2018). Tyumen: Tyumen Scientific Center (SB BAS), 2018. Vol. 4. Pp. 331–334. (In Russ.)

ГСЯЛЯ 1982 — Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология / отв. ред. Е. И. Убрытова, сост. Л. Н. Харитонов, Н. Д. Дьячковский, С. А. Иванов, Е. И. Коркина, Н. Е. Петров, П. А. Слепцов. М.: Наука, 1982. 504 с.

Kharitonov L. N., Dyachkovsky N. D., Ivanov S. A., Korkina E. I., Petrov N. E., Sleptsov P. A. (comps.) Grammar of Modern Standard Yakut: Phonetics and Morphology. E. Ubryatova (ed.). Moscow: Nauka, 1982. 504 p. (In Russ. and Yak.)

Ефремов 1959 — *Ефремов Л. П.* Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1959. С. 22.

Yefremov L. P. Essentials of Lexical Borrowing and Main Characteristics of Loanword Absorption. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Alma-Ata, 1958. 22 p. (In Russ.)

Зотов 2010 — *Зотов Г. В.* Словарь региональной лексики Крайнего Севера-Востока России / ред. А. А. Соколянский. Магадан: СВГУ, 2010. 539 с.

Zotov G. V. (comp.) Russia's Extreme Northeast: Regional Vocabulary. A. Sokolyansky (ed.). Magadan: North-Eastern State University, 2010. 539 p. (In Russ.)

Крейнович 1958 — *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л.: АН СССР, 1958. 288 с.

Kreynovich E. A. Yukaghir Language. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. 288 p. (In Russ. and Yuk.)

- Крейнович 1968 — *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык // *Языки народов СССР*. Т. 5. Л.: Наука, 1968. С. 435–454.
- Крейнович 1982 — *Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.
- Крысин 1968 — *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
- Курилов 2001 — *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- Курилов 2003 — *Курилов Г. Н.* Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка). Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
- Курилова 2015 — *Курилова С. Н.* Заимствованная лексика в языке тундровых юкагиров: отчет НИР за 2013–2015 гг.: рукопись // Архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Без инв. номера. 380 с.
- Курилова 2017 — *Курилова С. Н.* Иноязычные словоформы и словообразовательные аффиксы в языке тундровых юкагиров // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12 (78). Ч. 1. С. 114–116.
- Курилова 2022 — *Курилова С. Н.* Русская лексика в языке тундровых юкагиров. Новосибирск: Наука, 2022. 256 с.
- Курилова 2023 — *Курилова С. Н.* Переключение кодов в речи тундровых юкагиров: би- и полилингвальное повторение // *Научный диалог*. 2023. № 12(5). С. 72–92.
- Маринова 2008 — *Маринова Е. В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 45 с.
- Немировский 2017 — *Немировский А. А.* Новые лингвистические результаты М. А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотнесения (пра)юкагиров // *Фольклор палеоазиатских народов: Мат-лы 2-й Межд. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.)*. Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. С. 59–70.
- Николаева 1988 — *Николаева И. А.* Проблема урало-юкагирских генетических связей: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.
- Николаева, Хелимский 1997 — *Николаева И. А., Хелимский Е. А.* Юкагирский язык // *Языки мира. Палеоазиатские языки*. М.: Индрик, 1997. С. 155–168.
- Kreynovich E. A. Yukaghir. In: *Languages of the Soviet Union*. Vol. 5. Leningrad: Nauka, 1968. Pp. 435–454. (In Russ. and Yuk.)
- Kreynovich E. A. Yukaghir: A Study and Materials. Leningrad: Nauka, 1982. 304 p. (In Russ. and Yuk.)
- Krysin L. P. Foreign Words in Modern Russian. Moscow: Nauka, 1968. 208 p. (In Russ.)
- Kurilov G. N. (comp.) Yukaghir-Russian Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2001. 608 p. (In Yuk. and Russ.)
- Kurilov G. N. Lexicology of Modern Yukaghir: Lexical Development and Impacts of Yakut. Novosibirsk: Nauka, 2003. 288 p. (In Russ. and Yuk.)
- Kurilova S. N. Foreign lexemes in Tundra Yukaghir: Report of 2013–2015. Manuscript. 380 p. At: Institute for Humanities Research and Problems of Northern Minorities (SB RAS, Yakutsk), Archive. (In Russ.)
- Kurilova S. N. The foreign-language word-forms and word-formative affixes in the language of the tundra Yukaghirs. *Philology. Theory & Practice*. 2017. No. 12 (78). Pt. 1. Pp. 114–116. (In Russ.)
- Kurilova S. N. Russian Loanwords in Tundra Yukaghir. Novosibirsk: Nauka, 2022. 256 p. (In Russ. and Yuk.)
- Kurilova S. N. Code-switching in speech of Tundra Yukaghir: Bi- and multilingual repetition. *Nauchnyi dialog*. 2023. Vol. 12. No. 5. Pp. 72–92. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-72-92
- Marinova E. V. Foreign Words in Russian Speech of the Late Twentieth and Early Twenty First Centuries: Problems of Absorption and Functioning. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2008. 45 p. (In Russ.)
- Nemirovsky A. A. New linguistic results by M. A. Zhivlov and confirmation of the Ymyyakhtakh-(proto)Yukaghir relationship. In: *Folklore of the Paleo-Siberian Peoples Conference proceedings* (Yakutsk, 21–25 November 2016). Yakutsk: Yakutia Media Holding, 2017. Pp. 59–70. (In Russ.)
- Nikolaeva I. A. The Problem of Uralic-Yukaghir Genetic Ties. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1988. 24 p. (In Russ.)
- Nikolaeva I. A., Khelimsky E. A. Yukaghir. In: *Languages of the World. Paleo-Siberian Languages*. Moscow: Indrik, 1997. Pp. 155–168. (In Russ.)

- РЯС 1968 — Русско-якутский словарь / сост. П. С. Афанасьев, Л. Н. Харитонов. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 720 с.
- Слепцов 1964 — *Слепцов П. А.* Русские лексические заимствования в якутском языке: дореволюционный период. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1964. 196 с.
- Слепцов 1975 — *Слепцов П. А.* Русские лексические заимствования в якутском языке: послереволюционный период. М.: Наука, 1975. 256 с.
- СТБУТ 2004 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. А. Слепцов, В. И. Лиханов, Н. Е. Петров. Т. 1: А. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с.
- СТБУТ 2005 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Е. И. Оконешников, Л. А. Афанасьев, П. С. Афанасьев, Г. В. Попов, Н. Е. Петров. Т. 2: Б. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.
- СТБУТ 2006 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. А. Слепцов, А. Г. Нелунов, И. Е. Алексеев и др. Т. 3: Г, Д, Дь, И. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с.
- СТБУТ 2007 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. А. Г. Нелунов, П. А. Слепцов, Л. М. Готовцева, Г. В. Попов, Н. Е. Петров. Т. 4: К. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
- СТБУТ 2008 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. А. Г. Нелунов, П. А. Слепцов, В. Г. Попов, Н. Н. Васильева, Н. Е. Петров. Т. 5: К. Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.
- СТБУТ 2009 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Большой толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. С. Афанасьев, В. Д. Монастырев, Ф. Н. Дьячковский, Н. Е. Петров. Т. 6: Л, М, Н. Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.
- СТБУТ 2010 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Большой толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. П. С. Афанасьев, В. Д. Монастырев, Ф. Н. Дьячковский, Н. Е. Петров. Т. 7: Нь, О, Ө, П. Новосибирск: Наука, 2010. 518 с.
- Afanasyev P. S., Kharitonov L. N. (comps.) Russian-Yakut Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 720 p. (In Russ. and Yak.)
- Sleptsov P. A. Russian Loanwords in Yakut before the October Revolution. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1964. 196 p. (In Russ. and Yak.)
- Sleptsov P. A. Russian Loanwords in Yakut after the October Revolution. Moscow: Nauka, 1975. 256 p. (In Russ. and Yak.)
- Sleptsov P. A. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 1: A. Novosibirsk: Nauka, 2004. 680 p. (In Yak. and Russ.)
- Okoneshnikov E. I. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 2: B. Novosibirsk: Nauka, 2005. 912 p. (In Yak. and Russ.)
- Sleptsov P. A. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 3: Г, Д, Дь, И. Novosibirsk: Nauka, 2006. 844 p. (In Yak. and Russ.)
- Nelunov A. G. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 4: K. Novosibirsk: Nauka, 2007. 672 p. (In Yak. and Russ.)
- Nelunov A. G. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 5: K. Novosibirsk: Nauka, 2008. 616 p. (In Yak. and Russ.)
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 6: Л, М, Н. Novosibirsk: Nauka, 2009. 519 p. (In Yak. and Russ.)
- Afanasyev P. S. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 7: Нь, О, Ө, П. Novosibirsk: Nauka, 2010. 518 p. (In Yak. and Russ.)

- СТБУТ 2012 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Большой толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Н. Н. Васильева, Н. И. Данилова, В. Д. Монастырев, М. Д. Куличкина, Е. В. Семенова, И. В. Аммосова. Т. 9: С-һ. Новосибирск: Наука, 2012. 630 с.
- СТБУТ 2014 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Большой толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Е. П. Копырина, Н. М. Васильева, Е. В. Семенова, Л. В. Роббек, М. Д. Куличкина. Т. 11: Т. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.
- СТБУТ 2015 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Большой толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. И. В. Аммосова, Н. М. Васильева, Е. П. Копырина, Е. В. Семенова, А. Г. Нелунов, Н. Н. Васильева, В. Д. Монастырев. Т. 12: У, Ү. Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.
- СТБУТ 2016 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Большой толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Е. В. Семенова, Н. М. Васильева, И. В. Аммосова, Е. П. Копырина, Ф. Н. Дьячковский. Т. 13: Х. Новосибирск: Наука, 2016. 639 с.
- СТБУТ 2017 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Большой толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Л. В. Роббек, Н. Н. Васильева, Е. В. Семенова, Н. В. Васильева, В. Д. Монастырев, А. Г. Нелунов, И. В. Аммосова, Е. П. Копырина. Т. 14: Ч, Ы. Новосибирск: Наука, 2017. 592 с.
- СТБУТ 2018 — Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (= Большой толковый словарь якутского языка) / гл. ред. П. А. Слепцов, сост. Н. Н. Васильева, В. Д. Монастырев, И. В. Аммосова, А. Г. Нелунов, Н. М. Васильева, Е. В. Семенова, П. А. Слепцов, Л. В. Роббек. Т. 15: Э. Новосибирск: Наука, 2018. 576 с.
- СТСТД 2015 — Сахалыы таба суруйуу тылдьыта (= Орфографический словарь якутского языка): ок. 32000 слов / сост. А. Г. Нелунов, Н. И. Попова, И. П. Винокуров и др. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2015. 480 с.
- СЯЯ, 1 1959 — Словарь якутского языка / сост. Э. К. Пекарский. Т. 1: А–К. Л.: АН СССР, 1959. [4], XIX с., 1280 стб.
- СЯЯ, 2 1959 — Словарь якутского языка / сост. Э. К. Пекарский. Т. 2: К–С. Л.: АН СССР, 1959. 1281–2508 стб.
- Vasilyeva N. N. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 9: C-h. Novosibirsk: Nauka, 2012. 630 p. (In Yak. and Russ.)
- Kopyrina E. P. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 11: T. Novosibirsk: Nauka, 2014. 528 p. (In Yak. and Russ.)
- Ammosova I. V. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 12: U, Y. Novosibirsk: Nauka, 2015. 598 p. (In Yak. and Russ.)
- Semyonova E. V. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 13: X. Novosibirsk: Nauka, 2016. 639 p. (In Yak. and Russ.)
- Robbek L. V. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 14: Ч, Ы. Novosibirsk: Nauka, 2017. 592 p. (In Yak. and Russ.)
- Vasilyeva N. N. et al. (comps.) Unabridged Yakut Explanatory Dictionary. Vol. 15: Э. Novosibirsk: Nauka, 2018. 576 p. (In Yak. and Russ.)
- Nelyunov A. G. et al. (comps.) Spelling Dictionary of the Yakut Language. Ca. 32,000 Words. Yakutsk: Northern Minorities and Humanities Research Institute (SB RAS), 2015. 480 p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. (comp.) Dictionary of Yakut. Vol. 1: A–K. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1959. [4], XIX p., 1280 cols. (In Yak. and Russ.)
- Pekarsky E. K. (comp.) Dictionary of Yakut. Vol. 2: K–S. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1959. Cols. 1281–2508. (In Yak. and Russ.)

- СЯЯ, 3 1959 — Словарь якутского языка / сост. Э. К. Пекарский. Т. 3: Т–Ы. Л.: АН СССР, 1959. 2509–3858 стб., VIII с.
- ЯРС 1972 — Якутско-русский словарь / сост. П. А. Слепцов. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 608 с.
- Auer 1999 — *Auer P.* From code-switching via language mixing to fused lects: toward a dynamic typology of bilingual speech // *International Journal of Bilingualism*, 1999. V. 3. № 4. Pp. 309–332.
- Auer, Eastman 2000 — *Auer P., Eastman C.* Code-switching // *Society and language use: Handbook of Pragmatics Highlights* / J. Jaspers, J. Östman, J. Verschueren (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. Ch. 7. 324 p.
- Backus, Dorleijn 2009 — *Backus A., Dorleijn V.* Loan translations versus code-switching // *The Cambridge handbook of linguistic code-switching* / B. Bullock, A. Toribio (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Pp. 75–94.
- Gardner-Chloros 2009 — *Gardner-Chloros P.* Code-switching. Cambridge: Cambridge university press, 2009. 242 p.
- Haspelmath 2009 — *Haspelmath M.* Lexical borrowing: Concept and issues // *Loanwords in the World's languages. A comparative handbook* / M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter 2009. Pp. 35–54.
- Matras 2009 — *Matras Y.* Language contact. Cambridge: Cambridge university press, 2009. 366 p.
- Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge university press, 2000. 306 p.
- Myers-Scotton 1997 — *Myers-Scotton C.* Duelling languages. Grammatical structure on code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1997. 286 p.
- Nivens 2002 — *Nivens R.* Borrowing versus code-switching in West Tarangan (Indonesia) / R. Nivens, J. Richard (eds.). Dallas: SIL International, 2002. 232 p.
- Poplack et al. 1988 — *Poplack Sh., Sankoff D., Miller Ch.* The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // *Linguistics*. 1988. 26 (1/293). Pp. 47–104.
- Pekarsky E. K. (comp.) *Dictionary of Yakut*. Vol. 3: Т–Ы. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1959. Cols. 2509–3858, VIII p. (In Yak. and Russ.)
- Sleptsov P. A. (comp.) *Yakut-Russian Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1972. 608 p. (In Yak. and Russ.)
- Auer P. From code-switching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech. *International Journal of Bilingualism*. 1999. Vol. 3. No. 4. Pp. 309–332. (In Eng.)
- Auer P., Eastman C. Code-switching. In: Jaspers J., Östman J., Verschueren J. (eds.). *Society and Language Use (Handbook of Pragmatics Highlights)*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. Ch. 7. 324 p. (In Eng.)
- Backus A., Dorleijn M. Loan translations versus code-switching. In: Bullock B., Toribio A. (eds.) *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-Switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Pp. 75–94. (In Eng.)
- Gardner-Chloros P. Code-Switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 242 p. (In Eng.)
- Haspelmath M. Lexical borrowing: Concept and issues. In: Haspelmath M., Tadmor U. (eds.) *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2009. Pp. 35–54. (In Eng.)
- Matras Y. Language Contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 366 p. (In Eng.)
- Muysken P. Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p. (In Eng.)
- Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford: Clarendon Press, 1997. 286 p. (In Eng.)
- Nivens R. Borrowing Versus Code-Switching in West Tarangan (Indonesia). Dallas: SIL International, 2002. 232 p. (In Eng.)
- Poplack Sh., Sankoff D., Miller Ch. The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation. *Linguistics*. 1988. No. 26 (1/293). Pp. 47–104. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 231–246, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.581

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-231-246

Специфика описания событий движения в русских и китайских письменных повествованиях: анализ данных носителей языка и учащихся

Е Сянлин¹

¹ Факультет славистики Государственного университета Чжэнчжи (д. 64, 2-я секция, ул. Чжинань, р-н Вэньшань, 11605 Тайбэй, Тайвань, Китайская Народная Республика)
 кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-0036-3787. E-mail: verayeh[at]nccu.edu.tw

© КалмНЦ РАН, 2025

© Сянлин Е., 2025

Аннотация. *Введение.* Настоящая работа посвящена сопоставительному анализу письменной спонтанной речи на русском и китайском языках. В центре внимания исследования находится описание событий движения, что позволяет выявить специфические черты языковой картины мира движения у представителей этих языков. *Цель* исследования — выявление межязыковых и межкультурных различий в описании событий движения в письменной речи носителей русского и китайского языков, а также тайваньских студентов, изучающих русский язык. Основные задачи включают: 1) сравнение морфосинтаксических особенностей описания событий движения в текстах носителей русского и китайского языков; 2) исследование специфики употребления конструкций движения у тайваньских студентов, изучающих русский язык; 3) определение межкультурных различий на основе анализа повествовательных стратегий. *Материал* исследования включает три типа письменных текстов: 1) тексты на русском языке, созданные носителями языка (русский как родной) — T1; 2) тексты на русском языке, написанные тайваньскими студентами, изучающими русский язык (русский как неродной) — T2; 3) тексты на китайском языке, созданные носителями языка (китайский как родной) — T3. *Методологическая* основа исследования включает сопоставительный анализ, количественный и качественный анализ данных, а также выявление характерных морфосинтаксических особенностей в письменных текстах. В ходе анализа выявлены следующие *результаты*: 1) межязыковые морфосинтаксические особенности описания событий движения, выявленные на основе сравнения русских (T1) и китайских (T3) текстов; 2) особенности употребления конструкций движения в письменной речи тайваньских студентов, выявленные при сравнении T1 и T2; 3) межкультурные особенности, выявленные на основе сопоставительного анализа содержания текстов T1, T2 и T3. Исследование выявило значительные различия в способах описания событий движения и их концептуализации у представителей русского и китайского языков. Тайваньские студенты сталкиваются с трудностями в передаче событий движения на русском языке, что связано с языковой интерференцией и особенностями родного языка. Результаты подчеркивают важность межкультурного подхода при изучении иностранных языков и необходимости работы над формированием навыков употребления конструкций движения у иностранных студентов.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, письменная спонтанная речь, русский язык, китайский язык, родной и неродной язык, событие движения, сателлитный язык, язык с глагольной сериализацией

Для цитирования: Е Сянлин. Специфика описания событий движения в русских и китайских письменных повествованиях: анализ данных носителей языка и учащихся. // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 1. С. 231–246. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-231-246

Specifics of Motion Event Descriptions in Russian and Chinese Written Narratives: Analyzing Data of Native Speakers and Language Learners

Hsiang-lin Yeh¹

¹ Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University (64/2, Zhinan Rd., Wenshan District, 11605 Taipei, Taiwan, China)

PhD, Associate Professor

 0000-0003-0036-3787. E-mail: verayeh[at]nccu.edu.tw

© KalmSC RAS, 2025

© Hsiang-lin Ye., 2025

Abstract. Introduction. The study presents a comparative analysis of spontaneous written texts in Russian and Chinese. The work focuses on motion event descriptions, which reveals some distinctive features of motion-related linguistic worldview patterns inherent to speakers of these languages. **Goals.** The article aims to explore cross-linguistic and cross-cultural differences in motion event descriptions traced in written texts of native Russian and Chinese speakers, including Taiwanese students learning Russian. To facilitate these, the paper shall: 1) compare morphosyntactic features of motion event descriptions in corresponding texts; 2) investigate some specifics of motion event constructions used by Taiwanese students learning Russian; 3) analyze narrative strategies to identify cross-cultural differences. **Materials and methods.** The research material includes three types of written texts, namely: 1) Russian-language texts written by native speakers — T1; 2) Russian-language texts written by Taiwanese students learning Russian — T2; 3) Chinese-language texts written by native speakers — T3. Methodologically, the study employs comparative, quantitative and qualitative data analysis tools, as well as ones instrumental in identifying key morphosyntactic features in written texts. **Results.** The analysis has yielded a number of findings as follows: 1) cross-linguistic morphosyntactic features of motion event descriptions resulting from the comparison of Russian (T1) and Chinese (T3) texts; 2) specific features of motion event constructions in written texts of Taiwanese students resulting from the comparison of T1 and T2 texts; 3) cross-cultural differences resulting from the comparative insight into essentials inherent to the three types at large. So, the paper reveals significant differences in how motion events are described and conceptualized by speakers of Russian and Chinese. Taiwanese students face challenges in conveying motion events in Russian, which are rooted in language interference and the influence of native language. The obtained results highlight the importance of a cross-cultural approach to foreign language studies and the need for targeted efforts to develop students' skills in using motion event constructions.

Keywords: comparative analysis, spontaneous written text, Russian, Chinese, native and non-native language, motion event, satellite-framed language, verb-serializing language

For citation: Hsiang-lin Yeh. Specifics of Motion Event Descriptions in Russian and Chinese Written Narratives: Analyzing Data of Native Speakers and Language Learners. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 231–246. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-231-246

1. Введение

Современные исследования в области изучения иностранных языков уделяют большое внимание сопоставлению речи учащихся с целевым языком и выявлению языковой интерференции на основе анали-

за родного языка. Эти подходы помогают улучшить методы обучения, выявляя типичные ошибки, связанные с лингвистическими и культурными различиями.

С. Грейнджер [Granger 2003] в своей работе акцентирует внимание на значимости корпусных исследований, основанных на анализе текстов учащихся. Корпуса учащихся (learner corpora), представляющие собой базы данных письменной и устной речи изучающих иностранный язык, позволяют выявить отклонения в использовании лексико-грамматических конструкций по сравнению с нормами целевого языка. Например, как показывают исследования, изучающие язык часто недоиспользуют идиоматические выражения и сложные синтаксические структуры, предпочитая более простые конструкции.

Кроме того, исследование Л. Селинкера [Selinker 1972] подчеркивает, что речь изучающих иностранный язык является самостоятельной системой, включающей элементы как целевого языка, так и родного языка. Сопоставление с речью носителей позволяет оценить, на каком этапе формирования находится данная система и какие аспекты требуют большей проработки.

При анализе речи учащихся в сопоставлении с целевым языком важно применять как количественный, так и качественный подходы. Количественный анализ позволяет определить частотность ошибок и выявить статистические закономерности, тогда как качественный подход помогает раскрыть причины их возникновения и углубить понимание процессов усвоения языка. Например, при изучении ошибок в употреблении глаголов движения можно использовать статистические данные для фиксации частотности ошибок, а качественный анализ — для выявления их причин, связанных с особенностями изучения языка или отсутствием аналогичных конструкций в родном языке учащихся. Таким образом, сочетание количественного и качественного анализа способствует не только выявлению типичных ошибок, но и более глубокому пониманию процесса изучения языка.

В этом контексте особое внимание следует уделить влиянию родного языка, ко-

торое неизбежно сопровождает изучение второго языка. Именно родной язык, выступая в качестве когнитивного и лингвистического фона, формирует основу, на которой проявляется интерференция, влияющая на выбор языковых средств и конструкций в иностранной речи. Например, в языках с разными грамматическими системами интерференция особенно очевидна при выборе глагольных конструкций, которые требуют указания направления или аспектуальности действия [Odlin 1989; Jarvis, Pavlenko 2008]. Интерференция может проявляться также в когнитивных стратегиях описания событий. Учащиеся, чьи родные языки используют глагольную сериализацию для описания движения (например, китайский), чаще склонны опускать или неверно использовать приставки в русском языке. Это подтверждает необходимость включения анализа родной речи в исследования межъязыковой интерференции.

Таким образом, сопоставление речи учащихся с целевым и их родным языком позволяет глубже понять стратегии овладения языковыми конструкциями и особенности языковой интерференции.

2. Материалы и методы

В рамках настоящего исследования анализируются особенности использования русского языка тайваньскими студентами. Для этого их письменная речь, с одной стороны, сравнивается с речью носителей русского языка, что позволяет оценить степень приближения к нормам целевого языка. С другой стороны, учитывается влияние родного языка на изучаемый, что требует сопоставления с речью носителей китайского языка. С этой целью были привлечены испытуемые, чья письменная речь была зафиксирована и проанализирована. Собранные данные включают тексты следующих типов:

1) T1 — тексты на русском языке, написанные носителями русского языка (русский как родной). Испытуемыми являются русские студенты, которые учатся в разных университетах Тайваня;

2) T2 — тексты на русском языке, написанные тайваньскими студентами, изучаю-

щими русский язык (русский как неродной). Испытуемыми являются студенты факультета славистики государственного университета Чжэнчжи (г. Тайбэй) с опытом изучения русского языка более чем один год, т. е. студенты второго курса и выше;

3) Т3 — тексты на китайском языке, написанные носителями китайского языка (китайский как родной). Испытуемыми являются студенты университета Чжэнчжи, любых курсов и факультетов, кроме факультета славистики. Авторы Т2 и Т3 не совпадают.

Общее количество испытуемых — 72 чел. Характеристика испытуемых и их количество представлены в табл. 1.

Далее описаны методы сбора языкового материала. Испытуемые были приглашены по объявлению для участия в эксперименте. Информация о целях исследования им заранее не предоставлялась. Эксперимент проводился индивидуально, с предоставлением денежного вознаграждения за участие. В ходе эксперимента испытуемым предлагалось заполнить анкету, где они указывали свой языковой опыт, после чего им демонстрировался мультфильм «Bubble Bee». Данный мультфильм длится семь минут и не содержит реплик, предоставляя испытуемым исключительно зрительный стимул. Просмотр осуществлялся дважды, при этом участников просили не делать никаких записей во время просмотра. После просмотра испытуемым сразу вручался лист для написания изложения сюжета без использования словарей или других вспомогательных материалов. Им заранее объяснили, что в тексте допускается как пересказ сюжета, так и выражение собственного мнения о происходящем. Все собранные анкеты и тексты были введены в электронный формат

для дальнейшего анализа. Материалы, созданные на русском языке как иностранном, включены в наш корпус учащихся «NCCU Learner Corpus of Slavic Languages – LCSL» [LCSL 2021].

Сюжет мультфильма заключается в следующем. Во время игры с мячом пес по кличке Плуто случайно наткнулся на автомат с жвачками. Он захотел попробовать жвачки, но не смог достать их. В этот момент появилась пчела, которая легко проникла в автомат через отверстие и унесла один шарик к себе домой. Пес наблюдал за происходящим, выследил дом пчелы, разрушил его и съел все жвачки, которые рассыпались наружу. Обнаружив разрушение своего дома, пчела решила отомстить псу, и между ними завязалась битва. В финале пчела ужалит пса и одержит победу.

Мультфильм отличается динамичным сюжетом, насыщенным движением, что делает его отличным материалом для получения языковых данных, связанных с описанием событий движения. Ниже представлены примеры текстов, написанных носителем русского языка, тайваньским студентом и носителем китайского языка соответственно. В этих текстах сохранены оригинальные ошибки авторов, а также выделены лексические единицы, значимые для нашего анализа. Пунктуация и орфография сохранены.

Пример Т1

*Данный мультфильм никогда не был показан на ТВ в РФ на моей памяти, поэтому не могу сказать его названия. Повествование охватывает небольшой промежуток времени, а именно часть типичного дня домашней собаки — главного героя. Собака определенно наслаждается жизнью, забавляется с мячиком. Когда тот **выкатывается** за пределы двора, она **отправляется** на его поиски и*

Таблица 1. Характеристика испытуемых
[Table 1. Characteristics of tested individuals]

Типы текстов	T1	T2	T3
Язык	русский как родной	русский как неродной	китайский как родной
Испытуемые	русские	тайваньские студенты-слависты	тайваньцы
Курсы	любые	II-IV	любые
Кол-во человек	21	31	20

натыкается на автомат с жевательными резинками. Собака расстроена тем фактом, что ему не удастся **добраться до содержимого автомата** (наверняка, не каждому приходится сталкиваться с подобными задачами). Спустя время прилетевшая пчела путём находчивости достаёт один шарик, который она с большим усилием **относит в свой пчелиный дом** на дереве. Собака **следит за *пчёлкой (пчелой)**¹ и находит гнездо, разрушает его, в результате чего все имеющиеся шарики **выкатываются наружу**, в то время как сама собака с удовольствием их кушает. Вернувшаяся пчела находит свой дом разрушенным, что приводит её в ярость (столько усилий коту под хвост). Наказать собаку оказалось не лёгким делом, но в итоге она получила заслуженный укол жалом.

Несмотря на то, что по сути своей это больше развлекательный нежели интеллектуальный мультфильм, он несёт правильный посыл. «Без труда не вытянешь и рыбу из пруда» — собака привыкла к лёгкой жизни и не готова столкнуться с трудностями. Другой важный мотив — наказуемость преступлений. Хочется посочувствовать пчеле, чей дом был разорён, но в то же время нельзя не отметить тот факт, что оба персонажа совершили правонарушение. Пчела тем, что украла жевательную резинку, собака же в свою очередь разрушила чужой дом и совершила ограбление. По сути, оба персонажа понесли заслуженные наказания, как и должно было бы случиться в реальной жизни, будь персонажи людьми.

Пример Т2

На улице ходит одна собака, она ***выглядит весёлая и энергичная** (выглядит весело и энергично). У неё есть мяч, и всем понятно, собака любит играть с мячом. Она ***гнает (гонится) за мячом** и видит что-то интересное. В центре улицы стоит машина, которая продаёт вкусные конфеты. К сожалению, у собаки денег нет, одновременно с этим ***прийдёт (приходит) идея** собаке в голову. Она старается разбить её, чтобы получить конфеты, но ***она не сделает** (у неё не получается).

Сейчас появляется пчёлка. Пчёлка очень маленькая, поэтому она **влетает в *машину**.

¹ Ошибки испытуемых отмечены знаком *. В скобках приведен исправленный вариант.

не (машину) и выносит конфеты домой. Собака ходит за пчёлкой, и ходит **отнимать у пчёлки конфеты**. В результате собаке удалось. Следующий раз когда пчёлка **носит конфету домой**, она заметила, что её дом уже ***разбится** (разбился). Злая пчёлка ссорится с собакой, но потому что собака имеет больше туловище, чем пчёлка, пчёлке трудно выдерживать *На (В) конце концов, собака испугается ***хвостами** (жала) пчёлки и **уходит от страха**. В этом рассказе мы ***научим** (научились), что нельзя делать вредное дело.

Пример Т3

Фильм一開始Pluto в公園裡玩球，後來牠把泡泡糖販賣機誤認為飛走的球而衝過去，他立刻被機器中飄出來的泡泡糖的味道迷住了。沒有銅板買口香糖的Pluto奮力敲著機器，希望能至少倒出一顆泡泡糖，但卻徒勞無功，在他灰心之際，一隻蜜蜂飛了過來，擠進狹小的投幣口，在一翻操作下成功*抗著(扛著)一顆泡泡糖，心滿意足的飛走了。將這一切看在眼裡的Pluto悄悄跟著小蜜蜂來到他存放泡泡糖的蜂巢，並在蜜蜂走後將他的蜂巢敲碎，吃掉了蜜蜂辛辛苦苦搬回來的一地口香糖。Pluto將泡泡糖吹出來的泡泡當作球，在公園裡玩*的(得)不亦樂乎，而另一方面，再次*抗著(扛著)幾乎和自己身體一樣大口香糖回來的蜜蜂發現了碎了一地的蜂巢和不見蹤影的泡泡糖。蜜蜂在地上找到了線索——一個狗的腳印！牠生氣*的(得)飛到公園找Pluto理論，但Pluto卻用口香糖吹出泡泡攻擊牠，完全沒有要道歉或愧疚的意思，一狗一蜜蜂就此打了起來。在打架過程中，泡泡糖一下成為Pluto的武器，一下卻在蜜蜂的運用下束縛了Pluto (Ex:變成繩子綁住Pluto的嘴和腳)。Pluto和蜜蜂來來回回打了好幾回合，最後雙方都累的跌坐在一盆植物造景裡，就在這場架看似要結束的時候，Pluto卻突然痛的跳了起來，原來是蜜蜂趁Pluto精疲力*劫(竭)的時候，狠狠的在他屁股上*札(扎)了一針，讓他學到了教訓，最後畫面停留在小蜜蜂勝利的微笑上。雖然最後蜜蜂贏了，偷吃別人東西的Pluto也學到了教訓，但聽說蜜蜂的針只能*札(扎)一次，*札(扎)完之後就會死掉，讓人不禁擔心接下來蜜蜂的身體狀況，畢竟Pluto被蜜蜂*札(扎)頂多擦個藥，休息幾天就好了，但蜜蜂有可能死掉啊！！

Из собранного материала были извлечены конструкции движения для последую-

щего анализа. В качестве методологической основы исследования использовались сопоставительный анализ, количественный и качественный анализ данных, а также выявление характерных морфосинтаксических особенностей в письменных текстах.

3. Результаты

В данной работе представлены следующие результаты: 1) межъязыковые морфосинтаксические особенности описания событий движения. Межъязыковые особенности выявлены на основе сравнения текстов T1 и T3, представляющих письменную спонтанную речь русских и тайваньцев на их родном языке; 2) морфосинтаксические особенности описания событий движения у тайваньских студентов. Анализ письменной речи тайваньских студентов, изучающих русский язык, выполнен на основе сопоставления текстов T1 и T2. Это позволило выявить специфические языковые особенности в их спонтанной речи на русском языке как неродном; 3) межкультурные особенности. Межкультурные различия были выявлены на основе сопоставительного анализа содержания текстов T1, T2 и T3, что дало возможность проанализировать восприятие и интерпретацию событий разными группами испытуемых. Аспекты анализа представлены в табл. 2.

3.1. События движения в русском и китайском языках

Межъязыковая типология событий движения традиционно представляет большой

интерес в лингвистике. В научных исследованиях [Talmy 1985; Talmy 2007; Slobin 2004; Wälchli 2006; Hasko 2010; Chui et al. 2015; Pavlenko 2015; Yeh, Lin 2017; Nedelcheva, Šarić 2021; и др.] рассматриваются способы лексикализации событий движения разных языков в сопоставительном аспекте. В работе [Рахилина 1990] представлен логико-семантический анализ глаголов движения в русском языке. Исходя из средств выражения движения (PATH) выделяются типологически разные языки. Русский язык относится к сателлитным языкам (satellite-framed languages) [Talmy 1985; Talmy 2007; Slobin 2004], в которых движение выражается с помощью элемента, присоединяющегося к глаголу в пределах одной клаузы. В русском языке оно выражается путем глагольных приставок (*до-бежать*, *в-ходить*, *от-скакать* и др.). Китайский язык относится к языкам с глагольной сериализацией (verb-serializing language) [Talmy 1985; Talmy 2007; Slobin 2004], где для выражения пути движения используются несколько самостоятельных глаголов в пределах одной клаузы, например, *跑到* (*pǎo dào*), буквально ‘бежать + достичь предела’, русский аналог: *добежать*, *走進* (*zǒu jìn*), ‘идти + пройти внутрь’: *войти*, *跳開* (*tiào kāi*), ‘скакать + отдалиться’: *отскакать* и др.).

Анализ письменной речи носителей русского и китайского языков на родном языке выявил значительные различия в частотности описания событий движения (см. табл. 3). В письменной речи носителей ки-

Таблица 2. Языковые данные для анализа
[Table 2. Language analysis data]

Материалы для сопоставления	T1–T3	T1–T2	T1–T2, T3
Аспекты анализа	Письменная спонтанная речь русских и тайваньцев на их родном языке	Письменная спонтанная речь на русском языке как неродном	Письменная спонтанная речь русских (на родном языке) и тайваньцев (на родном и неродном языке)
Представленные данные	Межъязыковые морфосинтаксические особенности описания событий движения	Морфосинтаксические особенности описания событий движения у тайваньских студентов	Межкультурные особенности

Таблица 3. События движения в родной речи русских и тайваньцев
 [Table 3. Motion events in native-language narratives of Russian and Taiwanese nationals]

Источники	T1	T3
События движения	158	371
События движения с указанием пути (в процентах от общего количества событий движения)	137 (86,7 %)	340 (91,6 %)

тайского языка обнаружено большее количество конструкций, описывающих события движения, как по частоте употребления, так и по разнообразию типов. Особый интерес представляют конструкции, в которых отражается движение, включая указание начальной и конечной точек (источника и цели), а также направления движения.

Нами были выявлены характерные конструкции из текстов носителей русского и китайского языков, которые демонстрируют различия в описании событий движения. При анализе конструкций используются следующие термины:

– MANNER verb (глагол способа действия) — глаголы, описывающие способ или характер движения. Они уточняют, как именно осуществляется движение, например: *бежать, прыгать, лететь*;

– PATH verb (глагол пути) — глаголы, обозначающие направление или путь. Они делают акцент на том, куда движется субъект, например: *отправиться, возвращаться, падать*;

– DEICTIC verb (дейктический глагол) — глаголы, указывающие направление движения относительно говорящего, слушающего или наблюдателя. Они подчеркивают перемещение в пространстве с точки зрения положения участников коммуникации. В эту группу входят глаголы *идти, пойти, ехать*. Однако, если глаголы используются в контексте, где акцент делается на способ движения (*идти пешком* или *ехать на машине*), они могут также выполнять функцию MANNER verbs;

– PATH prefix (префикс пути) — префиксы, указывающие на направление движения в глаголах, например: *пере-* в слове *перейти*;

– PATH adverbial (обстоятельство пути) — обстоятельства, уточняющие на-

правление движения, добавляя информацию об источнике (source), цели (goal) или направлении (direction) движения.

Ниже приведены примеры конструкций, описывающих события движения в русском и китайском языках. В данной работе анализируются только конструкции, содержащие элементы пути; соответственно, глаголы типа MANNER verb без PATH prefix или PATH adverbial не рассматриваются.

– MANNER verb + PATH adverbial (goal):

▪ Плуто прыгает на стойку с жевательными конфетами.

– PATH verb + PATH adverbial (direction):

▪ Некоторое время спустя пчела возвращается к своему улью.

– DEICTIC verb + PATH adverbial (direction):

▪ Пчела пошла по следу и обнаружила играющего с пузырьком жвачки Плуто.

– PATH prefix-DEICTIC verb + PATH adverbial (source)

▪ Плуто вышел из-за дерева.

– PATH prefix-MANNER verb + PATH adverbial (goal):

▪ Шарики выкатываются наружу.

– MANNER verb + PATH adverbial (goal):

▪ 發現自己的棲身之處竟掉在地上殘破不堪。

掉 diào 在地上 zài dìshàng

упасть на землю

‘(Улей) упал на землю’.

– PATH verb + PATH adverbial (goal):

▪ 不幸地，牠進了狗的嘴巴裡。

進了 jìnle 狗的嘴巴裡 gǒu de zuǐbā lǐ

пройти внутрь рот собаки

‘(Пчела) попала в рот собаки’.

– MANNER-PATH verb + PATH adverbial (goal):

▪ 蜜蜂與狗狗再次掉進花叢。

掉 diào 進 jìn 花叢 huācóng
упасть пройти внутрь клумба
'(Пчела и собака) упали в клумбу'.
– MANNER-PATH-DEICTIC verb +
PATH adverbial (source):
▪ 趁小蜜蜂不在，把蜂窩從樹上打下
來。
從樹上 cóng shù shàng 打 dǎ
с дерева бить
下 xià 來 lái
двигаться вниз двигаться сюда
'(Собака) сбила (улей) с дерева'.
– DEICTIC-MANNER verb:
▪ 布魯托馬上就滿血復活，又去追那
顆彈力球去了。
去 qù 追 zhuī
идти гнаться
'(Плут) погнался за мячом'.
– MANNER-DEICTIC-MANNER verb:
▪ 小蜜蜂發現自己辛苦囤積的口香糖
被布魯托獨吞了，生氣地跑去找牠。
跑 pǎo 去 qù 找 zhǎo
бежать идти искать
'(Пчёлка) побежала к нему'.
– MANNER-PATH-PATH-DEICTIC verb:
▪ 巢中的泡泡糖也因為蜂巢破裂而全
部*灑(撒)落出來。

撒 sā 落 luò 出 chū
сыпаться упасть двигаться наружу
來 lái
двигаться сюда
'(Жвачки) рассыпались'.
В табл. 4 и 5 представлены различные
типы глаголов движения в двух языках. В
русской письменной спонтанной речи вы-
делено 137 клауз с описанием движения,
причем самая большая часть — 62% — со-
держит глаголы способа действия с префик-
сом движения (PATH PREFIX-MANNER
verb), например прилететь. Также довольно
частотны конструкции с глаголами способа
действия, такими как прыгнуть, в сочета-
нии с обстоятельством движения, например
в клумбу (MANNER verb + PATH adverbial).
Из всех проанализированных конструкций
73 % включают обстоятельства пути, при
этом более половины (53 %) из них указы-
вают на цель движения (см. табл. 4).
В китайской письменной спонтанной
речи выделены значительно больше типов
глаголов по сравнению с русской (14 про-
тив 5). Анализ показал, что 340 клауз со-
держат описание пути, из которых 53,2 %
состоят из комбинации глагола способа дей-

Таблица 4. Выражение пути в T1 (русском как родном)
[Table 4. Route descriptions in T1 texts]

Типы глаголов			Обстоятельства пути передвижения		
MANNER verb (with PATH adverbials)	28	20,4 %	PATH adverbials-source	14	14,0 %
PATH verb	19	13,9 %	PATH adverbials-goal	53	53,0 %
DEICTIC verb	3	2,2 %	PATH adverbials-direction	33	33,0 %
PATH prefix-DEICTIC verb	2	1,5 %	Итого	100	100,0 %
PATH prefix-MANNER verb	85	62,0 %			
Итого	137	100,0 %			

Таблица 5. Выражение пути в T3 (китайском как родном)
[Table 5. Route descriptions in T3 texts]

Типы глаголов			Обстоятельства пути движения		
MANNER verb (with PATH adverbials)	34	10,0 %	PATH adverbials-source	10	6,4 %
PATH verb	11	3,2 %	PATH adverbials-goal	105	67,3 %
MANNER-PATH verb	181	53,2 %	PATH adverbials- direction	41	26,3 %
DEICTIC verb	7	2,1 %	Итого	156	100,0 %

PATH-DEICTIC verb	8	2,4 %
MANNER-DEICTIC verb	17	5,0 %
MANNER-PATH-DEICTIC verb	58	17,1 %
DEICTIC-MANNER verb	8	2,4 %
DEICTIC-MANNER-PATH verb	1	0,3 %
DEICTIC-PATH verb	2	0,6 %
MANNER-MANNER verb (with PATH adverbial)	5	1,5 %
PATH-PATH verb	5	1,5 %
MANNER-DEICTIC-MANNER verb	2	0,6 %
MANNER-PATH-PATH-DEICTIC verb	1	0,3 %
Итого:	340	100,0 %

ствия и глагола пути (MANNER-PATH verb), например, 飛進 (fēi jìn, ‘лететь + пройти внутрь’: *влететь*). Менее частотным, но весьма характерным для китайского языка является сочетание глагола способа действия, глагола пути и дейктического глагола (MANNER-PATH-DEICTIC verb), например, 爬出來 (pá chū lái, ‘лезть + двигаться наружу + двигаться сюда’: *вылезть*), которое встречается в 17,1 % случаев. Из всех проанализированных конструкций 45,9 % включают обстоятельства пути, причем более двух третей из них (67,3 %) указывают на цель движения (см. табл. 5).

Таким образом, межъязыковые различия в лексикализации движения между русским и китайским языками проявляются в выборе средств для обозначения пути движения, типах глагольных конструкций и частотности их использования. Несмотря на различия, оба языка демонстрируют предпочтение сочетания способа и пути движения в предикате. Для русского языка движение выражается глагольной приставкой, в то время как в китайском языке он передается отдельным глаголом, при этом в обоих языках используются обстоятельства для указания источника, цели и направления движения. В дальнейшем мы рассмотрим такие конструкции в речи не-носителей русского языка и сопоставим их с речью носителей, чтобы выявить характерные особенности речи студентов, изучающих русский как иностранный.

3.2. События движения в неродной речи учащихся

Исследование событий движения в неродной речи учащихся позволяет выявить особенности межъязыковой интерференции и стратегии освоения глагольных конструкций в иностранном языке. Современные исследования данной проблемы охватывают широкий спектр аспектов, включая влияние родного языка на выбор глагольных конструкций [Emerson et al. 2021], роль аспектуальности и когнитивных факторов в концептуализации движения [Zhang 2024], а также особенности лексикализации глаголов движения в зависимости от уровня владения языком [Jeon, Sung 2023]. В частности исследование [Škodová, Lin 2024], проведенное на материале чешского языка из корпуса учащихся [LCSL 2021], выявило системные отличия в употреблении глаголов движения, обусловленные типологическими различиями между чешским и китайским языками. Работа [Liao et al. 2023] рассматривает роль языковых и неязыковых факторов в выборе цели движения, подтверждая сложность усвоения соответствующих конструкций в процессе изучения иностранного языка. Таким образом, исследования демонстрируют необходимость комплексного подхода, учитывающего как языковые, так и когнитивные факторы, влияющие на усвоение конструкций движения в неродной речи.

В контексте изучения русского языка как иностранного наблюдается аналогичная тенденция. Сравнение текстов на русском языке, написанных носителями русского и китайского языков (21 и 31 чел. соответственно), выявило значительную разницу в частотности описания событий движения (см. табл. 6). Тайваньские студенты, изучающие русский язык, употребляют меньше конструкций для описания событий движения. Это заметно, учитывая, что в родной речи тайваньцев количество таких конструкций превышает родную речь русских более чем в два раза.

Ошибки в описании событий движения, выявленные в текстах тайваньских студентов, можно классифицировать по следующим группам:

– *Использование глаголов разнонаправленного движения вместо однонаправленного*

Эта ошибка обусловлена отсутствием в китайском языке категории однонаправленности, что затрудняет освоение соответствующих конструкций в русском языке. В китайском языке движение чаще выражается общими глаголами без разграничения между однонаправленным и разнонаправленным действием, что приводит к смешению категорий. Примеры ошибок:

■ * Вдруг, сюда летал бее (вместо *сюда прилетел*).¹

■ * Собака бегала домой;

– *Использование PATH prefix-DEICTIC verb вместо PATH prefix-MANNER verb*

Дейктические глаголы, такие как *идти*, обладают более широкой сферой употребления и, как правило, легче усваиваются студентами, по сравнению с глаголами способа действия, такими как *катиться* или *лететь*. В результате студенты часто заменяют глаголы способа действия дейктическими глаголами, что приводит к ошибкам, снижению точности или потере выразительности при описании движений в русском языке:

■ * Мяч ушел от парка (вместо *ука-тился*).

■ * Мяч куда-то ушёл.

¹ Сохранены орфографические, грамматические и лексические ошибки испытуемых. Предложения с ошибками отмечены знаком *.

■ * Пчелка вошла в парке (вместо *влетела в парк*).

■ * Бее вышёл из дома для конфетов.

■ * Воллейбол неожиданно уезжал (вместо *ука-тился, ускакал или улетел*);

– *Использование MANNER verb вместо PATH prefix-MANNER verb*

В речи тайваньских студентов наблюдается замена конструкции PATH prefix-MANNER verb, характерной для русского языка, на более простую форму MANNER verb, что приводит к потере информации о движении:

■ * Гофи смотрел, как бее летил в машину (вместо *влетел в машину*).

■ * В это время одна маленькая пчела летала внутри этой круглой вещи.

■ * Вдруг летала пчёлка, которая достаточно маленькая, чтобы лететь внутри и взять пищу.

В последних двух примерах можно наблюдать влияние родного языка. В китайском языке, в отличие от русского, движение чаще обозначается после глагола способа действия. Например, в конструкции MANNER-PATH verb используется последовательность глаголов, таких как 飛進 (fēi jìn) — буквально ‘лететь + пройти внутрь’ (в русском — *влететь*). В приведенных примерах наблюдается заимствование концепции «путь движения после глагола способа действия», при котором вместо корректной русской конструкции с приставочным глаголом используется слово *внутри* после глагола (правильно было бы употребление слова *внутри*);

– *Сочетание DEICTIC verb и MANNER verb*

Данное сочетание является нетипичным для русского языка и связано с интерференцией китайского языка:

■ * Вдруг бол летал выйти из сада (вместо *вылетел из сада*).

Соответствующая конструкция в китайском языке: MANNER-PATH-DEICTIC verb — 飛出去 (fēi chū qù), что буквально переводится как ‘лететь + двигаться наружу + идти’.

■ * Собака ходит за пчёлкой, и ходит отнимать у пчёлки конфеты (вместо *отнимает*).

Таблица 6. События движения в русской речи как родной и неродной
 [Table 6. Motion event descriptions by native and non-native Russian speakers]

Источники	T1	T2
События движения	158	137
События движения с указанием пути (в % от общего количества событий движения)	137 (86,7 %)	111 (81,0 %)

В китайском языке используется конструкция DEICTIC-MANNER verb — 去搶 (qù qiǎng), что буквально означает ‘идти + захватить’;

– Высокая частотность слова *вернуть-ся*

Анализ текстов тайваньских студентов показал, что 15 из 17 случаев использования PATH verb содержат глагол *вернуть-ся*, тогда как русские носители употребляют его значительно реже — всего в 6 из 19 примеров, предпочитая вместо него глаголы с приставкой пути движения, такие как *прилететь*. Например, «Когда пчела **прилетела** с новой жвачкой, то обнаружила, что её дом-улей разрушен, а рядом были следы собаки». Как уже было отмечено в разделе iii, характерная для русской речи конструкция PATH prefix-MANNER verb значительно реже встречается в текстах тайваньских студентов, что указывает на сложности в ее усвоении и склонность учащихся к упрощенному выражению движения. Примеры из текстов тайваньских студентов:

▪ Когда пчёлка опять вернулась в пчелиное гнездо, оно сломалось, и конфет не было!

▪ Когда Вее вернулся домой, он заметил, что гнездо разбили и конфеты исчезли.

▪ Когда пчела вернулась домой, она увидела её *сломанный дом.

В табл. 7 представлены типы глаголов движения в T2. В ходе исследования было выделено 111 клауз с описанием пути движения. Сравнение с данными русской речи, представленными в табл. 4, выявило значительные различия в частотности употребления конструкции PATH prefix-MANNER verb, которая встречается у русских носителей в 62 % случаев, тогда как у тайваньских студентов — лишь в 27 %. При этом конструкция MANNER verb + PATH adverbial

оказалась более частотной в речи тайваньских студентов (25,2 % против 20,4 % у русских), что позволяет сделать вывод о наиболее сложном аспекте изучения конструкций движения — употреблении приставок при глаголах способа действия.

Повышенная частотность конструкций с DEICTIC verb (11,7 % против 2,2 % у русских) и PATH prefix-DEICTIC verb (18,9 % против 1,5 % у русских) свидетельствует о лучшем усвоении студентами дейктических глаголов с приставкой и без нее, поскольку они являются первыми и наиболее знакомыми при изучении глаголов движения.

Что касается обстоятельств пути движения, 77,5 % всех проанализированных конструкций в T2 содержат такие обстоятельства, что сопоставимо с данными русской речи (73 % в T1) и значительно превышает показатели китайской речи (45,9 % в T3). Это свидетельствует о лучшем усвоении тайваньскими студентами подобных конструкций. Тем не менее тайваньские студенты чаще указывают цель движения по сравнению с русскими (65,1 % против 53 %), тогда как указание направления встречается реже (22,1 % против 33 %).

Таким образом, сравнение корпусов T1 (родная речь русских) и T2 (неродная речь тайваньских студентов) позволило выявить ряд характерных особенностей. Тайваньские студенты чаще используют конструкции типа MANNER verb, DEICTIC verb и PATH prefix-DEICTIC verb, однако реже прибегают к использованию конструкций PATH prefix-MANNER verb, характерных для русского языка. Основная сложность для учащихся заключается в правильном употреблении приставок в глаголах движения, обозначающих способ действия, что приводит к их замене на более простые конструкции.

Таблица 7. Выражение пути в T2 (русском как неродном)
[Table 7. Path descriptions in T2 texts]

Типы глаголов			Обстоятельства пути движения		
MANNER verb (with path adverbials)	28	25,2 %	PATH adverbials-source	11	12,8 %
PATH verb	17	15,3 %	PATH adverbials-goal	56	65,1 %
DEICTIC verb	13	11,7 %	PATH adverbials-direction	19	22,1 %
PATH prefix-DEICTIC verb	21	18,9 %	Итого:	86	100,0 %
PATH prefix-MANNER verb	30	27,0 %			
* MANNER-PATH prefix-DEICTIC verb	1	0,9 %			
* DEICTIC-PATH prefix-MANNER verb	1	0,9 %			
Итого:	111	100,0 %			

Наблюдается интерференция китайского языка, что объясняет появление нетипичных для русского языка конструкций, таких как MANNER-PATH prefix-DEICTIC verb и DEICTIC-PATH prefix-MANNER verb. В китайском языке широко используется сочетание дейктического глагола с глаголом способа действия (существует шесть подобных конструкций), что создает дополнительные трудности при освоении русских конструкций.

Анализ также показывает, что тайваньские студенты лучше усваивают обстоятельства движения, указывающие на цель движения. По сравнению с носителями русского языка они чаще используют обстоятельства цели движения, но реже употребляют обстоятельства, указывающие на направление движения, что свидетельствует о специфике их языковой картины мира и стратегиях освоения иностранного языка.

3.3. Внеязыковые особенности рассуждения у русских и тайваньцев

В табл. 8 представлены результаты анализа письменных рассуждений русских и тайваньских студентов о мультфильме «Bubble Bee». Среди русских участников 12 из 21 (57,1 %) рассуждали о морали мультфильма, а 13 (61,9 %) выразили свои оценки

поведения персонажей. Среди тайваньских студентов только 14 из 51 (27,5 %) затронули тему морали, а 25 (49,0 %) дали оценку поведению героев.

Рассуждения о морали. Ниже представлены примеры рассуждений разных групп участников в своем письменном изложении просмотренного видеосюжета.

Примеры носителей русского языка:

▪ «Без труда не вытянешь и рыбу из пруда». Другой важный мотив — наказуемость преступлений.

▪ Мораль истории такова — не воруй, даже если плохо лежит.

▪ Мне кажется, данное видео очень поучительное. Ты не должен причинять вред другим, не должен быть жадным. Всё плохое, что ты сделал, обязательно вернётся к тебе.

Примеры носителей китайского языка:

▪ Самое плохое — это украсть. Если человек чего-то хочет, он не должен красть, а должен работать и работать. Говорят: лучше работать честно, чем красть. Хотя честно работать очень трудно, это всё равно хорошо и интересно. Человек должен знать это.

▪ 壞人總是不會有好下場。‘У плохих людей всегда плохой конец’.

Оценка героев. Плуты в большинстве

Таблица 8. Рассуждения и оценки в речи русских (по T1) и тайваньцев (по T2 и T3)
 [Table 8. Reasoning and evaluations in speech of Russian (T1) and Taiwanese nationals (T2 and T3)]

Источники	T1	T2 + T3
Рассуждение о морали (в % от общего количества текстов)	12 (57,1 %)	14 (27,5 %)
Оценка героев (в % от общего количества текстов)	13 (61,9 %)	25 (49,0 %)
Количество текстов	21	51

случаев рассматривался как отрицательный персонаж как у русских, так и у тайваньцев:

- Собака же в свою очередь разрушила чужой дом и совершила ограбление.
- Результатом своего подлого поступка Плуту остался доволен.
- 布魯托真是太貪心了。‘Плуту такой жадный’.
- 布魯托的行為幼稚且不負責任，從丟失皮球到想破壞機器以及偷吃糖果，而最終並無悔意，這些惡性都凸顯人類在現實中的惡習。‘Поведение Плуту наивно и безответственно: потеря мяча, попытки уничтожить автомат и кража конфет, а в конечном итоге, он и не раскаивается. Все это подчеркивает пороки человека в реальной жизни’.

Пчела чаще оценивалась русскими как отрицательный персонаж, поскольку она также воровала:

- Пчела без зазрения совести воровала жвачку из автомата.
- Пчела оказалась достаточно бесстыжая, так как одной жвачкой она обойтись не хотела.

Тайваньские студенты, напротив, чаще описывали пчелу как положительного персонажа:

- 蜜蜂是個很聰明的角色，因為它懂得運用技巧去獲得機器裡的泡泡糖。‘Пчела — очень умный персонаж, потому что она умеет доставать жвачку из автомата’.
- 蜜蜂則是做事謹慎，會有計畫性的儲存泡泡糖而不是拿一顆吃一顆。‘Пчела весьма осмотрительна, вместо того чтобы получать по одной жвачке и сразу её съесть, у нее разработан целый план по хранению жвачек’.

Влияние мультфильма на детей. Некоторые участники отметили возможное влияние мультфильма на юных зрителей:

- Возможно, есть ещё более понятный для детей урок — есть много жвачки вредно.
- Испугавшись, Плуту проглотил часть жвачки, чего вам, дети, я делать настоятельно не рекомендую!
- 以一個兒童卡通的角度視之，也許有趣，但也不免害怕孩子的模仿。‘Как детский мультфильм, он может быть интересным, но невозможно не волноваться за то, что дети будут подражать плохому поведению’.

Итак, сравнение данных T1, T2 и T3 позволило выявить культурные различия в восприятии мира и стилях письменного изложения у русских и тайваньских студентов. Русские чаще обсуждали моральные аспекты мультфильма и давали оценки героям, причем их комментарии были более критичными. Тайваньцы, напротив, демонстрировали более мягкий подход и реже рассуждали о морали.

Можно предположить, что эта разница связана либо с особенностями менталитета двух культур, либо с различиями в стилях изложения, характерных для студентов двух стран. Для окончательных выводов требуется больше данных и дальнейшее исследование.

4. Заключение

В данной работе были рассмотрены типологические различия в способах описания событий движения и особенности письменной речи русских и тайваньских студентов. Тайваньские студенты, изучающие русский язык, сталкиваются с трудностями в переда-

че событий движения, что связано с языковой интерференцией и ограниченным уровнем владения русским языком. Их тексты часто менее динамичны и изобразительны по сравнению с текстами носителей языка, что объясняется недостаточным использованием языковых средств, обозначающих путь движения, в частности конструкций с приставочными глаголами.

Выявленные различия в описании событий движения, а также в восприятии персо-

нажей мультфильма, отражают особенности языковой картины мира и концептуализации движения у представителей русского и китайского языков. Эти результаты подчеркивают важность межкультурного подхода при изучении языка и необходимость целенаправленной работы над формированием навыков употребления конструкций с глаголами движения у иностранных студентов.

Литература

- Рахилина 1990 — *Рахилина Е. В.* Семантика или синтаксис? К анализу частных вопросов в русском языке. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1990. 206 с.
- Chui et al. 2015 — *Chui K., Yeh H.-L., Lan W.-C.; Cheng Y.-H.* Clausal-packaging of path of motion in Mandarin learners' acquisition of Russian and Spanish // *Taiwan Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 13(1). Pp. 1–23.
- Emerson et al. 2021 — *Emerson S. N., Limia V. D., Özçalışkan Ş.* Cross-linguistic transfer in Turkish–English bilinguals' descriptions of motion events // *Lingua*. Netherlands. 2021. Vol. 264. Article 103153. DOI: 10.1016/j.lingua.2021.103153
- Granger 2003 — *Granger S.* The International Corpus of Learner English: A New Resource for Foreign Language Learning and Teaching // *TESOL Quarterly*. 2003. Vol. 37(3). Pp. 538–546.
- Hasko 2010 — *Hasko V.* Semantic composition of motion verbs in Russian and English: The case of intra-typological variability // *New Approaches to Slavic Verbs of Motion* / V. Hasko, R. Perlmutter (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. Pp. 198–224.
- Jarvis, Pavlenko 2008 — *Jarvis S., Pavlenko A.* Crosslinguistic Influence in Language and Cognition. Routledge. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. 285 p.
- Jeon, Sung 2023 — *Jeon J., Sung, M.-C.* L2 English learners' verb lexicalization of motion events: Effects of proficiency and salience of manner // *Review of Cognitive Linguistics*. Vol. 21(1). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2023. Pp. 266–292.

References

- Rakhilina E. V. *Semantics or Syntax? Answering WH-Questions in Russian*. Munich: O. Sagner, 1990. 206 p. (In Russ.)
- Chui K., Yeh H.-L., Lan W.-C., Cheng Y.-H. Clausal-packaging of path of motion in Mandarin learners' acquisition of Russian and Spanish. *Taiwan Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 13. No. 1. Pp. 1–23. (In Eng.)
- Emerson S. N., Limia V. D., Özçalışkan Ş. Cross-linguistic transfer in Turkish–English bilinguals' descriptions of motion events. *Lingua*. 2021. Vol. 264. Article no. 103153. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2021.103153>. (In Eng.)
- Granger S. The International Corpus of Learner English: A new resource for foreign language learning and teaching. *TESOL Quarterly*. 2003. Vol. 37. No. 3. Pp. 538–546. (In Eng.)
- Hasko V. Semantic composition of motion verbs in Russian and English: The case of intra-typological variability. In: Hasko V., Perlmutter R. (eds.) *New Approaches to Slavic Verbs of Motion*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. Pp. 198–224. (In Eng.)
- Jarvis S., Pavlenko A. Crosslinguistic Influence in Language and Cognition. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. 285 p. (In Eng.)
- Jeon J., Sung, M.-C. L2 English learners' verb lexicalization of motion events: Effects of proficiency and salience of manner. *Review of Cognitive Linguistics*. 2023. Vol. 21. No. 1. Pp. 266–292. (In Eng.)

- LCSL 2021 — NCCU Learner Corpus of Slavic Languages (LCSL), 2021. Taipei: Department of Slavic Languages and Literature, College of Foreign Languages and Literature, National Chengchi University [электронный ресурс]. URL: <http://LCSL.nccu.edu.tw> (дата обращения: 15.12.2024).
- Liao et al. 2023 — Liao Y., Dijkstra K., Zwaan R. A. Linguistic and non-linguistic cues in motion event endpoint description: The selection between English to and towards // *Memory & Cognition*. Vol. 51(4). New York: Springer US, 2023. Pp. 982–996. (In Eng.) DOI: 10.3758/s13421-022-01371-6.
- Nedelcheva, Šarić 2021 — Nedelcheva S., Šarić L. Translating deictic motion verbs among Bulgarian, Croatian, and Serbian: A corpus-based study // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25(1). Pp. 43–67.
- Odlin 1989 — Odlin T. *Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 212 p.
- Pavlenko 2015 — Pavlenko A. Motion encoding in Russian and English: Moving beyond Talmy's typology // *The Modern Language Journal*. 2015. 99, Supplement. Pp. 32–48.
- Selinker 1972 — Selinker L. Interlanguage // *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 1972. Vol. 10(3). Pp. 209–231.
- Slobin 2004 — Slobin D. I. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // *Relating Events in Narrative: Typological and Contextual Perspectives* / S. Strömquist, L. Verhoeven (eds.). Hillsdale, New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. Pp. 219–257.
- Škodová, Lin 2024 — Škodová S., Lin S.-H. Motion Verbs in the Second/Foreign Language Acquisition of Czech: A corpus-based study on non-native speakers of Czech with Chinese L1 // *Learner Corpus Research Conference*, University of Tartu, 26–28 Sept., 2024.
- Talmy 1985 — Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // *Language Typology and Syntactic Description* / T. Shopen (ed.). Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 36–149.
- Talmy 2007 — Talmy L. Lexical typologies // *Language Typology and Syntactic Description*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Vol. 3(2), Pp. 66–168.
- NCCU Learner Corpus of Slavic Languages (LCSL). Taipei, 2021. On: National Chengchi University, College of Foreign Languages and Literature, Department of Slavic Languages and Literature (website). Available at: <http://LCSL.nccu.edu.tw> (accessed: 15 December 2024). (In Russ., Czech, Eng. and Chin.)
- Liao Y., Dijkstra K., Zwaan R. A. Linguistic and non-linguistic cues in motion event endpoint description: The selection between English to and towards. *Memory & Cognition*. 2023. Vol. 51. No. 4. Pp. 982–996. (In Eng.) DOI: 10.3758/s13421-022-01371-6
- Nedelcheva S., Šarić L. Translating deictic motion verbs among Bulgarian, Croatian, and Serbian: A corpus-based study. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No. 1. Pp. 43–67. (In Eng.)
- Odlin T. *Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 212 p. (In Eng.)
- Pavlenko A. Motion encoding in Russian and English: Moving beyond Talmy's typology. *The Modern Language Journal*. 2015. Vol. 99. Supplement. Pp. 32–48. (In Eng.)
- Selinker L. Interlanguage. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 1972. Vol. 10. No. 3. Pp. 209–231. (In Eng.)
- Slobin D. I. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events. In: Strömquist S., Verhoeven L. (eds.) *Relating Events in Narrative: Typological and Contextual Perspectives*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. Pp. 219–257. (In Eng.)
- Škodová S., Lin S.-H. Motion verbs in the second/foreign language acquisition of Czech: A corpus-based study on non-native speakers of Czech with Chinese L1. In: *Learner Corpus Research Conference. Proceedings*. Tartu: University of Tartu, 2024. (In Eng.)
- Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms. In: Shopen T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description*. Vol.3: Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 36–149. (In Eng.)
- Talmy L. Lexical typologies. *Language Typology and Syntactic Description*. 2007. Vol. 3. No. 2. Pp. 66–168. (In Eng.)

- Wälchli 2006 — *Wälchli B.* Come and Go. Deictic and pseudodeictic motion verbs. *Academia grammaticorum Salensis tertia Salų dvaras*, 2006. Pp. 1–8.
- Yeh, Lin 2017 — *Yeh H.-L., Lin, S.-H.* Mandarin speakers learning motion verbs in Russian and Czech // *Лингвострановедческие, социокультурные и лингвистические аспекты в изучении и преподавании иностранного языка и литературы*/ 2017. No. 2. Pp. 225–233.
- Zhang 2024 — *Zhang Q.-J.* Revisiting the connection between progressive aspect and motion event cognition: Evidence from L1 Mandarin Chinese and L2 Swedish // *Lingua*. 2024. Vol. 311. Article 103827. DOI: 10.1016/j.lingua.2024.103827
- Wälchli B. Come and Go. Deictic and pseudodeictic motion verbs. In: *Academia grammaticorum Salensis tertia Salų dvaras* (2006). Summer school and conference proceedings. 2006. Pp. 1–8. (In Eng.)
- Yeh H.-L., Lin, S.-H. Mandarin speakers learning motion verbs in Russian and Czech. *Lingvostranovedcheskie, sociokul'turnye i lingvisticheskie aspekty v izuchenii i prepodavanii inostrannogo yazyka i literatury*. 2017. No. 2. Pp. 225–233. (In Chin.)
- Zhang Q.-J. Revisiting the connection between progressive aspect and motion event cognition: Evidence from L1 Mandarin Chinese and L2 Swedish. *Lingua*. 2024. Vol. 311. Article no. 103827. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.lingua.2024.103827

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 1, Pp. 247–271, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81'25:81'42

DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-247-271

Сопоставительный анализ вероятностных тематических моделей китайско-русского корпуса политических текстов

Чжу Хуэй¹, Митрофанова Ольга Александровна²

¹ Даляньский университет иностранных языков (д. 6, западный участок Южной дороги Люйшунь, район Люйшунькоу, 116044 Ляонин, Далянь, Китайская Народная Республика)
 аспирант

 0009-0003-2922-8156. E-mail: : zhuhui1230[at]qq.com

² Санкт-Петербургский государственный университет (д. 7–9, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-3008-5514. E-mail: o.mitrofanova[at]spbu.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Чжу Хуэй, Митрофанова О. А., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена сопоставительному анализу вероятностных тематических моделей китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики. Разработанный в рамках исследования корпусной ресурс включает в себя три подкорпуса: исходные тексты «Докладов о работе правительства в 2012–2022 гг.» на китайском языке, их переводы на русский язык и сопоставимый подкорпус «Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2011–2021 гг.». *Цель* экспериментов заключается в выявлении и описании общих тем для корпуса, а также тем, специфичных для отдельных текстов. Осуществляется лингвистическая интерпретация тем с помощью генерации меток тем большой языковой моделью YandexGPT, полученные метки тем сопоставляются с результатами экспертной разметки и выделения ключевых выражений. Эксперименты по вероятностному тематическому моделированию проводятся на основе алгоритма LDA с помощью инструмента TMT (Topic Modeling Tool), а для выделения ключевых выражений используется алгоритмы YAKE, mBERT и TF-IDF в библиотеке Orange. В результате были выявлены сходства и различия между словами-тематизаторами в темах подкорпусов, построено семейство вероятностных тематических моделей, описывающих семантическую организацию китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики. *Результаты* тематического моделирования были сопоставлены с данными, полученными в ходе автоматического выделения ключевых выражений, и было показано пересечение между наборами слов-тематизаторов и наборами ключевых выражений, сформированными для каждого из подкорпусов. В нашем исследовании также описывается частеречная характеристика слов-тематизаторов в темах. Обнаружено, что тематические модели воспроизводят основные парадигматические и синтагматические отношения в корпусе текстов. Новизна нашего исследования состоит в том, что в ней впервые представлены результаты автоматического постро-

ения тематических моделей для китайско-русского корпуса, что восполняет существующие пробелы в этой области.

Ключевые слова: вероятностная тематическая модель, корпус текстов, параллельный корпус, сопоставимый корпус, политические тексты, автоматическое выделение ключевых выражений, частеречная разметка

Благодарность. Исследование выполнено Чжу Хуэем при поддержке проекта ДУИЯ № YJSCX2022-009; раздел 4 подготовлен О. А. Митрофановой при поддержке проекта СПбГУ № 123042000068-8; раздел 6 подготовлен О. А. Митрофановой при поддержке проекта СПбГУ № 124032900006-1.

Для цитирования: Чжу Хуэй, Митрофанова О. А. Сопоставительный анализ вероятностных тематических моделей китайско-русского корпуса политических текстов // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 1. С. 247–271. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-247-271

Chinese-Russian Corpus of Political Texts: A Comparative Analysis of Probabilistic Topic Models

Zhu Hui¹, Olga A. Mitrofanova²

¹ Dalian University of Foreign Languages (6, Lushun Nanlu Xiduan, 116044 Dalian, Liaoning Province, People's Republic of China)

Postgraduate Student

 0009-0003-2922-8156. E-mail: zhuhui1230[at]qq.com

² St. Petersburg State University (9/7, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-3008-5514. E-mail: o.mitrofanova[at]spbu.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Zhu Hui, Mitrofanova O. A., 2025

Abstract. Introduction. The article introduces a comparative analysis of probabilistic topic models derived from a Chinese-Russian corpus of parallel and comparable political texts. The corpus developed hereto includes a total of three sub-corpora: Reports on the Work of the Government in 2012–2022 (original Chinese-language texts), their Russian translations, and Presidential Addresses to the Federal Assembly of Russia in 2011–2021 (a comparable Russian-language sub-corpus). **Goals.** The work aims at identifying and describing topics that prove common within the corpus, as well as ones specific to individual texts. Linguistic interpretations have been conducted with topic labeling tools of the YandexGPT language model, the resulting topic labels be further compared to expert-generated annotations and automatically extracted keyphrases. The conducted probabilistic topic modelling involves the LDA algorithm in TMT (Topic Modeling Tool), as well as the YAKE, mBERT, and TF-IDF algorithms from Orange library for Python. The algorithms are intended to identify keyphrases and find out similarities in topical words across different sub-corpora and between the languages under comparison. **Results.** So, a family of probabilistic topic models that describe semantic organization of the Chinese-Russian parallel and comparable corpus of political texts has been created. The outcomes of our topic modelling are compared to the automatically extracted keyphrases, and reveal certain intersections for each sub-corpus. The study also provides a part-of-speech (POS) tagging analysis of topical words. As is shown, the models reproduce key paradigmatic and syntagmatic relationships in the text corpus. The research is first to present automatically constructed probabilistic topic models for a Chinese-Russian parallel and comparable corpus of political texts, thus filling in some gaps existing in this field.

Keywords: probabilistic topic modelling, text corpus, parallel corpus, comparative corpus, political texts, automatic keyphrase extraction, POS tagging

Acknowledgements. The study was performed by Zhu Hui with the support of the DUFL project No. YJSCX2022-009; section 4 was prepared by O. A. Mitrofanova with the support of St. Petersburg State University, project No. 123042000068-8; section 6 was prepared by O. A. Mitrofanova with the support of St. Petersburg State University, project No. 124032900006-1.

For citation: Zhu Hui, Mitrofanova O. A. Comparative Analysis of Probabilistic Topic Models of the Chinese-Russian Corpus of Political Texts. *Oriental Studies*. 2025; 18(1): 247–271. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-77-1-247-271.

1. Введение

В эпоху цифровых технологий анализа текстовой информации ученые, исследующие функционирование языка в обществе, сталкиваются с необходимостью совмещения традиционных методов лингвистического анализа и алгоритмов компьютерной лингвистики в программных лингвистических комплексах для автоматической обработки корпусов текстов. Процедуры, проводимые на материале корпусных данных, включают многоуровневую разметку корпусов, выделение именованных сущностей, фактов, количественной информации, ключевых слов и словосочетаний, автоматическую классификацию и кластеризацию лексики и документов в корпусе, генерацию заголовков и аннотаций, построение лексических баз данных и формальных онтологий и т. д. [Большакова и др. 2011; Большакова и др. 2017; ПиКЛ 2017].

Особое место в корпусной лингвистике занимают исследования, проводимые на материале параллельных и сопоставимых корпусов текстов [Захаров, Богданова 2020: 61–63]. Китайский язык представлен в ряде корпусных ресурсов, разработка которых ведется с конца XX в.: на сегодняшний день число корпусов текстов для китайского языка достигло нескольких десятков, среди них есть параллельные и сопоставимые корпусы текстов [Колпачкова 2015; Tao, Захаров 2015].

Исследования, проводимые на материале параллельных корпусов, в основном сосредоточены на китайско-английской языковой паре [Dalianis et al 2010; Tian et al. 2014; Zhai et al. 2020], в то же время есть ресурсы, включающие китайский и другие европейские [Cao 2020] и восточные языки [Zhang et al. 2020]. В переводе и синологии значительное внимание до сих пор уделялось лингвистическим методам работы с параллельными корпусами текстов

политической тематики [Wang, Qin 2009; Li, Hu 2017]. Квантитативные исследования китайско-русских корпусов текстов проводятся не столь часто [Tao, Захаров 2015: 19].

Исследования на материале китайско-русских и русско-китайских параллельных корпусов проводятся с 2010 г. Одним из наиболее значимых ресурсов является русско-китайский подкорпус¹, который появился в 2016 г. в составе Национального корпуса русского языка ‘НКРЯ’². На данный момент подкорпус объемом более 3,5 млн словоупотреблений включает в свой состав свыше 1 тыс. текстов, документов, большая часть которых представляет художественный, публицистический и официально-деловой стили. Вместе с тем китайские ученые разработали несколько китайско-русских параллельных корпусов, таких как многостилевой русско-китайский и китайско-русский параллельный корпус [Cui, Zhang 2014], русско-китайский параллельный корпус научных текстов гуманитарной области [Tao, Захаров 2015], русско-китайский переводческий корпус [Liu, Shao 2016] и другие. В настоящее время происходит становление корпусного направления в Китае, что подтверждается большим вниманием, которое уделяется таким вопросам, как создание, разметка и выравнивание параллельных корпусов [Tao, Захаров 2015; Дань 2015; Мухин, Ян 2016; Чэнь, Кукушкина 2018].

В нашем исследовании демонстрируется перспективность применения вероятностного тематического моделирования и процедур автоматического выделения ключевых слов в задачах извлечения информа-

¹ Русско-китайский подкорпус Национального корпуса русского языка [электронный ресурс] // URL: <https://ruzhcorp.ruscorpora.ru/?ysclid=lusm9cnfc2229797829> (дата обращения: 15.06.2024).

² Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.06.2024).

ции из китайско-русских корпусов текстов. В работах [Sun et al. 2010; Huang et al. 2015] описаны результаты тематического моделирования в китайских текстах ‘см. также онлайн-ресурсы¹), однако применение данных алгоритмов в китайско-русской языковой паре мы, к сожалению, не нашли.

Новизна нашего исследования состоит в том, что в нем впервые представлены результаты автоматического построения тематических моделей для китайско-русского корпуса. Особенностью нашего подхода является то, что эксперименты проводятся на материале принципиально нового типа корпуса, включающего в свой состав как параллельные, так и сопоставимые тексты политической тематики. Цель исследования заключается в том, чтобы в ходе экспериментов выявить темы, общие для корпуса и специфичные для отдельных текстов, осуществить лингвистическую интерпретацию тем, сопоставить их с экспертной разметкой и результатами выделения ключевых выражений.

Гипотеза исследования такова: единство стиля и жанра корпусов текстов является одним из факторов, обеспечивающих общность структуры тематических моделей, обученных на сравниваемых текстовых данных. Тематические модели, построенные с корректно подобранными параметрам, имеют высокую объяснительную способность, в них отражаются как сходства, так и различия между текстами. Наше предположение состоит в том, что различия в результатах тематического моделирования корпуса могут быть объяснены как языковой, так и общественно-политической спецификой источников.

2. Описание китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики

Наше исследование основано на материале китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической

тематики. Данный корпус состоит из трех сегментов: первые два сегмента — это параллельные тексты «Докладов о работе правительства в 2012–2022 гг.» (далее — ДРП), включающие в себя исходный китайский текст (ДРП-К), и перевод на русский язык (ДРП-Р). Корпус содержит политические документы, опубликованные на государственном сайте информационного агентства *Синьхуа*² и газеты *Жэньминь жибао*³. Ежегодный «Доклад о работе правительства» является важным политическим документом и имеет высокую государственную ценность. Перевод «Докладов о работе правительства» на русский язык был осуществлен и опубликован Научно-исследовательским институтом истории партии и литературы при ЦК КПК, что обеспечило авторитетность переводного текста. Третий сегмент — это сопоставимый корпус «Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2011–2021 гг.» (далее — ППР). «Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию» представляет собой высокую ценность как документ о государственной жизни России, поэтому он рассматривается нами как важный материал для лингвистического исследования.

В ходе подготовки китайско-русского корпуса к проведению процедур тематического моделирования тексты были сегментированы по годам, были определены объемы текстов в токенах для каждого сегмента. Результаты представлены на рис. 1.

Сравнение тематических моделей требует предварительной обработки корпусов текстов.

1. Токенизация. Для токенизации китайских текстов использовался инструмент *CorpusWordParser*⁴, разработанный группой корпусной лингвистики Пекинского университета иностранных языков, а для токе-

¹ Например, Тематическое моделирование в китайских текстах [электронный ресурс] // URL: <https://github.com/sdx0112/Chinese-Topic-Modeling/tree/main> (дата обращения: 15.06.2024).

² Информационное агентство *Синьхуа* [электронный ресурс] // URL: <https://russian.news.cn/index.htm> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Газета *Жэньминь жибао* [электронный ресурс] // URL: <http://russian.people.com.cn/> (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ *CorpusWordParser* [электронный ресурс] // URL: <https://corpus.bfsu.edu.cn/TOOLS.htm> (дата обращения: 15.06.2024).

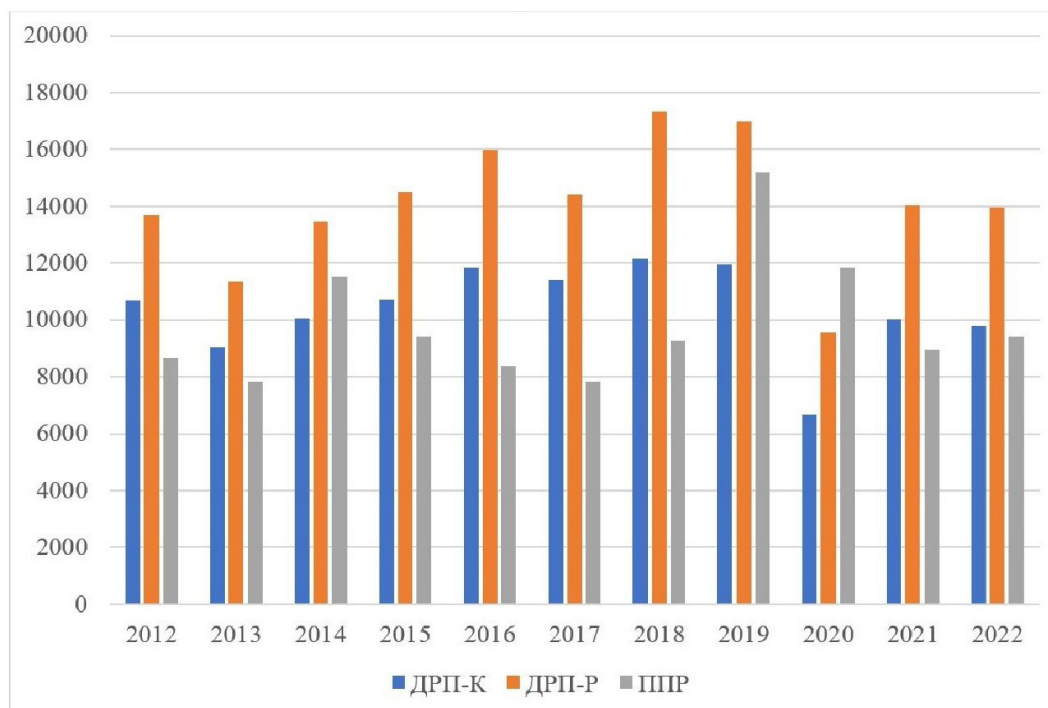

Рис. 1. Распределение текста китайско-русского корпуса по годам, объем в токенах
 [Fig. 1. Texts of the Chinese-Russian corpus by year (tokens)]

низации русских текстов была применена функция `.split()`, в Python.

2. Лемматизация. При обработке корпуса на уровне лемматизации была использована библиотека для морфологического анализа `sraCy`¹, разработанная на языке программирования Python и включающая предобученные модели для различных языков, в том числе для русского и китайского.

3. Подготовка стоп-словарей. Стоп-словарь для русского языка был составлен на основе частотного словаря НКРЯ [Ляшевская, Шаров 2009]. Для работы с китайскими текстами мы использовали стоп-словарь из библиотеки `stopwords-iso`².

3. Тематическое моделирование как метод исследования в корпусной лингвистике

В современной компьютерной лингвистике среди процедур автоматического извлечения информации их корпусов текстов лингвистических задач важную роль играет

¹ `sraCy` [электронный ресурс] // URL: <https://sraCy.io/> (дата обращения: 15.06.2024).

² Стоп-словарь из библиотеки `stopwords-iso` [электронный ресурс] // URL: <https://github.com/stopwords-iso/stopwords-zh?tab=readme-ov-file> (дата обращения: 15.06.2024).

тематическое моделирование, представляющее собой разновидность машинного обучения без учителя, а именно, нечеткой кластеризации [Воронцов 2023]. Тематическая модель — это один из способов представления семантической структуры корпуса с помощью набора тем, которые включают в себя близкие по значению слова-тематизаторы, характеризующиеся совместной встречаемостью в контекстах корпуса. Темы рассматриваются как скрытые переменные, определяющие внутренние связи в корпусе. Благодаря этому и темы, и слова-тематизаторы соотнесены с текстами корпуса. С вычислительной точки зрения в ходе тематического моделирования производится снижение размерности векторного-матричного представления корпуса в результате восстановления компонент смеси вероятностных распределений, лежащих в основе корпуса текстов. В лингвистическом аспекте тематическое моделирование предполагает семантическую интерпретацию тем, формируемых при обучении тематических моделей.

Тематические модели корпусов текстов могут быть построены различными способами [Daud et al. 2010], с привлечением алгебраических методов ‘латентно-семан-

тический анализ (Latent Semantic Analysis, LSA), неотрицательная матричная факторизация (Non-negative Matrix Factorization, NMF), и т. д.), и вероятностных (вероятностный латентно-семантический анализ (Probabilistic Latent Semantic Analysis, pLSA), латентное размещение Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA), модель размещения Патинко (Pachinko Allocation Model, PAM), тематическая модель на основе скрытых марковских цепей (Hidden Markov Models Topic Modelling, HMM-TM и т. д.). Для тематического моделирования корпус представляется в виде «мешка слов» (bag of words), при этом не учитывается порядок слов в текстах и порядок слов в корпусе. В результате матрично-векторных преобразований корпус представляется в виде матрицы «слова – тексты», которая в результате линейных преобразований может быть описана через произведение матриц меньшей размерности «слова – темы» и «темы – тексты». В вероятностных тематических моделях тема может быть описана с помощью дискретного распределения на множестве слов, текст — с помощью дискретным распределением на множестве тем. Тем самым корпус текстов формируется из слов, выбранных независимо и случайно из смеси распределений. Формальный способ задания тематической модели таков: наблюдаемая вероятность появления слова w в тексте d определяется как $p(w|d) = \sum_t p(t|d) p(w|t)$, где $p(w|d)$ — неизвестная вероятность появления слова w в теме t ; $p(t|d)$ — неизвестная вероятность появления темы t в тексте d .

В лингвистической практике более всего востребованы мультимодальные тематические модели [Милкова 2019], в которых учтены различные характеристики корпусов текстов: разметка n -грамм ‘лексико-грамматических конструкций или коллокаций’, [Нокель, Лукашевич 2015; Седова, Митрофанова 2017], введение меток — слов или словосочетаний, обобщающих семантику тем [Mitrofanova et al. 2021], учет авторства [Mitrofanova et al. 2021; Mamaev, Mitrofanova 2020], времени создания текстов [Sherstinova et al. 2020; Митрофанова, Атугодаре 2023], установление иерархии тем, комбинация тематических моделей и моде-

лей распределенных векторных вложений ‘Word2Vec, BERT и т. д.'). Отдельной разновидностью мультимодальных тематических моделей являются многоязычные модели, позволяющие выделять параллельные темы в текстах корпуса [Mimno et al. 2009; Vulić, Moens 2012; Митрофанова 2016]. На материале китайско-русских корпусов подобные исследования ранее не проводились, поэтому наша работа восполняет существующий пробел.

4. Эксперимент по тематическому моделированию китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики

Из наборов доступных реализаций алгоритмов тематического моделирования в библиотеках MALLET, genism, scikit-learn, tomotopy, BigARTM, OCTIS, BERTopic и т. д. для нашего исследования мы выбрали инструмент Topic Modeling Tool (TMT)¹ [Newman et al. 2009], с помощью которого были построены тематические модели корпусов ДРП-К, ДРП-Р и ППР. Инструмент TMT представляет собой интерфейсное приложение, построенное на основе библиотеки MALLET и реализующее классический вариант алгоритма латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA). Выбор TMT обусловлен тем, что данный инструмент допускает обработку многоязычных данных, позволяет настроить кодировки для кириллицы, латиницы, иероглифики, предусматривает подключение стоп-словарей и фоновых корпусов на разных языках.

В ходе экспериментов предварительно обработанные корпуса текстов ДРП-К, ДРП-Р и ППР были импортированы в TMT. Обучение тематических моделей было проведено со следующими параметрами: число тем — 10, объем тем — 20 слов-тематизаторов, число итераций — 400. Подбор параметров производился эмпирически путем оценки перплексии обучения моделей (меры соответствия наблюдаемых

¹ Topic Modeling Tool [электронный ресурс] // URL: <https://senderle.github.io/topic-modeling-tool/documentation/2017/01/06/quickstart.html> (дата обращения: 15.06.2024).

результатов по отношению к расчетным', и когерентности тем (меры связности). Фильтрация корпусов производилась по пользовательским словарям стоп-слов для русского и китайского языков. В стоп-словари были включены символы латиницы, числовые обозначения, знаки препинания, сокращения, слова служебных частей речи и ряд других. В выдаче ТМТ темы приводятся в случайном порядке, слова-тематизаторы упорядочены по убыванию своего веса внутри тем.

Результаты тематического моделирования продемонстрированы в табл. 1, 2, 3, полное описание тематических моделей содержится в прил. 1. Полученные данные указывают на то, что в процессе обучения моделей инструмент ТМТ генерирует наборы близких по значению слов и формирует на их основе темы, характеризующие содержание корпуса. Чтобы эксплицитно представить связи внутри тематических моделей для подкорпусов, мы провели экспертную и автоматическую разметку тем с помощью меток, обобщающих их семантику.

Назначение меток тем необходимо для того, чтобы повысить интерпретируемость тематических моделей. Экспертная разметка проводится вручную специалистами в той или иной предметной области, в нашем случае разметка проводилась разработчиками корпуса. Из множества вариантов автоматического назначения меток тем, представленных методами генерации меток из выдачи поисковых систем, лексических баз данных, дистрибутивно-семантических моделей, моделей суммаризации и т. д. [Ерофеева, Митрофанова 2019; Mitrofanova et al. 2021], мы выбрали вариант генерации меток средствами большой языковой модели YandexGPT¹. При взаимодействии с моделью использовались методы промпт-инжиниринга [Liu et al. 2021]. Запросы к модели формулировались с помощью промптов, включающих экспертные метки тем, например: «Необходимо подобрать три слова или словосочетания, обобщающих значение группы слов, связанных со здравоохранением:

ем: медицинский, миллион, город, здравоохранение, населить, строительство, миллиард, пункт, жилищный, доступность, цифровой, здравоохранение, рост, продолжительность, рубль, демографический, предстоящий, стоимость, комплексный». Здесь назначенная вручную метка темы «здравоохранение» является уточняющим компонентом промпта, а курсивом выделены слова-тематизаторы. Как правило, в качестве ответа на запрос к модели мы получали три связанных словосочетания, содержащих в том числе и компоненты промптов, которые выделены полужирным шрифтом в столбце «Метки YandexGPT» табл. 1, 2, 3.

5. Анализ результатов тематического моделирования

Основываясь на результатах тематического моделирования, мы обнаружили как сходства, так и различия в тематике текстов в корпусах ДРП-К, ДРП-Р и ППР, что указывает на существование общих тенденций в освещении общественно-политической и социально-экономической жизни Китая и России, а также на то, что рассматриваемые корпусы текстов имеют свою специфику.

Для всех трех корпусов, сравниваемых с точки зрения выявленных тем, общими являются вопросы экономического, научно-технического развития и инноваций, развития стран в целом и их регионов, развития общественной сферы, рынка, предприятий, международного сотрудничества, партнерских взаимоотношений и путей взаимодействия стран.

В корпусах ДРП-К и ДРП-Р на первый план выходят масштабные темы, связанные с экономической стабилизацией и с инновациями в стране.

К особенностям ДРП-К следует отнести то, что в текстах данного корпуса доминирует упоминание различных общественно-политических и экономических мер и реформ, делается акцент на таких вопросах, как партнерство и совместная работа на государственном уровне, укрепление благосостояния народа, обеспечение жильем, борьба с бедностью, жизнь села. В связи с проблематикой здравоохранения особо выделяется тема борьбы с эпидемией.

¹ YandexGPT [электронный ресурс] // URL: <https://ya.ru/ai/gpt-3> (дата обращения: 15.06.2024).

Таблица 1. Примеры тем из тематической модели корпуса ДРП-К
[Table 1. Reports on the Work of the Government (Chinese). Sample topics from a topic model]

№	Темы	Метки YandexGPT
1	稳 ‘стабильность’, 新 ‘новый’ 创新 ‘инновация’, 创业 ‘предпринимательство’, 治理 ‘управлять / управление’ 建设 ‘строить / строительство’, 微 ‘микро-’, 培育 ‘воспитывать / воспитание’, 加大 ‘наращивать / наращивание’, 互联网 ‘Интернет’, 化 ‘превращать’, 防治 ‘профилактика’, 更多 ‘многочисленный’, 准 ‘точный’, 就业 ‘трудоустройство’, 提升 ‘продвигать / продвижение’, 科技 ‘наука и техника’, 区间 ‘интервал’, 坚决 ‘решительно’, 强化 ‘усиливать / усиление’	Научно-технические инновации. Развитие науки и техники. Технологические преобразования.
2	经济 ‘экономика’ 推进 ‘продвигать / продвижение’, 政策 ‘политика’, 建设 ‘строить / строительство’, 社会 ‘общество’, 加快 ‘ускорять’, 实施 ‘претворять’, 服务 ‘услуга’, 创新 ‘инновация’, 提高 ‘повышать’, 支持 ‘поддерживать / поддержка’, 推动 ‘способствовать’, 就业 ‘трудоустройство’, 扩大 ‘расширять’, 国家 ‘государство’, 新 ‘новый’, 继续 ‘продолжать’, 坚持 ‘настаивать’, 产业 ‘производство’, 稳定 ‘стабильность / стабилизировать’	Экономическое развитие. Инновационная экономика. Меры государственной поддержки.
...	...	...

Таблица 2. Примеры тем из тематической модели корпуса ДРП-Р
[Table 2. Reports on the Work of the Government (Russian). Sample topics from a topic model]

№	Темы	Метки YandexGPT
1	новый, механизм, область, реализация, технический, распределение, год, система, регион, продвигать, повышение, стратегический, производство, деятельность, усиливать, вид, единый, увеличение, достигнуть	Научно-техническое развитие. Стратегические инновации. Повышение технологического уровня.
2	развитие, местный, год, процент, главный, экономика, система, трансформация, страна, экономический, путь, обеспечение, регулирование, международный, процент, хороший, население, расти, ряд	Экономическое развитие. Трансформация системы. Международный путь.
...	...	...

Таблица 3. Примеры тем из тематической модели корпуса ППР
[Table 3. Presidential Addresses to the Federal Assembly. Sample topics from a topic model]

№	Темы	Метки YandexGPT
1	научный, центр, технологический, исследовательский, передовой, запустить, подготовка, инфраструктура, средний, школьник, нацелить, цифровой, технология, рабочий, рост, поколение, банковский, бизнес, компания, искусственный	Научно-технологическое развитие. Подготовка кадров. Цифровая трансформация.

2	деловой, рост, рынок, налоговый, процент, бизнес, экспорт, просить, промышленный, иностранный, фонд, миллиард, свобода бизнеса, доход, производство, орган, производство, хозяйство	Экономическое развитие. Бизнес-процессы. Инвестиционная деятельность.
	...	...

Отличительной особенностью корпуса ДРП-Р является внимание к экономическим реформам, улучшению жизни страны, сложности экономической ситуации, формулируется созидательность, рациональность, инновационность, последовательность процессов в стране. В экономической сфере подчеркивается развитие и поддержка микропредприятий.

Наблюдаемая асимметрия тем оригинального корпуса на китайском языке и корпуса переводов на русский язык может быть объяснена типологическими различиями между двумя языками, а также невозможностью подбора точных переводных эквивалентов.

Темы, характерные для корпуса ППР, отличаются значительным разнообразием по сравнению с темами корпусов ДРП-К и ДРП-Р. В текстах корпуса ППР уделяется большее внимание инфраструктуре города по сравнению с селом, подчеркиваются вопросы подготовки кадров, поддержки семьи, здравоохранения, образования, прав и свобод граждан, социальных и некоммерческих проектов. Специфичными являются темы, связанные с военной тематикой, законодательной и судебной властью.

Общими для корпусов ППР и ДРП-К являются темы инвестиционной политики, в то время как корпуса ППР и ДРП-Р объединяют темы государственных структур и общественного контроля.

В ходе экспертной и автоматической разметки тем с точки зрения меток мы полагались на результаты, полученные в исследовании [Чжу, Захаров 2024: 125–126], где описаны восемь тематических классов применительно к рассматриваемым корпусам: 1), «Государственное управление и регулирование, инвестиции и инновации», 2), «Экономическое развитие», 3), «Военное дело и внешняя политика», 4), «Здоровье и экология», 5), «Социальная сфера и благосостояние населения», 6), «Торговля и меж-

дународные отношения», 7), «Сельское хозяйство», 8), «Общество, образование, молодежь». Тематическое моделирование позволило конкретизировать данные классы с учетом специфичности слов-тематизаторов, формирующих темы. Распределение меток тем по тематическим классам представлено в табл. 4. В столбце «Тематические классы» в скобках указано число меток тем, соответствующих каждому классу в корпусах. В столбце «Метки тем» в скобках приводится число меток, обозначающих темы в каждом из трех корпусов.

Анализ результатов классификации меток тем ChatGPT показывает, что с точки зрения детализации объема и содержания понятий доминирующими являются три тематических класса: 1), «Государственное управление и регулирование, инвестиции и инновации» (33 метки), 2), «Экономическое развитие» (22 метки), 5), «Социальная сфера и благосостояние населения» (12 меток). Остальные пять классов являются более частными и включают в себя от двух до семи меток, при этом темы могут быть представлены не во всех трех рассматриваемых корпусах: например, в корпусе ППР явно не отражена тема «сельское хозяйство», в корпусах ДРП-К и ДРП-Р отсутствуют темы, связанные с военным делом. Полученные результаты могут быть представлены в виде схемы тематической разметки и в дальнейшем применены для рубрикации документов корпусов общественно-политических текстов как на китайском, так и на русском языках.

6. Сравнение наборов ключевых выражений и слов-тематизаторов в китайско-русском корпусе параллельных и сопоставимых текстов политической тематики

Организация экспериментов, представленных в данной статье, позволила провести

Таблица 4. Сравнение тематических классов и меток тем для ДРП-К, ДРП-Р и ППР
[Table 4. Comparing topic categories and labels for RWG-C, RWG-R and PAFA]

№	Тематические классы	Метки тем
1	Государственное управление и регулирование, инвестиции и инновации (33)	ДРП-К (10): меры государственной поддержки, реформы в Китае, региональное развитие, научно-технические инновации, развитие науки и техники, технологические преобразования, инвестиционная деятельность, жилищная политика государства, экономическая политика, борьба с бедностью. ДРП-Р (13): инновационное развитие, последовательная интенсификация, научно-техническое развитие, стратегические инновации, повышение технологического уровня, рациональное развитие, инновационная сфера, налоговое регулирование, государственный контроль, развитие страны, правительство и программа, развитие и реформа, управление и работа. ППР (10): обеспечение прав и свобод граждан, научно-технологическое развитие, подготовка кадров, цифровая трансформация, инвестиционная деятельность, развитие страны, необходимые изменения, планы на будущее, законодательная и судебная власть, государственные институты.
2	Экономическое развитие (22)	ДРП-К (7): экономическое развитие, инновационная экономика, экономическая стабильность, экономические преобразования, социально-экономическая поддержка, развитие рынка, социально-экономические преобразования. ДРП-Р (10): экономические реформы, меры стимулирования, повышение качества, экономическая стабилизация, развитие микропредприятий, сложная экономическая ситуация, экономическое развитие, трансформация системы, экономический рост, реформа и стратегия. ППР (5): социально-экономическое развитие региона, финансирование бюджетных организаций, экономическое развитие, бизнес-процессы, социально-экономическое развитие.
3	Военное дело и внешняя политика (5)	ДРП-К (0) ДРП-Р (0) ППР (5): военная политика, угроза безопасности, ядерное оружие, военная техника, оборонительные системы.
4	Здоровье и экология (2)	ДРП-К (1): меры по борьбе с эпидемией. ДРП-Р (0) ППР (1): здравоохранение и социальная сфера.
5	Социальная сфера и благосостояние населения (12)	ДРП-К (5): социальное обеспечение, меры социальной поддержки, укрепление благосостояния народа, реформы в жилищной сфере, меры правительства по улучшению жилищных условий. ДРП-Р (3): улучшение жизни, создание и улучшение, общественное развитие. ППР (4): развитие общественной сферы, социальное обеспечение, поддержка семей с детьми, меры социальной поддержки.

6	Торговля и международные отношения (5)	ДРП-К (3): международное сотрудничество, партнерские отношения, совместная работа. ДРП-Р (1): международный путь. ППР (1): международные отношения.
7	Сельское хозяйство (4)	ДРП-К (3): реформы в сельском хозяйстве, развитие сельских территорий, культурная и экономическая жизнь села. ДРП-Р (1): производство и система. ППР (0)
8	Общество, образование, молодежь (7)	ДРП-К (1): реформы в сфере образования. ДРП-Р (2): высококачественные услуги, поддержание стабильности. ППР (4): некоммерческие организации, социальные проекты, инфраструктура города, общественно-политическая сфера.

сравнение результатов тематического моделирования и выделения ключевых выражений в китайско-русском корпусе параллельных и сопоставимых текстов политической тематики. Возможность сравнения обеспечивается тем, что как тематические модели, так и наборы ключевых выражений представляют семантическую свертку исходных текстов [Чжу, Захаров 2024]. В данном исследовании была выдвинута гипотеза о том, что ключевые выражения, понимаемые как «текстовые единицы разной структуры (как слова, так и словосочетания), способные в сжатом виде представить основные компоненты семантической структуры текста» [Гусева, Митрофанова 2024: 23], могут совпадать со словами-тематизаторами, являющимися наиболее значимыми для определения тематики текстов корпуса. Для выделения ключевых выражений в русскоязычных подкорпусах использовался инструмент SketchEngine¹, для работы и с китайским, и с русскими текстами было принято решение применить статистический алгоритм TF-IDF, гибридный алгоритм YAKE [Campos et al. 2020] и алгоритм на основе многоязычной модели семейства Трансформер mBERT [Wu, Dredze 2020] в библиотеке для автоматической обработки текста Orange². Стоит

¹ SketchEngin [электронный ресурс] // URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 15.06.2024).

² Orange [электронный ресурс] // URL: <https://orangedatamining.com/> (дата обращения:

отметить, что списки ключевых выражений, полученные с помощью указанных алгоритмов, различаются: алгоритм TF-IDF дает преимущество словам, специфичным для отдельных документов корпуса, алгоритм YAKE присваивает больший вес словам и словосочетаниям, тяготеющим к началу текста, часто встречающимся в разных предложениях, специфичным для того или иного контекста и т. д. Алгоритм, опирающийся на модель mBERT, выбирает в качестве ключевых выражений слова или словосочетания, вектора которых близки к вектору текста. Наборы ключевых выражений, полученные с помощью алгоритмов YAKE и mBERT для русскоязычных политических текстов, обладают высокой интерпретируемостью, в то время как для китайских текстов более информативны результаты алгоритмов YAKE и TF-IDF. В табл. 5 представлены наборы из 20 важнейших ключевых выражений для подкорпусов **ДРП-К**, **ДРП-Р** и **ППР**.

Во-первых, эксперименты показали, что наборы ключевых слов отражают разные аспекты общественной жизни в Китае и России. Например, в **ДРП-К** ключевые слова, извлеченные алгоритмом YAKE, отражают политику и инициативы национального развития, такие как 小康社会 ‘общество средней зажиточности’, 改革开放 ‘политика реформы и открытости’, 现代化 ‘модернизация’ и т. д. В то же время семантика ключевых выражений, извлеченных алгоритмом TF-IDF, боль-

Таблица 5. Наборы ключевых выражений для ДРП-К, ДРП-Р и ППР
 [Table 5. Keyphrase sets for RWG-C, RWG-R and PAFA]

№	Набор ключевых выражений в ДРП-К	
	YAKE	TF-IDF
1	结构性 ‘структурность’	疫情 ‘эпидемия’
2	领导人 ‘лидер’	脱贫 ‘ликвидация бедности’
3	国务院 ‘Госсовет’	公里 ‘километр’
4	服务业 ‘сфера услуг’	危机 ‘кризис’
5	互联网 ‘Интернет’	降 ‘снизить’
6	小康社会 ‘общество средней зажиточности’	累计 ‘итог / суммировать’
7	市场化 ‘коммерциализация’	覆盖 ‘охватывать’
8	人民币 ‘китайский юань’	疫 ‘эпидемия’
9	人民群众 ‘народ’	年均 ‘среднегодовой’
10	改革开放 ‘политика реформы и открытости’	时间 ‘время’
11	党中央 ‘ЦК КПК’	十四五 ‘14-я пятилетка’
12	现代化 ‘модернизация’	物价 ‘цена товара’
13	社会主义 ‘социализм’	企 ‘предприятие’
14	总书记 ‘генеральный секретарь’	微型 ‘микро-’
15	养老金 ‘пенсия по старости’	侧 ‘предложение’
16	农民工 ‘рабочие из крестьян’	丝绸之路 ‘Великий шёлковый путь’
17	高水平 ‘высококачественный’	安居工程 ‘программа достойного жилья’
18	试验区 ‘пилотная зона’	小型 ‘малый тип’
19	进一步 ‘шаг за шагом’	碳 ‘углерод’
20	房地产 ‘недвижимость’	直达 ‘прямой’
№	Набор ключевых выражений в ДРП-Р	
	YAKE	mBERT
1	страна	трудоустройство
2	экономика	урбанизация
3	экономический	проект
4	население	роль
5	уровень	интернет
6	реформа	ликвидация
7	система	реконструкция
8	сельский	Китай
9	работа	реализация
10	сфера	предпринимательство
11	предприятие	потребление
12	услуга	модернизация
13	новый	реформа
14	обеспечение	сельский
15	основной	внешний
16	Китай	хозяйство
17	рост	практика

18	мера	сервис
19	стимулировать	научно-технический
20	политика	финансирование
№	Набор ключевых выражений в ППР	
	YAKE	mBERT
1	регион	Россия
2	свой	проект
3	гражданин	регион
4	развитие	конкуренция
5	необходимый	эксперимент
6	решение	интернет
7	система	рубль
8	нужный	детский
9	задача	сад
10	работа	гражданство
11	правительство	капитал
12	страна	материнский
13	новый	реализация
14	число	механизм
15	коллега	реальность
16	сделать	свобода
17	государственный	паспорт
18	создать	здравоохранение
19	вопрос	канал
20	говорить	поддержка

ше сосредоточена на социальных вопросах, которые тесно связаны с жизнью граждан, в частности, 物价 ‘цена товара’, 脱贫 ‘ликвидация бедности’ и 安居工程 ‘программа достойного жилья’. Для ДРП-Р и ППР в выдаче алгоритма YAKE преобладает общеполитическая лексика текстов, например: *обеспечение, Китай, политика* (ДРП); *гражданин, решение, коллега* (ППР), в то время как алгоритм mBERT выделил ключевые слова, связанные с конкретными темами. В ДРП-Р это лексика, связанная с трудоустройством, урбанизацией, сельским хозяйством, научно-техническим развитием, в ППР внимание акцентируется на темах регионального развития, поддержки детей и семьи, здравоохранения и т. д.

Во-вторых, после сравнения наборов ключевых выражений и слов-тематизаторов в подкорпусах мы обнаружили, что эти списки частично пересекаются. Ключевые вы-

ражения, совпадающие со словами-тематизаторами, отмечены в табл. 5 полужирным шрифтом. Преимущество тематического моделирования по сравнению с алгоритмами выделения ключевых выражений заключается в том, что оно предоставляет читателю больше информации о каждой теме, автоматическая кластеризация тем может оказать большую помощь в быстром поиске в корпусе.

7. Сравнение частеречных характеристик слов-тематизаторов в темах

На основе полученных данных в нашей работе было установлено, что наборы слов-тематизаторов, формирующих темы корпусов ДРП-К, ДРП-Р и ППР, существенно различаются по своим частеречным характеристикам. Используя в качестве инструмента морфологической разметки

Таблица 6. Статистические данные о частеречных характеристиках тем
 [Table 6. Statistical data on POS tagging]

	ДРП-К		ДРП-Р		ППР	
Существительное / NOUN	115	58,38 %	98	49,49 %	106	52,48 %
Прилагательное / ADJ	15	7,61%	51	25,76 %	59	29,21 %
Глагол / VERB	54	27,41%	38	19,19 %	20	9,90 %
Наречие / ADV	13	6,60 %	6	3,03 %	6	2,97 %
Иные части речи	0	0	5	2,53 %	11	5,44 %

текстов библиотеку *SpaCy*, мы определили соотношение слов различных частей речи в темах исследуемых корпусов (см. табл. 6.). Следует отметить, что китайский язык отличается от русского высоким уровнем морфологической неоднозначности [Колпачкова 2015: 7; Тао, Захаров 2015: 80], прежде всего, омоформии, под которой обычно понимается совпадение отдельных форм слов, относящихся к разным словоизменительным парадигмам (например, необходимо — предикативное наречие или краткое прилагательное в форме среднего рода), / совпадающих в пределах одной парадигмы (например, регион — существительное в форме именительного / винительного падежей). Разрешение неоднозначности на морфологическом уровне представляет большую проблему, которая в компьютерной лингвистике решается различными способами: с использованием контекстных правил, с привлечением дистрибутивно-статистических методов и моделей машинного обучения [Manning, Schütze 2000; Захаров, Богданова 2020: 43]. Рассмотрим случаи омоформии в составе тем. К примеру, слово 发展 в китайском языке может быть как существительным, так и глаголом, и, соответственно, при переводе на русский язык для него будет два варианта разметки: 1), существительное развитие; 2), глагол развить/развивать. В корпусе ДРП-К много слов такого типа, как 支持 ‘поддерживать / поддержка’, 强化 ‘усиливать / усиление’, 累计 ‘итог / суммировать’ и т. д. Всего во множестве слов-тематизаторов ДРП-К потенциально неоднозначными оказываются 36 вхождений лексических единиц, из них 33 случая приходится на омоформию существительного и глагола (см. выше), два — на омоформию прилагательного и существительного (в частности 基本 ‘основной / основа’), один —

на омоформию прилагательного и наречия ‘积极 ‘активный / активно’). Это наблюдение следует учитывать при анализе результатов.

Полученные данные указывают на то, что с точки зрения частеречной принадлежности слов-тематизаторов в тематических моделях ДРП-К, ДРП-Р и ППР преобладают существительные, прилагательные и глаголы. Данная закономерность характерна для тематических моделей, которые обучаются на корпусах текстов без фильтрации словаря по частям речи: соотношение номинативных, глагольных и адъективных тем для русского языка описано в исследовании [Кольцов и др. 2014: 138–139]. На материале китайского языка данные такого типа были получены впервые, поэтому их анализ представляется нам очень важным.

Как показано в табл. 6, состав тем, выделенных в китайском корпусе ДРП-К, по своим количественным характеристикам существенно отличается от того, что было получено для русскоязычных корпусов. Так, корпус ДРП-Р, содержащий переводы с китайского, и корпус ППР, включающий оригинальные тексты на русском языке, близки друг к другу по частеречным характеристикам, что можно объяснить морфологической спецификой русского языка. Корпус ДРП-К отличается самыми высокими значениями частоты существительных и глаголов среди слов-тематизаторов. Больше всего прилагательных обнаруживается в темах корпуса ППР, тогда как в китайском корпусе ДРП-К их, наоборот, меньше всего. Кроме того, было обнаружено, что в темах корпуса ДРП-К доля наречий выше, чем в ДРП-Р и ППР. Корпус ДРП-Р, занимающий промежуточное положение между ДРП-К и ППР, демонстрирует взаимовлияние систем китайского и русского языков в процессе перевода.

Сделанные нами наблюдения позволяют сформулировать гипотезу о том, что смещение частотности существительных, прилагательных и глаголов в корпусе ДРК-Р по сравнению с оригинальными китайскими (ДРК-К), и русскоязычными (ППР), текстами является специфической чертой переводных политических текстов. Для проверки этой гипотезы мы использовали статистические данные лингвистического процессора *Sketch Engine* [Чжу, Захаров 2024: 119] и сравнили частотность слов различных частей речи не только в тематических моделях, но и в полных текстах корпусов ДРП-К и ДРП-Р. Результаты анализа представлены в табл. 7.

Сходство частеречных характеристик тематических моделей и корпусов ДРП-Р и ППР заключается в том, что существительные, прилагательные и глаголы занимают доминирующие позиции. Распределение глаголов в корпусах и моделях более специфично. Для ДРП-Р доля глаголов в темах выше, чем в корпусе в целом, в то время как для корпуса ППР наблюдается обратная ситуация. В части служебных частей речи закономерно сокращение их долей в темах по сравнению с корпусами вследствие фильтрации по стоп-словарию.

Тем не менее доли трех основных знаменательных частей речи в тематических моделях выше, чем в корпусах текстов: это можно объяснить тем, что тематическая модель воспроизводит основные парадигматические и синтагматические отношения в корпусе текстов, при этом «усиливает» связи, наиболее важные с точки зрения структуры и содержания текстов. Глаголы, прилагательные и существительные составляют ядро предложения

как синтаксически связной единицы текста, и сохранение этих частеречных классов при переходе от корпуса к тематической модели воспроизводит в ней формальную и содержательную связность исходного текста. Для тематических моделей связность тем — это один из критериев оценки качества (а именно, когерентности). В конечном итоге, сохранение соотношения основных частей речи в тематической модели — показатель ее состоятельности по отношению к корпусу текстов.

8. Заключение

В результате проведенного исследования было построено семейство вероятностных тематических моделей, описывающих семантическую организацию китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики. Полученные данные подтвердили высокий потенциал тематического моделирования в задаче сопоставительного анализа многоязычных текстовых коллекций.

Описание наборов слов-тематизаторов внутри тем позволило подтвердить гипотезу о том, что единство стиля и жанра корпусов текстов является одним из факторов, обеспечивающих общность структуры тематических моделей. В ходе лингвистического анализа данных были выявлены сходства и различия между темами подкорпусов ДРП-К, ДРП-Р и ППР, а также установлено, что расширение тематических моделей с помощью автоматического назначения меток тем повышает интерпретируемость моделей.

Результаты тематического моделирования были сопоставлены с данными, полу-

Таблица 7. Сравнение частеречных характеристик корпусов ДРП-Р и ППР с их тематическими моделями
[Table 7. Comparing POS tagging results for RWG-C, RWG-R and PAFA to corresponding topic models]

Части речи	ДРП-Р		ППР	
	Доля в корпусе (%)	Доля в тематической модели (%)	Доля в корпусе (%)	Доля в тематической модели (%)
Существительное / NOUN	41,60	49,49	32,63	52,48
Прилагательное / ADJ	18,02	25,76	14,28	29,21
Глагол / VERB	12,71	19,19	13,34	10,40
Наречие / ADV	3,79	3,03	5,03	2,90
Иные части речи	23,88	2,53	34,72	5,01

ченными в ходе автоматического выделения ключевых выражений. Была проверена гипотеза о частичном пересечении наборов слов-тематизаторов и ключевых выражений. Описание частеречных характеристик слов-тематизаторов в темах доказывает, что тематические модели воспроизводят основ-

ные парадигматические и синтагматические отношения в корпусе текстов.

Перспективы развития исследования связаны с расширением корпусных данных и с оценкой перспектив автоматического моделирования тематики корпусов текстов применительно к различным языковым парам.

Литература

- Большакова и др. 2011 — Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика: учеб. пособие / Большакова Е. И., Клышинский Э. С., Ландэ Д. В., Носков А. А., Пескова О. В., Ягунова Е. В. М.: МИЭМ, 2011. 272 с.
- Большакова и др. 2017 — Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных : учеб. пособие / Большакова Е. И., Воронцов К. В., Ефремова Н. Э., Клышинский Э. С., Лукашевич Н. В., Сапин А. С. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 269 с.
- Воронцов 2023 — *Воронцов К. В.* Вероятностное тематическое моделирование: теория регуляризации ARTM и библиотека с открытым кодом BigARTM [электронный ресурс] // URL: <http://www.machinelearning.ru/wiki/images/d/d5/Voron17survey-artm.pdf> (дата обращения 12.04.2024).
- Гусева, Митрофанова 2024 — *Гусева Д. Д., Митрофанова О. А.* Ключевые выражения в русскоязычных научно-популярных текстах: сравнение восприятия устной и письменной речи с результатами автоматического анализа // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 1. С. 20–35.
- Дань 2015 — *Дань На.* Русско-китайский параллельный корпус в теории и практике перевода // *Университетские чтения – 2015: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ, Часть 6.* Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2015. С. 204–208.
- Ерофеева, Митрофанова 2019 — *Ерофеева А. Р., Митрофанова О. А.* Автоматическое назначение меток тем в тематических моделях русскоязычных корпусов текстов // *Структурная и прикладная лингвистика*. СПб.: , 2019. С. 122–147.
- Захаров, Богданова 2020 — *Захаров В. П., Богданова С. Ю.* Корпусная лингвистика. СПб.: СПбГУ, 2020. 234 с.

References

- Bolshakova et al. Natural Language Processing and Computational Linguistics. Coursebook. Moscow: Moscow Institute of Electronics and Mathematics, 2011. 272 p. (In Russ.)
- Bolshakova et al. Natural Language Processing and Data Analysis. Coursebook. Moscow: HSE University, 2017. 269 p. (In Russ.)
- Vorontsov K. V. Probabilistic Topic Modeling: ARTM Regularization Theory and the BigARTM Open Source Library. On: MachineLearning.ru. 2023. Available at: <http://www.machinelearning.ru/wiki/images/d/d5/Voron17survey-artm.pdf> (accessed: 12 April 2024). (In Russ.)
- Guseva D. D., Mitrofanova O. A. Key phrases in Russian-language popular science texts: Comparison of oral and written speech perception with the results of automatic analysis. *Terra Linguistica*. 2024. Vol. 15. № 1. Pp. 20–35. (In Russ.) DOI: 10.18721/JHSS.15102
- Dan Na. Russian-Chinese parallel corpora in the theory and practice of translation. In: PGLU University Readings – 2015. Proceedings. Vol. 6. Pyatigorsk: PGLU University, 2015. Pp. 204–208. (In Russ.)
- Erofeeva A.R., Mitrofanova O.A. Automatic assignment of topic labels in topic models for Russian text corpora. In: Nikolaev I. S. (ed.) *Structural and Applied Linguistics*. Vol. 12. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2019. Pp. 122–147. (In Russ.)
- Zakharov V. P., Bogdanova S. Y. *Corpus Linguistics*. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2020. 234 p. (In Russ.)

- Колпачкова 2015 — Колпачкова Е. Н. Корпусы китайского языка: современное состояние и основные проблемы // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2015». СПб.: СПбГУ, 2015. С. 278–286.
- Кольцов и др. 2014 — Кольцов С. Н., Кольцова О. Ю., Митрофанова О. А., Шиморина А. С. Интерпретация семантических связей в текстах русскоязычного сегмента Живого Журнала на основе тематической модели LDA // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник научных статей. Мат-лы XVII Всеросс. объединенной конф. «Интернет и современное общество» IMS–2014, СПб.: СПбГУ, 2014. С. 135–142.
- Ляшевская, Шаров 2009 — Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка 'на материалах Национального корпуса русского языка'. М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.
- Милкова 2019 — Милкова М. А. Тематические модели как инструмент «дальнего чтения» // Цифровая экономика. № 1 '5). 2019. С. 57–70.
- Митрофанова, Атугодаге 2023 — Митрофанова О. А., Атугодаге М. М. Динамическое тематическое моделирование русскоязычного корпуса юридических документов // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 1. С. 70–87.
- Митрофанова 2016 — Митрофанова О. А. Возможности использования параллельных и сопоставимых текстов в построении тематических моделей корпусов // Прикладная лингвистика в науке и образовании: ALPAC Report – полвека после разгрома: труды VIII Междунар. науч. конф. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 194–199.
- Мухин, Ян 2016 — Мухин М. Ю., Ян И. Проект создания китайско-русского параллельного корпуса официально-деловых текстов с дискурсивно-структурной разметкой // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 13. № 4. С. 23–31.
- Нокель, Лукашевич 2015 — Нокель М. А., Лукашевич Н. В. Тематические модели: добавление биграмм и учет сходства между униграммами и биграммami // Вычислительные методы и программирование. 2015. Т. 16. Вып. 2. С. 215–234.
- Kolpachkova E. N. Chinese language corpora: An overview and major problems. In: Corpus Linguistics – 2015. Conference proceedings. St. Petersburg, 2015. Pp. 278–286. (In Russ.)
- Koltsov S. N., Koltsova O. Ju., Mitrofanova O. A., Shimorina A. S. Interpretation of semantic relations in the texts of the Russian LiveJournal segment based on LDA topic model. In: Information Society Technologies in Science, Education and Culture. Conference proceedings (Internet and Modern Society). St. Petersburg, 2014. Pp. 135–142. (In Russ.)
- Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Frequency Dictionary of Modern Russian: [Analyzing] the Russian National Corpus. Moscow: Azbukovnik, 2009. 1087 p. (In Russ.)
- Milkova M. A. Topic models as a tool for “long distance reading”. *Digital Economy*. 2019. No. 1 (5). Pp. 57–70. (In Russ.) DOI: 10.34706/DE-2019-01-06
- Mitrofanova O. A., Athugodage M. M. Dynamic topic modelling of the Russian legal text corpus. *Terra Linguistica*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 70–87. (In Russ.) DOI: 10.18721/JHSS.14107
- Mitrofanova O. A. Possibilities of parallel and comparable texts in building thematic models of corpora. In: Applied Linguistics in Science and Education. ALPAC Report Half a Century after the Destruction. Conference proceedings. St. Petersburg: Herzen University, 2016. Pp. 194–199. (In Russ.)
- Mukhin M.Y., Yang Y. Building a Chinese-Russian parallel discourse structure corpus of official texts. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2016. Vol. 13. No. 4. Pp. 23–31. (In Russ.) DOI: 10.14529/ling160404
- Nokel M. A., Loukashevich N. V. Topic models: Adding bigrams and taking account of the similarity between unigrams and bigrams. *Numerical Methods and Programming*. 2015. Vol. 16. No. 2. Pp. 215–234. (In Russ.) DOI: 10.26089/NumMet.v16r222

- Пикл 2017 — Прикладная и компьютерная лингвистика / Николаев И. С., Митренина О. В., Ландо Т. М. (ред.). М.: URSS, 2016. 320 с.
- Седова, Митрофанова 2017 — Седова А. Г., Митрофанова О. А. Тематическое моделирование русскоязычных текстов с опорой на леммы и лексические конструкции // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: Труды XX Междунар. Объединенной науч. конф. «Интернет и современное общество». СПб.: ИТМО, 2017. С. 132–143.
- Тео, Захаров 2015 — Тео Юань., Захаров В. П. Разработка и использование параллельного корпуса русского и китайского языков // Научно-техническая информация Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2015. № 4. С. 18–29.
- Чжу, Захаров 2024 — Чжу Хуэй, Захаров В. П. Корпусное сравнение языка китайских и российских политических текстов // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103). С. 115–128.
- Чэнь, Кукушкина 2018 — Чэнь Сяохуэй, Кукушкина О. В. О параллельных корпусах русских и китайских текстов // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2018. №2. С. 170–197.
- Campos et al. 2020 — Campos R., Mangaravite V., Pasquali A., Jorge A., Nunes C., Jatowt A. YAKE! Keyword Extraction from Single Documents using Multiple Local Features // Information Sciences. № 509. Pp. 257–289. DOI: 10.1016/j.ins.2019.09.013
- Cao 2020 — Cao S. Y. How does discourse affect Spanish-Chinese Translation? A case study based on a Spanish-Chinese parallel corpus. In Proceedings of the First Workshop on Computational Approaches to Discourse, Pp. 1–10, Online. Association for Computational Linguistics [электронный ресурс] // URL: <https://aclanthology.org/2020.codi-1.1> (дата обращения: 15.06.2024).
- Cui, Zhang 2014 — Cui W., Zhang L. Research on Parallel Corpus of Russian-Chinese Translation and Its Application // Journal of PLA University of Foreign Languages. 2014. № 1. Pp. 81–87. (In Chin.)
- Dalianis et al. 2010 — Dalianis H., Xing Hao-chun., Zhang X. Creating a Reusable English-Chinese Parallel Corpus for Bilingual Dictionary Construction // Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation 'LREC'10), Valletta, Malta. European Language Resources Association 'ELRA). 2010. Pp. 1700–1705.
- Nikolaev I. S., Mitrenina O. V., Lando T. M. (eds.) Applied and Computational Linguistics. Moscow: URSS, 2016. 320 p. (In Russ.)
- Sedova A. G., Mitrofanova O. A. Topic modelling of Russian texts based on lemmata and lexical constructions. In: Computational Linguistics and Ontology. Conference proceedings (Internet and Modern Society). St. Petersburg: ITMO University, 2017. Pp. 132–143. (In Russ.) DOI: 10.17586/2541-9781-2017-132-144
- Tao Yuan, Zakharov V. P. Creation and use of a parallel Russian-Chinese corpus. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2015. No. 4. Pp. 18–29. (In Russ.)
- Zhu Hui, Zakharov V. P. A corpus-based linguistic comparison of Chinese and Russian political texts. *Political Linguistics*. 2024. No. 1 (103). Pp. 115–128. (In Russ.)
- Chen Xiaohui, Kukushkina O. V. The parallel corpora of Russian and Chinese texts. *Lomonosov Philology Journal*. 2018. No. 2. Pp. 170–197. (In Russ.)
- Campos R., Mangaravite V., Pasquali A., Jorge A., Nunes C., Jatowt A. YAKE! Keyword extraction from single documents using multiple local features. *Information Sciences*. 2019. No. 509. Pp. 257–289. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.ins.2019.09.013
- Cao S. Y. How does discourse affect Spanish-Chinese translation? A case study based on a Spanish-Chinese parallel corpus. In: First Workshop on Computational Approaches to Discourse. Proceedings [online edition]. 2020. Pp. 1–10. Available at: <https://aclanthology.org/2020.codi-1.1> (accessed: 15 June 2024). (In Eng.)
- Cui W., Zhang L. Research on parallel corpus of Russian-Chinese translation and its application. *Journal of PLA University of Foreign Languages*. 2014. No. 1. Pp. 81–87. (In Chin.)
- Dalianis H., Xing H.-Ch., Zhang X. Creating a reusable English-Chinese parallel corpus for bilingual dictionary construction. In: Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'10). Proceedings. Valletta, Malta: European Language Resources Association (ELRA), 2010. Pp. 1700–1705. (In Eng.)

- Daud et al. 2010 — *Daud A., Li J., Zhou L., Muhammad F.* Knowledge discovery through directed probabilistic topic models: a survey // *Proceedings of Frontiers of Computer Science in China*, 2010. Pp. 280–301.
- Huang et al. 2015 — *Huang X. L., Li X., Liu T. L., Chiu D., Zhu T. S., Zhang L.* Topic Model for Identifying Suicidal Ideation in Chinese Microblog. In *Proceedings of the 29th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation*. Shanghai, China, 2015. Pp. 553–562.
- Li, Hu 2017 — *Li X.Q., Hu K.B.* Keywords and Their Collocations in the English Translations of Chinese Government Work Reports // *Foreign Language in China*. 2017. № 6. Pp. 81–89. (In Chin.)
- Liu et al. 2021 — *Liu P. F., Yuan W. Z., Fu J. L., Jiang Z.B., Hayashi H., Neubig G.* Pre-train, Prompt, and Predict: A Systematic Survey of Prompting Methods in Natural Language Processing [электронный ресурс] // URL: <https://arxiv.org/abs/2107.13586> (дата обращения: 15.06.2024).
- Liu, Shao 2016 — *Liu M., Shao Q.* The Creation of a Corpus of Russian-Chinese Literary Translations--Design and Construction of a Parallel Corpus Based on Chekhov's Novels // *Foreign Language Research*. 2016. № 1. Pp. 154–158. (In Chin.)
- Mamaev, Mitrofanova 2020 — *Mamaev I. D., Mitrofanova O. A.* Automatic Detection of Hidden Communities in the Texts of Russian Social Network Corpus // *Artificial Intelligence and Natural Language: 9th Conference, AINL 2020, Helsinki, Finland, Proceedings. Communications in Computer and Information Science / A. Filchenkov, J. Kauttonen, L. Pivovarov (eds.)*. Vol. 1292. Springer, 2020. Pp. 17–33.
- Manning, Schütze 2000 — *Manning Ch., Schütze H.* Foundations of Statistical Natural Language Processing. MIT Press. Cambridge, MA, 2000. 680 p.
- Mimno et al. 2009 — *Mimno D., Wallach H. M., Naradowsky J., Smith D. A., McCallum A.* Polylingual Topic Models // *Proceedings of the 2009 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Singapore, 6–7 August 2009. Pp. 880–889.
- Wu, Dredze 2020 — *Wu S. J., Dredze M.* Are All Languages Created Equal in Multilingual BERT? In *the Proceedings of the 5th Workshop on Representation Learning for NLP*. 2020. Pp. 120–130. DOI: 10.18653/v1/2020.repl4nlp-1.16
- Daud A., Li J., Zhou L., Muhammad F. Knowledge discovery through directed probabilistic topic models: A survey. *Frontiers of Computer Science in China*. 2010. Vol. 4. No. 2. Pp. 280–301. (In Eng.)
- Huang X. L., Li X., Liu T.L., David Chiu, Zhu T. S., Zhang L. Topic model for identifying suicidal ideation in Chinese microblog. In: *29th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation*. Proceedings. Shanghai, 2015. Pp. 553–562. (In Eng.)
- Li X. Q., Hu K. B. Keywords and their collocations in the English translations of Chinese government work reports. *Foreign Language in China*. 2017. No. 6. Pp. 81–89. (In Chin.)
- Liu P. F., Yuan W. Z., Fu J. L., Jiang Z. B., Hayashi H., Neubig G. Pre-train, prompt, and predict: A systematic survey of prompting methods in natural language processing. On: ArXiv.org. Available at: <https://arxiv.org/abs/2107.13586> (accessed: 15 June 2024). (In Eng.)
- Liu M., Shao Q. The creation of a corpus of Russian-Chinese literary translations: Design and construction of a parallel corpus based on Chekhov's novels. *Foreign Language Research*. 2016. No. 1. Pp. 154–158. (In Chin.)
- Mamaev I. D., Mitrofanova O. A. Automatic detection of hidden communities in the texts of Russian social network corpus. In: *Filchenkov A., Kauttonen J., Pivovarov L. (eds.) Artificial Intelligence and Natural Language (AINL 2020)*. Conference proceedings (Communications in Computer and Information Science 1292). [Helsinki]: Springer, 2020. Pp. 17–33. (In Eng.)
- Manning Ch., Schütze H. Foundations of Statistical Natural Language Processing. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 680 p. (In Eng.)
- Mimno D., Wallach H. M., Naradowsky J., Smith D. A., McCallum A. Polylingual topic models. In: *2009 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Proceedings. Singapore, 2009. Pp. 880–889. (In Eng.)
- Wu S. J., Dredze M. Are all languages created equal in multilingual BERT? In: *5th Workshop on Representation Learning for NLP*. Proceedings. 2020. Pp. 120–130. (In Eng.) DOI: 10.18653/v1/2020.repl4nlp-1.16

- Zhai et al. 2020 — Zhai Y. M., Liu L. F., Zhong X. Y., Illouz G., Vilnat A. Building an English-Chinese Parallel Corpus Annotated with Sub-sentential Translation Techniques. In Proceedings of the Twelfth Language Resources and Evaluation Conference. Marseille, France. European Language Resources Association, 2020. Pp. 4024–4033.
- Zhang et al. 2020 — Zhang B. L., Nagesh A., Knight K. Parallel Corpus Filtering via Pre-trained Language Models // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, Association for Computational Linguistics, 2020. Pp. 8545–8554.
- Mitrofanova et al. 2021 — Mitrofanova O., Sampetova V., Mamaev I., Moskvina A., Sukharev K. Topic modelling of the Russian corpus of Pikabu posts: Author-topic distribution and topic labelling // CEUR Workshop Proceedings, 2813. 2021. Pp. 101–116.
- Newman et al. 2009 — Newman D., Asuncion A., Smyth P., Welling M. Distributed Algorithms for Topic Models // Journal of Machine Learning Research. Vol. 10. 2009. Pp. 1801–1828.
- Mitrofanova et al. 2021 — Mitrofanova O., Kriukova A., Shulginov V., & Shulginov V. E-hypertext Media Topic Model with Automatic Label Assignment // Recent Trends in Analysis of Images, Social Networks and Texts: 9th International Conference, AIST 2020, Revised Supplementary Proceedings. Communications in Computer and Information Science, vol. 1357. Springer, 2021. Pp. 102–114.
- Sherstinova et al. 2020 — Sherstinova T., Mitrofanova O., Skrebtsova T., Zamiraylova E., Kirina M. Topic modelling with NMF vs. expert topic annotation: the case study of Russian fiction // Advances in Computational Intelligence. 19th Mexican International Conference on Artificial Intelligence, MICAI 2020, Proceedings / L. Martínez-Villaseñor, H. Ponce, O. Herrera-Alcántara, F.A. Castro-Espinoza (eds.). Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics). Vol. 12469. Springer, 2020. Pp. 134–151.
- Sun et al. 2010 — Sun J. S., Wang T. M., Li L., Wu X. Person Name Disambiguation based on Topic Model // CIPS-SIGHAN Joint Conference on Chinese Language Processing. 2010. Pp. 1–8.
- Zhai Y. M., Liu L. F., Zhong X. Y., Illouz G., Vilnat A. Building an English-Chinese parallel corpus annotated with sub-sentential translation techniques. In: Twelfth Language Resources and Evaluation Conference. Proceedings. Marseille: European Language Resources Association, 2020. Pp. 4024–4033. (In Eng.)
- Zhang B. L., Nagesh A., Knight K. Parallel corpus filtering via pre-trained language models. In: 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Proceedings [online edition]. Association for Computational Linguistics, 2020. Pp. 8545–8554. (In Eng.)
- Mitrofanova O., Sampetova V., Mamaev I., Moskvina A., Sukharev K. Topic modelling of the Russian corpus of Pikabu posts: Author-topic distribution and topic labelling. In: Internet and Modern Society 2020. CEUR Workshop Proceedings. St. Petersburg, 2021. Pp. 101–116. (In Eng.)
- Newman D., Asuncion A., Smyth P., Welling M. Distributed algorithms for topic models. *Journal of Machine Learning Research*. 2009. Vol. 10. Pp. 1801–1828. (In Eng.)
- Mitrofanova O., Kriukova A., Shulginov V., Shulginov V. E-hypertext media topic model with automatic label assignment. In: Recent Trends in Analysis of Images, Social Networks and Texts (AIST 2020). Conference proceedings (Communications in Computer and Information Science 1357). Springer, 2021. Pp. 102–114. (In Eng.)
- Sherstinova T., Mitrofanova O., Skrebtsova T., Zamiraylova E., Kirina M. Topic modelling with NMF vs. expert topic annotation: The case study of Russian fiction. In: Martínez-Villaseñor L., Ponce H., Herrera-Alcántara O., Castro-Espinoza F. A. (eds.). Advances in Computational Intelligence (MICAI 2020). Conference proceedings (Lecture Notes in Computer Science 12469). Springer, 2020. Pp. 134–151. (In Eng.)
- Sun J. S., Wang T. M., Li L., Wu X. Person name disambiguation based on topic model. In: CIPS-SIGHAN Joint Conference on Chinese Language Processing. Proceedings [online edition]. 2010. Pp. 1–8. (In Eng.)

- Tian et al. 2014 — Tian L., Derek F. Wong., Lidia S. Chao., Paulo Quaresma., Francisco Oliveira., Lu Y., Li S., Wang Y.M., Wang L. Y. UM-Corpus: A Large English-Chinese Parallel Corpus for Statistical Machine Translation // Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'14). Reykjavik, Iceland. European Language Resources Association 'ELRA), 2014. Pp. 1837–1842.
- Vulić, Moens 2012 — Vulić I. Moens M.-F. Detecting Highly Confident Word Translations from Comparable Corpora without Any Prior Knowledge // Proceedings of the 13th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. Avignon, France, April 23–27, 2012. Pp. 449–459.
- Wang, Qin 2009 — Wang K. F., Qin H. W. A Parallel Corpus-based Study of General Features of Translated Chinese // Foreign Language Research. 2009. № 1. Pp. 102–105. (In Chin.)
- Tian L., Wong D. F., Chao L. S., Quaresma P., Oliveira F., Lu Y., Li S., Wang Y. M., Wang L. Y. UM-Corpus: A large English-Chinese parallel corpus for statistical machine translation. In: Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'14). Proceedings. Reykjavik: European Language Resources Association (ELRA), 2014. Pp. 1837–1842. (In Eng.)
- Vulić I. Moens M.-F. Detecting highly confident word translations from comparable corpora without any prior knowledge. In: 13th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. Proceedings. Avignon, 2012. Pp. 449–459. (In Eng.)
- Wang K. F., Qin H. W. A parallel corpus-based study of general features of translated Chinese. *Foreign Language Research*. 2009. No. 1. Pp. 102–105. (In Chin.)

Приложение 1.

Таблица 1. Результаты тематического моделирования корпуса ДРП-К
[Table 1. RWG-C Corpus. Topic modeling results]

№	Темы	Метки YandexGPT
1	经济 ‘экономика’, 推进 ‘продвигать / продвижение’, 政策 ‘политика’, 建设 ‘строить / строительство’, 社会 ‘общество’, 加快 ‘ускорять’, 实施 ‘претворять’, 服务 ‘услуга’, 创新 ‘инновация’, 提高 ‘повышать’, 支持 ‘поддерживать / поддержка’, 推动 ‘способствовать’, 就业 ‘трудоустройство’, 扩大 ‘расширять’, 国家 ‘государство’, 新 ‘новый’, 继续 ‘продолжать’, 坚持 ‘настаивать’, 产业 ‘производство’, 稳定 ‘стабильность / стабилизировать’	Экономическое развитие. Инновационная экономика. Меры государственной поддержки.
2	物价 ‘товарные цены’, 控制 ‘контроль / контролировать’, 分配 ‘распределять / распределение’, 关系 ‘отношение’, 预算 ‘бюджет’, 小型 ‘малый’, 快 ‘быстрый’, 危机 ‘кризис’, 节能 ‘энергосбережение’, 理顺 ‘упорядочивать / отрегулировать’, 对外 ‘внешний’, 债务 ‘долг’, 累计 ‘итог/суммировать’, 平稳 ‘стабильный / устойчивый’, 社会保障 ‘социальное обеспечение’, 协调性 ‘координация’, 微型 ‘микро-’, 基本 ‘основной / основа’	Социальное обеспечение. Экономическая стабильность. Меры социальной поддержки.
3	发展 ‘развитие’, 改革 ‘реформа’, 加强 ‘укреплять / укрепление’, 企业 ‘предприятие’, 促进 ‘способствовать / стимулировать’, 全面 ‘всесторонний’, 完善 ‘совершенствовать’, 中国 ‘Китай’, 工作 ‘работа’, 增长 ‘повышать/повышение’, 元 ‘юань’, 财政 ‘финансы’, 地区 ‘регион’, 深入 ‘углублять’, 保障 ‘обеспечивать / обеспечение’, 新 ‘новый’, 地方 ‘местность’, 领域 ‘сфера’, 合作 ‘сотрудничество’, 我国 ‘наша страна’	Реформы в Китае. Региональное развитие. Экономические преобразования.

4	稳 ‘стабильность’, 新 ‘новый’, 创新 ‘инновация’, 创业 ‘предпринимательство’, 治理 ‘управлять / управление’, 建设 ‘строить / строительство’, 微 ‘микро-’, 培育 ‘воспитывать / воспитание’, 加大 ‘наращивать / наращивание’, 互联网 ‘Интернет’, 化 ‘превращать’, 防治 ‘профилактика’, 更多 ‘многочисленный’, 准 ‘точный’, 就业 ‘трудоустройство’, 提升 ‘продвигать / продвижение’, 科技 ‘наука и техника’, 区间 ‘интервал’, 坚决 ‘решительно’, 强化 ‘усиливать / усиление’	Научно-технические инновации. Развитие науки и техники. Технологические преобразования.
5	疫情 ‘эпидемия’, 防 ‘профилактика’, 控 ‘контроль’, 脱贫 ‘ликвидация бедности’, 支持 ‘поддерживать / поддержка’, 贷款 ‘кредит’, 强化 ‘усиливать / усиление’, 保 ‘защищать / защита’, 民生 ‘народное благосостояние’, 链 ‘цепочка’, 恢复 ‘восстановить / восстановление’, 企 ‘предприятие’, 加强 及时 ‘вовремя’, ‘укреплять / укрепление’, 能力 ‘способность’, 供应 ‘снабжать / снабжение’, 碳 ‘углерод’, 微 ‘микро-’, 失业 ‘безработица’, 阶段性 ‘этапность’	Меры по борьбе с эпидемией. Социально-экономическая поддержка. Укрепление благосостояния народа.
6	政府 ‘правительство’, 基本 ‘основной / основа’, 发展 ‘развивать / развитие’, 安全 ‘безопасность’, 建设 ‘строить / строительство’, 目标 ‘цель’, 市场 ‘рынок’, 主体 ‘субъект / основа’, 增加 ‘повышать / повышение’, 重大 ‘значительный’, 做好 ‘хорошо выполнять’, 坚决 ‘решительно’, 投资 ‘инвестиция’, 合理 ‘рациональный / умеренный’, 贫困 ‘бедность’, 构建 ‘создавать/создание’, 批 ‘рецензировать / партия’, 主要 ‘ключевой’	Инвестиционная деятельность. Развитие рынка. Экономическая политика.
7	负 ‘негативность / поражение’, 纾 ‘облегчать / облегчение’, 时间 ‘время’, 下调 ‘снизить’, 碧水 ‘изумрудные воды’, 贫 ‘бедность’, 门诊 ‘поликлиника’, 力戒 ‘всемерно избегать’, 共商 ‘совместное обсуждение’, 伙伴关系 ‘партнерство’, 外部 ‘внешний’, 铸 ‘сформировать’, 立 ‘определить’, 博览会 ‘выставка’, 名义 ‘номинальный’, 潜能 ‘потенциал’, 冬奥会 ‘зимняя Олимпиада’, 产权 ‘имущественное право’, 予 ‘оказать’, 从 ‘со всей строгостью’	Международное сотрудничество. Партнёрские отношения. Совместная работа.
8	政府 ‘правительство’, 管理 ‘управлять / управление’, 制度 ‘режим’, 增 ‘повышать / повышение’, 长 ‘длительный’, 积极 ‘активный / активно’, 投资 ‘инвестиция’, 建立 改革 ‘реформа’, ‘строить / строительство’, 发展 ‘развивать / развитие’, 社会 ‘общество’, 结构 ‘структура’, 居民 ‘население’, 万 ‘десять тысяч’, 经济 ‘экономика’, 农村 ‘деревня’, 调整 ‘реконструкция’, 建设 ‘строительство’, 安全 ‘безопасность’, 文化 ‘культура’, 体制 ‘система’	Реформы в сельском хозяйстве. Развитие сельских территорий. Культурная и экономическая жизнь села.
9	推行 ‘внедрять’, 严肃 ‘строгий’, 效率 ‘эффективность’, 众 ‘масса’, 雾 ‘туман’, 棚户区 ‘район с ветхими домами’, 燃煤 ‘энергетический уголь’, 库存 ‘запасы’, 办事 ‘заниматься’, 办法 ‘приём’, 路 ‘дорога’, 强 ‘сильный’, 施政 ‘проводить административные мероприятия’, 打造 ‘вырабатывать’, 利 ‘польза’, 国 ‘государство’, 措施 ‘меры’, 走 ‘идти’, 结构性 ‘структурированность’, 媒体 ‘СМИ’	Реформы в жилищной сфере. Меры правительства по улучшению жилищных условий. Жилищная политика государства.

10	脱贫 ‘ликвидация бедности’, 动能 ‘драйвер’, 侧 ‘предложение’, 变革 ‘переворот’, 杠杆 ‘рычаг’, 企 ‘предприятие’, 一半 ‘половина’, 产权 ‘имущественное право’, 公里 ‘километр’, 随机 ‘вероятный’, 缴费 ‘уплачивать взносы’, 允许 ‘разрешать’, 责 ‘ответственность’, 升级 ‘обновление/усовершенствование’, 税率 ‘тариф’, 人民群众 ‘народы’, 收费 ‘получение денег’, 高校 ‘высшее учебное заведение’, 新旧 ‘старый и новый’)	Социально-экономические преобразования. Реформы в сфере образования. Борьба с бедностью.
----	---	--

Таблица 2. Результаты тематического моделирования корпуса ДПП-Р
[Table 2. RWG-R Corpus. Topic modeling results]

№	Темы	Метки YandexGPT
1	необходимый, содействовать, развивать, способствовать, расширять, интенсифицировать, базовый, усилие, всесторонне, активизировать, инновационный, направить, предоставление, придерживаться, медицинский, высококачественный, услуга, защита, последовательно, интенсивно	Инновационное развитие. Высококачественные услуги. Последовательная интенсификация.
2	новый, механизм, область, реализация, технический, распределение, год, система, регион, продвигать, повышение, стратегический, производство, деятельность, усиливать, вид, единый, увеличение, достигнуть	Научно-техническое развитие. Стратегические инновации. Повышение технологического уровня.
3	следовать, обеспечение, мера, высокий, реформа, сфера, необходимый, обслуживание, должный, качество экономики, цена, предприятий, стимулировать, отношение, услуга, борьба, политический, народный, повысить	Экономические реформы. Меры стимулирования. Повышение качества.
4	финансовый, политика, результат, субъект, стабилизация, время, текущий, занятость, экономика, КПК, рыночный, снижение, малый, риск, развиваться, сложный, позволить, экономика, микропредприятие	Экономическая стабилизация. Развитие микропредприятий. Сложная экономическая ситуация.
5	всё, развитие, местный, год, процент, главный, экономика, система, трансформация, страна, экономический, путь, обеспечение, регулирование, международный, процент, хороший, население, расти, ряд	Экономическое развитие. Трансформация системы. Международный путь.

6	денежный, предприятие, объем, ввести, прежний, сфера, инновационный, налоговый, важный, нагрузка, рациональный, ставка, развитие, долг, вырасти, направить, регистрация, вид, развернуть, избыточный	Рациональное развитие. Инновационная сфера. Налоговое регулирование.
7	сельский, уровень, усиливать, совершенствовать, страна, поддержка, государственный, поддерживать, жизнь, улучшать, строительство, общий, вид, контроль, претворять, китайский, рынок, образование, условие, научный	Государственный контроль. Развитие страны. Улучшение жизни.
8	новый, контроль, правительство, продвигать, ширить, структура, создание, порядок, программа, рабочий, улучшение, полностью, поддержка, составить, юань, народный, поддержание, стабильный, китайский, общественный	Правительство и программа. Создание и улучшение. Поддержание стабильности.
9	продолжать, экономический, рост, финансовый, миллион, новый, ещё, административный, отношение, миллиард, центральный, активный, реформа, важно, структурный, стратегия, число, общественный, развитие, проект	Экономический рост. Реформа и стратегия. Общественное развитие.
10	развитие, работа, система, управление, предстоять, стимулировать, обеспечивать, основной, реформа, политика, интерес, углублять, городской, нужно, повышать, сторона, производство, частность, создавать, человек	Развитие и реформа. Управление и работа. Производство и система.

Таблица 3. Результаты тематического моделирования корпуса ППР
[Table 3. PAFA Corpus. Topic modeling results]

№	Темы	Метки YandexGPT
1	международный, сила, борьба, сотрудничество, народ, армия, ответственность, страна, попытка, дальнейший, военный, уважение, можно, угроза, суверенитет, показать, оружие, исторический	Международные отношения. Военная политика. Угроза безопасности.
2	медицинский, образование, культура, общественный, русский, учреждение, пора, профессиональный, история, некоммерческий, народ, школа, общество, НКО, нуждаться, работа, самоуправление, кадровый, привлечь	Развитие общественной сферы. Некоммерческие организации. Социальные проекты.
3	ребёнок, семья, выплата, доход, детский, рождение, дети, смочь, дом, демографический, материнский, размер, минимум, прожиточный, зависеть, налоговый, рубль	Социальное обеспечение. Поддержка семей с детьми. Меры социальной поддержки.

4	должен, регион, просить, школа, правительство, бюджетный, внимание, орган, власть, ребёнок, ответственность, срок, бюджет, человек, нельзя, национальный, экологический, обращать, происходить, образовательный	Социально-экономическое развитие региона. Финансирование бюджетных организаций. Обеспечение прав и свобод граждан.
5	научный, центр, технологический, исследовательский, передовой, запустить, подготовка, инфраструктура, средний, школьник, нацелить, цифровой, технология, рабочий, рост, поколение, банковский, бизнес, компания, искусственный	Научно-технологическое развитие. Подготовка кадров. Цифровая трансформация.
6	деловой, рост, рынок, налоговый, процент, бизнес, экспорт, просить, промышленный, иностранный, фонд, миллиард, свобода бизнеса, доход, производство, орган, производство, хозяйство	Экономическое развитие. Бизнес-процессы. Инвестиционная деятельность.
7	год, должен, нужно, всё, уже, Россия, новый, развитие, уважаемый, страна, ещё, человек, российский, система, работа, необходимый, сделать, хотеть, сегодня	Развитие страны. Необходимые изменения. Планы на будущее.
8	медицинский, миллион, город, здравоохранение, населить, строительство, миллиард, пункт, жилищный, доступность, цифровой, здравоохранение, рост, продолжительность, рубль, демографический, предстоящий, стоимость, комплексный	Здравоохранение и социальная сфера. Инфраструктура города. Социально-экономическое развитие.
9	стратегический, ядерный, ракета, система, США, новый, боевой, оружие, договор, военный, дальность, комплекс, ракетный, перспективный, вооружённый, подводный, создание, испытание, американский	Ядерное оружие. Военная техника. Оборонительные системы.
10	политический, государственный, общество, право, президент, закон, партия, дума, уголовный, общественный, законодательный, местный, орган, организация, лицо, считать, законный, суд, участие, судебный	Общественно-политическая сфера. Государственные институты. Законодательная и судебная власть.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2025. Т. 18. № 1

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 30.06.2025.

Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 31.62.

Тираж 100 экз. Заказ 09-2025.

Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8